

№ 15а

68748

Шниевский Г. М.
Путешествие по
Галицью и Белорус-
скому краю.

мый весенний вѣтеръ, снова осматривать одни и тѣ же кусты, одинъ и тѣ же почки цвѣтовъ.»

Свѣтъ въ письмахъ своихъ рисуетъ мрачную картину уединенія, и его отчаяніе граничитъ съ безуміемъ. Даже шутивая Муза Грессе бросаетъ печальный сарказмъ уединившимся гениямъ:

— Je les vois, victimes du génie,
Au faible prix d'un éclat passager,
Vivre isolés, sans jouir de la vie!
Vingt ans d'ennuis pour quelques jours de gloire (*).

Такова необходимость уединенія, таковы удовольствія и неприятности, которыя оно доставляетъ! Но тѣмъ не менѣе не можетъ быть вопроса о томъ, долженъ ли гениальный человекъ смѣшаться съ толпою: въ глуши уединенія и въ шумѣ вѣтра онъ долженъ научиться жить одинъ — съ самимъ собою. Вѣтъ даетъ только мгновенныя искры мыслей, которыя такъ же скоро потухаютъ, какъ и рождаются; но пламя истиннаго гения можетъ горѣть только въ уединившейся груди.

(*) Я вижу ихъ, этихъ жертвъ гения, которыя, за ничтожную цѣну минутнаго блеска, живутъ одиноко, не наслаждаясь жизнью. Двадцать лѣтъ скуки за вѣсь только дней славы!

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПОЛЬСЮ И БѢЛОРУССКОМУ КРАЮ.

I.

Выѣзъ изъ Варшавы. — Прага и Пражскій мостъ — Застава. — Варшавскіе длижансы. — Пассажиры: жилъ, польскій помѣщикъ, бѣлорусскій учитель — Станція Мылосна. — Новые пассажиры. — Характеристика польскихъ станцій и прислуга на нихъ.

Варшавскій длижансъ отходилъ въ пять часовъ.

У меня все было приготовлено къ отъѣзду, и, черезъ четверть часа, я и провожавшіе меня знакомые очутились на Краковскомъ проспектѣ, въ конторѣ длижансовъ.... Мы пріѣхали немного поздно, и почтарь замѣтилъ, что уже всѣ вещи пассажировъ уложены, и что онъ не знаетъ, какъ поступить съ моимъ чемоданомъ. Но нѣсколько польскихъ злотыхъ разрѣшили затрудненіе: чемоданъ мой тотчасъ положенъ былъ на свое мѣсто.

Оставалось нѣсколько минутъ: кондукторъ протрубилъ уже два раза; наконецъ всѣ успѣли на свои мѣста, и съ третьимъ звукомъ трубы карета тронулась, а я, съ провожавшими меня пріятелями, отправился за длижансомъ въ наемной коляскѣ до самой заставы.

Въ дружескомъ разговорѣ, мы и не замѣтили, какъ проѣхали нѣсколько главныхъ улицъ, и опомнились только тогда, когда вѣзѣхали на трясуційся Пражскій мостъ, перекинутый черезъ Вислу, и когда глазамъ нашимъ предстала перспектива довольно широкой рѣки варшавской.

По мосту мы ѣхали довольно тихо. Пражскій мостъ на Вислѣ подвергается немалымъ хлопотамъ во время замерзанія и таянія рѣки, и особенно во время напора льда. Это не что иное, какъ

вскоро выстроены, простой мостъ, соединяющій Варшаву съ Прагою, — мостъ въ родѣ Лѣтняго-Рижскаго, что на Западной Двинѣ.

День былъ солнечный, безъ зноя и духоты; оттого и гуляющихъ на мосту оказалось множество. Варшавяне и особенно варшавянки чрезвычайно любятъ гулять лѣтомъ на Пражскомъ мосту; отсюда пробираются они цѣлыми семействами на *Саксонскій островокъ* (*Saski-krpa*, нѣчто въ родѣ Крестовскаго) подышать свѣжимъ, ароматическимъ воздухомъ, понить молока, и поѣсть сметаны.... Впрочемъ, на этотъ разъ гуляющихъ на мосту было множество не потому только, что день былъ хорошій, но потому, что этотъ день былъ 24 июня, день Иванова, такъ называемый *Купальный*, или, какъ выражается простонародье варшавское, день *Винковъ* (*Wianki*): въ Варшавѣ до сихъ поръ соблюдается языческій обрядъ въ честь славянскаго божества *Купалы*. Около пяти часовъ вечера, на Пражскій мостъ стекается почти вся разряженная Варшава. Тутъ вы увидите дамъ, прѣхавшихъ изъ Краковскаго проспекта, Новаго Свѣта, Медовой, Сенаторской и Долгой улицъ, въ коляскахъ и каретахъ, въ богатѣйшихъ шелковыхъ платьяхъ и модныхъ шляпкахъ; тутъ вы найдете и пѣшихъ дамъ, изъ Наливокъ, Римарской, Электоральной и другихъ отдаленнѣйшихъ улицъ, — дамъ хотя и не богато, но очень мило одѣтыхъ; тутъ встрѣтите вы гризетокъ изъ такъ называемыхъ *Зеленаго* и *Сельскаго* садиковъ (*Zielony i Wicjski Ogródki*), въ чистенькихъ бумажныхъ перчаткахъ, каждая похъ руку съ своимъ *кожанкомъ*. А сколько разнообразныхъ фраковъ, сюртуковъ, венгерокъ, *чамарокъ*; пальто, самыхъ фантастическихъ!... Все это обгоняетъ, сбиваетъ васъ съ ногъ, толкается, шумитъ, кричитъ, хохочетъ, на протяженіи цѣлаго Пражскаго моста. Средній и особенно низшій классъ запасается вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Что же дѣлаетъ здѣсь вся эта толпа? Дѣвушки бросаютъ въ Вислу вѣнки и, смотря потому, успеетъ ли рѣка вѣнокъ съ теченіемъ воды, или подхватитъ его весломъ сидящій въ лодкѣ мальчикъ или взрослый паренъ, представляющій бога Купалу, гадаютъ о своемъ будущемъ. Если вѣнокъ какой нибудь изъ дѣвицъ подхваченъ снизу, значитъ она выйдетъ замужъ въ томъ году, а если вѣнокъ умчитъ вода — не выйдетъ.... Случается, что бросаютъ вѣнки дѣвицы и не изъ простого класса. Потѣха эта продолжается до позднихъ сумерекъ; за тѣмъ большая часть гуляющихъ пробирается на Прагу въ садъ Глицкаго и тамъ проводить остатокъ вечера, при звукахъ оркестра гг. *Райчака*, *Кубелка* или *Модлинскаго*.

Такимъ образомъ, несмотря на медленную ѣзду, мы не скучали: глаза наши постоянно встрѣчали разнообразіе въ лицахъ и наря-

дахъ; мы то-и-дѣло любовались на эти длинныя вереницы толпившихся варшавянокъ, которые, сохраняя въ памяти древній суевѣрный купальный обрядъ, до сихъ поръ ежегодно чтятъ воспоминаніе о немъ большимъ гуляньемъ на Пражскомъ мосту и бросаньемъ въ Вислу вѣнковъ близъ того самого мѣста Набережной, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, была божница Купалы.

Оставляя Варшаву на нѣсколько мѣсяцевъ, я хотѣлъ, на прощанье, взглянуть на нее съ Пражскаго моста и полюбоваться, съ этого пункта, ея живописнымъ, картиннымъ мѣстоположеніемъ. А дѣйствительно, чудо какъ хороша Варшава со вѣзда Брестскаго и Петербургскаго, или, ближе, съ Пражскаго моста! Глазамъ вашимъ представляется группа зданій самыхъ разнообразныхъ, самыхъ великолѣпныхъ, болѣею частью древнихъ, во многихъ мѣстахъ окаймленныхъ садиками и вообще безчисленными деревьями (по преимуществу тополями), зданій, то высокихъ и громадныхъ, въ готическомъ стилѣ, то меньшихъ, но уютно прильнувшихъ другъ къ другу, то въ одномъ мѣстѣ величаво красующихся своими башнями и куполами на возвышеніяхъ, то какъ бы едва державшихся у обрывовъ и подошвъ этихъ возвышеній. Прямо противъ моста глазъ вашъ не полюбуется видомъ древняго мѣстопребыванія королевъ польскихъ, нѣгдѣ замка Свѣтлѣйшаго Князя Варшавскаго; у подошвы замка раскинутъ въ англійскомъ вкусѣ садъ, примыкающій почти къ самой Вислѣ или собственно къ пристани, испещренной берлинками, парходами и другими судами; выше сада, отъ замка до Набережной, роскошная терраса, съ чугунными, узорчатыми перилами и гранитными широкими тротуарами. Съ террасы — превосходный видъ на Вислу, Саксонскіе островки и Прагу. Правѣе отъ замка, сквозь громаду сжатыхъ зданій, видѣется древній, каменный костель (kara) св. Іоанна, въ готическо-англійскомъ вкусѣ, съ шестью башенками и съ высѣченными изъ камня изображеніями Спасителя и Святыхъ, — костель, по древности своей относящійся ко времени царствованія Сигизмунда III; далѣе выглядываютъ заднія декорации *Стараго Рынка* (*Stare-Miasto*), этой замѣчательной древности; зданія чуть ли не первой въ Варшавѣ *Мостовской* улицы, костела *Сакраментокъ* и наконецъ, правѣе, величественные бастионы отлично отстроенной крѣпости варшавской, и между ними роскошныя тополи и густыя, душистые каштаны. И все это окаймляется широкой лентой Вислы.... Выше террасы, влѣво отъ замка, прямо бросаются въ глаза: мраморная колонна съ статуей короля Сигизмунда, палацы Краковскаго проспекта, между которыми высится многокупольный, величественный православный Троицкій Соборъ; лѣвѣе отъ замка — костелы Кармелитовъ,

зитонокъ, с. Креста—очень древняго зданія; внизу, вдоль по всему отяженію надъ Вислою, множество публичныхъ садиковъ для дѣланій, чудная аллея изъ тополей, тянущаяся отъ Новаго Свѣта Сольда и примыкающая почти къ самой набережной Вислы; и ниже—фабрики Эпштейна и Штайнкелера. Наконецъ, дальше, сколько выше аллей, представляется чудный пейзажъ сада Лазекъ, названнаго такъ потому, что здѣсь находились купальни лѣвскихъ королей. Садъ этотъ такъ же обширенъ, какъ нашъ Павский; въ немъ Дворецъ, Бельведеръ, Померанчарня, Ботаническое Отдѣленіе Обсерваторія, прудъ и лѣтній театръ, на открытомъ воздухѣ, въ древне-греческомъ вкусѣ.

Но вотъ мы переѣхали чрезъ Пражскій мостъ, обогнали нѣсколько хороводовъ гуляющихъ и уже подъѣзжали къ заставѣ. Нужно было еще сполчаса провозиться здѣсь въ виду Варшавы и гулявшихъ варшавянъ.

Это медленное прощаніе съ Варшавою тяготило меня: по моему, къ коли выѣзжать изъ любимаго мѣста, такъ поскорѣе, безъ оглядки. А тутъ еще стой у заставы да отгоняй отъ себя жидковъ-факторовъ, которые то-и-дѣло юркаютъ съ разными предложеніями, а завильнѣе—съ разными предположеніями, какъ бы облегчить тяжесть вашего кармана....

Покорясь необходимости, я присѣлъ въ заставной комнатѣ и, изговаривая съ пріятелями, глазѣлъ на прописывавшаго наши испорты мальчика, въ ожиданіи минуты отъѣзда. Ожиданіе длилось около трехъ-четвертей часа. Но вотъ засуетились, забѣгали; начались рукопожатія и цалованія между пассажирами и провожавшими ихъ родными и знакомыми.... Панъ коморникъ, съ перомъ за ухомъ, дипломатически сказалъ: «пора, пора, пане кондукторъ.» Это значило, что кондукторъ долженъ былъ забраться въ свое мѣсто и затрубить; это значило, что дилижансъ долженъ былъ ѣхать, такъ какъ уже пробило извѣстное число минутъ извѣстнаго часа. А нужно замѣтить, что варшавскіе дилижансы очень куратны. Несмотря на свой ковчегообразный, грандіозный объемъ (въ каждой каретѣ, раздѣленной стѣной на два отдѣленія, полный комплектъ пассажировъ составляетъ 15, кромѣ кондуктора, имщика и форейтора), варшавскій дилижансъ переѣзжаетъ каждый мѣсяцъ ровно во столько времени, во сколько положено переѣхать его,—взвѣсивъ минутъ не просрочить, несмотря на то, что подъ такую огромную машину подпрягаютъ не болѣе пяти лошадей, рѣдко шесть, а иногда такъ и четыре только.

Прощанія кончились.... Пассажиры усѣлись; кондукторъ сѣлъ

въ свою каюту; шлагбаумъ подняли, и дилижансъ былъ уже за Варшавой....

Я грустно вздохнулъ и прильнулъ къ углу кареты, въ намѣреніи разглядѣть своихъ спутниковъ. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза пожилой жидъ, плч, какъ говорятъ поляки, старозаконный.... Что-то особенно умное и выразительное было въ его быстромъ, смѣломъ взглядѣ; одѣтъ онъ былъ по европейски и чисто, изъ чего можно было заключить, что онъ небѣдный; а изъ того, что онъ, какъ жидъ, ѣхалъ въ каретѣ, видно было, что онъ даже богатый жидъ, и притомъ съ авторитетомъ: бѣдный жидокъ не рискнулъ бы бросить пяти рублей.... Впрочемъ, не платье и не поѣздка въ каретѣ свидѣтельствовали о состояніи жиды....

Изъ его разсказа можно было судить, что онъ ѣздилъ по свѣту не какъ спекулянтъ только, но какъ человѣкъ образованный, жаждущій чего-то больше, кромѣ удачи въ торговлѣ, кромѣ успѣшныхъ оборотовъ въ спекуляціяхъ. Онъ такъ вѣрно описывалъ эксцентричный характеръ англичанъ, и въ особенности жителей предмѣстья Сити, такъ вѣтко очеркнулъ мнимую комфортность лѣвскихъ итальянцевъ, такъ умно выводилъ причины паденія, въ послѣднее время, современной французской литературы и особенно книгопечатанія во Франціи, такъ натурально изображалъ мелкую и кропотливую дѣятельность нѣмцевъ, такъ живо разсказывалъ о нравахъ разныхъ слоевъ русскихъ обществъ, что, слушая его, каждый изъ пассажировъ невольно дивился его всесторонней наблюдательности. Но всему видно было, что жидъ нашъ былъ исключеніемъ изъ числа тѣхъ жидовъ, на которыхъ мы привыкли смотрѣть съ какимъ-то безотчетнымъ пренебреженіемъ.

Рядомъ съ этимъ умнымъ жидомъ сидѣлъ польскій усатый панъ, провинціальный аферистъ; онъ ѣхалъ въ какое-то мѣстечко для закупки шерсти, отъ своевременнаго сбыта которой ожидалъ огромныхъ барышей.

Усачъ нутился въ торговля разсужденія съ евреемъ; я разсматривалъ остальныхъ спутниковъ.

Противъ меня сидѣлъ учитель изъ бѣлорускаго мѣстечка; онъ былъ такъ словоохотливъ, что пренепременно разсказалъ мнѣ о своей службѣ и домашнемъ бытѣ, о своей женѣ, дѣтяхъ, новомъ, имъ самимъ придуманномъ способѣ преподаванія первыхъ четырехъ правилъ арифметики и въ заключеніе приглашалъ меня къ себѣ въ мѣстечко N, обѣщавъ показать мнѣ рѣдкости этого мѣстечка, древніе остатки славяно-русскаго язычества на горѣ Лютичевкѣ, величественный садъ графа Платера, и попотчивать меня западно-двинскою рыбкою *цыртою*.

Возлѣ учителя западно-двинскаго сидѣли двѣ дамы: учитель объяснилъ мнѣ шопотомъ, на ухо, прикрывъ свой ротъ рукою, что одна изъ дамъ, старуха, сегодня ночью останется въ мѣстечкѣ Сытинѣ, а другая, молоденькая, ѣдетъ въ БѢлоруссію, именно въ Могилевскую губернію....

Дама услышала довольно громкій шопотъ педагога и не замедляла прервать его вопросомъ, обратившись ко мнѣ:

— И вы въ БѢлоруссію идете?

— Да, я ѣду въ Минскую губернію.

— Значитъ мы вмѣстѣ ѣдемъ до самого Бреста?

— А дальше развѣ не вмѣстѣ? спросила я ее, въ свою очередь, желая предложить ей свое спутничество до Несвижа.

— Дальше я ѣду въ своемъ экипажѣ, съ маменькою, которая ждетъ меня уже въ Брестѣ; тамъ пробудемъ мы еще съ недѣлю, послѣ отправимся въ Могилевскую губернію. — А вы какъ отправитесь изъ Бреста? спросила она: — вѣроятно, въ дилижансѣ до Сенявки?

— Едва ли.... впрочемъ, не знаю еще и самъ хорошенько.... А я думалъ, что вы поѣдете въ дилижансѣ.

— О, нѣтъ! мнѣ зачѣмъ ѣхать на Сенявку? мы изъ Кобрина поѣдемъ на Лиду....

— Да вамъ не для чего и на Кобринъ ѣхать, замѣтилъ всезнающій еврей, который, наговорившись вдоволь съ усачемъ, вздумалъ вмѣшаться въ нашъ разговоръ.

Тутъ онъ сталъ объяснять, гдѣ можно ближе проѣхать въ Могилевскую губернію.

Между тѣмъ мы въѣзжали уже въ Милосну — первую станцію послѣ Варшавы.

Милосна — имѣніе князя Любецкаго....

Когда дилижансѣ остановился предъ станціею, кондукторъ во всеуслышаніе пассажировъ, выставившихъ головы изъ оконъ кареты, закричалъ, что въ Милосной положено пить чай, на что дастся полчаса времени.

Въ одну минуту изъ обонхъ отдѣленій кареты выпрыгнули разные странники и бросились къ трактиру.

Въ трактирѣ я успѣлъ разглядѣть пассажировъ изъ 2 Отдѣленія и изъ 2 этажа.... То были четыре дамы, довольно пожилыя, провинціалки; одѣты онѣ были довольно недурно по варшавски, но ихъ манеры и громкій хохотъ ярко обличали подляское происхождение.

Всѣ четыре онѣ ѣхали въ Межерѣчье. Съ ними вошли, или, правильнѣе, влетѣли какіе-то два юноши. По смѣлому взгля-

ду этихъ юношей, толканію всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, по странному наряду — оба они были одѣты въ какіе-то уродливые сюртуки и необыкновенно нестрые панталоны — по очкамъ на носу у каждаго, по безпрестанному куренію сигаръ, видно было, что они недавно изъ за школьной парты и со всевозможнымъ геройствомъ пользовались дарованною имъ вакаціонною свободою. Тотъ и другой, какъ только рты ихъ освобождались отъ сигаръ, немилосердно свистали, не обращая ни на кого вниманія; въ рукахъ у нихъ было по хлыстику, которымъ они дразнили трактирную собачку.

Всѣ эти шесть штукъ забрали цѣлое отдѣленіе кареты и такъ ѣхали до самого Межерѣчья.

За тѣмъ еще три поселенца 2-го этажа.... Но то были обычные мелкіе торгаша варшавскіе, неизвѣстно къ какому классу принадлежавшіе; всѣ трое одѣты были довольно грязно и, показавшись на минуту въ комнату, вышли.

Мы усѣлись за тремя столами, помѣщенными въ одной небольшой комнатѣ, въ которой вмѣстѣ устроенъ былъ и буфетъ. Кто не бывалъ въ Польшѣ, а особенно въ провинціи ея, тому, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ составить себѣ понятіе объ устройствѣ польскихъ гостиницъ или трактировъ, отамошней прислугѣ, кушаньяхъ и прочемъ. Всѣ польскіе городки и даже деревушки имѣютъ трактиръ, или гостиницу, или кофейную. Каковъ трактиръ, какова гостиница или кофейная, объ этомъ не спрашивайте.

Нерѣдко какая нибудь кофейная или трактиръ польскій — не что иное, какъ русскій погребокъ съ расщипочною продажею: два-три столика, будто крашеныхъ, пять-шесть истертыхъ, гдѣ-то на аукціонѣ купленныхъ стульевъ и грязный буфетикъ — вотъ все, что составляетъ украшеніе такого трактира. Подобные трактиры и кофейныя вы встрѣтите даже въ нѣкоторыхъ улицахъ варшавскихъ; но въ провинціи польской, по дорогамъ, вслѣдъ такіе маленькіе, неопрятненькіе, съ низкими комнатками, трактиры. Одно только хорошо въ польскихъ трактирахъ или кофейныхъ: это — живая, ловкая прислуга, состоящая обыкновенно изъ милыхъ дѣвушекъ.

Срочные полчаса очень скоро прошли, и вотъ рожокъ кондуктора раздался у открытаго окна станціи; дамы очень сердились, что не успѣли допить своей гербаты (*herbatam aquam*, настой изъ травъ) и доѣсть пирожнаго, которымъ онѣ запаслись въ Варшавѣ на всю дорогу. Юноши фыркали отъ досады, что имъ не дали докурить сигаръ, отъ ѣдкаго дыму которыхъ кашляли ихъ сосѣдки.

Звукъ кондукторской трубы раздался, и станція опустѣла.

II.

Польскій Минскъ. — Калужинъ. — Сьдльце. — Збучинъ. — Межерьчье. — Сыцинь. — Бяла. — Тересполь. — Въездъ въ Брестъ-Литовскій.

Быль настоящій вечеръ, когда мы двинулись изъ Милосной. Солнце пряталось межъ высокихъ сосенъ и елей; прохладный вѣтерокъ подувалъ въ растворенныя окна кареты. Приятная дремота овладевала нѣкоторыми, а я почти собирался спать. Жидъ нѣсколько разъ начиналъ декламировать монологи на разныя варіаціи, стараясь поддержать во мнѣ бодрствованіе; но я сладко дремалъ, не трогаясь его убѣжденіями, что вредно спать въ дорогѣ до совершеннаго заката солнца.

Ночью мы проѣхали Минскъ, Калужинъ, Сьдльце, Збучинъ, Межерьчье, Сыцинь и уже въ Бялой выгрузились на станцію для завтрака.

Не видѣвъ на этотъ разъ ни одного изъ упомянутыхъ мѣстъ, по случаю ночной ѣзды, естественно, я долженъ былъ бы умолчать о нихъ; но такъ какъ прежде не разъ ѣздивъ я изъ Варшавы въ Бялу на такъ называемыхъ *долгихъ* и имѣлъ возможность рассмотреть эти мѣста, то считаю небезполезнымъ передать хоть кое-что объ этихъ городкахъ и познакомить съ ними читателей по прежде-составленнымъ мною замѣткамъ.

Минскъ (польскій) и Калужинъ — мѣстечки губерніи Варшавской, Станиславовскаго уѣзда. Второе — очень грязное и пустое мѣстечко; вся замѣчательность его состоитъ въ томъ, что оно набито почти одними жидами, неопрятными, мелкими торгашами.

Минскъ имѣетъ то преимущество предъ Калужиномъ, что въ немъ по крайней мѣрѣ есть два-три каменные дома, а всѣ прочіе болѣе или менѣе содержатся опротно подъ бѣлую краску; нѣкоторыя улицы вымощены камнемъ. Это мѣстечко довольно древнее: начало его относится къ XV столѣтію (1420 г.) и имѣетъ свое баснословное преданіе. Простонародье утверждаетъ, что на мѣстѣ нынѣшняго Минска была маленькая деревушка *Менско*, построенная какими-то женщинами, но послѣ сожжена чародѣемъ-исполномъ, и въ одну недѣлю выстроены новый, красивый городъ. Минскъ, дѣйствительно, былъ когда-то городомъ, но теперь — крошечное мѣстечко, съ 780 жителями, безъ всякихъ правъ, состоитъ родовымъ имѣніемъ гг. Езерскихъ. Нѣкоторое украшеніе Минска составляетъ извилистая рѣчка *Сребрна*, но болѣе — *палацъ* въ новомъ вкусѣ и древній каменный костелъ въ формѣ креста.

Городъ Сьдльце принадлежитъ къ числу городовъ польскихъ не новѣйшихъ; онъ явился въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ былъ въ то время какъ деревня, подъ именемъ *Поваго Сьдльца*; уже въ 1547 г. Сигизмундъ I далъ ему право нѣмецкое-магдебургское, освободилъ жителей отъ податей и управление ими поручилъ *войту*. Въ XVII вѣкѣ онъ сдѣлался владѣніемъ князей Черторижскихъ и, потомъ въ концѣ XVIII вѣка, перешелъ къ Огинскимъ. Въ настоящее время городъ Сьдльце замѣчателенъ табачною фабрикою, доставляющею курительное зелье всѣмъ частямъ Польши, состоящимъ во владѣніи Россіи, и нѣсколькими незначительными ярмарками; причисленъ къ Люблинской губерніи и имѣетъ 6,470 жителей.

Збучинъ и Сыцинь — это небольшія деревни. Межерьчье славится ловкими факторами и мнимыми контрабандистами. Не усѣете вы слѣзть съ экипажа, какъ васъ окружаютъ разные жида, жидовки, жиденята и набьютъ ваши уши самыми громкими, краснорѣчивыми объявленіями о прекрасныхъ, дешевыхъ товарахъ; объявляютъ они о товарахъ позволенныхъ, франкированныхъ, но если вы вздумаете послѣдовать за которымъ нибудь изъ этихъ глашатаевъ, то онъ васъ затащитъ чуть ли не въ преисподнюю, куда свѣтъ не проникаетъ, и тамъ, подъ секретомъ, станетъ раскладывать предъ вами мнимую контрабанду, особенно кружева и шелковыя матеріи, такъ называемыя французскія; если вы легко-вѣришь, васъ обманутъ; вы обрадуетесь, что купили дешево, а какъ поразсмотрите поукну при свѣтѣ Божіемъ, и выйдеть, что купили трюпки, да и дороже, чѣмъ въ лавкѣ или въ магазинѣ....

Но вотъ мы въ Бялой.... Почти сонныхъ вывелъ насъ кондукторъ изъ diligенса, и мы побрели въ трактиръ: тутъ я не нашелъ нѣкоторыхъ спутниковъ и спутницъ, оставшихся въ Межерьчьи, но на мѣсто ихъ явились новыя. То были два чиновника и какая-то дама, отиравшаяся въ Тересполь.

Въ Бялой назначено было для отдыха два часа, и я, вышивъ наскоро стаканъ кофе, бросился пошрять все прежде записанное мною объ этомъ городкѣ.

Я очутился на большой квадратной площади, вымощенной крупнымъ камнемъ, могущей поспорить своею обширностью съ любою варшавскою, и, почти пробѣжавъ ее, поворотилъ вправо къ старинному Бяльскому замку, древнему мѣстопребыванію извѣстныхъ магнатовъ Радзивилловъ, изъ линіи несвижской, именовавшихъ себя *грифами на Бялой*. Сохранившійся до настоящаго времени замокъ построенъ Радзивиломъ-Сироткой на значительномъ возвышеніи, дающемъ поводъ думать, согласно съ народнымъ преданіемъ бяльскимъ, о нѣкогда-военныхъ укрѣпленіяхъ его; онъ окруженъ

валами, деревьями, рѣкою Красною и рвомъ; стиль его древній. Отъ фронта съ шоссе высится каменная башня съ часами, съ различными фамильными рѣзными портретами, барельефами и изображениями рыцарскихъ доспѣховъ, — вышиною въ 50 аршинъ (16 сажень); внизу ея большія широкія, каменные ворота ведутъ на четвероугольный обширный дворъ.... Тамъ, противъ воротъ и башни, видѣются остатки *палаца*, или зѣмка, въ три этажа, нѣкогда украшеннаго, по срединѣ, главною башнею въ три окна большихъ съ фамильнымъ гербомъ, сохранившимся до сихъ поръ, а съ обѣихъ сторонъ — галереями, портиками и небольшими башенками по угламъ. Есть еще старики, которые помнятъ это громадное зданіе во всей его красѣ и великолѣпнн. Это древнее достояніе Радзивилловъ, любимое жилище знаменитаго оригинала *Пане-Коханку* (Карла Радзивилла), умершаго въ баяльскомъ зѣмкѣ 22 ноября 1790 года, теперь заброшено. Сохранилась довольно хорошо только средина палаца, прикрытая скороспѣлою кровлею; но и это не надолго.... Внутренность великолѣпныхъ залъ въ древнемъ готическомъ вкусѣ; въ особенности поражаетъ огромнѣйшая бальная зала въ первомъ этажѣ. На потолокъ и стѣнахъ этой залы до сихъ поръ сохранились барельефы. Възлѣзъ чрезъ башенныя ворота воспрещень, и на зѣмковый дворъ можно добраться чрезъ разрытые валаы съ задней стороны башни. Обширный зѣмковый дворъ застроенъ жилыми зданіями; посреди разведенъ маленькій бульваръ мзъ вербъ и лозы. Говорятъ, что при зѣмкѣ нѣкогда былъ славный звѣринецъ, гдѣ одиѣхъ дичиелей было до 600, кромѣ множества другихъ рѣдкихъ звѣрей....

Послѣ зѣмка, въ Бялой замѣчательна, и по своей древности и по великолѣпнн, каменная униатская церковь *Базиліанская*, построенная, въ самомъ началѣ XVI вѣка, *Станиславомъ Радзивилломъ*, который самъ былъ послѣ униатомъ, какъ значится въ церковной описи, и много покровительствовалъ баяльскимъ униатамъ. Причтъ церковный съ благодарностью вспоминаетъ объ этомъ ревнителѣ униі, завѣщавшемъ въ пользу церкви опредѣленія о церковныхъ и монастырскихъ фундашахъ. Въ этой церкви, почти при самомъ боковомъ престолѣ, покоится набальзамированное тѣло *Юзефата Кунцевича*, бывшаго полоцкаго униатскаго архіепископа, перевезенное сюда въ 1765 г., во время смуть при Августѣ II. Настоятель монастыря (при церкви), тоже отецъ Юзефатъ, былъ такъ добръ, что вскрылъ малое отверстіе гроба и доставилъ мнѣ возможность разглядѣть дорогое облаченіе набальзамированнаго покойника: тѣло одѣто въ епископскія ризы, по униатскому обряду; ризы—

дорогія, шитыя серебромъ; на указательномъ пальцѣ правой руки — богатый перстень; на ногахъ — атласныя башмаки, испещренныя золотою канителью; все это перемѣняется въ случаѣ пожертвованія новаго облаченія. Надъ гробомъ помѣщено изображеніе архіепископа Юзефата во весь ростъ; живопись порядочная.

Немалымъ украшеніемъ *Базиліанской* церкви служитъ древній икона *Маріи Магдалины*; какая-то цѣвыразимая, святая покорность и смиреніе ярко отпечатлѣны во всей фнзіономіи праведницы, согласно съ евангельскимъ повѣствованіемъ о ней. Долго стоялъ я неподвижно предъ образомъ *Маріи Магдалины*, и, казалось, какая-то невидимая сила приковывала мои глаза къ нему. Почтенный о. Юзефатъ замѣтилъ мое удивленіе и объяснилъ мнѣ, что этотъ образъ обращаетъ вниманіе всякаго путешественника, и нѣкоторые предлагали за него большія суммы.

Замѣчательно, что въ главномъ больномъ алтарѣ этой церкви престолъ устроенъ не при стѣнѣ, какъ это было у западно-русскихъ униатовъ, то есть въ духѣ римско-католическомъ, но посреди алтаря — въ духѣ православно-католическомъ. Это наводитъ на ту мысль, что православіе польскихъ униатовъ поддерживалось содѣйствіемъ ихъ съ жителями западной Россіи, отъ которыхъ они нѣкогда, какъ извѣстно, отдѣлились. До сихъ поръ, начиная съ Бялой и дальше, вокругъ *Залѣсья*, *Хелма*, *Яблочина* и до самого *Бреста*, польскіе униаты говорятъ языкомъ западно-русскимъ, именно польскимъ, точно такъ же, какъ жители *Пинскаго уѣзда* *Минской губерніи*. Даже самыя обычаи, преданія, повѣрья и костюмъ чisto польскія. Выходя изъ церкви, я встрѣтилъ на площади трехъ греко-униатскихъ прихожанъ и изумился рѣчи ихъ не польской, а западно-русской, а что особенно — чертамъ лица, воиодѣ отдѣляющимъ ихъ отъ польской фнзіономіи. Прихожане *Бяльской* церкви — остатки древняго, осѣдлага западно-русскаго, или галицкаго народа, хорватскаго племени, разселившагося въ нѣнѣйшихъ городахъ: *Замостьи*, *Красноставѣ*, *Хелмѣ*, *Ленчи*, *Сѣдльцахъ*, *Межерѣчьи* и вообще *Подлясьи*, — народа, нѣкогда исповѣдывавшаго православную вѣру вмѣстѣ съ королемъ *Мечиславомъ* и супругою его *Домбровкою*, но въ смутныя для Россіи времена униі затертаго могуществомъ и силою католическаго фанатизма, памятникомъ котораго служатъ нѣкогда *Бѣзская*, нынѣ *Хелмская* униатская епархія и недавно возвращенный въ нѣдра православія *Яблочинскій* монастырь.

Великолѣпнн церкви внутреннему соответвуютъ благолѣпіе и чистота внѣшняя, или наружная: приличная ограда, нѣсколько въ—

ковыхъ, тѣнистыхъ деревь, небольшой садъ и хорошенькій цвѣтникъ придаютъ храму Божію немало красоты. Сущестующій при церкви монастырь невеликъ: нѣсколько маленькихъ келій, три-четыре монаха, столько же послушниковъ и привратникъ — вотъ весь составъ обители. Въ одеждѣ, пищѣ и самыхъ пріемахъ монастырскихъ видны благочестіе, смиреніе и преданность своему служенію, въ чемъ подаетъ примѣръ самъ настоятель, почтеннѣйшій отецъ Іозефатъ.

Изъ римско-католическихъ храмовъ замѣчательна здѣсь фара (соборъ), построенная, въ 1520 году, во имя св. Ядвиги. Кромѣ своей древности, она можетъ указать на событія, которыя поразили ее въ продолженіе двухъ вѣковъ. Во время распространенія кальвинизма, въ 1550 г., она обращена была въ костелъ кальвинскій; потомъ, когда ученіе социніанское проникло въ Польшу, фара была храмомъ общества этихъ новыхъ вѣрователей; наконецъ, въ XVII вѣкѣ, обращена была въ домъ аріанскихъ еретиковъ. Уже въ концѣ XVIII в., при содѣйствіи Радзивилловъ римско-католическаго исповѣданія, возвращено ей названіе римско-католическаго костела, или собора.

Есть еще: костелъ св. Барромея, монастырь Сестеръ Милосердія, при которомъ госпиталь и воспитательный домъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, болѣею частию сиротъ, и костелъ реформатскій, построенный въ 1671 г.

Есть *уездное училище*, нѣкогда академія (*Bialensis Colonia*), какъ передаетъ Старовольскій⁽¹⁾, построенная, въ 1628 г., Александромъ-Людовикомъ Радзивилломъ, ревностнымъ покровителемъ наукъ и художествъ; въ этой академіи, въ 1653 г., было торжественное засѣданіе польскихъ магнатовъ, подъ предѣлательствомъ короля Яна-Казимира, по возвращеніи его съ Брестскаго сейма. Въ 1706 г. въ ней останавливался шведскій король Карлъ XII и не разъ удостоивалъ своего вниманія лекціи наставниковъ.

Жителей въ Бялой считается 3,600.

Вообще же о Бялой можно сказать, что это очень миленькій, чистенькій и даже красивенькій городокъ. Въ Бялой отдохнешь пріятно. Конечно, здѣсь нѣтъ великолѣбна и громадности домовъ, нѣтъ широкихъ улицъ; но зато есть очень изящные двухъ-этажные и даже трехъ-этажные дома, съ довольно щегольской архитектурой.

Возвращаясь изъ своего двухъ-часового обзора, я увидѣлъ въ окнахъ одного дома нѣсколько знакомыхъ лицъ, приглашавшихъ меня зайти. Но, при всемъ моемъ желаніи навѣстить ихъ, я могъ только обмѣняться съ ними двумя-тремя словами на улицѣ: рождокъ кондуктора во второй разъ раздался на площади.... Я поспѣшилъ къ дилижансу.

Отъ Бялой до Бреста оставалось всего два очень малые переѣзда и мы бы могли проѣхать такое пространство въ два, много въ три часа, но остановка на бывшей пограничной таможенѣ, нынѣ станціи, въ Тересполь, по случаю сдачи почты, была причиною нашего промедленія, и мы доѣхали до Бреста едва въ первомъ часу пополудни.

Тересполь — деревушка (или, какъ называютъ обыкновенно, мѣстечко) — лежитъ надъ самымъ Бугомъ и составляетъ границу между русскими и польскими губерніями, — деревушка, нѣкогда считавшаяся городомъ Брестскаго воеводства, а нынѣ причисленная къ Люблинской губерніи, Бѣльскому уѣзду.

Начало Тересполя, собственно нынѣшняго, относится къ XVIII вѣку (1743 г.); но на этомъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ мѣстечко Тересполь, нѣкогда былъ красивый городокъ *Болотковъ*, построенный еще при Сигизмундѣ III, украшенный ботаническимъ садомъ и славившійся величественнымъ *королевскимъ палацомъ*⁽²⁾. Палацъ этотъ стоялъ между нынѣшнимъ Тересполемъ и *Лобачевымъ* — казеннымъ имѣніемъ: въ немъ жилъ постоянно плотскій епископъ, бывший королевичъ Карлъ, сынъ Сигизмунда III; на мѣстѣ его нынѣ винокурня и разныя мелкія хозяйственныя пристройки. Въ этомъ палацѣ не разъ шивали короли польскіе, прѣзжавшіе на брестскіе сеймики. Когда Янъ-Казиміръ созвалъ сеймъ въ Брестѣ, въ 1653 г., и отправился самъ туда, то оставилъ заболѣвшую жену свою на нѣсколько дней въ Болотковѣ; королевѣ до того понравился болотковскій палацъ, что она, и по выздоровленіи, захотѣла прожить въ немъ до конца сейма⁽³⁾. Еще въ 1722 г. Болотковъ былъ значительнымъ торговымъ городомъ, откуда польскіе и жидовскіе купцы отправляли туземные товары въ Лейпцигъ и Данцигъ. Впослѣдствіи Болотковъ низошелъ на степень

¹ Старовольскій говоритъ о немъ: *palatium regum novae architecturae cum hortis delicatis*. См. *Polonia*. 1652 an. p. 107.

² *Pamiętniki Albr. Radziwiłła*.

⁽¹⁾ *Polonia*, ed. Gédan. 1633. p. 106.

мѣстечка: съ такимъ значеніемъ онъ перешелъ къ дарственнымъ владѣніямъ Поцѣвъ; у одного изъ нихъ, именно Людовика Поцѣя, купилъ его извѣстный современникъ Августа III, полскарбій вел. княж. Литовскаго генералъ Георгій Флеммингъ, родомъ нѣмецъ, лютеранинъ, послѣ католикъ, по случаю вступленія въ бракъ съ княжною Черторижскою. Онъ расширилъ Болотковъ разными каменными пристройками, заводами, лавками и палацомъ въ новомъ вкусѣ, потомъ назвалъ его именемъ своей жены — Терезы — Тересполь. Онъ завелъ въ новомъ своемъ имѣніи ярмарки для сбыта шерсти и прогатаго скота; ярмарки эти до того увеличивались годъ отъ году и дѣлались извѣстными, что въ Тересполь съѣзжались купцы со всей Польши, Литвы, Малороссіи; даже при-рейнскіе, берлинскіе и вѣнскіе спекулянты вывозили оттуда огромное количество шерсти. А чтобы болѣе дать ходу фабричнымъ своимъ товарамъ, Флеммингъ уговорилъ нѣкоторыхъ заграничныхъ нѣмецкихъ купцовъ навсегда поселиться въ Тересполь и подарилъ имъ немало земли для постройки домовъ. Такимъ образомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, явилось торговое мѣстечко, сдѣлавшееся извѣстнымъ всѣмъ сосѣднимъ Польшѣ государствамъ, — мѣстечко чистое, опрятное, во вкусѣ нѣмецко-саксонскомъ. Къ несчастію, Флеммингъ жилъ въ годы бурнаго самовластия Польши, когда усиливались партіи республиканскія, которымъ онъ всегда противился, — а потому нажилъ себѣ немало враговъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и виленскій воевода, владѣтель Несвижа, князь Карлъ Радзивиллъ; враги завидовали силѣ и могуществу Флемминга при дворѣ и, пользуясь государственными смутами, искали повода ослабить вліяніе его на противную имъ партію. Въ 1764 году, Карлъ Радзивиллъ, проходя съ войскомъ чрезъ Бялу, напалъ на Тересполь, разграбилъ его, сжегъ множество каменныхъ зданій и разогналъ нѣмецкихъ купцовъ. Съ этого времени Тересполь потерялъ свое значеніе и почти совершенно упала торговля его. А между тѣмъ Флеммингъ, бывъ уже слишкомъ старъ, а потому не имѣлъ терпѣнія и силъ заняться возстановленіемъ разграбленнаго мѣстечка. Отъ Флемминговъ, по наслѣдству, Тересполь перешелъ къ Черторижскимъ, въ 1769 г. Теперь Тересполь считается казеннымъ имѣніемъ.

Слѣды прежняго богатства и устройства Тересполя видны лишь въ нѣкоторыхъ каменныхъ лавкахъ и магазинахъ. Остался великолѣпный доминиканскій монастырь, построенный, въ 1697 г., Осипомъ Слушко, но въ 1848 г. онъ сгорѣлъ; на мѣстѣ его строится новый, небольшой.

Въ Тересполь мы въѣзжали часу въ 11-мъ утра. Предъ нами предстало очень грязное мѣстечко, окаймленное, впрочемъ, въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ и углахъ каменными домишками и множествомъ пыльныхъ лавокъ. По сторонамъ шоссеиной улицы черпалъ соръ и всякая нечистота, набросанная возлѣ домашнихъ заборовъ. Мы постоянно встрѣчали пшени, войлочные шляпы, мѣховыя (несмотря на лѣтнее время) шапки и латанные-перелатанные *pantofle*. За нами и передъ нами бѣжали тереспольскіе уличные мальчишки, безъ шапокъ, въ изорванныхъ кафтанашкахъ, а больше въ однихъ рубашонкахъ. Такъ и видно было, что съ Тересполя начинались уже незавидныя селенія польскія, перемѣшанныхъ съ племенемъ израильскимъ, составляющимъ немалую часть народонаселенія Западной Россіи.

И съ нетерпѣніемъ высматривали мы окна-кареты, скоро ли мы остановимся предъ оградою бывшей таможи. Нынѣ останавливаются здѣсь diligenciers потому, что здѣсь устроена почта-экспедиція и назначена сдача большой почты, привозимой изъ Варшавы, Сѣмлеца, Межерѣчя и Бялой.

Сдача почты кончилась. Намъ повели въ Брестъ. Окрестности Бреста съ тереспольскаго вѣзда весьма живописны. Проѣзжая чрезъ крѣпостныя валы, мы были изумлены превосходнымъ цѣпнымъ мостомъ. Этотъ мостъ похожъ на Цѣпной, что у Лѣвита сада; различіе то, что Брестскій длиннѣе и цѣпи на немъ изъ сплошныхъ проволокъ, а на петербургскомъ — изъ литого чугуна.

Но вотъ перѣехали мы чрезъ мостъ, проѣхали плагбаумъ крѣпостной, миновали новонасаженный паркъ, раздѣляющій городъ отъ крѣпости, промчались мимо красивой аллеи, ведущей къ городской заставѣ и, наконецъ, въ 1 часу по полудни, очутились передъ большимъ зданіемъ Брестскаго почтамта.

Не прошло десяти минутъ, какъ пассажиры разбрелись по городу; у почтамта осталась только толпа носильщиковъ, неполучившихъ на свою долю, для переноски, чемодана, и множество факторовъ, безъ успѣха прождавшихъ у кареты часа два до прихода diligenciers: всѣ они сердито перебранивались съ почтарами и почтальонами.

III.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКІЙ.

Хлопоты насчетъ подорожной. — Исторія древняго Бреста. — Новый Брестъ. — Крѣпость. — Волыское и Кобринское предмѣстья. — Гулянья жителей. — Набережная Буга. — Пивчухи. — Археологическая рѣдкость Бреста. — Ярмарки. — Синагога. — Брестская станція. — Отъѣздъ изъ Бреста.

Послѣ маленькаго отдыха въ почтовой гостинницѣ, первымъ дѣломъ моимъ было позаботиться насчетъ дальнѣйшей поѣздки въ Бѣлоруссію. По справкѣ оказалось, что я ошибся въ днѣ отхода почтовой кареты изъ Бреста въ Слудкъ: нужно было два дня подождать, чтобъ отправиться въ дилижансѣ. Но дѣла мои не позволяли такого замедленія, и я рѣшился ѣхать на перекладныхъ. Для этого нужно было выхлопотать подорожную. Я отправился къ городничему, который былъ такъ добръ, что приказалъ доставить мнѣ въ гостинницу и билетъ и подорожную.

Я преспокойно отправился на квартиру — въ гостинницу. Но въ гостинницѣ мнѣ не сидѣлось.... Мнѣ хотѣлось полюбоваться на Брестъ и наглядѣться на его мѣстности, его древности, остатки брестской старины, столь знакомые мнѣ еще съ дѣтства.

Брестъ, древній городъ, въ свое время славенъ былъ въ Западной Руси.

Начало его относится къ весьма отдаленному языческому времени. Народное преданіе гласитъ, что когда-то, очень-очень давно, какой-то богатый *гость* (купецъ), не могши пробраться чрезъ вязкія болота съ огромнымъ количествомъ всякаго товара, срубилъ плотину изъ березовыхъ деревъ, завалилъ самое болото *берестю*, или *берестью* (березовая кора), и такимъ образомъ проложилъ себѣ *шляховую* (4) дорогу (битую, твердую). Въ память избавленія своего изъ этихъ болотъ, проѣзжій гость построилъ капище и тамъ принесъ жертву *поганскому* (языческому) своему богу *Валесу* (5). А самое мѣсто, въ воспоминаніе срубленной изъ березы плотины, называлъ онъ *Берестенемъ*, *Берестемъ*, изъ чего впоследствии явился Брестъ. Сбывъ весьма выгодно въ Литвѣ товары, онъ возвратился на это же мѣсто и тутъ основался вмѣстѣ съ своею дружиною. Преданіе ничего не говоритъ, какого племени былъ этотъ купецъ,

(4) *Шляховой*, отъ слова *шляхъ*, значить — большія столбовая дорога.

(5) Объ этомъ *Валесѣ*, или *Велесѣ*, упоминается у одного древняго летописца, литовскаго Карамзинца. «Ист. Г. Р.» Т. I, стр. 296. Изданіе первое.

откуда пріѣхалъ онъ и что заставило его основаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ чуть было не погибъ въ болотахъ. Должно думать, что купецъ имѣлъ какой нибудь промышленный расчетъ и, конечно, не ошибся, что тамъ поселился; вскорѣ стали возлѣ него селиться разные кочующіе народы или племена (6). Впоследствии славянскія племена имѣли уже тамъ постоянныя свои оселіща, свои колоніи и, по древнему обычаю, *острогъ* (здаміе, обнесенное остроконечными кольями и валомъ, нѣчто въ родѣ крѣпости), а потомъ соорудили *городокъ* съ замкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится крѣпость, именно на правомъ берегу Буга, при впадѣніи въ него Мухавца. Такую осѣдлость славянскихъ племенъ въ этихъ мѣстахъ нужно относить по крайней мѣрѣ къ X, если не къ IX вѣку (а можетъ быть, и раньше). Хроника польская (7) свидѣтельствуетъ, что Болеславъ Храбрый первый овладѣлъ этими колоніями, или поселеніями, въ 1020 и присоединилъ ихъ къ своимъ землямъ, а потомъ князь кievскій Ярославъ отнялъ ихъ въ 1044 году. За тѣмъ часть этихъ колоній сдѣлалась достояніемъ Скирмунта, котораго выгнали изъ Береста (8), въ 1164 году, Мстиславъ, князь луцкій и пинскій. Въ 1182 году Казиміръ Справедливый присоединилъ къ Польшѣ всѣ колоніи брестскія и построилъ надъ рѣкою Бугомъ, на возгоръ, окруженномъ болотами, оборонительный замокъ, который вскорѣ былъ разрушенъ монголами. Съ этого времени Берестовъ, Брестъ, переименованъ польскими хронологами въ Брестъ (*Brzest*). Постройку новаго, лучшаго замка приписываютъ волыскому князю *Владиміру*, прозванному *Философомъ*, въ 1275 году; замокъ этотъ былъ въ видѣ огромнаго каменнаго *столба* (9) съ башнями и подземельями, на подобіе того, какой можно видѣть до сихъ поръ (10) въ *Каменцѣ-Литовскомъ*, что надъ рѣкою Лисною, въ 35 верстахъ отъ Бреста. Видно, въ тѣ времена Брестъ былъ уже значительнымъ городомъ, потому что въ 1289 году Мстиславъ Дашловичъ, князь владимірскій и луцкій, наложилъ на жителей его, за какую-то *крамолу*, большія подати (11). Въ 1296 году Брестъ присоединенъ былъ къ Туров-

(6) См. *Dion Chron. Orat. Borysth.*

(7) *Kadlubek, Histor. Polon.*, p. 786.

(8) *Dzieje Litwy Narbut*, str. 6, 6. § 9.

(9) Остатки этого столба существовали, до построенія Брестской крѣпости, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ таубахта и дворець.

(10) Объемомъ въ семь квадратныхъ сажней; сверху нѣтъ никакихъ башенъ съ времени разрушенія верха.

(11) Собраніе Государств. Грам. и Догов. Ч. II, № 6. Москва. 1819 года. Т. XXXIX. Отд. II.

скому княжеству и въ немъ жилъ православный епископъ туровскій.

Въ началѣ XIV вѣка Брестъ окончательно вошелъ въ составъ княжества Литовскаго, и съ этихъ поръ онъ становится центромъ довольно значительныхъ соборнѣй. Прежде всего, въ 1379 году, Брестъ испыталъ тяжкую годину отъ крестоносцевъ: предводитель ихъ, Теодорикъ Эльнеръ, напалъ на него врасплохъ, ограбилъ и выжегъ почти весь городъ, пощадивъ только замокъ. Во время смуты въ Литвѣ, въ правленіе язычествовавшаго еще Ягеллы, Брестскій замокъ былъ убѣжищемъ литовскихъ князей, преслѣдуемыхъ имъ: Кейстута, Бируты и Витовта. Въ Брестѣ не разъ также проживалъ и самъ Ягелло.

Въ 1390 году Брестъ опять окрѣпъ и получилъ права мадебурскаго мѣщанства за привилеемъ, выданнымъ въ Краковѣ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о существовавшемъ въ Брестѣ православіи и русской церкви св. Николая, при которой впоследствии времени учреждено было, для взаимнаго вспоможенія въ исполненіи гражданскихъ и религіозныхъ обязанностей, такъ называемое Православное Русское Братство, устроившее типографію и два училища⁽¹²⁾. Ягелло первый основалъ въ Брестѣ христіанскіе храмы, расширилъ городъ и способствовалъ торговлѣ дозволеніемъ селиться въ немъ иноземнымъ купцамъ. Витовтъ еще болѣе распространилъ христіанство въ Брестѣ и давалъ полную свободу брестскимъ литовцамъ принимать русскую веру; онъ даже покровительствовалъ русскимъ брестянамъ и въ 1408 году освободилъ ихъ отъ мадебургскаго права. Витовтъ, равно какъ и Ягелло, извѣстные покровители жидовъ, позволили имъ селиться въ Брестѣ: отсюда — ихъ многочисленность въ Брестѣ, ихъ значеніе и даже успѣхъ въ торговлѣ.... Витовтъ позволилъ имъ построить синагогу, за привилеемъ отъ 25 сентября 1511 года, выдалъ даже глину и кирпичъ даромъ — и вотъ явилось чудное зданіе синагоги, которое недавно сгорѣло. Въ 1500 году Брестъ много потерпѣлъ отъ нападеній перекопской Орды; впрочемъ, замокъ уцѣлѣлъ, хотя отчасти и былъ поврежденъ. Но болѣе всѣхъ для Бреста сдѣлалъ Сигизмундъ-Августъ, особенно послѣ того, какъ онъ въ Брестѣ, въ 1554 году, получилъ извѣстіе о возведеніи его на престолъ Литовскаго княжества.

Во второй половинѣ XVI вѣка Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія Радзивилловъ. Въ 1562 году, Николай Радзивилъ Черный, брестскій староста, ввелъ въ Брестъ протестантизмъ и кальвинизмъ; уст-

роилъ богатую типографію, изъ подъ станковъ которой въ 1563 году вышла въ свѣтъ извѣстная въ вивлиографическомъ отношеніи кальвинская Библия, названная *радзивилловскою*. Съ 1609 года въ Брестѣ появились іезуиты и основали коллегіумъ и разныя другія школы.

Въ концѣ XVI вѣка Брестъ былъ свидѣтелемъ порожденія уніи, а въ 1657 г. сильно пострадалъ отъ опустошеній, произведенныхъ въ немъ седмиградскимъ княземъ Ракочи и потомъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ. Несмотря на свою неукрѣпленность, Брестъ сильно отстаивалъ нападеніе Густава, такъ что король удивился такой смѣлости города и, въ память того, велѣлъ начертить планъ осады Бреста⁽¹³⁾. Въ 1661 г., Янъ-Казиміръ обновилъ Брестъ и далъ ему средства отстроиться въ лучшемъ видѣ. Но въ 1706 г. Карлъ XII, проходя чрезъ границы Вольна, велѣлъ генералу Мейерфельду осадить Брестъ.

Со смертью Августа III, Брестъ сдѣлался конфедераціоннымъ городомъ: сила іезуитовъ упала, укрѣпилась унія; базилиане основали семинарію, завели публичныя лекціи, устроили богатую библіотеку и утвердили уніатское епископство.

Наконецъ Брестъ вошелъ въ составъ Русской монархіи, и не стало уніи.

Такова исторія древняго Бреста до 1831 г. Въ 1831 году на мѣстѣ древняго города построена крѣпость перваго разряда, главное украшеніе которой составляютъ царскій дворецъ и кадетскій корпусъ; въ двухъ верстахъ отъ прежняго явился новый городъ подъ названіемъ *Кобринскаго и Волынскаго предмѣстій*; первое извѣстно также подъ именемъ *Васильевскаго острова*.

Такимъ образомъ нынѣшній Брестъ состоитъ изъ двухъ частей: крѣпости, или стараго Бреста, и предмѣстій, или новаго Бреста.

Въ настоящее время въ обѣихъ частяхъ считается 18,000 жителей.

Такъ какъ Брестъ въ разныя времена заселяемъ былъ іезуитами, реформатами, кальвинами и уніатами, то и храмовъ иновѣрческихъ было немало. Всѣ они мѣстились въ старомъ городѣ. Изъ всѣхъ этихъ обществъ иновѣрческихъ осталось только общество доминиканцевъ, для котораго строится вмѣсто прежняго новый костелъ на Кобринскомъ предмѣстїи, или на Васильевскомъ острову. Прочіе костелы и монастыри упразднены: на мѣстѣ ихъ явились величественныя и изящныя зданія крѣпости. Тамъ, гдѣ былъ

(13) Puffendorfi de rebus gestis Caroli Gustavi.

(12) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Мнвской губерніи, № 139.

бернардинскій костелъ и монастырь бернардинокъ, теперь кадетскій корпусъ; гдѣ былъ монастырь августинцевъ, теперь — комитетъ крѣпостныхъ инженеровъ; гдѣ былъ иезуитскій коллегіумъ, теперь — домъ коменданта крѣпости; гдѣ былъ монастырь базилианскій, или униатскій, теперь — соборная православная церковь во имя св. Симеона Столпника. Кромѣ того снесены римско-католическій соборъ, или фара, униатскія церкви св. Михаила, св. Троицы; также упраздненъ монастырь православный и костелы реформатовъ и кальвиновъ. Въмѣсто униатскихъ церквей и православнаго монастыря построена, въ крѣпости, при корпусѣ, православная церковь во имя св. Александра Невскаго. Есть еще третья церковь православная въ Брестѣ, — деревянная, кладбищенская, на Кобринскомъ предмѣстьи, построенная усердіемъ купечества; но она не имѣетъ отдѣльнаго причта и приписана къ соборной Семеновской. Такимъ образомъ, обѣ церкви православныя находятся въ крѣпости, а въ новомъ Брестѣ предназначена постройка новой каменной, на главной площади города, известной подъ именемъ Почтовой.

Новый городъ, состоящій изъ двухъ предмѣстій: Вольнскаго и Кобринскаго, и опоясанный Бугомъ, при слияніи съ нимъ, внутри стараго Бреста (крѣпости), рѣкъ Шасерки и Мухавца, соединяющихся, посредствомъ такъ называемаго Королевскаго канала, Припеть съ Бугомъ и слѣдовательно Черное море съ Балтійскимъ, можно назвать довольно красивенькимъ и щеголеватымъ городомъ; весь онъ лежитъ на низкомъ, илѣ илистомъ, илѣ песчаномъ грунтѣ, окруженномъ многочисленными протоками и пространными полостями болотъ, недоступныхъ къ жительству и заливаемыхъ, весною, водами соединенныхъ рѣкъ; но при всей болотистой мѣстности, въ самомъ городѣ не найдете тонкой, маслянистой мѣстности, въ самомъ городѣ не найдете тонкой, маслянистой мѣстности. Зданія предмѣстій неодинаковы: на Кобринскомъ — почти все деревянныя, маленькія, одно-этажныя и разбросаны безъ всякаго опредѣленнаго размѣра, зато окаймлены красивенькимъ и садиками и цвѣтниками. На Вольнскомъ предмѣстьи, и именно возлѣ Почтовой площади, зданія болѣе каменные, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, довольно изящныя и большія, а нѣкоторыя даже громадны, по отношенію къ провинціи; улицы прятныя, широкія и довольно лавныя. Къ числу лучшихъ каменныхъ зданій можно отнести почтовую контору и почтъ-станцію съ существующимъ при ней трактиромъ и пассажирскими комнатами, кафе-ресторанъ Гробелли и рядъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются лавочки, лавки и магазины съ такъ называемыми наршавскими товарами.

Что касается до внутренняго быта жителей предмѣстій, то онъ довольно монотоненъ, однообразенъ; ни въ одномъ изъ предмѣстій нѣтъ ни театра, ни другихъ какихъ либо постоянныхъ мѣстъ для общественныхъ увеселеній. Если что и бываетъ въ подобномъ родѣ иногда по временамъ, то развѣ въ крѣпости. Для гулянья жители Нового Бреста отправляются или въ крѣпостной садъ, или, за шесть верстъ, въ деревню Боровую, замѣчательную своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, густымъ, таинственно-мрачнымъ дубовымъ лѣсомъ, большимъ садомъ и скороспѣлою гостиницею; въ Боровую собираются обыкновенно брестяне для такъ называемыхъ *майскихъ*, т. е. для майскихъ гуляній.

За немѣнѣемъ лучшаго, близости, мѣста для прогулокъ, ново-брестяне гуляютъ также по песчаной, довольно неровной набережной Буга и любятъ на ряды безчисленныхъ барокъ и струговъ, пригоняемыхъ изъ Пинскаго уѣзда *кавтуноватыми* пинчуками. Нужно замѣтить, что эти добрые и чистые пинчуки въ огромныхъ дегтярныхъ сапогахъ и засмоленныхъ *ампунахъ* стоятъ вниманія, а въ особенности вниманія тѣхъ, которые никогда не видѣли ихъ. Не говорю о томъ, что васъ поразило и остановило оригинальное, народное мѣстное ихъ нарѣчіе польское, не совсѣмъ понятное для жителей великорусскихъ губерній. Но сколько бы удовольствія и наслажденія испытали вы, еслибъ увидѣли, какіе употребляютъ они жесты, тѣлодвиженія, размахи руками, когда объясняются межъ собою дружески.

На набережной я сполчасу любовался на знакомыхъ мнѣ еще въ дѣтствѣ добрыхъ пинчуковъ; при видѣ ихъ, мнѣ невольно вздумалось купить у нихъ вкусныхъ *вяюновъ* (рыба, похожая въ мнѣніи на угрей), которыхъ они, между прочими товарами (льнянымъ сѣменемъ, ишеномъ, свинымъ саломъ, сушеными ершами и копчеными сомами), развозятъ обыкновенно по всей Минской губерніи и даже по Брестскому уѣзду. Я не вытерпѣлъ, чтобъ не поговорить съ пинчуками.

На одной, довольно громадной баркѣ сидѣли четыре здоровыхъ, краснощокыхъ, среднихъ лѣтъ парня съ *пипками* (коротенькія трубки) въ зубахъ и разсматривали только что выгруженное импортное, матовое какъ воскъ, копченое свиное сало. Я взошелъ къ нимъ на барку.

— Роді Боже! привѣтствовалъ я ихъ.

— А дякуемо (спасибо), господьшу! отвѣчали они, вставши и поклонившись.

— Вѣткіле вы, братки (откуда вы братцы)?

— А такъ собі, зъ Давыдъ-городка!...

Тутъ они посмотрѣли другъ на друга и начали шептаться межъ собой; ихъ, конечно, удивило, что я заговорилъ съ ними по полѣски.

— Чьй вы зѣ нашихъ?

— А я бувъ тамъ и вѣдаю.... Чы ість у васъ тамо господынъ Яхимовичъ?

— Панъ Даныло?... о ість, ість!... Та вонъ нашъ добрый панотчекъ... А кій голосистый! Якъ трубне, ажно вси серденьки залякае. Мы іого, що такъ скажемо, кохаемя, ажно и отчинька его не залежали стольки-тольки.... Чы вы не чули, господыну, же въ ііго и отчинька нима, затурмѣнися къ дидамъ на хавтуры (отомель къ предкамъ, на тотъ свѣтъ). Ба вже въ насъ сынъ іго Даныло!

— А коли жъ вы посмычете до себѣ (когда отпавитесь домой)?

— Чы ни чрезъ-по-завтра ке на параньи. (Да кажется, послѣ завтра, съ разсвѣтомъ).

— Кланійтиса пану Данылю....

Сказавъ имъ свою фамилію, которую они напрасно старались затвердить для памяти, и купивъ у нихъ вьюновъ, я отпавился на Кобринское предмѣстье — взглянуть на археологическую рѣдкость, о которой я столько разъ слышалъ въ Минскѣ и въ Варшавѣ. Эту рѣдкость составляетъ огромный курганъ на правомъ берегу Мухавца, окруженный многочисленными насыпными концами и наполненный странной формы камнями. Народное преданіе гласитъ, что этотъ курганъ — остатокъ древняго языческо-литовскаго, или ятвяскаго капища богини Мажанны, упоминаемой до сихъ поръ въ пѣсняхъ и легендахъ жителей нынѣшней Гродненской губерніи; что вокругъ этого кургана былъ большой, густой лѣсъ, и разбросаны какіе-то будто обтесанные камни съ рѣзными фигурками, обрызганные кровью. Но когда срубили этотъ лѣсъ, то простой народъ, жившій въ деревняхъ по ту сторону Мухавца, полный еще суевѣрныхъ, языческихъ воспоминаній, собралъ всѣ эти камни и свалилъ ихъ въ одинъ гуртъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было капище Мажанны. То же преданіе твердитъ, будто слѣды крови на камняхъ отъ приносимыхъ жертвъ этому кровожадному божеству сохранились до сихъ поръ. Но я напрасно старался повѣрить это преданіе: я не нашелъ камней, — ихъ нѣтъ въ настоящее время; говорятъ, всѣ они лежатъ внутри кургана; да и самый курганъ и кощы приняли видъ далеко не мнѳологической и получили назначеніе болѣе общежитейское: вокругъ кургана и концовъ разводить публичный садъ, или паркъ; главный, большой курганъ превращенъ въ какой-то Парнасъ съ извилистыми, спиральнообразными дождями, обсаженными цвѣтами и маленькими деревьями. Одно,

что можетъ нѣкоторымъ образомъ наводить на языческое происхожденіе кургана и концовъ, это то, что въ настоящее время возлѣ парка (а прежде, до разведенія парка, на самомъ курганѣ) бываетъ народное гулянье въ Юрьевъ день, съ плясками, хороводами и пѣснями. Странно, почему это гулянье бываетъ въ Юрьевъ день, который не имѣетъ никакого отношенія къ литовскому божеству Мажанны? Любопытно бы собрать эти пѣсни и узнать, о комъ или о чемъ упоминается въ нихъ — о Юрьевомъ ли днѣ, или о Мажаннѣ?...

Говоря о Кобринскомъ предмѣстѣи, нельзя не вспомнить о двухъ брестскихъ ярмаркахъ: одной — на *Десятуху* (на 10-й недѣлѣ послѣ Пасхи), а другой — на Николая (9 мая); послѣдняя известна подъ именемъ контрактовъ, на которые съѣзжаются обыкновенно сосѣдніе полѣсскіе помѣщики частью для выборовъ, частью для сбыта запаса сельскихъ продуктовъ; на ту и другую ярмарки привозятся въ городъ произведенія уѣзда, какъ-то: хлѣбъ, ленъ, льняное масло, сырыя кожи, овчины, пенька, деготь, щетина и проч.; все это скупають брестскіе купцы, — больше жиды, и въ значительныхъ количествахъ сплавляютъ отсюда, на небольшихъ баркахъ, по Бугу до Вислы и по ней нерѣдко до Данцига, а слѣдуя обратно бичевою, вывозятъ изъ Данцига и Варшавы разныя матеріи, сукна, москотильный и колоніальный товаръ. Главный оборотъ торговли Бреста не менѣе 650,000 рублей.

Кобринское предмѣстье замѣчательно также еврейскою синагогою, нѣкогда величественною, но послѣ пожара значительно утраченную это величіе.

Разсмотрѣвъ замѣчательности Новаго Бреста, я спѣшилъ на почтовую станцію; но, прежде нежели добрался до нея, мнѣ надѣдали, по дорогѣ, на каждомъ шагу, мелочные торгаши и факторы своими предложеніями. Одинъ сулилъ прекрасную, блестящую какъ *серебро* ваксу; другой — русскія спички, горящія въ водѣ и подъ водою; третій, вѣроятно, только что дебютировавшій на новомъ поприщѣ спекуляціи, очень неудачно расхваливалъ сливы-венгерки, бобы, груши и вмѣстѣ лежавшій съ ними козій сыръ въ пластинкахъ; четвертый — нѣчто въ родѣ папирозъ и сигаръ; пятый.... ну да всего не перечтешь! Я едва успѣвалъ проталкиваться сквозь наплывавшія со всѣхъ сторонъ толпы жидовъ, жидовокъ и оборванныхъ мальчишекъ, не выпуская рукъ изъ кармановъ моего пальто. Несносные факторы не давали мнѣ покоя до самой станціи.

На станціи ожидалъ меня посланный, который вручилъ мнѣ паспортъ и подорожную, *покорнѣйше* прося респисаться въ полученіи оныхъ.

Оставшись одинъ, я вздохнулъ свободно и часа два наслаждался пріятнымъ бездѣйствіемъ. А нужно замѣтить, что въ брестской станціи можно съ удовольствіемъ отдохнуть, особенно послѣ маленькихъ, незавидныхъ станцій польскихъ. Какая чистота, какая опрятность, какой комфортъ и роскошь во всемъ! Вы найдете въ этой станціи нѣсколько большихъ, высокихъ комнатъ, оклеенныхъ красивыми шпалерами, съ блестящими какъ зеркало паркетными полами; въ каждой изъ этихъ комнатъ разставлены эластическіе диваны и стулья, на окнахъ — занавѣсы, — зеркала и палисандровые стѣнные часы. Въ большой залѣ устроенъ небольшой чугунный каминъ. Мало того: въ каждой комнатѣ вы найдете во всякое время свѣжую воду въ чистыхъ графинахъ, накладного серебра подсвѣчники съ стеариновыми свѣчами, рукомыльникъ, полотенце, щоточки и гребенки.... Развѣ это не комфортъ для усталыхъ путешественниковъ?

Къ вечеру у подѣзда станціи явились почтовые лошади, и я распрощался съ Брестомъ.

II. ШПИГЕВСКІЙ.

КАРЛЪ ПЯТЫЙ.

ЕГО ОТРЕЧЕНІЕ, УДАЛЕНІЕ, ПРЕБЫВАНІЕ И СМЕРТЬ ВЪ МОНАСТЫРѢ СВ. ЮСТА.

Соч. Минье.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда Рюи-Гомезъ Сильва пріѣхалъ въ монастырь, 23 марта 1557 г., то Филиппъ II, отъ имени котораго онъ явился просить совѣтовъ и помощи императора, находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и былъ окруженъ отвсюду опасностями. Какъ предвидѣлъ Карлъ V, за перемиріемъ, заключеннымъ между герцогомъ Альбою и кардиналомъ Караффа, начались несчастія для испанцевъ. Герцогъ Альба, узнавъ о прибытіи герцога Гиза, оставилъ Папскія владѣнія, которыя не могъ занять, вида превосходство силъ непріятеля, и удержалъ только Анањи, Неттуно, Остию и крѣпость на Тибрѣ: мѣстечки эти остались въ оборонѣ.

150 68748

Библиотека
Беларусі

ли думы, Рандаль приподнял глаза, и они остановились прямо на лицѣ Леонарда. Рандаль вздрогнулъ, быстро провелъ ки по лицу и снова бросилъ на Леонарда пристальный и проницательный взглядъ. Быстрая перемена на блѣдномъ лицѣ, сдѣлавшемся въ этотъ моментъ еще блѣднѣе, быстрое жажанье и нервическій трепеть губъ обнаруживали, что и онъ узналъ своего стариннаго врага. Послѣ этого взглядъ Рандала перешелъ на одежду Леонарда, которая хотя и была покрыта слюной и пылью, прибитой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крупными каплями дождя, но далеко отличалась отъ одежды, употребляемой крестьянами. Рандаль, еще разъ взглянувъ на Леонарда съ изумленіемъ и въ нѣкоторой степени съ надменной, полу-презрительной улыбкой, — улыбкой, которая кольнула Леонарда прямо въ сердце, медленно вышелъ на улицу и направилъ свой путь Гросвеноръ-Скверу.

Вслѣдъ за тѣмъ маленькая дѣвочка снова взяла Леонарда за руку и повела его по узкимъ, мрачнымъ, унылымъ улицамъ. Это шествіе изображало, въ нѣкоторомъ родѣ, олицетворенную аллегорію: печальный, безмолвный ребенокъ велъ подъ руку гениальнаго, но немѣющаго ни гроша денегъ путника, по грязныхъ лавокъ, по извилистымъ переулкамъ, становившимся въ отдаленномъ концѣ перспективы и мрачнѣе и сжабнѣе, такъ что обѣ фигуры совершенно исчезали изъ виду.

III.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПОЛѢСЬЮ И БѢЛОРУССКОМУ ГРАЮ.

IV.

Брестъ-московское шоссе. — Полѣскія болота; костюмъ мѣстныхъ поселянъ. — Бѣловѣжская пуша: исторія ея древности и значеніе ея въ настоящее время; зубры и палзоръ за ними. — Кобринъ въ древнія времена и въ настоящее время; контракты; общество горожанъ; библиографическая рѣдкость. — Въездъ въ границы Минской губерніи.

Отъ Бреста начинается новое московское шоссе, проведенное чрезъ непроходимыя нѣкогда, тонкія озера, болота и густые мрачныя лѣса полѣскіе: оттого и виды здѣсь, начиная съ Бреста до самого Слуцка, вездѣ почти какіе-то пустынные. Изрѣдка только встрѣтишь на этомъ пространствѣ дороги шоссеиныя заставы, уютныя домики смотрителей маяковъ и кой-гдѣ постоянныя дворы да красивыя почтовые станціи. Полѣскіе поселяне и поселянки отличаются своими костюмами отъ прочихъ племенъ Россіи. Особенно оригинальны и затѣйливы наряды замужнихъ женщинъ. Такъ называемая *свитка* (верхняя одежда) ихъ, изъ темно-синяго сукна, имѣетъ покрой *дамскаго пальто* съ галіею, съ разрѣзами внизу и безчисленными на груди и возлѣ кармановъ узорами, изъ шерстяныхъ тесемъ, по преимуществу красныхъ и пунцовыхъ. Рукава широкіе, съ обшлагами, окаймленными цвѣтными снурками; воротники стоячіе, по краямъ закругленные; на ногахъ — козловыя башмаки, съ высокими каблуками, иногда красными, и острокопечными носками. Голова полѣсянки украшается бѣлымъ, огромнымъ, съ развѣвающимися по сторонамъ

ыльями, покрываломъ, нохожимъ на покровъ древнихъ литовскихъ, или ятвяжскихъ весталокъ и жрицъ. На шею, поверхъ белой рубашки, съ отложнымъ воротничкомъ, надѣваютъ по нѣскольку шнурковъ разноцвѣтнаго, крупнаго бисера и стекляруса. Мужчины носятъ свитки темно-бурого цвѣта, мѣховыя высокія шапки и козловые сапоги, съ высокими голенищами, въ которые обыкновенно всучиваютъ узкіе бѣлые панталоны.

Глазъ вашъ поражается громадностью дикихъ лѣсовъ, по ту и другую сторону шоссе.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бреста, почти въ виду самого обрина, начинаются огромнѣйшіе лѣса, извѣстные подъ именемъ *Бловѣжской пуцы*, которая тянется зигзагами, на пространствѣ 10 верстъ, или 88,000 десятинъ, до рѣки Свислочи. Границу ея составляютъ: съ сѣверо-востока — рѣка Наревъ, съ юга и юго-востока — Лѣсна, притокъ Западнаго Буга, — съ востока соединяется съ угими казенными и частными лѣсами, съ запада окружена менѣе изистой страной. Пуца вся изрѣзана озерами и особенно рѣчками, изъ которыхъ замѣчательны, какъ судоходныя во время оно: Барка, Никоръ, Бѣлая, Дѣдовка, Наревъ и Наревка. Почва ея довольно хорошая, кой-гдѣ песчаная, но больше болотистая, вездѣ почти ровная и изобилуетъ самыми разнообразными, вѣковыми деревьями, даже мачтовыми: тутъ есть ива, липа, мелколистная осина, дикія яблони и груши, кленъ, вязъ, берестъ, ясень, рябина, ель, пихта, разные дубы, большая и малорослая береза, черная бѣлая ольха, но больше всего сосна и отличной доброты ель.

Бловѣжская пуца искони была обиталищемъ медвѣдей, туровъ зубровъ, боготворимыхъ нѣкогда литовцами до того, что изъ рога туровъ и зубровъ они выдѣлывали чаши и употребляли ихъ и жертвенныхъ воздѣніяхъ⁽¹⁴⁾. Въ этихъ-то лѣсахъ по преимуществу жило нѣкогда извѣстное литовское племя *ятвяги*, одѣвавшіеся медвѣжьими шкурами; тутъ нѣкогда получилъ извѣстность своими наганами на сосѣднія владѣнія древней Руси и Польши предводитель, и князь ихъ *Коматъ*, котораго дѣянія до сихъ поръ воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ Гродненской и Ковенской губерній⁽¹⁵⁾. Тутъ были капища и божницы ятвяговъ, гдѣ совершались ритуальные жертвоприношенія *красе-красейтими*, державшими народъ въ грустномъ невѣжествѣ.

Название *Бловѣжской* пуцы подучила отъ древняго каменнаго замка съ башнями *вѣжами* (башнями), построеннаго однимъ изъ ят-

вяжскихъ князей⁽¹⁶⁾, — замка, въ которомъ въ 1409 г. проживалъ Витовтъ и, вмѣстѣ съ Владиславомъ Ягелломъ, любилъ охотиться за зубрами и медвѣдями⁽¹⁷⁾. Народное преданіе увѣковѣчило память объ этихъ охотахъ и до сихъ поръ прославляетъ въ разсказахъ знаменитыхъ охотниковъ. Слѣды древняго замка сохранились до настоящаго времени: мѣсто, гдѣ былъ этотъ замокъ, до сихъ поръ имѣетъ видъ довольно возвышенной насыпи, окруженной со всѣхъ сторонъ концами, курганами и *вологовками* (древними языческими могилами), и извѣстно подъ именемъ *Замчица*, или *Займица*. Нѣкоторые изъ этихъ концевъ и вологовокъ раскопаны, и въ нихъ найдены цѣлые остовы человѣческіе и разной величины глиняные сосуды, очевидно *урны* — ясное доказательство, что пуца, во времена ятвяжскаго язычества, была заселена. Въ пуцѣ, по направленію къ Гродно, есть небольшой холмъ, извѣстный подъ именемъ *Баторовой горы*, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, Баторій охотился за ятвягами и стрѣлялъ этихъ бѣдныхъ дикарей какъ зубровъ или медвѣдей. А близъ рѣки Еларки часть лѣса называется *Королевскимъ заприщемъ*, или *Большою каплюю*, въ воспоминаніе того, что въ этихъ мѣстахъ пуцы былъ когда-то охотничій дворъ, или замокъ, гдѣ охотились съ тететами за зубрами польскіе короли Янъ-Казиміръ, Августъ II и болѣе всѣхъ Августъ III. Баронъ Бринкенъ, описывая Бловѣжскую пуцу, подробно говоритъ⁽¹⁸⁾ объ одной знаменитой охотѣ Августа III, съ женою и съ сыновьями Ксаверіемъ и Карломъ, въ 1752 г., 27 сентября, во время которой убито 42 зубра и 13 лосей, кромѣ другихъ звѣрей; въ томъ числѣ одной королевой убито 20 зубровъ. Въ память такой счастливой охоты, Августъ III поставилъ на берегу рѣки Наревки, въ деревнѣ Бловѣжки, квадратный каменный столбъ, на которомъ велѣлъ вырѣзать, на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, имена охотившихся и число убитыхъ звѣрей. Деревня Бловѣжка, равно какъ и столбъ, существуетъ и въ настоящее время. Тетета, съ которыми охотились короли, сгорѣли въ 1812 году, вмѣстѣ съ охотничьимъ дворомъ. Съ 1742 года Бловѣжская пуца сдѣлалась дарственнымъ владѣніемъ польскихъ магнатовъ; въ концѣ XVIII вѣка она принадлежала фамиліи *Тизенгаузеновъ*, изъ которыхъ одинъ, именно литовскій подскарбій Антоній Тизенгаузенъ, былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ Руссо и въ 1778 году приглашалъ его

⁽¹⁶⁾ Объ этомъ замкѣ съ башнями вѣжами упоминаютъ *Бальскій*, *Стрийковский* и *Рачинскій*.

⁽¹⁷⁾ Jgn. Bobiatyńskiго. Nauka Łowiectwa. Wilno. 1825. Т. II, str. 36—38.

⁽¹⁸⁾ *Memoire descriptif sur la forêt imperiale de Bialowège en Lithuanie*. Varsovie. 1828.

⁽¹⁴⁾ Gilbert. *Indagatores naturae in Lithuania*. Vilnae. 1781 an.

⁽¹⁵⁾ *Jadwignowic*. *Miniszewskiego*. Warszawa.

огда переѣхать въ Польшу, обѣщавъ подарить ему часть бѣлоскихъ лѣсовъ. Уже построенъ былъ красивый *палацъ*, разведенъ садъ въ англійскомъ вкусѣ, и Руссо рѣшительно назначилъ переѣзда своего въ имѣніе Бѣловѣжье, но случайное разочарованіе въ характерѣ поляковъ, въ лицѣ нѣкоего Вяжевича, жено обманувшаго ученаго Француза при изданіи его сочиненій въ нѣжѣ, была причиною того, что Руссо поблагодарилъ Тизенгауза приглашеніе пріѣхать въ Польшу и поселился въ Эрмепонъ, подъ Парижемъ. Впослѣдствіи, когда литовскія владѣнія вошли въ составъ Россіи, Бѣловѣжская пуца поступила въ число казенныхъ имѣній. Въ царствованіе Екатерины Великой часть пуцы принадлежала Румянцовымъ, въ память чего до сихъ поръ одинъ токъ Бѣловѣжья носитъ названіе Румянцовскаго.

Въ настоящее время, Бѣловѣжская пуца, какъ вмѣстелище гробовыхъ, вѣковыхъ деревьевъ и обиталище зубровъ (зубры похожи на оловъ), единственныхъ въ Европѣ и даже на всемъ земномъ шарѣ, составляетъ предметъ особенной заботливости правительства. Теперь въ ней учреждено особое Лѣсное Управленіе, раздѣленное въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, раздѣленное на участки, или стражи, которыми заведуютъ казенные крестьяне; ихъ двѣнадцать: Круковская, Подская, Дзядовлянская, Околицкая, Свѣтличанская, Бровская, Лавская, Августовская, Гайновская, Лѣснянская, Старжинская и Повицкая; въ каждой стражѣ (участкѣ) содержится по 100 зубровъ, ввѣренныхъ смотрѣнію *будниковъ* (стражниковъ ⁽¹⁹⁾), у которыхъ есть нѣсколько помощниковъ, также стрѣлковъ, и такъ называютъ *осочниковъ* (т. е. косцовъ сѣна). Начальникъ Управленія называется *лѣсничій*. Цѣль учрежденія Управленія — сохраненіе бѣловѣжскихъ лѣсовъ отъ порчи и небрежной порубки деревьевъ, надзоръ за лѣсными дорогами и, въ особенности, ухаживаніе за зубрами. Пржеде эти животныя оставались на произволъ судьбы и верѣдко, особенно зимой, гибли отъ хищности медвѣдей. Нынче зимой содержатъ ихъ въ стойлахъ (конюшняхъ), заготавливаютъ для нихъ лѣтомъ на всю зиму сѣно и овесъ, чистятъ ихъ и предохраняютъ ихъ, по возможности, отъ всякихъ болѣзней. Лѣтомъ разгуливаютъ они по всей пуцѣ, но всегда подъ суровымъ надзоромъ стражниковъ. Охотиться за ними запрещено подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, опредѣленнаго царскимъ указомъ отъ 10 сент. 1802 г.; убиваютъ ихъ только по особому разрѣшенію,

¹⁹⁾ Этыхъ будниковъ описалъ извѣстный польскій писатель Крашевскій въ романѣ *Видникъ*.

для доставленія экземпляра въ какой нибудь зоологической кабинетъ, и тогда стекается множество любопытныхъ съ разныхъ, даже отдаленныхъ, губерній. Кромѣ зубровъ въ пуцѣ волятся: лоси, дикія козы, кабаны, зайцы, рыжіе медвѣди, барсуки, волки, лисы, рыси, выдры, норки, куницы, хорьки, лосочки, горностаи; изъ птицъ: глухари, тетерева, рябчики, голуби, орлы, соколы, совы и обыкновенныя мелкія лѣсныя птицы.

Жители пуцы болѣею частью казенные крестьяне и составляютъ какое-то отдѣльное племя, не то литовское, не то русское; языкъ ихъ — смѣсь древне-литовскаго съ русскимъ, малороссійскимъ и польскимъ; одежда — польская. Сверхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей смотрѣть за чистотою пуцы и за зубрами, они занимаются звѣроловствомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, рыбною ловлею, приготовленіемъ поташа и дегтя и отчасти земледѣліемъ. Они живутъ близъ своихъ участковъ, въ небольшихъ деревенькахъ, заключающихъ вмѣстѣ до 400 домовъ, или дворовъ.

Такимъ образомъ на пространствѣ всей дороги отъ Бреста до Кобринна путешественнику не представляется ничего замѣчательнаго, кромѣ этой громадной, вѣковой пуцы.

По мѣрѣ приближенія къ Кобрину, пуца значительно расширяется, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги, отдаленная отъ шоссе, отчего, подѣзжая къ Кобрину, чувствуешь какое-то одиночество и какъ бы сиротство этого города. Кобринъ кажется какъ бы выстроеннымъ на полѣ или въ глухой степи.

Почти ночью пріѣхалъ я въ Кобринъ, или, правильнѣе, на Кобринскую станцію, которая отстоитъ отъ самого города чуть ли не на двѣ версты; а потому замѣтки свои о немъ я долженъ былъ отложить до слѣдующаго дня. Услуживый *унтеръ* на станціи доставилъ мнѣ всѣ возможные удобства отдыха и ночлега, и я спокойно проспалъ до девяти часовъ утра.

На другой день, утромъ, въ 9 часовъ, я сидѣлъ еще за чайнымъ столикомъ, какъ въ мою комнату ворвалась кобринская эстафета, т. е. жидь-факторъ, одно изъ тѣхъ тишеческихъ твореній, вѣчныхъ *regretium mobile* и всезнаекъ, которыми наполнены города Западной Россіи, и безъ которыхъ, дѣйствительно, трудно обойтись тамъ новоприѣзжему, особенно, если онъ незнакомъ съ мѣстнымъ языкомъ, по преимуществу польскимъ или бѣлорусскимъ. Жидь-факторъ въ Западной Россіи для прѣзжаго то же, что для столичнаго жителя газета или для археолога архивъ рѣдкостей. Онъ разкажетъ вамъ всѣ достопримѣчательности города, познакомитъ на словахъ со всеми знаменитостями его, объяснитъ, кто гдѣ

ь, съ кѣмъ знакомъ, что ѣсть-пить, на чемъ спать, какое состояніе, сколько дѣлаетъ долговъ, чѣмъ занимается, что ѣсть, куда собирается ѣхать, какъ кто одѣвается, сколько изаетъ сапоговъ или башмаковъ, откуда получаетъ лишнюю ко, кто когда прѣѣхалъ или выѣхалъ изъ города, когда возвра, удачно или неудачно окончить какое нибудь дѣло, — и, передавъ вамъ все, что хотите, о своемъ городѣ и, вдов, возьмется исполнить всѣ ваши порученія, какъ бы они ни трудны, и дѣйствительно исполнить! Но не думайте, чтобы ошлось вамъ дорого: ничуть! за полтинникъ жить-факторь бѣгать цѣлый день.

слѣ нижайшихъ поклоновъ, факторъ предложилъ мнѣ свои на все, что угодно, и, когда я замѣтилъ ему, что по разнымъ пробуду въ Кобринѣ дня два, неотвязчиво просилъ поручу хоть что нибудь на первый разъ, въ видѣ испытанія его ти и всезнанія.

Помилуйте, прибавилъ онъ: — меня здѣсь всѣ знаютъ. Всѣ шки изъ уѣзда поручаютъ мнѣ заочно свои дѣла. Самъ панъ шчій любить меня; а пани казначейша всякій день по два осьмаетъ за мной.

къ ни глупымъ показалось мнѣ такое самохвальство жиды, но, отвязаться отъ него, я рѣшился кой-что поручить ему и, мющимъ, снести къ ...кимъ письмо, которое мнѣ дали въ Вар-

цѣ улетѣлъ, и я чрезъ нѣсколько часовъ отправился въ го-

перваго взгляда Кобринъ кажется красивымъ и изящнымъ мѣстомъ, потому что весь перенлетенъ садиками и окаямленъ съ орыхъ сторонъ каналомъ и рѣкою Мухавцомъ; но, при подлшемъ разсмотрѣніи его грязноватыхъ мостовыхъ, узеньулицъ и особенно вѣчно-группирующагося на каждомъ промѣ мѣстѣ или то-и-дѣло бѣгающаго во весь опоръ по улижидовскаго племени, обладающаго вась запахомъ селедки, чеснока, невольно усомнившись въ опрятности этого го-
Можетъ быть, впрочемъ, не всегда такъ бѣгаетъ это племя брину и возбуждаетъ въ *зальжигъ* носяхъ чиханье своимъ *нимъ*, *туземнымъ* запахомъ, но на этотъ разъ жиды чуть не сбили меня съ ногъ: всѣ они, точно угорьные, метались шамъ, размахивая руками, разсѣвая воздухъ широкими *содлмч* *лицнополыхъ лалсардаковъ* (кафтановъ), и починутно швад разномастными бородами и растрепанными пейсами.

Кобринъ расположенъ надъ рѣкою Мухавцомъ и почти въ самомъ центрѣ перерѣзанъ рѣчкою *Кобринкою*, берущою свое источникъ отъ болотъ *Дывинскихъ*, близъ которыхъ, какъ гово-рять мѣстное преданіе, былъ прежде старинный городъ, или крѣ-пость и замокъ, гдѣ впоследствии, въ XV и XVI вѣкахъ, жили коб-ринскіе *старосты*, находившіеся въ зависимости отъ сильныхъ въ то время Радзивилловъ и доставлявшіе имъ, въ случаѣ нужды, наскоро сформированное вспомогательное войско⁽²⁰⁾. Нынѣ на томъ мѣстѣ сохранились остатки валовъ, какъ слѣды древнихъ оселищ литовскаго племени, смѣшаннаго съ славяно-русскимъ, точнѣе, полѣскимъ; одна часть этого мѣста застроена красивымъ палацомъ и обнесена садомъ съ каналомъ, а дру-гая — запущена и известна въ настоящее время подъ именемъ *Го-родища* и *Замчища*. Построеніе Кобринъ и особенно замка польскія лѣтописи относятъ къ XII и даже къ XI вѣку и приписываютъ русскимъ князьямъ, происходившимъ изъ дома *Вольнскихъ*. Изъ древнихъ грамотъ XIII вѣка известно, что владимѣрско-вольнскій князь Владимѣръ Васильковичъ въ духовной своей завѣщалъ Коб-ринъ, какъ немалый городъ, жемъ своей Ольгѣ Романовнѣ⁽²¹⁾. Впоследствии Кобринъ сдѣлался достояніемъ литовскихъ князей изъ дома Ольгерда. Въ XV вѣкѣ Кобринъ является опять русскимъ городомъ. Въ 1497 году, кобринскій князь Іоаннъ Семеновичъ по-строилъ въ немъ нѣсколько церквей и монастырь св. Спаса, запи-савъ въ пользу его до 40 десятинъ земли и двѣ корчмы на рѣкѣ Кобринкѣ; въ этомъ монастырѣ онъ и погребенъ. Въ XVI вѣкѣ Кобринъ подпалъ подъ власть Польши, и Сигизмундъ I подарилъ его *Костевичамъ*, потомки которыхъ въ настоящее время состоятъ помѣщиками въ Кобринскомъ уѣздѣ. Но въ 1563 году Кобринъ об-ращенъ былъ въ казенное имѣніе и считался *королевскимъ горо-домъ*. Изъ экономической люстраціонной записи Дмитрія Сапѣги видно, что и въ то время въ Кобринѣ былъ еще красивый, величе-ственный замокъ о двѣнадцати шпильяхъ, съ другимъ, меньшимъ, обнесенный оградой изъ остроконечныхъ баштъ, подводнымъ мо-стомъ при огромныхъ воротахъ и высокими валами, заставленнымъ 20 пушками и нѣсколькими гремя пулъ; вообще замокъ былъ значительно укрѣпленъ и имѣлъ даже своего коменданта; въ немъ

⁽²⁰⁾ Напримеръ, въ 1583 году, они помогали Янушу Радзивиллу въ домашней войнѣ его съ Холкевичами, изъ за слушки княжны Софій Олельковичъ. См. дальше: Слушки.

⁽²¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Док. Москва. 1819 г. Ч. II № 45.

жила королева Бона ⁽²³⁾. Въ той же записи показано, что въ Кобринѣ былъ монастырь св. Спаса; церкви: Пречистенская, Петровская, Спасская и Николаевская; улицы: Чарнавчицкая, Рутенская (русская), Пинская, Блоцкая, Остроменская и Брестская; двадцать восемь площадей и одинъ католическій костелъ въ Пинской улицѣ. Въ 1589 г. Баторій подарилъ Кобринъ королевѣ Аннѣ-Ягеллонкѣ, которая, умирая, завѣщала его женѣ Сигизмунда III, королевѣ Констанціи. Въ XVII вѣкѣ Кобринъ принималъ участіе въ дѣлахъ унии. Въ 1626 г., 6 сентября, въ немъ былъ униатскій соборъ подъ предводительствомъ Веніамина Рутскаго, на которомъ присутствовали епископы: *Иоакимъ* — владимірскій и брестскій, *Иереміи* — острожскій и луцкій, *Григорій* — пинскій и туровскій, *Леонцій* — смоленскій и черниговскій, *Аванасій* — перемышльскій и самборскій, и *Антоній* — полоцкій. Въ 1653 и 1706 г. шведы опустошали и жгли Кобринъ, а самыхъ жителей его душили, какъ животныхъ. Едва успѣли опомниться кобринцы отъ нападений шведовъ, какъ въ 1711 г. моровая язва жестоко выгубила нѣсколько сотъ душъ изъ нихъ, такъ что до конца XVIII столѣтія Кобринъ представлялъ довольно жалкую картину. Уже въ 1790 году Кобринъ явился обновленнымъ и какъ бы окрѣпшимъ въ отношеніи своей наружности и народонаселенія: въ немъ считалось тогда до 6,000 жителей мужескаго пола. Въ 1795 г. Екатерина Великая подарила кобринскій замокъ и рядъ деревень, смежныхъ съ городомъ и составлявшихъ какъ бы предметъ Кобринна, фельдмаршалу Суворову. Самый же Кобринъ, по хохлатайству литовскаго генералъ-губернатора Ренина, возведенъ на степенъ уѣздаго города Гродненской губерніи, какимъ состоитъ онъ и до настоящаго времени. Суворовъ велѣлъ сломать старинный замокъ и на мѣсто его выстроить красивый дворецъ, который красуется и теперь надъ рѣкою Мухавцомъ и извѣстенъ подъ именемъ *палаца*. Сынъ фельдмаршала, Аркадій, распродалъ кобринское имѣніе, и теперь оно раздѣлено между нѣсколькими мелкими помѣщиками.

Кобринъ лежитъ на пунктѣ портовомъ и могъ бы быть торговымъ городомъ, еслибъ соединить Мухавецъ съ Припятью посредствомъ такъ называемаго *Королевскаго канала*, тѣмъ болѣе, что Мухавецъ, въ другихъ мѣстахъ неспособный къ портовымъ отправлениямъ, отъ Кобринна становится судоходнымъ; но мысль о соединеніи этой рѣки съ Припятью, зарождавшаяся еще въ XVII вѣкѣ, къ головѣ Яна-Казимира, и потомъ проявившаяся во время устрой-

ства Королевскаго канала, не осуществилась до сихъ поръ, и потому торговля Кобринна въ настоящее время самая мелкая и незавидная. Главный сбытъ Кобринна: пенька и особенно сырцовыя кожи, выдѣланныя татарами, поселившимися здѣсь со временъ *Витольда*, и вывозимыя въ значительномъ количествѣ въ Брестъ и въ Гродно. Но и эта мелкая торговля, равно какъ и всякая другая, находится въ рукахъ жидовъ. Лавки, которыхъ здѣсь очень немного, заѣздныя и постоянныя двory, гостинницы и кофейныя, — все это составляетъ промыселъ жидовъ. Они здѣсь всемъ завѣдываютъ; и торговлею, и спекуляціями, и самыми кропотливыми, уѣздными аферами. Вамъ нужно сбытъ залежавшееся сѣно, накопившійся въ анбарахъ хлѣбъ, вамъ нужны деньги, вы продаете пшеницу на корнѣ — вы не минуete жиды: онъ непременно явится къ вамъ и устроитъ ваши дѣла, конечно, не безъ выгоды для себя. Если же вы рискуете обойтись безъ него, онъ непременно помѣшаетъ вамъ, и вы потеряете барыши, даже останетесь въ проигрышѣ. Такова ужъ натура жидовъ кобринскихъ въ особенности и жидовъ вообще всякихъ другихъ.

Искрестивъ и исходивъ все улицы, площади, базаръ и даже тонкую набережную Кобринки, я сѣвшилъ было на станцію обѣдать, но въ Губернской улицѣ навстрѣчу мнѣ попался обязательный мой факторъ и донесъ объ аккуратномъ исполненіи порученія, замѣтивъ тутъ же, что — *кѣ* просилъ меня къ себѣ хоть на часокъ вечеркомъ.

Я хотѣлъ было распрощаться съ факторомъ, но онъ вздумалъ предложить мнѣ заглянуть въ одну изъ лучшихъ, по его словамъ, кофейную кобринскую, хотя, кажется, она одна и есть на лицо въ Кобринѣ.

— Тамъ славная *кава* (кофе), задабривалъ меня факторъ, рисуясь предо мною и поминутно снимая шапку: — не хуже варшавской. И кавярка хорошенькая.... Повѣрите, ясновельможный пане.... Потрудитесь....

Въ это время проскользнула мимо насъ какая-то шляпка, и я едва могъ рассмотреть красивое личико дамы.... Мнѣ она показалась кобринскою дамою, а въ сущности оказалось, что то былъ теккереевъ провинціальный *снобъ* женскаго рода....

Юсель (имя фактора) моргнулъ глазами и какъ воробей въ мякишъ заѣменилъ предо мною свои *пантофляки*, согнувшись въ три погибели и приготовившись какъ бы обвиться вокругъ меня, точно змѣя-мѣдянка, ласкающаяся, но не кусающая.

⁽²³⁾ Liber Tribunalitius Palatin. Kijoviens. 1563. При Варшавскомъ Главномъ Архивѣ. № 16.

Это было выражение жидовского восторга и факторской угодливости.

— Знаете.... знаете, ясневельможный пане!... Вѣдь это она!... она!...

— Кто она? спросилъ я его.

Юсель словно прилипъ къ моей головѣ и, несмотря на то, что на улицѣ не было ни души, ни телѣги, шепталъ мнѣ на ухо:

— Это — сама кавярка!... панна Колета.... какая хорошая!... ай-ай!... на весь Кобринъ одна такая хорошая!...

Изъ любопытства, а болѣе изъ желанія выпить чашку кофе, отправился я въ кофейную панны Колеты.... И, дѣйствительно, панна Коleta очень миленькая полька, хотя съ немножко *хватскими* манерами....

Я раскланялся съ панною Колетою и вышелъ на такъ называемый *Русскій пляцъ* (площадь), перерѣзываемый шоссею дорогою, съ намѣреніемъ пробраться на станцію.

Юсель, какъ духъ, предсталъ предо мною и предложилъ мнѣ прокатиться до станціи на извозчикѣ, или, какъ говорятъ, въ Кобринѣ, на *ремизѣ*. Но ремиза, подлетѣвшая на зовъ Юсееля, была не что иное, какъ полѣсская таратайка, запряженная одною тощею лошадиною съ косматою бородкою, или, просто-на-просто, телѣга-трясенкою, и я предпочелъ лучше отправиться пѣшкомъ, несмотря на усталость послѣ пяти-часовой ходьбы, чѣмъ трястись на такомъ экипажѣ полѣско-кобринского произведенія.

Навстрѣчу намъ попались безчисленные троечные подводы съ бревнами, досками, жердями, балтами и другими строительными снадобьями.

Всезнающій Юсель объяснилъ, что это матеріалы, изъ которыхъ выстроены были *контрактные* балаганы.

Въ Кобринѣ бываетъ ярмарка, начинающаяся 22 июня и продолжающаяся недѣлю. Помѣщики называютъ ее *контрактами* (т. е. условіями, договорами), потому что въ эту недѣлю производятся выборы дворянства и заключаются условія съ нанимаемыми управляющими, экономами и писарями въ имѣнія. Пользуясь такимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, на контракты съѣзжается все окрѣпленное помѣщичество, и въ смиренномъ Кобринѣ происходятъ страшное движеніе и волненіе сердець! Тутъ, во всей уѣздной эффемерности, являются на сцену провинціальныя *снобсы* всѣхъ возможныхъ породъ, франты въ венгеркахъ и *шерачковыя* (23) сюрту-

(23) Свѣтло сѣраго цвѣта.

кахъ, въ синихъ, съ тускло-свѣтящимися металлическими пуговицами, фракахъ давно-минувшихъ лѣтъ, экономы, волостные писаря, комиссары и *подпанки* въ ринсовыхъ казакинахъ, съ *аблаухими* шапками безъ козырьковъ и съ *оними*. Словомъ, на контракты съезжается со всѣхъ концовъ Кобринскаго уѣзда вся *шляхта*.... Кобринъ оживаетъ, принимаетъ праздничный, торжественный видъ. На собранія поголовно съ каждаго помѣщика, подпанка и городского снобса, записного любителя *шумныхъ удовольствій*, деньги устраиваются такъ называемые *редуты*, или *ресурсы*, т. е. нѣчто въ родѣ танцевальныхъ собраній, и потому всю недѣлю танцуютъ отчаянно до упаду, чтобъ не пропали даромъ пожертвованныя деньги; откальваютъ разныя польки, краковяки, кадрили, мазурку и даже рѣшается судьба не одной полѣсской панночки, илѣбнвившейся какимъ нибудь *егомоствемъ* (24), посесоромъ или кобринскимъ дэнди, сведшимъ съ ума всѣхъ горожанокъ своею любезностью и темно-зелеными глазами. Впрочемъ, въ ресурсахъ всегда первенствуютъ кобринскія дамы-горожанки, большія шеголихи, одѣвающіяся со вкусомъ и выписывающія бальныя платья, чепчики, даже башмаки и перчатки изъ самой Варшавы. Зато изъ мужчинъ, говорятъ, отличается *шляхта*, т. е. помѣщички; предъ ними пасуютъ кобринскіе танцоры; одинъ только *кавалеръ* съ темно-зелеными глазами, очень модными въ Кобринѣ, оспариваетъ иногда ресурсное первенство.

Кромѣ ресурсовъ бываютъ и другія контрактныя удовольствія. Импровизируется театръ изъ странствующихъ губернскихъ актеровъ, профѣзжаетъ *камедья* (комедіанты), являются канатные плясуны и разные штукари, подъ предводительствомъ извѣстнаго бѢлорускаго фокусника *Давеллы*, и въ заключеніе даются маскарады.

Мнѣ рассказывали, что на этихъ лѣтнихъ маскарадахъ совершаются «уму непостижимыя вещи», и я вполне вѣрю; потому что уже самый маскарадъ лѣтомъ, въ концѣ іюня, по столичному разумію, есть величайшая рѣдкость.

Веселію и торжеству контрактному содѣйствуютъ единодушіе, дружба и общее согласіе кобрищевъ, а въ особенности такъ называемая уѣздная *снобичность*....

На другой день около полудня я опять отправился въ городъ, для нѣкоторыхъ археологическихъ изысканій, и, между прочимъ, случайно нашелъ въ бібліотекѣ Кобринскаго Духовнаго Училища рѣд-

(24) Господинръ.

не фоліанты на латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, перевезенные изъ знаменитой нѣкогда библіотеки Брестской Базилианской, униатской, семинаріи.

Я долженъ былъ еще заглянуть въ библіотеку Бернардинскаго монастыря, но, за отсутствіемъ настоятеля, не могъ разсмотрѣть замѣчательностей этой библіотеки.

Кромѣ Бернардинскаго монастыря, въ Кобринѣ есть еще четыре костела и одна православная церковь.

Жителей въ Кобринѣ въ настоящее время считается до 7,000; изъ нихъ болѣе всѣхъ — жидовъ, а менѣе всѣхъ — татаръ.

Почти ночью уѣхалъ я изъ Кобрина и на другой день утромъ очутился въ Молдовилахъ — станціи Минской губерніи и, слѣдовательно, границѣ БѢлорусскаго края. На меня пахло живительнымъ бѢлорусскимъ воздухомъ.

V.

Станція Сенявки. — Границы Полѣсія и БѢлоруссіи. — Языкъ и одежда бѢлорусцевъ. — Случайная встрѣча. — Сенявская церковь. — Народныя игрища и пляски. — Цепскій монастырь. — Видъ старинной БѢлорусской почтовой дороги по Несвижскому тракту. — Клецкъ: замѣчательности его въ древности и въ настоящее время. — Клецкіе татары и татарки. — Церкви и костелы. — Торги по пятницамъ. — Ивѣнія Радзивиловъ. — Отъѣздъ.

Отъ Молдовилъ до Сенявки оставалось не болѣе ста верстъ, и потому въ пять часовъ по полудни я сидѣлъ уже въ чистенькой, щегольской комнаткѣ Сенявской станціи.

Сенявка лежитъ на срединномъ пунктѣ довольно значительныхъ трактовъ, именно: брестскаго, пинскаго, слуцкаго и несвижскаго, и составляетъ границу между Полѣсьемъ и БѢлоруссією; оттого-то по одному тракту, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Сенявки, слышится рѣчь полѣсская, а по другому — бѢлорусская. Вслѣдствіе такого географическаго положенія, Сенявская станція уже не кажется пустынною и мрачною, какъ прочія станціи, лежащія по брестскому шоссе. Здѣсь со всѣхъ четырехъ сторонъ видѣются разнообразныя рѣка, рощи, живописныя деревеньки, помѣщичьи хутора и величественныя березовыя присады, и постоянно, почти всякій часъ, раз-

даются почтовые колокольчики, хлопанье бичей и удалые возгласы и нѣсни ямщиковъ. Нерѣдко случается, что въ Сенявку въ одно и то же время съѣзжается до пяти и до шести троекъ, да вдобавокъ налетитъ брестскій дилижансъ. Оттого-то проѣзжимъ, даже и по казенной надобности, зачастую приходится ожидать лошадей часъ или полъ-часа. Впрочемъ, эта маленькая неприятность выкупается комфортомъ станціи и мѣстоположеніемъ самой деревни Сенявки. Пріѣхавшій изъ Бреста, не встрѣтивъ на шоссе никакихъ отрадныхъ видовъ, съ удовольствіемъ полюбуется живописными окрестностями Сенявки и съ наслажденіемъ подышетъ свѣжимъ, чистымъ, даже благовоннымъ воздухомъ дѣвственной БѢлоруссіи.

Я такъ сужу потому, что самъ испыталъ подобное наслажденіе. Несмотря на казенную подорожную, я долженъ былъ подождать съ часъ, пока миѣ дадутъ тройку и отправятъ въ дальній путь, — подождать, впрочемъ, не потому, что не было лошадей — лошадей бы, пожалуй, нашли — а потому, что всѣ были измучены, по случаю какого-то экстреннаго разгона: ну, какже не сжаться надъ бѣдными животными?... Не пожалѣй скотинки, такъ и она не пожалѣетъ тебя, говорятъ сострадательные бѢлорусцы.

Солнце мало по малу закатывалось и уже пряталось межъ при-садныхъ березъ и лѣсныхъ сосенъ; игривый, легкій вѣтерокъ скользилъ по чистой атмосферѣ, располагая къ нѣгѣ и вечерней прогулкѣ въ тѣнистой рощѣ, лежащей на опушкѣ ближайшаго лѣса. Оставивъ въ полномъ распоряженіи вѣжливаго почтъ-станціоннаго смотрителя свои вещи, я отправился погулять по Несвижскому тракту.

По дорогѣ миѣ встрѣчались знакомые лица и костюмы, слышался родной бѢлорусскій языкъ, который... счастливое время!... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ-костяной-ногѣ....

Въ годы дѣтства я и не воображалъ, что нѣкогда, лѣтъ чрезъ двадцать, буду изучать, или, вѣрнѣе, доучивать родной свой языкъ и для этого путешествовать по тѣмъ самымъ мѣстамъ, которыя такъ дороги для меня воспоминаніями о счастливомъ прошедшемъ. Теперь настала для меня пора употребить съ пользою младенческое

знакомство съ этимъ древне-русскимъ языкомъ, на которомъ говорили главные племена славяно-русскія: кривичи и дреговичи, и на которомъ писали на Руси многіе акты и договоры, даже Литовскій Статутъ. Пригодились и сказки, слышанныя въ дѣтствѣ, и прибаутки, и пословицы, и разныя повѣрья о духахъ, колдунахъ, чародействѣхъ и страшнѣйшихъ нѣкогда язычествовавшего русскаго народа. То, малъ чѣмъ прежде у насъ смѣялись и считали не болѣе, какъ услажденіемъ лакейскихъ и дѣвичьихъ въ помѣщичьихъ хуторахъ, то теперь обращаетъ вниманіе ученаго русскаго міра, за то теперь взились серьезно и разумно въ ученыхъ кабинетахъ и на кафедрахъ.... И не диво! Бѣлорусскій языкъ, преданія, повѣрья и сказки бѣлорусцевъ стоить того: бѣлорусскій языкъ такъ самостоятеленъ, такъ характеристиченъ въ археологическомъ и филологическомъ отношеніяхъ, преданія, повѣрья и сказки его такъ оригинальны, до того исполнены первобытной, древней поэзіи славяно-русской, что, при настоящемъ направленіи и развитіи у насъ филологіи и археологіи, становится необходимымъ изслѣдовать и изыскать главный критонъ древней русской славянины и познать отчетливо съ родоначальными ея элементами, сохранившимися въ Бѣлоруссіи: изучая бѣлорусскій языкъ, преданія, повѣрья и сказки бѣлорусскаго народа, мы изучаемъ языкъ, понятія и вѣрованія своихъ предковъ.

Заслышавъ давно знакомую мнѣ бѣлорусскую рѣчь, я невольно остановился и, казалось, вдыхалъ въ себя раздававшіеся въ воздухѣ звуки мелодическаго пѣвучаго языка; въ душу мою такъ вольно просились отголоски словъ, произносимыхъ, по обыкновенію, бѣлорусцевъ, на распѣвъ, протяжно.

Почти у самой подошвы взгорья при дорогѣ, два поселяннина падали землю для озимаго хлѣба и по временамъ перекидывались словами съ сидѣвшими на окраинѣ борозды двумя молодницами, своими жонами, принесшими имъ полдникъ и дождавшимися окончанія паханья, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ отправиться домой. Наконецъ работа кончена; поселяне, распрягнувши воловъ, вышли на *гостиницу* (почтовую дорогу) и отправились въ село.

Мужчины одѣты были въ бѣлыя *свитки* съ стоячими воротничками и съ красными поясами; на головахъ ихъ были шапки-валенки изъ овечьей шерсти, на ногахъ — лыковые лапти. Молодницы были въ бѣлыхъ же свиткахъ, очень мало различающихся отъ мужскихъ фасоновъ, только безъ поясовъ и съ отложными воротниками, отороченными синими снурками и тесьмами; головы ихъ были покрыты такъ называемыми *наметками*, т. е. длинными узкими по-

лотницами, сложенными въ нѣсколько рядовъ и обвитыми вокругъ головы въ множество складокъ, съ вислицами по бокамъ концами.

Сказавъ, по доброму, привѣтливому обычаю своему, *дабри вечаръ*, они прошли мимо меня съ распряженными волами и стали что-то шептаться; я остановился и долго любовался безмятежнымъ довольствомъ этихъ счастливыхъ поселянъ, работавшихъ весь день и все-таки съ веселыми физиономіями возвращавшихся къ домашнимъ очагамъ.

Не успѣвъ я пройти нѣсколько шаговъ впередъ, какъ меня поразила довольно неприятная сцена, послужившая нѣкоторымъ препятствіемъ къ выѣзду моему въ тотъ вечеръ изъ Сенявки. На довольно крутой горѣ показалась большая дорожная карета, навьюченная всякими сундуками, мѣшками и картонами, нагруженная различнаго рода женскими физиономіями и вооруженная рыжебородымъ кучеромъ-евреемъ съ длиннѣйшимъ бичемъ. Кучеръ, должно быть, спалъ или зѣвалъ, и лошади, пущенныя, по жиловскому обычаю, съ горы во весь опоръ, зачухались въ безчисленные веревочныя возжи и посторонки и осыпались: одна изъ нихъ упала и переломила ногу; карета съ раската опрокинулась и, вмѣстѣ съ вскрикнувшими дамами, покатила въ канаву.... Я испугался и побѣжалъ на помощь.... Но что я могъ сдѣлать?... Карета лежала въ канавѣ, во многихъ мѣстахъ изувѣченная.... Оставалось поскорѣе растворить двери и высадить бѣдныхъ путницъ. Трусливый жидъ такъ оробѣлъ, или, вѣрнѣе, такъ пораженъ былъ судьбою бѣдной упавшей лошади, что рѣшительно забылъ о путешественницахъ. Изъ кареты вышла среднихъ лѣтъ дама, поблѣднѣвшая и помертвѣвшая отъ страха; съ нею была дѣвица лѣтъ семнадцати — губернятка, три маленькія дочери и горничная.... Лакея не было.... Ѣздить въ такой далекой край безъ мужчины — большая неосторожность.

Видя, что жидъ горевалъ о потерѣ своей ключи и вовсе не думалъ объ экипажѣ, я побѣжалъ за мужичками, которые еще не скрылись у меня изъ глазъ, и призвалъ ихъ на помощь. Добрые, усердные бѣлорусцы, несмотря на усталость послѣ дневной работы, въ ту же минуту побѣжали и вытаскивали карету изъ канавы, за что щедро были награждены, хотя и долго отказывались принять что нибудь за свои услуги: какая рѣдкая черта безкорыстія!

Путешественницы ѣхали на долгихъ и потому остановились ночевать на постояломъ дворѣ, или, правильнѣе, въ жиловской корчмѣ сенявской.

Дама была дочь извѣстнаго ученаго русскаго и жена полковника З..., стоявшаго съ полкомъ въ Ленчицѣ (уѣздный городъ Вар-

шавской губернии), съ которымъ я познакомился въ Варшавѣ; она ждала въ нѣмнѣе и теперь спѣшила къ мужу. Испугъ такъ сильно подѣйствовалъ на нее, что къ вечеру она заболѣла и почувствовала вѣчто въ родѣ лихорадки. Не говорю уже о томъ, что чувство деликатности и вѣжливости требовало отъ меня продолжительнаго присутствія при больной въ деревнѣ, отдаленной отъ города, но, наконецъ, чувство состраданія и сожалѣнія прямо вызывали меня на пожертвованіе — пробыть въ Сенявкѣ до слѣдующаго дня, пока не оправится больная отъ испуга и не будетъ въ силахъ остаться безъ моей помощи. Притомъ же, я былъ знакомъ съ ея мужемъ.

Въ корчмѣ З — ву постигла новая неприятность. По случаю наступавшаго мѣстнаго праздника въ Сенявкѣ, всѣ комнаты заняты были простонародьемъ, такъ что негдѣ было даже пріютиться на ночь. Уже послѣ долгихъ, усиленныхъ просьбъ моихъ, хозяинъ-жидъ, не согласившись, изъ торговыхъ расчетовъ, очистилъ отъ постояльцевъ какую нибудь комнату, уступилъ свою коморку; коморка была вычищена; принесли даже какую-то кровать. Къ счастью, у З — ой нашлись складныя кровати, и чрезъ нѣсколько минутъ корчемный ночлегъ былъ устроенъ.

Подали чай. Изъ разговора оказалось, что родители дамы знакомы съ моими, а гувернантка была родная сестра одной дѣвицы, живущей въ домѣ Б...хъ, петербургскихъ моихъ родственниковъ. Это обстоятельство еще болѣе сблизило меня съ бѣдными путницами, и я рѣшился отложить свой выѣздъ изъ Сенявки до другого дня. Къ ночи лихорадка у З — вой уменьшилась, и я ушелъ на станцію.

На другой день меня разбудилъ звонъ колоколовъ сенявской церкви, и тутъ я вспомнилъ о своей пациенткѣ и поспѣшилъ навѣдаться о ея здоровьѣ, которое оказалось въ самомъ хорошемъ положеніи.

И время и обстоятельства располагали путешественницъ къ молитвѣ, и потому онѣ, вмѣстѣ со мною, отправились въ церковь поблагодарить Бога за свое спасеніе.

Церковь сенявская находится въ полуверстѣ отъ станціи, въ центрѣ самого села, и обращаетъ вниманіе археолога своею древностью и византійскимъ стилемъ. Зданіе церкви деревянное и существуетъ около 300 лѣтъ.

Вокругъ и въ самой церкви народа было множество, и мы съ трудомъ пробрались внутрь. Богослуженіе окончилось крестнымъ ходомъ, и народъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, спѣшилъ домой — раздѣлать съ гостями праздничный столъ.

Послѣ походнаго, дорожнаго обѣда въ обществѣ дамъ-путешественницъ, я вышелъ съ ними прогуляться по Сенявской площади, расположенной въ виду Забѣднаго дома, и взглянуть на веселящійся народъ. Площадь вся была усеяна разноцвѣтными костюмами, платьями, нарядами, физиономіями и лицами: тамъ, на травѣ, возлѣ двухъ березокъ, кружкомъ усеялись старыя матроны, съ красавицами-дѣвицами, бѣлолицыми, русоволосыми дочками и внучками, и, щелкая орѣхи, съ улыбкою поглядывали на стоявшаго возлѣ нихъ *маскаля* (солдата) въ шанкѣ на бекрень и рассказывавшаго молодому парню про свои походы и храбрые подвиги командира; тутъ, у позовъ, на мѣшкахъ съ сѣномъ, отдыхали старики и, покуривая бѣлорусскій тютюнъ, толковали о будущемъ урожаѣ гречи, въ такомъ большомъ количествѣ разводимой въ Бѣлоруссіи, и удачной уборкѣ сѣна. Возлѣ самой корчмы расположились дѣшныя *хлопцы* (парни) и играли въ свои козыри: вотъ къ нимъ подошли нѣсколько дѣвицъ и стали утѣшать ихъ, зачѣмъ они проводятъ время въ такихъ глупыхъ удовольствіяхъ и не позаботятся о музыкѣ. Одинъ изъ хлопцевъ почесалъ затылокъ, всталъ и куда-то исчезъ, чрезъ пять минутъ явился съ скрипкою, дернулъ дугообразнымъ смычкомъ, и охотницы до плясокъ мигомъ сбѣжались: возлѣ музыканта образовался огромный хороводъ дѣвушекъ, которыя стали танцовать. Между плясками я замѣтилъ два танца, вовсе не похожіе на пляски великорусскаго простонародья: *мицелицу* (мятель) и *пацерицу* (трясучка) въ родѣ такъ называемой польки-tremblante.

Мицелица состоитъ въ томъ, что три (но не двѣ и не четыре) дѣвицы, взявшись за руки, то быстро вертятся кругомъ, какъ будто вальсируютъ, то выдѣлываютъ полу-круги медленно, какъ бы отворачиваясь одна отъ другой, то, наконецъ, несутся вдоль и поперекъ площадки, припѣвая пѣсню:

«Якъ пановъ жежъ нашъ кавалъ (кузнецъ)
Съ кавалихаю на баль,
Да маруднажъ (медленно) јонъ идзе,
Да-й дарожки не найдзе;
Не пановъ жежъ тамъ, гдѣ бродъ,
Да палѣзъ јонъ тамъ, гдѣ лѣдъ;
Јонъ ня-барожы (нескоръ, небыстръ) на хаду;
Ззайбивъ (заморозилъ) жонку на ляду (лѣдъ)!
Бадай (чтобъ) таго каваля
Мицелица замаяла,
Што јонъ яе мяду
Да змарозивъ на ляду.»

Мяглицу исключительно танцуют женщины и по преимуществу дѣвцы.

Пацерухой называется танецъ, какъ будто похожій на первую фигуру нашей французской кадрили, впрочемъ, имѣющей свой народный типъ. Обыкновенно становятся двѣ пары дѣвцы и хлопцевъ: поклонясь другъ другу, пара дѣвцы, трясая всѣмъ тѣломъ и размахивая руками, на пяткахъ выдѣлываетъ разныя паи, потомъ, точно плыветъ на встрѣчу парѣ хлопцевъ, которые, въ свою очередь, сѣменятъ носками сапоговъ, какъ-то съискоса изъ ноль козырка поглядывая на *пльвушицх дамг*; когда сойдутся двѣ пары, хлопнуть другъ другу надъ ухомъ въ ладоши и поодиночкѣ расходата въ разныя стороны, топая ногами и приговаривая: «вухъ я! да вухъ я!» Потомъ, группируются всѣ пары вмѣстѣ и, переплетшись руками, дѣлають круги, то въ одну, то въ другую сторону; наконецъ раскланиваются другъ съ другомъ и скрываются въ толпѣ, какъ бы ожидая вызова или новаго приглашенія со стороны хлопцевъ. Пацеруху танцуютъ и замужнія женщины и вдовы.

Было уже довольно поздно. Смеркалось, когда мы оставили это народное игрище, и, распростившись, разошлись въ разныя стороны. Карета по возможности была исправлена жидками-кузнецами, и г-жа З—ва кое-какъ могла доѣхать до Бреста.

Я уѣхалъ на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ.

Въ Сейявкѣ мнѣ дали лихую тройку и на козлы посадили бѣлокураго хлопца-ямщика, которому не сидѣлось спокойно на мѣстѣ, какъ курица на яйцахъ: онъ то-и-дѣло переваливался съ боку на бокъ. Почтовая бричка была небольшая, поклажи немного: легко, и мой хлопецъ вихремъ понесся, съ своими *буланями*, по широкой зеленой столбовой. Я номинутно хватался руками за перила брички, опасаясь, чтобъ разгулявшійся на просторѣ возница не опрокинулъ меня. Оглянувшись назадъ, онъ, кажется, обидѣлся такимъ опасеніемъ и, съ сознаниемъ своей ямщицкой ловкости, замѣтилъ: «нябося» (небойся), ланокъ: свеземó не *горниг* (не хуже) пидерскихъ.» «Дѣло» — подумалъ я себѣ и, повторяя мысленно его замѣчанія, сталъ любоваться видомъ почтовой дороги.

Что за видъ! что за живописный сельскій видъ!

Столѣтнія, вѣковыя березы, развѣтвившіяся вдоль и поперекъ и окутанныя въ яркую зелень узорчатыхъ цѣстевъ, дружно жмутся одна къ другой по обѣимъ сторонамъ дороги, такъ что, проѣзжая быстро, можно принять ихъ за густой, цѣльный лѣсъ. Дорога постоянно извиается и тераетъ свою цѣпь въ безконечныхъ зигзагахъ поворотовъ то направо, то налево. Здѣсь не увидишь разомъ

двухъ-верстовыхъ столбовъ, какъ это бываетъ на прямо-линейномъ шоссе; не увидишь даже иногда разсмотрѣть впереди тридцатой отъ начала березы: только взглянешь на нее, а она уже скрылась направо или налево въ противоположномъ нагибѣ крутого поворота. А какъ часто съ горки на горку! Ямщикъ гаркаетъ, и лошадежки полетятъ въ долину, словно въ пропасть, затанувшую межъ двухъ высокихъ горъ. Только держись да крѣпись. Лошадежки снова вынырнутъ изъ пропасти, словно духи изъ подземелья, и занесутъ тебя на высокую, остроконечную горку, съ которой, того-гляди, вертикально покатишься въ оврагъ или въ канаву.... «Небося, ланокъ: ня хибимъ!» кричить, оглядывался, хлопецъ. И успокоиваешься и вѣришь въ его бѣлорусское слово. И сидишь себѣ да любуешься, какъ мѣшковатый съ виду бѣлорусецъ управляетъ съ своими быстроногими конями. И снова заглянувшись на дивную перспективу старинной дороги.... Вотъ видишь, по сторонамъ, на горкахъ и пригоркахъ разбросаны хаты, безмсленныя усадьбы, хуторы и фольварки мелкопомѣстной шляхты. Тамъ, изъ высокаго, пошатнувшагося на бокъ, *комина* (трубы) клубомъ несется прозрачный синеватый дымъ отъ березовыхъ дровъ. Тутъ, въ *озеродахг* (переплетахъ), паробки переплетаютъ снопы только что сжатого ранняго ячменя — *ореша*. Тамъ, съ наметками на головахъ, красно-румяныя и кругло-полнощія молодичи и дѣвцы осторожно полють поздній ярко-махровый макъ, оканываютъ картофель, выбираютъ съ грядъ первые огурцы, сушатъ перемытую пшеницу, и все это съ иѣсиями и припѣвами, съ улыбкою на устахъ и радостью въ глазахъ. А тутъ плотно *посидавшій* (позавтракавшій) *бацька*, или *дядзька*, съ своими зятьями или сыновьями доканчиваетъ *атаву* (новую траву) и не взглянетъ, какъ почти мимо его пронесется тройка и прозвенитъ неумолкающій колокольчикъ. А вотъ, у самой подошвы вгоря, при дорогѣ, ребятишки деревенскіе, въ однихъ рубашенкахъ, стерегутъ насущихся овецъ и телятъ. Изъ дѣтскія забавы прерываются только свистомъ или крикомъ проѣзжающаго ямщика: «Ухъ! съ горки на горку! дасть баринъ на водку!» Они лѣниво подшимають головы и, поглазѣвъ на удалаго дядьку, разваиваются опять на травѣ и продолжаютъ драться за какойнибудь цвѣтной камешекъ. А сколько видовъ можно встрѣтить, проѣзжая мимо фольварковъ⁽²⁵⁾ мелкихъ владѣльцевъ и посесоровъ. Смотрите! вотъ тамъ, въ саду, въ уголку, пожилой панъ, въ панковомъ базахонѣ, съ огородничьимъ ножомъ въ рукахъ, ука-

(25) Влады, между однимъ изъ этихъ фольварковъ, видѣется древній *Цепскій* монастырь православный, построенный въ XV вѣкѣ (Собран. древн. Грам. . Дошн. и Актовъ Вилен. Губер. *Вильно*. 1843 г. Стр. XIV).

живает около молодых прививков дуль (груш). Возлѣ него стоять, розина ротъ, мальчишка съ голой головой и худыми сапогами, вешенными съ того дня, какъ сшиты: это его сынъ, бывшій на каникулы изъ школы и одѣтый по домашнему. На другой сторонѣ сада — тучная, пышная пани, съ пчесанными волосами, въ какихъ-то мнѳологическихъ туфляхъ, сѣрой домотканной юбкѣ и накинута на расплывшійся отъ тука плечи красномъ, тифтиковомъ платкѣ, помогаетъ двумъ беззубымъ бабамъ развѣшивать только что выстиранное бѣлье. Въ срединѣ сада, на деревянной скамькѣ, сидитъ шестнадцатилѣтняя блондинка и будто вяжетъ чулокъ, — вяжетъ, а спицы постоянно падаютъ въ ея руки. Маменька велѣла ненаглядной своей дочкѣ, недавно возвратившейся изъ минскаго или слудскаго пансіона, присмотрѣть за половыми чечевицу служанками. Но милая дочка и не взглянетъ на работницъ: она сидитъ себѣ развалившись и что-то шепчетъ на воздухъ.... Молоденькой панночкѣ приглянулся какой-то минскій паничъ или сосѣдній помѣщикъ, а можетъ быть, даже и слудскій канцеляристъ.

Когда я думалъ объ этой панночкѣ, ямщикъ, указавъ на видѣвшіеся сквозь березызданія, почти вскрикнулъ: «вотъ вамъ и Клецкъ, валокъ!»

Дѣйствительно, Клецкъ былъ уже въ десяти шагахъ. Ямщикъ молнией понесся въ мѣстечко и чуть было не задалвалъ нѣсколько жиденатъ... При самомъ въѣздѣ въ Клецкъ, онъ осадилъ усталыхъ лошадокъ, слѣзъ и, подобравъ въ руки возжи, поплелся шагомъ.... Не диво: навсемъ протяженіи улицы было двухъ шаговъ сухого мѣста. Грязь густая, клейкая, черная, какъ душа ростовщика, лежала по всей улицѣ, и нельзя было ни пройти, ни проѣхать, чтобъ не завязнуть въ ней разъ десять.... Бѣдныя лошаденки не разъ останавливались и готовы были отказаться отъ дальнѣйшаго шествія, несмотря на то, что чутьемъ чуяли уже отдыхъ на клецкой станціи. Но ямщикъ и тутъ умѣлъ уравниться съ ними: онъ называлъ ихъ самыми нѣжными именами, какія только можетъ прибрать одинъ бѣлорусецъ, слышномъ привязанный къ домашнимъ животнымъ. Лошаденки, казалось, понимали эти ласки и рвались изъ всѣхъ силъ по тонкой грязи. Зато сколько надоѣдали мнѣ неспособные жидаы, какъ только останавливались измученныя лошади. Они выскакивали изъ своихъ крошечныхъ, досчатыхъ лазеекъ и, снявъ мохнатые шанки и покручивая обложенные акцизомъ пейсы, кланялись и предлагали весьма выгодныя квартиры съ каминомъ, маринатами, пивомъ и разнымъ виномъ», хотя на самомъ дѣлѣ оказывались налицо

только грязная, темная коморка и десятокъ засохшихъ баранокъ съ полъ-дюжиной селедокъ и штофомъ, пополамъ съ водой, мутной настойки.... Ямщикъ сердился за такія неумѣстныя предложенія, говорилъ, что ѣдетъ почта и потому не нужна жидовская квартира, а вдобавокъ, вышедшій изъ терѣвня, отгонялъ мохнатую компанію кнутомъ. Но неотвязчивые евреи, бранясь съ ямщикомъ, обращались ко мнѣ съ разными искательствами: «Проще не вѣришь ему, ясновѣроятный пане благородіе! Есть и марината и чай.... и кавал.... и разные шляхецкіе присмаки.... недорого возьмемъ.... Заѣзжайте къ намъ!» Я слушалъ только и молчалъ — единственное средство отдѣлаться отъ подобныхъ надоѣдалъ... А то, заговори съ ними хоть шутя, они готовы уцѣпиться за экипажъ и насильно завезутъ васъ въ свои хлѣвы.... Кончилось тѣмъ, что недовольные жидаы отошли ни съ чѣмъ, и мы достигли станціи.

Клецкъ — довольно большое мѣстечко Новогрудскаго уѣзда, болѣею частью застроенное деревянными домами, съ огромнѣйшею площадью и квадратнымъ гостинымъ дворомъ, — весь лежитъ въ долинѣ и окруженъ самымъ живописнымъ видомъ горъ, рощицъ, луговъ, озеръ и извилистой рыбной рѣчки Лани, освѣщенной вербами, черемухой и мелкою ольхою.

Клецкъ нѣкогда былъ городомъ, имѣлъ свою крѣпость и замокъ, слѣды каменнаго фундамента котораго, равно какъ и валы, обведенные широкимъ рвомъ, сохранились до настоящаго времени съ Несвижскаго въѣзда; не такъ давно, возлѣ валовъ, въ глубокомъ, случайно провалившемся отверстіи, найдено нѣсколько обломковъ оружія и монетъ временъ татарскихъ. Я случайно купилъ три такія монеты да, кромѣ того, одну римскую, съ изображеніемъ императора Антонина и съ надписью: «Antoninus-Augustus». О Клецкѣ, какъ городѣ, упоминается въ древнихъ лѣтописяхъ. Парбутъ, описывая войну русскихъ съ татарами въ концѣ XV столѣтія, приводитъ слѣдующее замѣчаніе: «Татары *поводили* (думали) заневно, што царевичи (русскіе) кономъ стоять подъ *городомъ* Клецкомъ»⁽²⁶⁾. Изъ тѣхъ же лѣтописей видно, что Клецкъ, въ качествѣ города, извѣстенъ былъ еще въ XIII вѣкѣ и былъ торговымъ мѣстомъ, имѣвшимъ свой судъ и расправу *на волѣсти* (то есть на сосѣдній деревни и селенія). Въ концѣ XIV вѣка Клецкъ присоединенъ былъ къ владѣніямъ великаго княжества Литовскаго, и въ каменномъ его замкѣ проживали побочныя дѣти Ягелла, изъ которыхъ одинъ сынъ женился на клецкой красавицѣ-мѣщанкѣ и, для избѣ-

(26) *Narbut, Pomniki do dziejow Litew. Narodu, str. 76, § 155.*

жаниа толковъ, поселился за городомъ, надъ рѣкою Ланею, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится хуторъ Радзивильмонтъ, съ довольно щегольскимъ палацомъ, перешедшій въ настоящее время, въ вѣдѣніе родства съ Радзивиллами, къ Витгенштейнамъ. Въ XVI вѣкѣ Клецкъ вошелъ въ составъ польскихъ королевскихъ имѣній, а Сигизмундъ-Августъ подарилъ его женѣ своей Боиѣ. Въ 1503 году Клецкъ былъ свидѣтелемъ татарскихъ набѣговъ. Орда перелопскихъ татаръ, ворвавшись въ городъ, жестоко опустошила и превратила въ развалины какъ самый городъ, такъ и древній замокъ; голодные и почти нагіе жители принуждены были спасаться бѣгствомъ въ лѣса, послѣ чего многіе основались на новыхъ мѣстахъ. Не успѣвъ Клецкъ немножко отстроиться, какъ та же орда въ 1506 году вздумала посвирѣствовать опять на свѣжихъ развалинахъ разграбленнаго ею города. Впрочемъ, на этотъ разъ татары были наказаны за свою жестокость: ихъ встрѣтилъ здѣсь князь Михайлъ Глинскій пушечною пальбою и, несмотря на многочисленную ихъ дружину, состоявшую изъ тридцати тысячъ человекъ, разгромилъ такъ, что они едва спаслись отъ смерти въ числѣ семи тысячъ.... Стычка эта произошла подъ Клецкомъ, близъ Темнаго озера, сопряженнаго съ рѣкою Ланею, и продолжалась болѣе трехъ часовъ. Русскіе съ ожесточеніемъ убивали татаръ и все озеро наполнили кровью, такъ что Темное озеро въ то же время переименовано было въ Красное (Красный Ставъ). Вотъ что сказано въ лѣтописи объ этой стычкѣ: «Михайла Глински началъ справоваты войскомъ и потегнули ко Клецку, а напередъ нѣсколько сотъ коней отправилъ, и какъ пришли подъ Клецкъ, къ рецѣ Лапѣ до Краснаго Ставу отъ полудни и съ горы чрезъ рѣку взрели полки татарскіе, стоячы на погодове на бой и болшы трехъ часовъ билися съ ними объ рѣчку» (27). Слѣды могилъ убитыхъ въ этомъ сраженіи татаръ сохранились доселѣ въ видѣ кургановъ и насыпей между рѣкою Ланею и Краснымъ Ставомъ. Нѣсколько сотъ татаръ взято въ плѣнъ, и такъ какъ начальство орды отреклось отъ нихъ и не думало выкупать ихъ, то они остались въ Клецкѣ и сосѣднихъ мѣстечкахъ и такимъ образомъ сдѣлались осѣлыми жителями Бѣлоруссіи. Теперь ихъ въ Клецкѣ не болѣе ста человекъ: они включены въ вѣщанское званіе и живутъ въ особой, отдѣльной улицѣ, извѣстной подъ именемъ *Татарской слободы*, имѣютъ свою домашнюю молельню — мечеть, и ведутъ жизнь трудолюбивую, опрятную и миролюбивую; въ ихъ слободѣ не слышно ни разгугла, ни шума, ни

пгриць, ни пласокъ: всегдашняя тишина и спокойствіе господствуютъ между ними; они больше держатся своего общества, хотя не чуждаются знакомства и съ христіанами, но всеячески, по возможности, избѣгаютъ сношеній и столкновеній съ жидами. Мужчины пришли костюмъ бѣлорусскихъ мѣщанъ, то есть ходятъ въ смазныхъ, выростковыхъ сапогахъ, сѣрыхъ, длинныхъ, съ фалдами у талии, кафтанахъ, съ отложными воротничками и въ шапкахъ съ козырьками. Женщины сохранили свой національный костюмъ: онѣ носятъ яркіе, нестрые, по преимуществу оранжевые и желтыхъ цвѣтовъ, короткіе шдифроки, съ широкими рукавами; плечи покрываютъ красными, длинными платками; на шею вѣшаютъ подѣсколку снурковъ крупнаго бисера, съ разными коралловыми и серебряными фигурками, также бусами, переходящими изъ рода въ родъ и сохранившимися у нихъ, кажется, со времени плѣнничества; въ уши вдѣваютъ огромныя серебряныя серьги; головы повязываютъ нестрыми яркихъ цвѣтовъ платками въ видѣ чалмы, съ большими надъ лбомъ узлами и длинными по бокамъ головы концами; ноги болышею частью обуваютъ въ коротенькіе сапожки съ подковками и красными каблучками: такъ какъ ноги у татарокъ маленькія, то такая обувь какъ нельзя лучше идетъ къ нимъ и обрисовываетъ всю фигуриность и красоту ихъ. Мужчины сохранили типическій, смуглый цвѣтъ лица; женщины дѣлаются замѣтно блѣдѣ въ сравненіи съ своими прабабками и бабками, поселившимися въ мѣстечкѣ съ XVI столѣтія; и мужчины и женщины болышею частью обезображены оспою. Главная, отличительная черта клецкихъ татаръ — чистота, гостеприимство и аккуратность, татарокъ — скромность и неподкупная цѣломудренность: татарки ходятъ съ поникшими головами и, когда говорятъ съ кѣмъ либо постороннимъ, стыдливо прячутъ глаза отъ пытливыхъ и нескромныхъ взглядовъ. Въ домахъ у нихъ необыкновенная чистота и благовидность; та только бѣда, что тамъ обдуваетъ васъ подчасъ запахомъ луку или кожъ. Это потому, что татары закупаются кожевеннымъ производствомъ, а татарки — приготовленіемъ луку и чесноку на весь Клецкъ. Это главный предметъ промышленности клецкихъ татаръ: они доставляютъ кожи не только въ свое мѣстечко, но и въ сосѣднія деревни, села и даже немалое количество ихъ сбываютъ въ Цепры, Ляховичи, Столбцы и въ Несвижъ — на извѣстную Михайловскую ярмарку; что же касается до луку, чесноку и вообще всякихъ огородныхъ овощей, то татарки владѣютъ какимъ-то секретомъ выращивать ихъ гораздо въ болышемъ видѣ, чѣмъ это бываетъ у русскихъ мѣщанъ клецкихъ: ихъ луковицы бываютъ величиной съ порядочную рѣпу, ихъ картофель —

(27) *Narbut, Pamięki do dziejow Litew. Nar., str. 77, § 156.*

красный, необыкновенно вкусный, рассыпчатый и не водянистый; их морковь и свекла — сочны и даже зимой имѣютъ вкусъ такой же, какъ и лѣтомъ. Всѣ эти продукты, равно какъ и всякую зелень, вы найдете у нихъ въ самую жестокую зиму и къ веснѣ, и притомъ найдете безъ всякаго поврежденія и въ большомъ количествѣ.... Лѣтомъ татарки какъ бы не существуютъ для мѣстечка: всѣ онѣ, съ дочерьми, проводятъ цѣлые дни въ огородахъ на поляхъ; зимой, по воскресеньямъ и пятницамъ, вывозятъ на рынокъ свой товаръ огромными возами и сбываютъ его прѣѣзжимъ помѣщикамъ и однодворцамъ. Но вотъ что странно: очень рѣдко удается кому нибудь достать у нихъ сѣмянъ какихъ либо овощей. Татары не чужды образованія: они отдають своихъ дѣтей въ народныя училища, и изъ нихъ выходятъ бойкіе ученики, оказывающіе склонность къ математикѣ, физикѣ и отчасти медицинѣ.

Такъ какъ Клецкъ переходилъ по-очереди во власть различныхъ по религіи народовъ, то и храмы въ немъ были разныхъ исповѣданій. Судя по славянской надписи, существующей на одномъ надгробномъ памятникѣ православной церкви, во имя св. Ирины, съ пятью куполами, и по свидѣтельству актовъ литовской метрики, должно думать, что эта церковь, если не въ настоящемъ, то въ прежнемъ древнемъ видѣ, существовала въ Клецкѣ раньше всѣхъ прочихъ христіанскихъ храмовъ. Нынѣшняя, деревянная церковь св. Ирины стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ была и первоначальная, каменная, именно въ концѣ самого города, съ Несвижскаго вѣзда, на довольно крутомъ взгорьи, и окружена погостомъ, засѣненнымъ могилами усопшихъ; въ ней есть нѣсколько иконъ древней восточно-византійской живописи; особенно замѣчательна икона св. Ирины. Во время храмового праздника у подошвы взгорья бываетъ небольшая ярмарка: народъ стекается изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ. Не менѣе древняя и другая православная церковь (каменная) — во имя св. великомученика Георгія: на стѣнахъ ея въ подземельи есть славянская надпись 1589 года, какъ будто умышленно сдѣланная рукою мѣстнаго жителя для засвидѣтельствованія потомству о послѣднемъ годѣ клецкаго православія, потому что слѣдующіе годы принесли новую вѣсть о вѣроисповѣданіи греко-уніатскомъ: церкви Юрьевская и Иринская отторгнуты были отъ православія и считались уніатскими до воссоединенія уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году (марта 25). Памятникомъ перваго соединенія вѣроисповѣданій, или, такъ называемой, Литовской Руси, съ Польшею, въ 1386 году, служить въ Клецкѣ соборный костелъ (фара), построенный, по желанію королевы Боны, въ 1450 году. Судьба фары измѣ-

нилась во второй половинѣ XVI вѣка, во времена могущества Радзивилловъ, владѣвшихъ Клецкомъ. Въ 1552 году Радзивиллъ Черный (Николай), увлекшись ученіемъ Кальвина, обратилъ фару въ храмину кальвинскую и, чтобъ поддержать распространеніе покровительствуемаго имъ ученія, завелъ при фарѣ типографію и велѣлъ напечатать множество сочиненій въ духѣ кальвинизма. Подъ конецъ жизни этотъ же Радзивиллъ предался арианству, и вотъ фара сдѣлалась общиною арианъ. Въ этомъ случаѣ много дѣйствовало извѣстный арианецъ Тома Фальконіушъ, который съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ и православіе, и католицизмъ, и кальвинизмъ. Нынѣ фара по прежнему принадлежитъ римско-католическому вѣроисповѣданію. Кромѣ фары есть еще *доминиканскій* костелъ, построенный, въ 1683 году, католикомъ Станиславомъ-Казиміромъ Радзивилломъ.

Въ клецкомъ народѣ до сихъ поръ хранится преданіе, что Клецкъ когда-то былъ большой городъ и имѣлъ свою ратушу, и разныя присутственныя мѣста, что въ немъ было до десяти русскихъ церквей, которыхъ колокола раздавались на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ окружности. Народъ и теперь указываетъ на мѣсто, гдѣ было зданіе ратуши. Впрочемъ, и безъ этого преданія есть живые памятники городскихъ постановленій Клецка: нынѣшніе торги по пятницамъ суть не что иное, какъ древнее наследіе прежнихъ городовъ, доставлявшихъ правительству сборъ и мыто со всѣхъ привозимыхъ товаровъ. Нынѣ эти пятницы въ Клецкѣ всегда бываютъ оживленны: съѣзжаются крестьяне, однодворцы и мелкая шляхта съ окрестныхъ застѣнковъ; кто везетъ рожь, пшеницу и гречиху, кто — полотно, ленъ, сохи, колеса и другія издѣлія сельской мануфактуры, а кто тащитъ куръ, гусей, индѣекъ, барановъ и кабановъ. Все это сбываютъ выгодно и на вырученныя деньги закупаютъ у татаръ кожи, лукъ, картофель, горохъ, кукурузу, рѣпу, морковь и проч., а у жидовъ — главныхъ представителей клецкаго гостиннаго двора — красные и галантерейные товары, а также табакъ и готовое платье. Площадь покрыта народомъ всѣхъ тинновъ: здѣсь блгають жидъ и жидовка, здѣсь глазѣють *шераки* и долгонолые однодворцы; здѣсь плетется баба въ наметкѣ и синемъ андаракѣ; здѣсь рыщутъ черноволосый цыганъ и бѣлозубая, смуглая цыганка; здѣсь наконецъ солидно расхаживаетъ и, покуривая трубку, разговариваетъ съ бѣлорусскимъ хлопцемъ и бацькомъ серьезный татаринъ.

Нынѣ въ Клецкѣ находятся Управление Становаго Пристава и отдѣленіе мѣщанскаго цеха.

Отъ Клецка начинается рядъ владѣній князей Радзивилловъ. Проѣздомъ случайно узнавъ я, что въ Несвижѣ живетъ одинъ мой школьный товарищъ, и на радостяхъ чуть было не забылъ дать на водку доброму своему хлопцу-ямщику. Кстаги онъ самъ вышелъ, когда я садился въ бричку, и, кланяясь да почесывая затылокъ, очень вѣжливо, безъ просьбы и наказанья, напомнилъ о себѣ. Я далъ ему двугривенный, и онъ готовъ былъ прыгать. Черезъ два часа я былъ въ Несвижѣ.

П. ШПИЛЕВСКИЙ.

ТРУДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АФНИСКОЙ ШКОЛЫ въ 1850 году.

Декретомъ отъ 5 августа 1850 г., на Парижскую Академию Написей и Изящной Словесности возложена обязанность разсматривать ежегодно труды ученыхъ, отправляемыхъ французскимъ правительствомъ въ Грецію для археологическихъ изслѣдованій; во исполненіе этой обязанности, Академія составляетъ комиссію, которой членами въ прошедшемъ году были Рауль-Рошеттъ, Газе, Ф. Леба, Ленорманъ и Гиньо, и которая представила слѣдующее донесеніе, любопытное для всѣхъ занимающихся археологіею и древней географіею.

Отъ одного изъ членовъ Аѳинской школы требовалось, по возможности, изслѣдовать горы Оэсу и Пеліонъ съ ихъ окрестностями, округи Гагіа и Загора въ Фессаліи, отъ Амбелакіи и отъ долины Темпейской и Пенейской до Воло, Іолко и мыса Сепіа, означить мѣстности древнихъ городовъ, собрать надписи, описать или списать манускрипты, византійскія хартіи и историческіе документы всякаго рода, можетъ быть, сохранившіеся въ монастыряхъ этой почти неизвѣстной страны. Такая программа выражаетъ полное описаніе древней Магнезіи во всемъ ея пространствѣ, — описаніе такой страны, которая, по своей природѣ, и въ древности была не-

— Природа не теряет своей производительной силы, ска-
завъ молодой человекъ. — Неужели одна только природа имѣ-
етъ терпѣніе? прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Въ эту ночь сонъ Леонарда не нарушался страшными грѣ-
зами, съ которыми онъ познакомился въ послѣднее время. Онъ
проснулся съ свѣжими силами и отправился къ своимъ заня-
тіямъ, не прокрадываясь по безлюднымъ переулкамъ, но выѣ-
шиваясь въ толпы народа. Мужайся и крѣпись, юный пут-
никъ! впереди еще много предстоить тебѣ страданій! Неуже-
ли ты падешь подъ ихъ бременемъ? Заглядываю въ глубину
твоего сердца и не смѣю отвѣчать.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПОЛЪСЬЮ И БѢЛОРУССКОМУ КРАЮ.

VI.

Вѣздъ въ Несвижъ — Предмѣстье. — Слуцкая-Брѣма и часовня. — Исторія Нес-
вижа и замка въ древности. — Орданство князей Радзивилловъ. — Месижъ
въ настоящее время. — Гр. и его жена О. А. — Слѣды городскихъ правъ въ
Несвижѣ. — Базаръ. — Преображенская церковь. — Сравненіе настоящаго замка
съ древнимъ. — Общественныя увеселенія. — Образованность несвижанъ. —
Михайловская, или Михайльская ярмарка.²

Я вѣзжалъ въ Несвижъ вечеромъ, довольно поздно.

Вечеръ былъ чудный. На небѣ не видѣлось ни одной тучки, ни
одного чернаго пятнышка. Все поднебесье окрестностей Не-
свижа пронитано было ароматическимъ воздухомъ цвѣтистыхъ
луговъ и дѣвственныхъ лѣсовъ бѢлорусскихъ и располагало меня
къ пріятной вѣгѣ и обаянію. Вся природа покоилась и отдыхала
послѣ истомы отъ дневнаго жара и зноя. Пріятный легкій южно-за-
падный вѣтеръ освѣжалъ, своимъ дуновеніемъ, извившія въ те-
ченіе дня деревья и растенія и неся зыбью, то гладкою, то ров-
ною, то извилистою, по верховьямъ созрѣвшей ржи и пшеницы:
крупныя, налитыя зернами, колосья то гнулись, наклонялись по
теченію вѣтерка, то вдругъ выпрямлялись и потряхивали своими
острыми иглами; вѣтерокъ вился змѣйками межъ стебельковъ,
шелестилъ, кружился у самыхъ корней опять вспархивалъ на
верхушки колосьевъ и, наконецъ, игралъ длинными, золоти-
стыми листками у колѣнцевъ стройныхъ, гибкихъ васильковъ и ку-
колей. Все покоилось въ воздухѣ. Одни люди не спали еще: по до-
рогамъ, по проселкамъ шли поселяне да поселянки и бесѣдовали

межд собою о своихъ работахъ и вселенныхъ трудахъ; косари несли на плечахъ грабли, вилы и косы; жницы шли съ серпами въ рукахъ, а ребята, мальчишки и дѣвчонки тащили горшки и мѣшечки съ хлѣбомъ, оставшимся отъ полдника трудолюбивыхъ ихъ отцовъ и матерей.

Въ дополненіе къ такой сельской картинѣ, взоръ путешественника, при вѣздѣ въ Несвижъ, встрѣчаетъ почти на каждомъ шагу деревянныя кресты, крестики и такія же часовни (каплички) или большіе столбы съ рѣзными изображеніями Божіей Матери, Спасителя и Іоанна Предтечи. Смотра на эти памятники христіанской вѣры, уже заранѣе составляешь понятіе о пажности жителей несвижскаго края и можешь назвать его *Страною Крестовъ*, какъ именуютъ свою отчизну жители идилической Жмуди, сосѣдней съ Несвижемъ.

Предъ самымъ Несвижемъ, по правую сторону почтовой дороги, сквозь густыя березы, на небольшомъ пригоркѣ, окаймленномъ стариннымъ еловымъ лѣсомъ, видѣется монастырь святаго Іоанна. Немного дальше, на горѣ, необыкновенно высокой и конусообразной, стоятъ развалины древняго католическаго доминиканскаго костела; у подошвы этой горы раскинуты цѣпи, разной величины, холмовъ и холмиковъ, подъ которыми некогда были тайныя проходы и подземелья, гдѣ прятались несвижане и жители сосѣднихъ деревень во время набѣговъ переконскихъ татаръ. По лѣвую руку почтовой дороги, близъ такъ называемаго *Яцова-Угала*, сквозь чащу березовой рощи, выглядываетъ возвышенный курганъ, извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ *Половой горы*, о которой, какъ въковой древности, упоминается въ грамотѣ отъ 1635 года ⁽²⁶⁾, выданной княземъ Альбрехтомъ Радзивилломъ, въ мѣрскомъ замкѣ, въ пользу Несвижской Георгіевской церкви: на этой горѣ было древнее кладбище православныхъ прихожанъ несвижскихъ; при немъ находился небольшой пріютъ для бѣдныхъ путешественниковъ и странниковъ. Въ настоящее время ничего нѣтъ на упомянутой горѣ, и она служитъ теперь только воспоминаніемъ о древнемъ православіи Несвижа.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Несвижу, тѣмъ все выше и выше становятся горы: то-и-дѣло, что проѣзжаешь черезъ разные пригорки и обрывистыя возвышенія и, наконецъ, видишь самый городъ, на высокой горѣ, окруженной холмами и перерѣзанной оврагами, протоками, ручьями, рукавами рѣки Уши, прудами и большимъ болотистымъ озеромъ, разделяющимъ Несвижъ отъ некогда

(26) См. Собраніе Актовъ Минской губерніи, № 97.

знаменитаго и величественнаго Радзивилловскаго замка. Оттого-то, при самомъ вѣздѣ въ него, Несвижъ живописно рисуется предъ глазами путешественника: онъ представляется какъ бы швейцарскимъ селеніемъ. Въ одномъ мѣстѣ, часть зданій раскинута на пригоркѣ и едва держится у обрывовъ крутого оврага; въ другомъ цѣлая улица тянется вдоль трехъ-угольной или квадратной равнины. Тутъ, у подошвы какъ бы разорванной горы, въ одну кучу навалено нѣсколько бревенчатыхъ домиковъ и лазеекъ; тамъ, на берегу подернутаго зеленью озера, отъ котораго беретъ свое начало рѣка Уша, красуется нѣсколько кудрявыхъ садиковъ съ низенькими рѣшотками и рѣдкими фруктовыми деревьями. Прохожіи постоянно должны то взбираться на горку, то спускаться на холмикъ и, наконецъ, уже послѣ усталой ходьбы отдохнуть гдѣ нибудь на рѣдко попадающейей равнинѣ.

Прежде нежели вы вѣдете въ самый городъ, вамъ придется проѣхать черезъ *Новомейское предмѣстье*, довольно грязное и кой-гдѣ прикрытое самыми маленькими жидовскими лачужками, безъ всякой симметріи и порядка, безъ опредѣленныхъ улицъ или проулковъ. Пробираясь черезъ это предмѣстье, какъ-то невыгодно думаешь о самомъ городѣ и уже тогда разстанешься съ такою грустною думою, когда вѣдешь наконецъ въ городъ черезъ каменную, такъ называемую *Слуцкую-Браму* (ворота), построенную, въ видѣ лука, несвижскими мѣщанами, въ 1760 гду. Надъ этими воротами помѣщается небольшая часовня съ образомъ Божіей Матери, перенесеннымъ сюда изъ Замковой католической церкви въ 1788 г. Карломъ Радзивилломъ и возобновленнымъ имъ въ томъ же году, какъ свидѣтельствуешь надпись на немъ: «restauratum anno Domini 1788, dominante principe Saesio.» До распространенія въ Несвижѣ униі эта часовня принадлежала православнымъ и извѣстна была подъ именемъ Преображенской, и иконопись образа была греко-византійская; но впоследствии униі присвоила себѣ и часовню и образъ; наконецъ, по старанію іезуитовъ, часовня стала достояніемъ католицизма, а переписанная въ духѣ римско-католическомъ икона помѣщена въ Радзивилловскомъ замкѣ.

Увидѣвъ самый городъ (заштатный) Несвижъ, столь знакомый мнѣ еще съ дѣтства, я вспоминалъ о древнемъ его блескѣ и той славѣ, какою онъ пользовался когда-то въ БѢлорусскомъ краѣ. Исторія знаменитости его относится къ очень глубокой древности и началась скоро послѣ баснословнаго его происхожденія. Народъ говоритъ, что на мѣстѣ нынѣшняго города была когда-то высочайшая крутая гора, на которую трудно было взобраться, а снизу никто не могъ разглядѣть ея верховъ, отчего и называлась Невидимой

горою — Несвижъ гора; но какъ-то, потомъ, случилось страшное наводненіе по всему Несвижскому краю: разлившіеся притоки соединенныхъ польскихъ озеръ размыли эту гору во многихъ мѣстахъ, и оттого изъ одной большой горы образовались какіе-то разорванные съ оврагами горки и пригорки. На горки и въ овраги вода занесла вѣсколько судовъ и домъ съ людьми: эти-то люди, не имѣя возможности возвратиться въ свои родныя мѣста, и поселились здѣсь. Какъ ни баснословно это преданіе, но все-таки оно предшествуетъ по крайней мѣрѣ XI вѣку, потому что о Несвижѣ, какъ сильно укрѣпленномъ уже городѣ, въ лѣтописяхъ⁽²⁷⁾ упоминается въ 1224 году, въ которомъ палъ въ сраженіи съ татарами Несвижскій князь Юрій Владиміровичъ⁽²⁸⁾. По смерти этого храбраго князя, Несвижъ сдѣлался предметомъ распріи удѣльныхъ русскихъ князей, и въ теченіе XIII вѣка постоянно переходилъ то къ Киевскому, то къ Галицкому, то къ Владиміръ-Волынскому, то къ Минскому княжеству, пока наконецъ въ концѣ этого вѣка не присоединенъ былъ къ великому княжеству Литовскому. Въ 1388 г. Несвижъ подаренъ былъ Ягелломъ, по просьбѣ супруги его Ядвиги, правителю Новгородъ-Сѣверской области Дмитрію Корибуту. Въ годины польскаго самовластія Несвижъ сдѣлался столицей извѣстнаго ордината Радзивилловъ, и вотъ въ концѣ XV вѣка является уже подъ именемъ радзивилловской партизанской резиденціи. Съ этого времени, всѣми своими улучшеніями и льготными правами Несвижъ обязанъ князьямъ Радзивилламъ. Въ 1533 году Янъ Радзивиллъ I, по прозванію *Бородачъ*, обнесъ городъ валомъ и построилъ деревянный замокъ, близъ озера, на крутомъ утесѣ горы. Въ 1547 г., сынъ его Николай-Черный (онъ же и брестскій староста, см. выше — Брестъ) сжогъ отцовскій замокъ и построилъ новый, каменный, а въ 1551 г. укрѣпилъ этотъ замокъ и устроилъ въ немъ обширный архивъ для сохраненія привиллегій и грамотъ, выданныхъ жителямъ Несвижа великимъ княжествомъ Литовскимъ⁽²⁹⁾. Но всѣ услуги Чернаго Несвижу затмѣваются неприятельными его дѣйствіями противъ православія и даже католицизма: онъ, точно такъ же, какъ и въ Брестѣ (см. Брестъ), содѣйствовалъ распространенію кальвинизма (1559 г.) и социніанскаго лжеученія (1568) въ Несвижѣ, а для поддержанія распространяемыхъ имъ вѣрваній завелъ типографію при замкѣ и велѣлъ печатать еретическія книги, которыя слыхомъ зловередно дѣйствовали на тогдашніе умы жителей Несвижа,

⁽²⁷⁾ Letopisъ Daniłowicza, str. 122; Narbut. T. III, str. 272 — 275.

⁽²⁸⁾ Исторія Малороссіи, Маркевича, часть V, стр. 138.

⁽²⁹⁾ Эти привиллегіи и грамоты напечатаны въ «Собраніи Актовъ Минской губерніи». 1848 г.

и безъ того взволнованные уже духомъ униатскаго раскола. Духъ лжеученія быстро пронесся по всему краю несвижскому и едва оставленъ былъ въ 1574 г., успіями одного изъ сыновей Чернаго, именно литовскаго маршала Николая-Христофора, по прозванію Сиротки, который сначала покровительствовалъ православію, но впоследствии, по прояскамъ поселившихся въ Несвижѣ, въ 1587 г., іезуитовъ, сдѣлался защитникомъ католицизма. Въ 1577 г. онъ много сдѣлалъ въ пользу несвижской русской церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы и снабдилъ дарственною привилегією церковный причтъ въ лицѣ священника Якова Семеновича⁽³⁰⁾. Изъ привилегіи этой (писанной на *бѣлорусскомъ* языкѣ) видно, что сказанная церковь существовала въ Несвижѣ еще до Сиротки. Въ 1586 г. (апрѣля 23) Сиротка исходатайствовалъ у Стефана Баторія для Несвижа *магдебургское* право, обновилъ замокъ, украсилъ городъ каменными зданіями и построилъ нѣсколько каменныхъ же костеловъ и великолѣпный Бенедиктинскій монастырь, существующій до сихъ поръ, въ которомъ умерли монахиными и погребены двѣ дочери его (Сиротки). Впоследствии гробницы этихъ князей-монаховъ перенесены въ фару. Въ народѣ хранится преданіе, что Сиротка построилъ церковь во имя св. Евфиміи. — Подъ конецъ жизни, онъ выстроилъ, близъ замка, ормитажъ, вмѣстѣ съ дворцомъ, который называлъ *Консоляцією* (Konsolacja), потому что онъ предназначень былъ для лѣтнихъ увеселеній, — тутъ же завелъ звѣринецъ и фабрику персидскихъ ковровъ, а по преимуществу *полсовъ*, которая, впрочемъ, скоро была закрыта, потому что не могла соперничать съ знаменитою фабрикою такъ называемыхъ *Золотыхъ полсовъ* въ г. Слуцкѣ (см. этотъ городъ), а сдѣлательно не обѣщала никакихъ выгодъ для владѣльца. Обновленный и украшенный Сироткой, Несвижъ наслаждался покоемъ цѣлое XVII столѣтіе. Съ 1604 г. по 1607 въ Несвижѣ жилъ Янушъ Радзивиллъ, мужъ знаменитой слудской княжны Софіи Юрьевны Олельковичъ. Будучи православнымъ до смерти жены, онъ покровительствовалъ православію и, по совѣту духовника Софіи, іеромонаха Прокофія и слудскаго архимандрита Веніамина, построилъ церковь Софіинскую при замкѣ, а на Новомейскомъ предмѣстѣи — во имя св. Пандора, которыя впоследствии превращены были въ униатскія⁽³¹⁾, а потомъ въ католическія. Отъ Януша остались дѣти православнаго исповѣданія, которыхъ опекуномъ назначень былъ, по смерти Софіи, православный Радзивиллъ-Христофоръ, построившій въ Минскѣ (см. Минскъ), въ

⁽³⁰⁾ См. «Собраніе Актовъ Минской губ.», № 25.

⁽³¹⁾ Acta Tribunal. Lithuan. 1615 an, Septem. 19, хранящіяся при Главномъ Варшавскомъ Архивѣ.

1626 году, церковь Рождества Пресвятыя Богородицы (32). Но въ началѣ XVIII вѣка, именно въ 1706 году, Несвижу суждено было потерпѣть страшное опустошеніе во время похода Карла XII въ западную Россію. Проходя чрезъ Несвижъ, Карлъ XII потребовалъ отъ жителей присяги себѣ или Станиславу Лещинскому. Но несвижане отвергли такое домогательство шведскаго короля и, разсчитывая на спѣшившія къ нимъ на помощь русскія, саксонскія и польскія войска, объявили, что они не намѣрены измѣнять законному правительству. Жданная помощь явилась въ лицѣ Миклашевича съ 400 казаковъ, и вотъ произошла страшная рѣзня между непріятелями, на берегу рѣки Уши; побѣда осталась бы на сторонѣ Несвижа, еслибъ, тайно помышлявшій уже въ то время объ измѣнѣ Великому Петру, Мазепа не опоздалъ умышленно съ отрядомъ своего войска, составившимъ дополненіе къ дружинѣ Миклашевича (33), — вслѣдствіе чего несвижане жестоко пострадали за свою вѣрность. Карлъ XII велѣлъ сжечь Несвижскій замокъ, разрыть валы и множество горожанъ погубилъ насильственною смертию.

Печальна была картина Несвижа послѣ такой жестокости шведскаго короля!... Двадцать лѣтъ городъ оставался безъ всякаго возобновленія. Принимая участіе въ политическихъ переворотахъ Польши, Радзивиллы оставили Несвижъ на произволъ судьбы и, думая только объ исполненіи своихъ честолюбивыхъ намѣреній, не выѣзжали изъ Кракова, Варшавы или изъ Вильно. Наконецъ, въ 1726 году, одинъ изъ образованнѣйшихъ Радзивилловъ, князь Михаилъ, поселился навсегда въ Несвижъ и такъ сказать создалъ новый городъ и замокъ. Какъ любитель наукъ и искусствъ, онъ вслѣдствіе заботился о распространеніи между несвижанами просвѣщенія и для этого не жалѣлъ денегъ. Жаль только, что онъ окружилъ себя іезуитами, и что большая часть жертвованныхъ имъ суммъ на распространеніе наукъ и искусствъ, подъ разными мнимо-благовидными предлогами, переходила въ руки этихъ любителей золота, для которыхъ князь, въ 1736 г., построилъ костель и монастырь св. Михаила. Говорятъ, что будто іезуиты уговорили этого Радзивилла вступить въ ихъ орденъ, и что онъ погребенъ монахомъ въ костель св. Михаила. До какой степени угождалъ князь Михаилъ іезуитамъ, это видно изъ того, что собственно для поставленія ихъ на габиты (рясы римско-католическаго духовенства) сукна построилъ при костель св. Михаила суконную фабрику, такъ называемую *Полосну*, и отдалъ ее въ вѣчное ихъ владѣніе. Эта фабрика существуетъ и теперь; она принадлежитъ Бернардинскому

(32) См. «Акты Минск. губ.», № 84.

(33) «Исторія Малороссіи», Маркевича, ч. II, стр. 379.

ордену, что въ Несвижѣ. Но ни костела, ни монастыря Михайловскаго въ настоящее время нѣтъ; сохранилось только названіе горы Свято-Михайловской и *Михалеской* ярмарки, бывающей у подошвы этой горы, на которой прежде былъ костель, а нынѣ — какой-то складочный магазинъ (фуражный). — Жена князя Михаила, Уршула-Франциска, изъ дому Вишневецкихъ, не менѣе своего мужа покровительствовала народному просвѣщенію: она устроила въ замкѣ богатѣйшую типографію и нѣсколько лѣтъ издавала *Несвижскую Газету*, основала театръ, образовала большую труппу актеровъ и сама писала для нихъ пьесы на польскомъ языкѣ (34).

Во второй половинѣ XVIII вѣка Несвижъ былъ свидѣтелемъ роскошной жизни известнаго Карла Радзивилла-Пане-Коханку, или *Рибенко*, считавшагося 12 по числу воеводъ виленскихъ и старостъ несвижскихъ и брестскихъ. Рыбенко во временахъ жилъ въ Варшавѣ, Брестѣ и Мирѣ (см. Миръ), и въ Бѣлой (см. Бѣла); по главною резиденціею его былъ Несвижъ: онъ жилъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства политическія не заставили его переселиться въ Бѣльскій замокъ и тамъ провести послѣдніе годы вѣчно шумной жизни своей. Объ этомъ Радзивиллѣ сохранилось столько анекдотовъ и разсказовъ, что еслибъ собрать ихъ все, то можно было бы составить нѣсколько книгъ. Говорятъ, что до сихъ поръ ходятъ по рукамъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ Минской губерніи рукописныя замѣтки о жизни этого оригинала, подъ названіемъ: «Исторіи Радзивилла на морѣ и на сушѣ.» По переѣздѣ Карла Радзивилла въ Несвижъ, первымъ дѣломъ его было отдѣлать на славу родовой княжеской замкъ и украсить его всеми возможными чудесами наукъ, искусствъ и художествъ: онъ завелъ богатую бібліотеку, состоящую изъ 10,000 томовъ разныхъ сочиненій на польскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ (35); устроилъ крас-

(34) Пьесы эти собраны и изданы на польскомъ языкѣ въ 1751 г. (in folio), какими-то Яковомъ Побогъ-Фричинскимъ, подъ названіемъ: *Komedye i tragedye znamięte prziz S. O. X. Radziwillową, wojewodzinę wileńską*.

(35) Но только неизвестно, читалъ ли онъ эти книги; вообще Карлъ Радзивиллъ не охотникъ былъ до чтенія, а еще болѣе до писанія. Говорятъ даже, что онъ едва могъ подписать свою фамилію. Вотъ анекдотъ насчетъ этого. Какой-то хитрый шляхтичъ, желая выманить у Пане-Коханку нѣсколько тысячъ лубатовъ червонцевъ, и, слышавшій, что онъ не умѣетъ будто писать, прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Будучи у него на пирушкѣ, пользуясь веселымъ расположеніемъ его духа, онъ спросилъ: «правда ли, исповѣдливый князь, говоря, что вы не умѣете писать?» Все бывшее на пирушкѣ шумѣлось такой смѣлой выходкѣ шляхтича и опасалось гнѣва князя; но князь разсмѣялся и сказалъ: «а вотъ давай сюда бумагу, и я тебѣ докажу, что умѣю писать.» Шляхтичъ подаль благопріемно заготовленный листъ бумаги, и князь подписалъ свою фамилію на средній листъ. Спрятавъ, будто на память, этотъ листъ бумаги, шляхтичъ на

вую картинную галерею, собралъ коллекцію статуи, статуэток, разныхъ бронзовыхъ и стальныхъ рыцарскихъ доспѣховъ и очень оригинально устроилъ гостиную. Стѣны оклеилъ онъ медвѣжьими шкурами; полъ устлалъ зеленымъ дерномъ и уставлялъ тропическими растеніями; столы и стулья приказалъ сдѣлать изъ слоновой кости; спальную кровать обтянулъ буйволовыми и оленьими кожами. Столовые приборы были у него изъ чистаго золота, съ фамильнымъ гербомъ, украшеннымъ дорогими камнями подъ мозаику. Словомъ, все напоминало здѣсь о прихотливой роскоши несвижскаго богача. И какъ часто эта причудливая гостиная бывала свидѣтельницаю самыхъ баснословныхъ пирушекъ и баловъ князя Пане-Коханку, на которые сзывалъ онъ всю околичную шляхту! (36) Нерѣдко къ нему прїѣзжалъ гостить по цѣлымъ недѣлямъ самъ король Станиславъ-Августъ, съ которымъ онъ былъ почти въ дружескихъ отношеніяхъ, и въ письмахъ называлъ его *Ясьне-маестатный Августъ, другъ Карла*. Особенно сохранилось преданіе о двухъ-недѣльномъ пребываніи этого короля у Пане-Коханку 26 сентября 1784 г., съ огромнѣйшею придворною свитою по возвращеніи съ Гродненскаго большого короннаго Сейма. Фейерверки, театры, продолжительные обѣды съ столѣтними венгерскими винами, катанья на сахарныхъ горахъ въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдями, удивили короля, и онъ при всѣхъ сказалъ, что «Пане-Коханку живетъ лучше польскаго короля.» И дѣйствительно, въ Несвижѣ Пане-Коханку старался жить по королевски: имѣлъ свой оберегательный гарнизонъ и крѣпость съ шанцами и валами, на которыхъ всегда стояло до шестидесяти пушекъ. Но эта-то жизнь Карла Радзивилла и была причиною того, что, въ 1768 году, онъ лишился Несвижа: по распоряженію правительства, генералъ Измайловъ осадилъ Несвижъ, велѣлъ разрушить крѣпость и снять съ валовъ военныя орудія. Пане-Коханку бѣжалъ въ Бялу. Съ этого времени Несвижъ теряетъ значеніе укрѣпленнаго города и въ 1792 году окончательно палъ, послѣ *извѣстнаго* штурма. Въ 1795 г. онъ перенменованъ въ заштатный городъ Минской губерніи и теперь принадлежитъ къ числу государственныхъ мѣстечекъ. Жителей въ немъ считается 4,300, изъ которыхъ большую часть составляютъ жицы.

писалъ, выше подписи, квитанцію о выдачѣ ему 12,000 дукатовъ, отправился къ главноуправляющему (администратору) Радзивилла и безъ возраженій получилъ означенную сумму.

(*) На широкъ Карлъ рассказывалъ анекдоты о самомъ себѣ, и эти анекдоты потомъ шляхта разносила по всему несвижскому краю, отчего и получили свое начало такъ называемыя *Исторійки Радзивилла*.

Увлеченный воспоминаніями о древней славѣ Несвижа, я и не замѣтилъ, какъ ямщикъ промчался мимо старинныхъ зданій и улицъ и остановился у почтовой станціи, не спросивъ у меня, намѣренъ ли я остановиться на станціи. Миѣ хотѣлось прямо заѣхать къ школьному товарищу Гр.; но такъ какъ было уже довольно поздно, то я и рѣшился переночевать на станціи.

На другой день, утромъ, я отправился къ Гр. Меня встрѣтилъ кто въ родѣ домашняго секретаря или писемоводителя и сказалъ, что «его высоко... и т. д. нѣтъ дома, а супруга изъ изволятъ еще почивать!» Въ десять часовъ спать! для Несвижа это нѣсколько поздно. Впрочемъ, когда доложили обо миѣ, чрезъ часъ я увидѣлъ старую свою знакомую О. А. Это была первая женщина, которой, шестнадцати-лѣтній школьникъ, отнускалъ я восторженные фразы. Тогда ей было четырнадцать лѣтъ! А теперь! я едва могъ узнать прежнюю веселую, широкую плечую погостскую, которая памятна многимъ случившимъ молодымъ людямъ своей смуглой красотой и особенно черными глазами. Прело мной стояла двадцати-трехлѣтняя разившаяся женщина, блѣдная, съ страдальческимъ лицомъ и задумчивою физиономіею. За нею, уцѣпившись рученками за фалды платья, бѣжалъ хорошенькій мальчикъ, ея сынъ, смуглый какъ она. Мы встрѣтили другъ друга искренно, но безъ тѣхъ восторговъ и восклицаній, съ какими встрѣчались въ *поэтическомъ* мѣстечкѣ Погостѣ. О. А.—на рассказала миѣ всю прежнюю свою жизнь съ того времени, какъ я уѣхалъ изъ Бѣлоруссіи, и я съ радостью слушалъ повѣсть ея прошедшаго. Я радовался, что она не сдѣлалась провинціальною барынею, которая, пристрастившись къ разнымъ соленьямъ и вареньямъ, пренебрегаетъ всѣми удовольствіями общественной жизни и чуждается образованія. О. А.—на сдѣлалась только серьезною, но сохранила ту же теплоту души и тѣ же прекрасныя чувства, которыми приводила въ восторгъ разныхъ господъ въ годы моего знакомства съ нею.

Скоро прїѣхалъ и мужъ ея, добрый мой товарищъ, и мы на цѣлый день забыли весь міръ: такъ восторженно и такъ дѣтски-искренно мы обрадовались другъ другу. Неудивительно! вѣдь мы не видѣлись девять лѣтъ. Сколько воспоминаній! сколько чудныхъ, самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній воскресло въ насъ! Мы вспомнили тѣ беззаботные, счастливые школьные дни въ Минскѣ, которые проводили подъ однимъ кровомъ на Троицкой Горѣ. Намъ живо представлялись физиономіи нѣкоторыхъ товарищей, отличавшихся какою-нибудь особенностью, эксцентричностью. Мы такъ весело смѣялись; восклицаніямъ и распросамъ не было конца. И весь день

просидеть въ пріятномъ tête-à-tête съ Гр... и только на другой день могъ взглянуть на знакомыя улицы и площади Несвижа.

Несмотря на то, что Несвижъ низомель на степень заштатнаго города, илп, что почти то же, мѣстечка, онъ до сихъ поръ сохранилъ слѣды городскихъ привилегій и правъ. Въ немъ и теперь существуютъ Полиція, Почтовая Контора, Городская Дума и разные суды. Есть сословія горожанъ, цеховыхъ, мѣщанъ и солдатъ гарнизонныхъ и пивалидныхъ. Есть очень хорошія улицы, особенно Виленская, Мицкая и Радзивилловская-Замковая. Всѣ эти улицы вымощены камнемъ, а въ Виленской есть даже нѣчто въ родъ тротуара; дома въ нихъ болѣею частью каменные и довольно большіе, но съ узкими окнами. Лавокъ очень много, и болѣею частью всѣ онѣ каменные и довольно опрятныя, несмотря на то, что находятся въ вѣдѣніи *лотмотнаго* жиловскаго племени. Впрочемъ, о несвижскихъ жидкахъ нельзя сказать того, что я замѣтилъ о кобринскихъ: въ Несвижѣ есть довольно зажиточныя жиды-купцы, которые ведутъ большую торговлю, предметы которой составляютъ сырыя кожи, щетина, пенька, ленъ и хлѣбъ, сбываемые ими въ Крелевецъ.

Есть базаръ, или рынокъ, съ рядами всякой всячины. Въ одномъ ряду наставлены разные скамейки и прилавки, загроможденные крупамъ, мукою, солью, горохомъ, бобами и конченою рыбою: это—товаръ промышленныхъ мѣщанокъ несвижскихъ, которыя предпочитаютъ подобную торговлю хозяйственнымъ занятіямъ; въ слѣдующемъ ряду, на плюманыхъ, нѣкогда крашеныхъ табуретахъ сидятъ оборванныя жидовки и продаютъ селедки кусочками и овечій сыръ пластинками. Еще дальше—смазливныя татарки, сидяція поджавъ ноги на мостовой и стыдливо поглядывая на проходящихъ паничей и подпанковъ: предъ ними, на разостланной дерюгѣ или въ мѣшкахъ, навалено множество луку, чесноку и порея; болѣею частью покупателей этого товара *скробуличные*, золотушные жиды, которые не могутъ и для прожить безъ такого *ароматическаго* лакомства. Между рядами протискиваются бабы-мѣщанки съ старымъ платьемъ, и тряпьемъ замашиваютъ крестьянокъ и крестьянъ, зашедшихъ въ городъ для покупки косъ, серповъ или топоровъ.

Кромѣ базара есть еще Мясной Рынокъ, или Ятки, и такъ называемая *Угловая Яма*, мѣсто для продажи живыхъ телятъ, барановъ, овецъ и свиней. Наконецъ, въ Несвижѣ немало площадокъ, которыя, при стараніи жителей, могли бы превратиться въ довольно красивыя бульвары.

Близъ базара вы увидите русскую церковь, Преображенскую—довольно скромное деревянное зданіе на каменномъ основаніи. Церковь

эта временная; перенесена съ Новомейскаго Предмѣстья, гдѣ она построена была женою Януша Радзивилла, Софією Юрьевною, изъ дому Омельковичей, умершею въ Несвижѣ въ 1607 г.; потомъ, въ 1685 г., превращена въ униатскую и наконецъ, по старанію іезуитовъ, передѣлана на польско-католическій костелъ и только въ 1835 году возвращена въ нѣдра православія и переведена въ городъ. Я былъ въ этой церкви и поскорбѣлъ въ душѣ: какъ грустно! въ Несвижѣ нѣтъ каменнаго храма православнаго, тогда какъ есть два великолѣпные каменные костела римско-католическаго исповѣданія и обширный доминиканскій монастырь. Разсматривая эти богатые костелы и монастырь, я задавалъ себѣ вопросы: куда дѣвались тѣ древнія православныя церкви, о которыхъ упоминаютъ минскіе акты XV, XVI и наконецъ XVII вѣковъ⁽²⁷⁾? Гдѣ потомки прихожанъ этихъ церквей? Отчего ни одна изъ упомянутыхъ въ актахъ не сохранилась до нашего времени? На это отвѣтилъ мнѣ бывший несвижскій священникъ ...скій, что изъ древнихъ православныхъ несвижскихъ церквей, которыхъ старожилы насчитывали до 8, осталась одна — Преображенская, нѣкогда каменная, а теперь деревянная, а прочія, во время уни и поселенія іезуитовъ въ Несвижѣ, уничтожены или превращены въ общественныя заведенія. Что же касается до потомковъ прихожанъ древне-православныхъ, то болѣею часть ихъ совращена въ католицизмъ. Этотъ добросовѣстный пастырь съ самоотверженіемъ заботился о возвращеніи отпавшихъ къ прежней ихъ церкви, и заботился на томъ законномъ основаніи, что при одномъ римско-католическомъ костелѣ нашель онъ старинныя метрическія записи о древне-православныхъ прихожанахъ на русскомъ языкѣ. Но ему не суждено было окончить начатаго дѣла распространенія православія въ Несвижѣ...

Акты Минской губерніи свидѣтельствуютъ о трехъ православныхъ церквахъ несвижскихъ. Изъ грамоты литонскаго маршала Николая-Христофора Радзивилла отъ 21 апрѣля 1577 года видно, что еще до него была въ Несвижѣ, на Предмѣстии, православная церковь во имя Рождества Богородицы, и что онъ самъ назначилъ къ ней священника, подарилъ причту разные сѣнокосы и земли при *Пархиювскоиъ* огородѣ и дозволилъ ему пользоваться дровами въ Замковой Пуцѣ⁽²⁸⁾. А изъ грамоты князя Альбрехта-Владислава Радзивилла, отъ 27 января 1635 года, оказывается, что еще при его отцѣ построена была въ Несвижѣ, на Старомъ Рынкѣ, близъ *Виленской Брамы*, православная Георгіевская церковь, но при немъ обращена въ униатскую, по старанію кіевского униатскаго митрополита

⁽²⁷⁾ «Собрание Актовъ Минской губерніи», № 12, 25, 97 и другіе.

⁽²⁸⁾ См. «Акты Минской губерніи», № 25.

Рутскаго (Рущаго), въ пользу которой записанъ *Застынокъ* (селеніице) съ лѣсомъ и полемъ; да же — что, кромѣ Георгіевской, въ Несвижѣ построена была мѣстными жителями другая церковь, въ память избавленія отъ моровой язвы⁽³⁹⁾. Имѣя такія достовѣрныя свидѣнія о древнихъ православныхъ церквахъ въ Несвижѣ, хотя и обращенныхъ нѣкогда въ униатскія, но все-таки не римско-католическія по началу, невольно удивилъ фанатизму іезуитовъ, который насиліемъ отторгъ ихъ отъ православной церкви въ смутныя для Россіи години. Не ясно ли изъ этого, что русская церковь не искони древніе римско-католическіе храмы обращаетъ въ православныя, а только древніе православныя, совращенные въ католицизмъ, точно такъ же, какъ Россія не *забрала*⁽⁴⁰⁾ себя западныхъ губерній (Минская, Могилевская, Витебская), какъ древнее достояніе Польши, а только возвратила и присоединила ихъ отъ Польши къ себѣ, какъ искони древнія земли русскія, захваченныя Польшею.

Въ слѣдующій день я разсматривалъ Несвижскій замокъ, этотъ памятникъ могущества въ древности знаменитой фамиліи Радзивилловъ. Въ настоящее время замокъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ небольшого *архива* нѣсколькихъ книгъ и рукописей, немнѣющихся значенія для мѣстной исторіи, и *портретной* комнаты, въ которой заслуживаетъ вниманія мраморная доска съ надписью о побѣдѣ Яна III надъ турками въ 1683 году и портретъ русской княжны, дочери князя тверскаго, впоследствии жены одного изъ Радзивилловъ: княжна на этомъ портретѣ изображена въ красивомъ русскомъ сарафанѣ. Чтобъ попасть изъ города въ замокъ, нужно переѣзжать чрезъ озеро на лодкѣ или же обходить почти двѣ версты, чтобъ выйти на плотину. И извнѣ и изнутри замокъ зашпатель: валы и насыпи полу-разрушены и заросли кустами лозы и лиственницы; нѣковыя деревья одичали и остаются безъ надзора. Самый замокъ какъ-то мраченъ и унылъ съ перваго взгляда; но еще мрачнѣе онъ внутри: комнаты почти безъ мебели, стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почернѣли, потолокъ перетрескался. Я прошелся по комнатамъ зѣмка въ какомъ-то мрачномъ настроеніи духа — вездѣ встрѣчалъ пустоту и запустѣніе.

Теперь въ Несвижскомъ замкѣ, кромѣ управляющаго и нѣсколькихъ чернорабочихъ, никто не живетъ. Говорятъ, что въ немъ от-

⁽³⁹⁾ Тамъ же, стр. 97.

⁽⁴⁰⁾ Нѣкоторые называютъ западно-русскія губерніи *забраннымъ*, какъ бы захваченнымъ краемъ (*zabrany kraj*). Но подобное выраженіе доказываетъ ихъ значеніе древне-русской исторіи. Не *zabrany*, а *odebrany* (возвращенный) нужно говорить.

водить иногда квартиры для старшихъ чиновъ, расположенныхъ въ Несвижѣ кавалерійскихъ полковъ; но это дѣлается только въ случаѣ крайности, когда сходятся два-три полка. А обыкновенно несвижскій замокъ пустъ и мраченъ!

Но не таковъ онъ былъ назадъ тому двѣсти лѣтъ: въ то время онъ былъ феноменомъ несвижскаго края. Хранищійся въ замковскомъ архивѣ *инвентарь* (опись) 1659 года передаетъ самое вѣрное сказаніе о громадности и красотѣ зѣмка въ XVII столѣтіи. Изъ этого инвентаря видно, что въ то время замокъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ водою изъ озеръ и каналовъ и состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ палата, или *каменицы*, и крѣпости. Палацъ раздѣленъ былъ на 12 огромныхъ комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое назначеніе. Здѣсь помещались: богатая *кусткамера*, заключавшая въ себѣ рѣдкія произведенія искусствъ и художествъ; такъ называемая *Секлава*, или арсеналъ, въ которомъ хранилось 84 *саковницы* (щиты), 30 бронзовыхъ рыцарскихъ доспѣховъ, множество артиллеріи изъ разныхъ государствъ, болѣе тысячи охотничьихъ снарядовъ и ружей, оправленныхъ въ серебро и золото. Въ палацѣ также устроенъ былъ *Скарбецъ* (хранилище) древностей, въ которомъ хранились гетманскія булавы (напр., Михаила-Казимира) и маршальскіе посохи (напр., Николая-Христофора Радзивилловъ); разные брильянтовые орнаменты, слитки серебра, найденнаго въ несвижскихъ земляхъ, пумпматы, дорогіе персидскіе ковры, часы и хрустальная посуда. Былъ еще другой *Скарбецъ* — *тайный*, о которомъ знали только сами Радзивиллы и ихъ повѣренный слуга: тамъ, говорятъ, между прочимъ были колоссальныя изображенія двѣнадцати апостоловъ, вылитыя изъ чистаго серебра. Народъ твердитъ, что эти изображенія до сихъ поръ хранятся въ землѣ, но гдѣ именно — не знаетъ. Въ палацѣ устроенъ былъ богатый *архивъ*, гдѣ, кромѣ интересныхъ писемъ разныхъ европейскихъ монарховъ, королей, герцоговъ и почти всѣхъ владѣтельныхъ князей, хранились въ подлинникахъ важныя документы, такъ называемые *автентичные*, касавшіеся исторіи Западной Руси, особенно Белоруссіи, также Литвы и Польши; кромѣ того были подлинныя дипломы, привилегіи и грамоты, давшіе великими князьями литовскими и особенно Владиславомъ Ягелломъ русскимъ церквамъ на владѣніе извѣстными землями, угодьями и крестьянами въ подвластномъ краѣ; но что болѣе всего важно — тамъ былъ подлинный актъ Унии и булла папы Урбана VII, касавшіяся устройства въ Западной Россіи униатскихъ церквей. Куда все это дѣлось — неизвѣстно; очень жаль, что такіе дорогіе памятники исторіи уничтожены. Замѣчательна также была библіо-

тека, украшенная большими грудными статуями древних философов, сделанными из фаянса, на Сверженской княжеской фабрике (см. Свержень): в этой библиотеке помещались до 20,000 книг на разных языках, в том числе на белорусском несколько и до 600 на греческом: большая часть книг, по древности, принадлежала к началу XVII века. Особенно можно указать, как на замечательную редкость, на сочинение, написанное на белорусском языке под названием: «Спорка (спор) меж униатами и католиками папскими», в котором доказано, что никакая булла римская не может превратить унию в католицизм, потому что униа гораздо ближе к греческой, нежели к римской вере. Это сочинение до сих пор можно встретить у некоторых возсоединенных униатов. Не менее заслуживает внимания хранившаяся в библиотеке палаца копия летописи Дмитрия Ростовскаго. Особое отделение палаца составляет *Портретная*, обязанная первым своим существованием Сиротке-Радзивиллу, который украсил ее несколькими портретами знаменитых лиц Польши и Литвы. В XVII веке помещены были в ней очень хорошей работы масляные портреты Владислава Ягеллы, Витольда, Иоанна Грознаго, также всех бывших до того времени Радзивиллов, их жонь и породившихся с ними фамилий Иллиничей, Вишневецких, Шидловецких, Острожских, Волловичей, Яблоновских, Собеских и других. Кроме того, тут помещались дорогія иконы и мифологическія картины, разныя произведенія итальянской и фламандской школы. В инвентарѣ упоминается о портретѣ одного сто-сорока-лѣтняго поселянна, помещенномъ в замкѣ при гетманѣ князѣ Михаи́ль-Казимі́рѣ Радзивиллѣ. Несмотря на страшныя опустошенія шведовъ, все-таки еще в 1779 году нашлись в Несвижскомъ замкѣ 984 картины. При замкѣ были двѣ часовни (каплицы): одна — маленькая, не болѣе, какъ для пяти-шести человекъ, безъ иконостаса, устроенная Сироткой; другая — довольно большая, съ красивымъ иконостасомъ. Она устроена Михаиломъ-Казиміромъ Радзивилломъ для помещенія в ней иконы Богоматери, напоминающей о побѣдѣ короля Яна III надъ турками в 1684 году. Вотъ преданіе объ этой иконѣ, записанное на мраморной доскѣ, хранищейся в замкѣ. «Наканунѣ того дня, в который Промыслу угодно было освободить Вѣну отъ долгой и изнурительной осады турковъ, при посредствѣ Яна III, в 1683 году, краковскій каштелянъ Станиславъ Яблоновскій, объѣзжая городъ, случайно нашелъ подъ грудю каменной измятой свитокъ холста. Раскрывъ свитокъ, онъ увидѣлъ на немъ ликъ Пресвятой Богородицы, съ надписью на одной сторонѣ: «vinces Ioannes!», а на другой: «eris victor Ioannes.» (Побѣдишь,

Иоаннъ!) Изумленный такою пророчествовательною надписью, Яблоновскій представилъ свитокъ королю. Король велѣлъ изслѣдовать, кому принадлежалъ найденный свитокъ и о какомъ Иоаннѣ говорится в надписи. Но розыски остались безъ удовлетворительныхъ открытій. Нашелся одинъ знатокъ, который утверждалъ, что эта икона привезена когда-то изъ Италіи Яномъ Каннстратомъ, прославившимся побѣдами надъ турками в Венгріи. Какъ бы то ни было, по Янѣ III отнесъ слова надписи къ себѣ и велѣлъ помѣстить икону в походной часовнѣ. На другой день, воодушевленный вѣрою в небесную помощь Богоматери, одержалъ онъ знаменитую побѣду надъ мусульманами.» По возвращеніи изъ Австріи, Янъ III перевезъ найденный свитокъ в Варшаву и потомъ помѣстилъ его в Вильяновѣ (нынѣ имѣніе Потоцкихъ, съ красивымъ палацомъ, в которомъ хранятся разныя вещи, одежда и мебель Яна III; а в боковыхъ отдѣленіяхъ его устроена богатѣйшая картинная галерея), в костелѣ при любимомъ своемъ загородномъ дворцѣ. По смерти этого короля (въ Вильяновѣ, 17 июня 1697 г.), королева Марія-Казимира перевезла икону в Римъ, откуда королевичъ Яковъ переслалъ ее в Варшаву; в 1758 году она поступила къ князю Михаилу-Казиміру Радзивиллу, который и помѣстилъ ее в Несвижской замковой часовнѣ, при чемъ совершено было, 18 июня того же года, торжественное освященіе часовни во имя св. Преподѣвы Маріи жмудскимъ архіепископомъ Антоніемъ Тышкевичемъ, съ двумя епископами, въ присутствіи сенаторовъ и множества помѣщиковъ.

В составъ замка входили *словолицня*, или типографія (Gisetrnia), и *плавалицня*, или литейная (Ludwisarnia).

Что же касается до крѣпости, то это было значительное укрѣпленіе, обведенное каменною стѣною и заставленное огнестрѣльными орудіями, при которомъ находился гарнизонъ. При крѣпости была *темлица*, или тюрьма. В народѣ хранится преданіе, что между замкомъ и Свято-Михайловскою горою были обширныя подземелья, которыя служили убѣжищемъ для несвижанъ во время нападений на нихъ татаръ и потомъ шведовъ. Преданіе это подтверждается тѣмъ, что часть подземелій сохранилась до настоящихъ дней: в нихъ найдены скелны, гдѣ погребены были несвижскіе іезуиты.

Вотъ каковъ былъ Несвижскій замокъ во время оно.

Несмотря, впрочемъ, на свое запустѣніе, замокъ посѣщается не только путешественниками, но и мѣстными жителями. В послѣднее время устроена плотина для прохода изъ города в замокъ, и охотники до *тайственныхъ* гуляній отправляются по ней на валы и окопы. Но сюда заходятъ для гуляній только *нѣкоторые*: большая часть несвижанъ гуляютъ по рощамъ, которыми богаты окрестно-

ств мѣстечка, и пробираются въ тѣсные, липовые, кленовые и дубовые лѣса; заходятъ къ Михайловской или другой горѣ и тамъ, въ чащѣ березоваго *гая* (рощица), проводятъ вечера подъ благодатнымъ бѣлорусскимъ небомъ.

Что же касается до городскихъ увеселеній, то ими очень довольны остаются квартирующие въ Несвижѣ кавалеристы. Зимомъ устраиваются собранія, танцы, домашніе балы и даже *литературные вечера*: послѣднее нововведеніе составляетъ эпоху въ лѣтописи Несвижа. Приѣзжаетъ изъ Вильно довольно порядочная труппа и даетъ представленія на русскомъ и польскомъ языкахъ. Есть довольно хорошіе трактиры, кофейни и кондитерскія, хотя всѣ эти заведенія въ рукахъ жиловъ. Лѣтомъ приѣзжаютъ въ Несвижъ актеры минской труппы и театръ всегда бываетъ наполненъ. Изъ театра можете отправиться въ трактиръ, и смазливая Ривка угоститъ васъ какимъ угодно виномъ, гаванскими сигарами, *черною кавою* (кофе), *пожарскими* котлетами, пшекарскими вьюнами и вдобавокъ пресловутою *маринатою* (маринованная и фаршированная рыба) несвижскою. Во всякомъ трактирѣ вы встрѣтите порядочную прислугу, которую составляютъ черноокія еврейки, кажется, нивъ чемъ не уступающія, и особенно въ ловкости, варшавскимъ *кадиркамъ* (кофейницамъ).

Я помню еще съ дѣтства, да и въ настоящее время замѣтилъ, что несвижане не чужды современнаго образованія: между ними есть люди, которые удивятъ васъ знаніемъ отечественной, русской литературы и даже иностранной. Я встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ домахъ журналы и газеты не только русскіе, но и французскіе; даже *Times* залетаетъ въ Несвижъ. Тамъ бесѣдовали о Гоголѣ, Жуковскомъ, Диккенсѣ, Теккереѣ и Бульверѣ, и я порадовался такому успѣху просвѣщенія въ Бѣлорусскомъ краѣ. Послѣ этого вѣрю мѣстной лѣтописи, утверждающей, что въ Несвижѣ могли быть литературные вечера. Не менѣе литературы знакома несвижанамъ и современная музыка. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ играли въ одномъ домѣ только что «вышедшія партитуры изъ «Пророка», «Риголетто» и безчисленныя мелкія пьески.

Говоря о Несвижѣ, нельзя умолчать о знаменитой ея Михайловской ярмаркѣ, или, какъ выражается мѣстное простонародіе, *Ярмаркѣ на Михайлѣ*. Ярмарка эта называется Михайловскою потому, что получила свое начало при Михаилѣ Радзивиллѣ и первоначально производилась на Михайловской горѣ. Пыль она бываетъ у подошвы этой горы, начинается 26 сентября и продолжается двѣ недѣли. Сюда переселяется почти весь городъ и переночевываютъ городскіе купцы и мѣщане съ своими лавочками. На протяженіи версты устроиваются разныя балаганы

и образуется какое-то временное кочевье. Съѣзжаются торгаша и купцы изъ Пинска, Давидъ-Городка, Глуска, Мозыря, Минска, Бреста, Вильно, Кіева и Варшавы. Большею частью жида привозятъ красные товары, стекло, фарфоръ, фаянсъ; пинчуки, мозырцы, лавидгородцы и вообще полѣсяне приѣзжаютъ съ безчисленными товарами *вяленой* или копченой рыбы, льняного сѣмени, щетины, смолы, воску и выдѣланныхъ кожъ и подошвъ. Между ними помѣщаются великорусскіе купцы и татары клецкіе и минскіе. Тутъ же устроятъ свои лавочки такъ называемые *коробейники* (оттого, что ходятъ съ коробками) съ картинами, бисеромъ и цвѣтными поясами. Вообще ярмарка несвижская довольно значительна: она для бѣлорусскаго края чуть ли не то же, что Нижегородская для великорусскихъ губерній. На эту ярмарку съѣзжается сосѣднее и даже отдаленное дворянство, также *застѣпковые шляхтуны* (см. Минская губернія), между которыми часто попадаются Хлестаковы. Они очень замѣтны на ярмаркѣ: кричатъ въ балаганахъ, неистово аплодируютъ въ театрѣ, въ ресурсахъ путаютъ ногами въ танцахъ, пьютъ рѣзкіе выморозки въ еврейскихъ ресторанахъ и расхаживаютъ по ярмаркѣ съ хлыстикомъ, гордо поглядывая на *посесорчуковъ* (мелкіе арендаторы фермъ и фольварковъ), которые встрѣчаются здѣсь безчисленными толпами и обращаютъ вниманіе каждаго своими длинными *шерачковыми* сюртуками, съ сотнею складокъ у талия, огромнѣйшими перкалевыми (каленкоревыми) воротничками, закрывающими уши и торчащими наподобіе роговъ, подстриженными усами и съ мѣсяцъ небритыми подбородками.

Не менѣе обращаютъ вниманіе всякаго и странствующія съ медвѣдями цыгане и хорошенькія цыганки, потѣшающія ярмарочную публику разными фокусами и плясками. Куда ни пойдешь здѣсь, непременно наткнешься на это племя: ужъ именно справедлива пословица несвижская: цыганъ скачетъ, цыганъ пляшетъ, цыганка пѣсенки поетъ на ярмаркѣ. Но всѣхъ интереснѣе здѣсь несвижскіе поселяне и поселанки, отличающіеся опрятною одеждою и довольно видною наружностью. Они ужъ не носятъ, подобно другимъ поселанамъ Минской губерніи, мѣшковатыхъ свитъ и грязныхъ лаптей, поярковыхъ шапокъ и наметокъ, а одѣваются въ какіе-то капоты изъ снѣгаго сукна и платица изъ ситца не очень нестраго; вмѣсто наметокъ бѣлорусскихъ, поселанки носятъ на головахъ цвѣтныя платки, довольно красиво повязанные надъ самымъ лбомъ и на затылкѣ. А какъ граціозны, ловки и вертлявы онѣ! Право, любо смотрѣть на гибкій станъ и маленькія ножки такой поселанки! Не менѣе ихъ ловки и поселане несвижскіе: все народъ чистоплотный, здоровый, бойкій и развязный, но не буйный и не

дерзкой. Находчивость и смысленность несвижскихъ поселянъ обратилась въ поговорку; есть старинная бѣлорусская поговорка объ ихъ заливчатствѣ: *у Несвижи людъ жижи; салому тавкуць да блины лекуць; сьна смажуць, блины мажуць*, т. е. смысленный, проворный народъ несвижскій! изъ толченой соломы жарятъ блины, а изъ сѣна дѣлаютъ масло для блиновъ.

Три дня провелъ я въ Несвижѣ и почти неохотно разстался съ нимъ, — разстался потому только, что долженъ былъ спѣшить въ Минскъ.

VII.

Щорсы: древняя библиотека Хребтовичей; замѣчательность щорской церкви. — Мѣстечко Миръ: сѣдлы древняго замка въ Мирѣ; историческія событія мѣстечка. — Цыгане: исторія появленія этого племени въ Россіи и особое управление его. — Цыганскій король Янъ Марцинкевичъ; прежняя и настоящая жизнь цыганъ; ихъ характеръ, обычаи, ремесла, занятія и языкъ. — Мирскіе жиды цыганъ; ихъ характеръ, занятія и языкъ. — Церковь въ Мирѣ. — Свержень. — Столбцы. — Койлаво: значеніе его въ древности и въ настоящее время. — Сѣщина. — Въездъ въ (бѣлорусскій) Минскъ.

Изъ Несвижа въ Минскъ прямой путь лежитъ чрезъ Свержень; во мнѣ нужно было побывать въ Щорсахъ и Мирѣ, и потому, возвративъ на проселочную дорогу, я проѣхалъ на обывательскихъ въ эти два мѣстечка.

О Щорсахъ считаю нужнымъ сказать, что это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хребтовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ, каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею библиотекою во дворцѣ, обязанною хранящимся въ ней рѣдкими книгами и рукописями вынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хребтовичу.

Въ настоящее время въ библиотекѣ считается 6,000 томовъ различнаго содержанія книгъ больше на польскомъ языкѣ. Укажу на рукописи болѣе замѣчательныя и важныя для историковъ русскихъ. Таковы:

1) Stanisława Niemojewskiego podstolego koronnego prawdziwe opisanie powstania Dymitra terazniejszego Cara i monarchy moskiewskiego z dołączeniem dziennika wypadków Moskiewskich aż do roku 1606 dnia 29 Septembra. (Вѣрное описаніе дѣйствій Дмитрія Іоанновича, нынѣшняго царя московскаго, съ присовокупленіемъ дневника о московскихъ событіяхъ до 29 сентября 1606 года. Сочиненіе короннаго подстоля Станислава Нѣмоевскаго.)

2) Annales Poloniae conscripti a Casparo Lazanski, Canonico Chelshensi, praeposito Lublinensi, Patrocho Lewartow. (Польскія лѣтописи, составленныя хелмскимъ каноникомъ Каспаромъ Лазанскимъ.) Въ этихъ лѣтописяхъ есть много историческихъ фактовъ, относящихся къ Россіи въ эпоху войны Карла XII съ Петромъ Великимъ.

3) Кромѣ того, между рукописями встрѣчаются слѣдующіе исторические документы, очень важныя для русской исторіи: оффиціальная переписка гетмана Хмѣльницкаго съ гетманами польскими; реляціи о сраженіи русскихъ съ татарами подъ Конотопомъ, Ляховичами и Кушниками; извѣстіе о взятіи Вильно русскими; письма гетмана Выговскаго; донесенія о битвахъ Хмѣльницкаго; казацкая пѣсня про поляковъ; описаніе слачи Кіева; *Гржимутовскій* мирный договоръ, заключенный въ Москвѣ, и подлинный универсалъ (окружной манифестъ) къ казакамъ гетмана Хмѣльницкаго, съ собственноручною его подписью и печатью.

4) Подробное описаніе посольства Волловича къ Императору Петру Великому.

5) Реестръ бумагъ литовской метрики въ царствованіе королей Александра и Сигизмунда 1-го, до 1523 года.

Между книгами замѣчательно сочиненіе Пащевскаго, напечатанное въ Краковѣ, въ 1609 году, подъ заглавіемъ: «Przyczyny wojny Moskiewskiej (о причинахъ московской войны).

Въ Щорсахъ обращаетъ вниманіе, не столько своею архитектурою, сколько рѣдкостью, иѣкогда униатская, нынѣ православная церковь: въ ней хранится образъ св. Дмитрія, перенесенный сюда изъ Москвы, какъ говорятъ, во времена грабежей самозванцевъ, между 1605—1612 годами.

Нельзя не замѣтить, что въ Щорсахъ устроено небольшое лавкастерское училище для крестьянскихъ дѣтей, смотрѣніе за которыми ввѣрено мѣстному священнику.

Изъ Щорсъ я направился въ Миръ — мѣстечко, лежащее на пути изъ Несвижа въ Вильно, къ началу XVI вѣка принадлежавшее Илливичамъ, а впоследствии перешедшее къ князьямъ Радзивилламъ, которые владѣютъ имъ по сю пору. Миръ иѣкогда славился красивымъ каменнымъ замкомъ, построеннымъ маршаломъ Школаемъ-Христофоромъ Радзивилломъ въ 1579 году. Что этотъ замокъ былъ великолѣпный, доказательствомъ служатъ сеймики, которые созываемы были въ немъ Радзивиллами. Изъ актовъ Минской губерніи извѣстно, что въ мирскомъ замкѣ на сеймахъ издано иѣ-

сколько грамотъ и записей въ пользу православныхъ и униатскихъ церквей (41). Изъ Радзивилловъ больше всѣхъ гостилъ въ мірскомъ замкѣ Карлъ. Тамъ-то онъ, охотясь за медвѣдями, въ первый разъ познакомился съ цыганами и впоследствии пригласилъ ихъ къ себѣ въ несвижскій замокъ и набралъ изъ нихъ цѣлый штатъ дворчанъ.

Въ настоящее время остались только слѣды древняго замка мірскаго: сохранились каменные ворота, части полу-развалившихся стѣнъ и четыре бастіона. Замѣтны еще насыпи и возвышенія, между которыми, во рвахъ, обросшихъ травой, кое-гдѣ виднѣется вода. Замокъ разрушенъ въ Отечественную Войну 1812 года, во время схватки русскихъ съ французами и поляками, сѣдшинами изъ Слонима въ Минскъ. Извѣстно, что 26 июня 1812 года, на пространствахъ между деревнею Кореличами и мѣстечкомъ Міромъ, произошла страшная стычка атамана казаковъ графа Платова съ корпусами Вандама, Понятовскаго и Латуръ-Мобура, прикрывавшими вестфальскаго короля, сѣдшишаго въ Новогрудокъ. Казаки грянули на отряды поляковъ и загнали ихъ въ Миръ, гдѣ нѣкоторые спрятались въ замкѣ. Тутъ-то, ожесточенные противъ мятежниковъ, русскіе взорвали мірскій замокъ: неуспѣвшіе спрятаться поляки, бросивъ французскіе отряды, побѣжали къ Новогрудку (42).

Какъ бы въ ознаменованіе такого историческаго событія, въ Мирѣ, на развалинахъ древняго замка, два раза въ годъ собираются ярмарки, извѣстныя подъ именемъ Николаевскихъ — 9 мая и 6 декабря. Та и другая продолжаются по двѣ и даже по три недѣли. Отличіе этихъ ярмарокъ отъ прочихъ западно-русскихъ состоитъ въ томъ, что на нихъ по преимуществу производится торговля лошадьми. Мірскіе цыгане, которыхъ здѣсь очень много, занимаются коннозаводствомъ и на ярмарки сгоняютъ цѣлыя табуны разнаго сорта лошадей. И охотники до лошадей съѣзжаются въ Миръ изъ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ Минской, Гродненской и Виленской губерній. Цыгане сбываютъ откормленныхъ лошадей, а вмѣсто ихъ за бездѣнокъ покупаютъ загнанныхъ и измученныхъ, которыхъ впоследствии продаютъ съ огромными барышами. Можно сказать, что на мірскихъ ярмаркахъ за лошадьми и цыганами свѣту Божьяго не видать. Миръ — настоящая столица этого чернаго племени, которое поселилось здѣсь со временъ Радзивилла Пана-Коханку.

Но откуда, спрашивается, зашли въ Миръ и вообще въ Россію цыгане? Настоящее

По общему мнѣнію ученыхъ о раздѣленіи древнихъ индѣйскихъ кастъ, цыгане принадлежали къ кастѣ *Судерсъ*, или *Судра*, самой нечистой и воровской, презираемой прочими кастами (43). Преслѣдуемые и гонимые въ 1408 и 1409 годахъ Тимуръ-ханомъ, принуждавшимъ ихъ къ исламу, цыгане, какъ нелюбившіе никакого опредѣленнаго вѣроученія, бросили родныя пенелы Индіи и бѣжали въ Аравію (44). Но и въ Аравіи имъ не посчастливилось; и вотъ они, по свидѣтельству Грельмана (45), перешли въ Египетъ, а оттуда прибыли въ Европейскую Турцію, изъ Турціи перешли въ Богемію, Молдавію, Валахію, Галицію и, наконецъ, въ XV вѣкѣ — въ Польшу, а изъ нея въ западныя губерніи Россіи. — Въ XVI вѣкѣ цыганъ столько размножилось въ Польшѣ, что въ 1578 г. тамъ уже издали были постановленія о ихъ правахъ. Въ Россіи же они расселились въ началѣ XVIII вѣка: начало селитбы ихъ — въ Мирѣ, гдѣ Карлъ Радзивиллъ далъ имъ привилегіи на свободную торговлю вокругъ Міра и Несвижа. Съ Грельманомъ можно согласиться, что онъ основательно изучилъ исторію и языкъ цыганскаго племени, доказательствомъ чего служатъ его многія сочиненія о немъ и даже составленный обширный словарь и грамматика цыганскаго языка (46).

Всего менѣе можно принять предположеніе польскаго исторіографа Нарушевича, который говоритъ, что цыгане — осѣдлые жители нынѣшняго Подляся и Полесья, потомки древнихъ языговъ, или ятвяговъ (47). Предположеніе, очевидно, произвольное, неоснованное ни на какихъ данныхъ: между прочимъ, оно опровергается особенно несходствомъ языка, характера и чертъ лица цыганъ съ языкомъ, характеромъ и чертами лица подлясянъ и собратовъ ихъ польсянъ.

Нѣкоторые нѣмецкіе писатели утверждали, что цыгане переселились въ Западную Россію, въ царствованіе Екатерины Великой, изъ княжества Голштинскаго (48); но это мнѣніе опровергается тѣмъ, что въ 1759 г. цыганъ уже слишкомъ много было въ Россіи, такъ что они вздумали бы пробраться въ столицу, вследствие чего въ томъ же году послѣдовало указъ о воспрещеніи имъ входить въ главные го-

(43) Gesetze der Gentous aus den Engl. von Rudolf Erich Raspe. Hamburg. 1778. P. 100, 102.

(44) Eritoni de Timur-Bu, écrite en Parsan par Cherefeddin-Ali, — traduite en français par Petit de la Croix. T. III. P. 9.

(45) Historischer Versuch über die Zigeuner. Göttingen. 1787. C. 1., p. 341 — 342.

(46) См. тамъ же.

(47) Histor. Narod. Polsk. T. I. Ks. I., str. 85.

(48) Berlinische Monatschrift, herausgegeben von Gedike und Biester, 1783. Jahr, p. 216.

(41) См. «Акты Минской губерніи». № 25 и 97.

(42) См. «Описание Отечественной Войны въ 1812 году» — генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.

рода русские. На основании этого указа должно заключить, что цыгане поселились в России вообще, а тем более в Западной России, в XVII вѣкѣ, и именно, как думают некоторые ученые, во времена самозванцевъ, наполнившихъ землю русскую всякимъ сбродомъ и въ томъ числѣ цыганскимъ племенемъ.

Поселившись въ западно-русскомъ краѣ, цыгане образовали въ себя особую касту и, несмотря на кочевую жизнь, имѣли главное убѣжище и нѣкотораго рода отдѣльное управление. Этимъ убѣжищемъ было мѣстечко Миръ. Главный управитель назывался старшиною, а въ последнее время даже *королемъ* (49). Выборъ старшины производился на *Мирскомъ* полѣ, куда, обыкновенно, сходились цыгане цѣлыми кочевьями со всѣхъ концовъ Западной России. Въ старшины выбирали цыгана среднихъ лѣтъ, статнаго и богатаго; ценою избраннаго и (если была) его сожительницы три раза поднимали на рукахъ вверхъ, съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши всего общества, послѣ чего у ногъ ихъ складывали разные подарки. Старшина отличался отъ прочихъ цыганъ тѣмъ, что носилъ жупанъ съ откладнымъ, краснымъ воротникомъ и сверху жупана перекинутое чрезъ плечо *джупло*, т. е. нагайку, или плеть, съ серебряною рукояткою; кромѣ того, у него была высокая, мѣховая шапка изъ красного сукна, съ разными шитыми канителью значками. Власть старшины была обширна: онъ дѣлалъ приговоры надъ виновными безъ участія общества и только наказывалъ ихъ въ присутствіи избранныхъ стариковъ, или *подстаршинъ*; и такъ какъ главнымъ и постояннымъ преступленіемъ цыганъ было воровство и особенно коврокрадство, то это преступленіе и было собственно предметомъ расправы старшины. Если кто нибудь попадался въ воровствѣ, то старшина, вмѣстѣ съ нѣсколькими подстаршинами, отправлялся въ шатеръ виновнаго и, взявъ у него похищенную вещь или лошадь, жестоко собственноручно наказывалъ его джупломъ, не за то собственно, что уворовалъ, а за то, что не умѣлъ хорошо спрятать уворованную вещь; сумма, вырученная за проданную вещь, поступала въ пользу старшины и подстаршинъ.

Такое управленіе у цыганъ существовало отъ конца XVII до половины XVIII вѣка (50) и поддерживаемо было нѣкоторыми Радзивиллами, которые нередко сами избирали имъ старшинъ изъ поляковъ, а особенно Карломъ, который и переименовалъ ихъ въ *короли* (51), давъ старшинамъ право дѣлать расправу безъ согласія подстаршинъ. Ни древніе акты, ни преданіе не сохранили намъ извѣстій о числѣ и

(49) Czacki, o Litewskim Statncie, str. 237.

(50) Тамъ же. Ст. стр. 238 и 239.

(51) См. выноски 19-ю.

фамиліяхъ этихъ королей. Только изъ одной грамоты князя Карла Радзивилла видно, что *последнимъ королемъ* цыганъ былъ Янъ Марцинкевичъ (52). Этотъ Марцинкевичъ жилъ необыкновенно роскошно и задавалъ великолѣпные пиршества, на которыхъ присутствовали знатные дворяне польскіе и даже самъ Карлъ Радзивиллъ. Марцинкевичъ выстроилъ въ Мирѣ красивый палацъ и, окруживъ себя многочисленною свитою дворчанъ изъ цыганъ, старался во всемъ копировать изыскаемаго своего патрона Пана-Коханку. Старики мирскіе помнятъ еще, до какой степени причудливъ былъ Марцинкевичъ. Говорятъ, онъ разлѣзжалъ въ раскрашенной и вызолоченной каретѣ, запряженной 12-ю лошадьми, съ форейторами, курьерами и всадниками. Если же выходилъ онъ куда нибудь нѣшкомъ, его сопровождала въ такомъ же количествѣ нѣшая свита. Проходящія на ту пору цыгане обязаны были снимать шапки и въ почтительно-наклонномъ положеніи ожидать, пока пройдетъ мимо нихъ *Батю Янъ* (53). Со смертью Марцинкевича прекратилось цыганское управленіе. Въ царствованіе Екатерины Великой, во второй половинѣ XVIII вѣка, цыгане вошли въ составъ общаго народонаселенія западно-русскихъ губерній: изданы были два указа, изъ которыхъ первымъ, отъ 31 декабря 1783 года, велѣно цыганамъ избрать опредѣленный образъ жизни, а вторымъ, отъ 1 января 1812 года, назначенъ имъ срокъ приписаться въ городахъ къ мѣщанскому сословію и разстаться съ шатрами. Кто не исполнялъ Высочайшей воли, съ тѣмъ поступали какъ съ бродягою. Вслѣдствіе чего, многіе богатые цыгане записались въ купечество и сдѣлались непоследними дѣятелями въ мирѣ торговомъ. Что же касается до бѣдныхъ, то хотя они и приписались къ какому нибудь городу или мѣстечку, но, по старой привычкѣ, все еще продолжали вести переходную, кочевую жизнь, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, въ 1847 году, нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ потерявшихъ свои мѣщанскіе документы, обратили въ казенныхъ крестьянъ. Теперь не видно кочующихъ цыганъ; изрѣдка только кой-гдѣ, тайкомъ промчится какой нибудь небольшой таборъ, — но этотъ таборъ состоитъ изъ однихъ жепцинъ, которыя никакъ не могутъ разстаться съ любимыми своими занятіями — ворожбою и гаданьемъ въ сосѣднихъ деревьяхъ.

Несмотря на то, что цыгане приписаны къ городамъ и мѣстечкамъ, они не любятъ жить тамъ, а селятся больше въ окрестностяхъ городовъ, близъ деревень; особенно лѣтомъ они живутъ на поляхъ, подъ открытымъ небомъ. Главныя оселки ихъ въ настоящее время въ Гродненской и Минской губерніяхъ; больше всего ихъ мож-

(52) «Сѣв. Арх. 1826. Ч. XIX. Стр. 290.

(53) O Cyganach wiadomość historyczna, Jgn. Daniłowicza. Wilno. 1834.

но встрѣчать въ окрестностяхъ Гродно, Слонима, Мира, Несвижа, Минска, Борисова и почти всего Слуцкаго уѣзда.

Вѣдъ прежде кочевую жизнь, цыгане очевидно похожи были на ликарей: они жили въ лѣсахъ, въ шатрахъ, землянкахъ и даже ямахъ. У нихъ не было ни столовъ, ни стульевъ, ни кроватей, ни столовой посуды. Вся рухлядь ихъ состояла изъ котомокъ, мѣшковъ, чугунныхъ горшковъ, деревянныхъ ложекъ и жестяныхъ сковородъ. Питались они чѣмъ Богъ пошлетъ,—бывали дни, когда имѣли всего вдоволь, особенно свиного сала (любимаго ихъ лакомства), но бывали и такія недѣли, въ теченіе которыхъ у нихъ не было ничего, кромѣ куска хлѣба, и всю отраду они находили въ куреніи табаку, которымъ всѣми возможными средствами запасались: была леньга, покупался табакъ, а при безденежьи—и бесплатно добывался. Это очень легко удавалось и удается цыгану: въ Бѣлоруссіи и въ Полѣсьи у каждаго поселеннаго и прежде сѣялось и теперь сѣется въ огородѣ столько табаку, сколько нужно для него на цѣлый годъ: ну а долго ли ловкому цыгану перескочить, темнымъ вечеромъ, чрезъ заборъ и подѣлаться съ мужичкомъ хозяйскимъ его добромъ?... Одежда цыганъ была нищенская: недаромъ называли ихъ лохмотниками. Дѣйствительно, непріятно даже слушать, какъ рассказываютъ объ ихъ грязномъ балахонѣ, изорванномъ чуть ли не въ клочки и въ безчисленныхъ мѣстахъ связанномъ, перевязанномъ веревочками, лычками и концскимъ волосомъ. Выпрошенную у мужичка или какогонибудь подпанка-шерака одежду и даже рубаху цыганъ носилъ до тѣхъ поръ, пока она не сваливалась съ его плечъ. Но въ случаѣ, если бы цыгану удалось выманить чтонибудь повараднѣе и подѣстнѣе, онъ тотчасъ старался щегольнуть обновкою и надѣвалъ ее вмѣстѣ съ чернѣйшими лохмотьями остального костюма. Такой же грязный костюмъ былъ и у цыганокъ. Сверху рубахи чрезъ плечо перекидывались куски толстаго холста; на шеѣ висѣло нѣсколько снурковъ почернѣвшаго стекла; ноги босыя; на головѣ, сквозь подобіе дыряваго платка, видѣлись растрепанные и никогда нечесанные густые клочки волосъ. Что же касается до цыганятъ, то они, почти нагѣ, босикомъ ходили и лѣтомъ и зимой.

Занятія цыганъ составляли кузнечество и слесарное ремесло. Но, по природной лѣни къ большимъ трудамъ, они ограничивались только самыми легкими выдѣлками какихънибудь подковъ, колець, ирражекъ, гвоздей, цѣпей, сковородъ и ножей. Мастерская ихъ состояла изъ камня, замѣнявшаго мѣсто желѣзной наковальни, клещей, завертокъ и раздувальнаго мѣха. Съ этою маленькою, походною мастерскою цыганъ располагался подъ открытымъ небомъ и, усѣвшись съ поджатыми ногами возлѣ своей любимицы, раздуваю-

щей огонь, занимался работою, пока хватало терпѣнья. Выдѣланные вещи онъ разносилъ на продажу съ цѣлымъ своимъ семействомъ по окрестнымъ деревнямъ. Добывъ денегъ, цыганъ возвращался въ шатеръ и съзывалъ друзей. Тутъ начинался разгулъ дикихъ людей. Вина пилось столько, сколько могло быть куплено. Напившись, принимались за пляски: цымбалы, варганъ, гитары и бубны составляли ихъ музыку. Женщины плясали съ разными бойкими тѣлодвиженіями, кривляньями и пригѣвами; хоръ пѣсельниковъ оглашалъ воздухъ неистовымъ крикомъ и рѣзкимъ присвистываньемъ. Между тѣмъ ктонибудь изъ шатра давалъ знать объ этомъ разгулѣ окрестнымъ помѣщикамъ или горожанамъ (если городъ былъ тутъ же), и вотъ собиравшись зрители: сначала сънались мелкія монеты, мѣдныя; потомъ являлись охотники-любители всего дикаго, бурнаго, неистоваго, и къ ногамъ хорошенькихъ цыганокъ бросалось серебро и даже золото. Сколько происшествій, исторій, самыхъ фантастическихъ похощеній совершилось въ этихъ шатрахъ, въ этихъ притонахъ бѣшеныхъ оргій: вѣдь недаромъ впоследствии явилось у насъ на Руси множество романовъ и повѣстей, основанныхъ на бытѣ и прежней жизни кочевыхъ русскихъ цыганъ! Музыка и пляска у цыганокъ служили приманкою для впуска ихъ въ барскіе дома, гдѣ они, высмотрѣвъ всѣ декорации заднихъ дворовъ, впоследствии напоминали владѣтелямъ ихъ о своемъ пребываніи любезнѣйшимъ цыганскимъ искусствомъ—воровствомъ. Съ тѣми же приманками являлись цыганки и на ярмаркахъ, гдѣ, завлекая добродушныхъ бѣлорусцевъ и простоватыхъ полѣсьянъ краснобайствомъ и ворожбой, очищали и опоражнивали ихъ возы и мѣшки со всякимъ добромъ.

При такой разгульной, безпутной и безалаберной жизни, очевидно цыгане не подчинялись никакимъ формамъ законовъ: у нихъ не было ни браковъ, ни крестинъ, ни другихъ обрядовъ религіи. «Какой ты вѣры?» спрашивали цыгана, и онъ отвѣчалъ: «Какой хочешь, батю!»

Нынѣ, войдя въ общій составъ народонаселенія Имперіи, цыгане подчинены всѣмъ условіямъ государственныхъ законовъ и правиламъ церкви; теперь они христіане. Жизнь цыганская измѣнилась: они живутъ семействами и занимаются какимънибудь ремесломъ или торговлею на постоянныхъ мѣстахъ. Главнѣйшихъ промысловъ составляютъ теперь: кузнечество, слесарство и особенно конолеченіе; почти во всѣхъ имѣніяхъ Бѣлорускаго и Полѣскаго края лучшими коновалами считаются цыгане. Кромѣ того, по старой привычкѣ, они занимаются коннозаводствомъ и мѣною лошадей, или, какъ говорить простонародье, *цыганствомъ*, главнѣйшимъ условіемъ котораго надува-

тельство, обманъ. Кривую, старую, беззубую лошадь калѣку-цыганъ умѣть передѣлать въ статнаго, огненного и рѣзваго бѣгуна. Вколачиваніе въ лошадиную спину булавокъ, зажженная губка подъ хвостомъ и подниманье кожи животнаго, чрезъ сдѣланное въ ней отверстіе, суть обыкновенныя средства, употребляемыя цыганами для обмана покупателей. Многословный цыганъ, кромѣ способности укрывать недостатки своей лошади, имѣетъ еще удивительную ловкость сваливать съ ногъ самаго сильнаго коня и выказывать недостатки предлагаемаго ему на мѣбу. Страсть къ мѣбу лошадей въ высшей степени развита въ цыганахъ. Недавно цыгане занимались медвѣдоводствомъ; но теперь оно запрещено имъ, потому что медвѣдоводство пробуждало въ нихъ опять кочевую жизнь и было причиною грабежей и разбоевъ въ деревняхъ. Цыгане занимаются также токарствомъ; ихъ липовыя и дубовыя миски, тарелки, ложки, сита и рѣшота известны своею красвою отдѣлкою. Встрѣчаются цыгане-сапожники, но ихъ немного.

Сдѣлавшись осѣдлыми, западно-русскіе цыгане перемѣнили свой прежній національный костюмъ на одежду мѣстныхъ мѣщанъ или крестьянъ; одна только нагайка при бедрѣ и вѣчное перяшество напоминаютъ нѣсколько о прежней *лохмотности* хитанскаго племени. Нельзя этого сказать о костюмѣ цыганокъ: онѣ все еще держатся прежнихъ своихъ полотняныхъ тогъ, — можетъ быть, потому, что въ такомъ костюмѣ выгоднѣе добывать деньги, къ которымъ онѣ такъ жадны. Известно, что за деньги цыганка рѣшится на все, даже выкормить своею грудью щенка⁽⁵¹⁾.

Что же сказать о тѣлесныхъ свойствахъ цыганскаго племени? Цыгане отъ природы необыкновенно крѣпкаго сложенія, ловки и быстры. Здоровье ихъ вошло въ пословицу. Они не боятся ни сырости, ни жару, ни холоду; зной составляетъ наслажденіе цыганъ, и они считаютъ удовольствіемъ жариться у огня. Они не подвержены никакимъ припадкамъ и не боятся даже заразы; самая опасная, разрушительно дѣйствующая на другихъ, ничуть не опасна для цыганъ. Одна старость разстроиваетъ крѣпкое ихъ сложеніе. Между цыганами нѣтъ ни дородныхъ, ни уродовъ. Темно-желтый цвѣтъ лица происходитъ оттого, что матери, завернувъ своихъ младенцевъ въ жирныя лохмотья, таскаютъ ихъ съ собою на солнцѣ и держатъ возлѣ огня. Глаза черные, большіе, огненные и удивительно характеристическіе. Зубы чистые, бѣлые, — говоритъ, будто бы оттого, что цыгане вѣчно курятъ простой, безъ всякихъ приправочныхъ спецій, тютюнъ, а цыганки держатъ за зубами шохательный табакъ.

(51) Niebuhr, deutsches Museum, 1731, jul., s. 22.

Несмотря на то, что наши цыгане слились, такъ сказать, въ одну массу съ русскимъ народомъ, между собою они не говорятъ по русски, а все еще употребляютъ свой родной языкъ, хотя значительно измѣнившійся во время кочеваній ихъ по нѣмецкимъ, венгерскимъ и польскимъ землямъ въ XVIII и XIX вѣкахъ, и потому слишкомъ различающійся отъ древняго цыганскаго. Что же касается до древняго цыганскаго языка, то счастливый случай... «случай», говорю потому, что цыгане всегда скрывали свой языкъ отъ другихъ народовъ и не имѣли своихъ письменныхъ буквъ, — счастливый случай... подтвержденный знаніемъ восточныхъ языковъ, убѣдилъ достаточно въ сходствѣ цыганскаго языка съ индѣйскимъ⁽⁵²⁾.

Многіе изъ поселившихся въ Мѣрѣ цыганъ разошлись по разнымъ городамъ и селамъ Гродненской и Минской губерній, но большая часть основалась тамъ навсегда и завела бумажныя, сукошныя, ткацкія и особенно мѣховыя фабрики, которыя славились въ началѣ XVIII вѣка по всему БѢлурусскому и Польскому краямъ; въ настоящее время этихъ фабрикъ нѣтъ, и только народное преданіе сохранило о нихъ воспоминаніе; есть даже пословица о мѣрскихъ фабрикантахъ: *Майстаръ зъ Мира, што цязъ, то дзира!* (Пу ужь мѣрскій мастеръ! за что ни возьмется, непременно испортитъ, сдѣлаетъ дыру.) Эта пословица напоминаетъ уже о паденіи фабрикъ въ Мѣрѣ. Изъ всѣхъ фабричныхъ заведеній едва сохранились небольшіе *ткацкіе* станки, т. е. въ Мѣрѣ до сихъ поръ нѣкоторые цыгане занимаются ткачествомъ. Холстъ мѣрскихъ ткачей славится своею прочностью и чистотою отдѣлки. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ домахъ Мира сохраняютъ, какъ рѣдкость, остатки матеріи древнихъ мѣрскихъ фабрикъ, и что нѣсколько престольныхъ облачений изъ нихъ есть въ мѣрской церкви, нѣкогда православной, построенной въ началѣ XVII вѣка, потомъ униатской-базиліанской и наконецъ въ настоящее время опять православной, во имя Святой Троицы.

Отслушавъ обѣдню въ этой церкви, я поспѣшилъ въ мѣстечко Сверхень (которое известно также подъ именемъ Старого Сверхня, потому что есть Ново-Сверхень, раздѣленный отъ Старого только р. Шѣманомъ).

Несмотря на то, что вокругъ Сверхня, по направленію къ Койданову, большіе пески, самъ Сверхень довольно грязенъ, — кажется, оттого, что онъ лежитъ на берегу черноземистаго, пшенистаго Шѣмана и близъ устья болотистой рѣки Уши. Мѣстечко это довольно

(52) См. «Сѣверный Архивъ» 1826 г., ч. XX, стр. 180. Тамъ приложенъ сборникъ цыганскихъ словъ, сходныхъ съ индѣйскими.

старинное: начало его относится къ XV вѣку; въ XVI, XVII и началъ XVIII оно принадлежало Радзивилламъ и славилось богатою фаянсовою фабрикою, а теперь оно принадлежит князьямъ Витгенштейнамъ. Свержень былъ свидѣтелемъ набѣговъ переконскихъ татаръ, грабежей шведовъ и наконецъ опустошенной французовъ (1812 г.), соединившихся въ немъ съ поляками, которыхъ преслѣдовалъ отъ Свержня до самого Минска знаменитый герой отечественной войны Чичаговъ⁽⁵⁶⁾.

Въ настоящее время Свержень считается складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, пригоняемыхъ сюда по Нѣману и Свислочи и отираемыхъ потомъ въ Крелевецъ; въ Свержень сплавливаютъ изъ Бѣлоруссiи мачтовый и такъ называемый *каравковый* (строевой) лѣсъ, а изъ Польска и польскихъ губерній свозятъ щетину, пеньку, ленъ и шерсть.

Посреди мѣстечка, на довольно значительномъ возвышенiи, почти рядомъ, стоятъ два храма: одинъ — православный, а другой — римско-католическій костелъ-фара. Фара ведетъ свое начало отъ 1588 года; во время владѣнiя мѣстечкомъ Радзивилла Чернаго она была превращена въ кальвинскiй храмъ. Что же касается до православной церкви, то, какъ свидѣлствуетъ надпись: «1511», на погостномъ памятникѣ, почти вросшемъ въ землю, начало существованiя ея должно отнести къ XVI вѣку, если не раньше.

Въ Свержнѣ есть нѣсколько лавокъ, изъ полу-открытыхъ стаявъ которыхъ выглядываютъ жидовскiе пейсы и смуглыя, тощiя физиономiи *балабосты* (жонъ жидовскихъ). Миѣ вздумалось пройти мимо этихъ лавчонокъ, и владѣльцы ихъ, какъ волки на добычу, кинулись на меня, думая чѣмъ нибудь поживиться изъ моего кошелка. Но что я могъ купить у нихъ? аршинъ истлѣвшаго ситцу или фунтъ дегтю. Вслѣдъ за лавочниками, какъ тучи налетѣли съ разныхъ угловъ мѣстечка безчисленные факторы, и я едва успѣлъ ихъ оставить меня въ покоѣ.

Свержень замѣчателенъ одною оригинальною улицей, которая почти вся состоитъ изъ корчмъ (забѣдныхъ дворовъ). Въ другомъ мѣстѣ я опишу бѣлорусскiя жидовскiя корчмы. А теперь перейдемъ въ Койдановъ.

Дорога изъ Свержня въ Койдановъ необыкновенно песчана. Имѣя щикъ мой то и дѣло сердился, ужъ не знаю на кого, и постоянно сворачивалъ то направо, то налево и нерѣдко везъ меня по проселкамъ. Скучно вѣхать по такой дорогѣ. Я не одну версту прошелъ пѣшкомъ и прѣхалъ въ Койдановъ усталый и почти измученный;

⁽⁵⁶⁾ «Описанiе Отечественной Войны въ 1812 г.», генераломъ Митайловскимъ-Давыдовскимъ.

только и радости было по дорогѣ, что кой-гдѣ видѣлись низкiе берега извилистаго и глубокаго Нѣмана. Ахъ, да! и забылъ. Между Свержнемъ и Койдановымъ я видѣлъ мѣстечко Столбцы, имѣнiе Чергорижскихъ, замѣчательное своею пристанью для судовъ, называемыхъ *вицинами* (vicina), и тѣмъ, что оно доставляетъ въ Минскую губернiю разные вина и красивую полированную (поливаную) посуду.

Въ Койдановѣ я пробылъ полдня и успѣлъ налюбоваться его красивымъ мѣстоположенiемъ и обойти почти всѣ улицы этого чистенькаго, обрѣтнаго мѣстечка.

Койдановъ расположенъ на горахъ близъ рѣки Узденки. Сначала, именно въ XII вѣкѣ, онъ былъ удѣльнымъ городомъ великихъ князей литовскихъ⁽⁵⁷⁾, а впоследствии, въ XVII вѣкѣ, какъ мѣстечко, перешелъ къ Радзивилламъ. Мѣстное преданiе говоритъ, что Койдановъ когда-то назывался *Крутогорьемъ*, межъ зданiями котораго красовался большой каменный замокъ съ великолѣпнымъ звѣринымъ. Если къ этому преданiю присоединить другое, что въ старой койдановской (сгорѣвшей) православной церкви была икона съ надписью: «Крутогорье, 1146 года», то можно полагать, что до второй половины XII вѣка еще не существовало названiя Койдановъ. Самое древнее литовское сказанiе о Койдановѣ относится къ 1174 г.; въ этомъ сказанiи говорится о страшномъ пораженiи въ Койдановѣ заволжскаго князя (царя) Балаклая великимъ княземъ литовскимъ Скирмунтомъ: «Князь велики Скирмунтъ, собравши все войско свое и поткалъ его (Балаклая) на границы своей въ Койдановѣ и поразилъ того царя и всю его мощь татарскую побилъ, и самого царя убилъ и съ звитяжествомъ великимъ пошолъ на русскую землю и взялъ городъ Мозырь, Черниговъ, Стародубъ, Карачевъ⁽⁵⁸⁾». Не переименовано ли Крутогорье въ Койдановъ послѣ знаменитой въ 1149 году побѣды Миндовга надъ татарами, которыми предводительствовалъ *Койданъ*⁽⁵⁹⁾? Такъ даже твердить и молва народная: народъ сохранилъ въ преданiи имя какого-то Койдана, только не знаетъ, когда онъ существовалъ, — говоритъ, однако, что пришедши съ этимъ Койданомъ татары поселились въ мѣстечкѣ и живутъ до настоящаго времени. Какъ бы то ни было, но Койдановъ древнее мѣстечко. Въ настоящее время оно состоитъ государственнымъ имѣнiемъ; въ немъ учреждены Сельское Управление и Станъ.

Главное украшенiе Койданова составляетъ новая каменная русская церковь, построенная въ 1850 г. на горѣ, вмѣсто древней, де-

⁽⁵⁷⁾ Remiki do dziejow Litwy, Narbut, str. 6, § 11.

⁽⁵⁸⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁹⁾ Тамъ же, § 9.

решившей. Погостъ церкви огражденъ желѣзною рѣшоткою и сохраняется въ необыкновенной чистотѣ.

Бывшій древній замокъ, каменный, превращенъ въ кальвинскую молельню, которая и теперь существуетъ. Католическій костелъ, или фара, очень древній: онъ построенъ, въ 1439 г., великимъ княземъ литовскимъ Михаиломъ, сыномъ Сигизмунда.

Къ числу замѣчательностей мѣстечка должно отнести насыпи, или валы съ минскаго вѣзда, о которыхъ народное преданіе говоритъ, что они составляли военныя укрѣпленія древняго города Койданова, во время нападенія на него татаръ. Но, мнѣ кажется, нельзя согласиться съ этимъ преданіемъ, потому что межъ валами нельзя согласиться съ этимъ преданіемъ, потому что межъ валами есть маленькіе и большіе курганы, которые скорѣе походятъ на могилы. Я нарочно разспрашивалъ объ этихъ возвышеніяхъ у койдановскихъ татаръ, и они сказали, что здѣсь покоятся убитые въ сраженіи ихъ предки. Татары эти ведутъ точно такую же жизнь, какъ и клецкіе (см. выше, Клецкъ); но койдановскіе богаче клецкихъ, потому что живутъ ближе къ Минску и слѣдовательно имѣютъ болѣе возможности сбывать дороже въ губернскомъ городѣ свои огороженыя произрастенія и выдѣланныя кожи.

Въ Койдановѣ есть деревянный гостинный дворъ. Правда, онъ не великъ, но въ немъ вы найдете довольно порядочныя лавки галантерейныя, суконныя и съ разными красными товарами. Даже обхождение лавочниковъ — гостинодворцевъ довольно галантерейное. Здѣсь не тащатъ васъ жида за полы платья, а вѣжливо встрѣчаютъ съ поклономъ и не падоѣдаютъ предложеніемъ купить то, чего вы вовсе не хотите. Мѣтомъ почти весь передній фронтальной рядъ лавокъ гостиннаго двора заваленъ бываетъ пресловутыми койдановскими грушами и яблоками, вѣсомъ въ фунтъ и больше.

Вообще въ Койдановѣ съ удовольствіемъ можно пробыть день-другой и погулять по чистымъ его площадкамъ и гористымъ окрестностямъ, испещреннымъ безчисленными садами, садиками и рощицами. Въ подобномъ мѣстечкѣ пріятно остановиться послѣ грязнаго Свержня.

Было семь часовъ вечера, когда я наконецъ оставилъ Койдановъ и ѣхалъ уже по новой дорогѣ, которая вся отъ Койданова до самаго Минска необыкновенно гориста и напоминаетъ виды клецкихъ окрестностей. То-и-дѣло, что взбираешься на гору и чрезъ нѣсколько шаговъ спускаешься внизъ въ долину. Деревни и села по сторонамъ дороги довольно живописно рисуются предъ вашими глазами: то едва держатся онѣ на верхушкахъ крутыхъ горъ, то какъ бы ползутъ по извилистымъ косогорамъ и упираются своими заборами въ берега какого нибудь притока или озера. Чѣмъ ближе

подъѣзжаетъ къ Минску по тракту несвижскому, тѣмъ выше и обрывистѣе становятся горы и закрываютъ своими хребтами большую городъ, такъ что подъѣзжаетъ чуть ли не къ самой заставѣ Минска, а все-таки не видать его за горами, да вдобавокъ—за вѣковыми присадами изъ густыхъ березъ.

Я рассчитывалъ хоть поздно вечеромъ быть въ Минскѣ; но страшный проливной дождь помѣшалъ моимъ расчетамъ, и я, весь мокрый и прозябшій, долженъ былъ остаться ночевать на послѣдней станціи предъ Минскомъ, въ Сѣбницѣ. Хорошо, что въ Сѣбницѣ нашелся старшій знакомецъ З., и я могъ пойти у него почлесть; это пришлось бы коротать ночь на *бебахалъ* (постель) сѣбницкой корчмы, потому что, какъ на бѣду, станція передѣлывалась и почти была вся сломана.

На другой день утромъ въ семь часовъ я подъѣзжалъ къ родному Минску.

Вотъ миновалъ я знаменитую романическую Ляховскую рощу, гдѣ такъ любятъ гулять минскіе франты; вотъ промчался мимо красиваго фольварка Горокъ; вотъ видѣются зданія казармъ, бѣлокаменная съ красивыми круглыми башнями тюрьма (острогъ); вотъ выглядываютъ готическіе шпицы Петропавловскаго собора, зданія Архіерейскаго двора, стѣны Бернардинскаго монастыря; вотъ предо мною заставный домъ и наконецъ шлагбаумъ. Изъ будки выскочилъ солдатъ съ желѣзнымъ прутомъ, но, слышавъ почтовый звонокъ, спрятался опять въ свою полосатую каюту. Шлагбаумъ подняли, и вотъ я въ Минскѣ! Привѣтствую тебя, родной городъ, бѣлорусская земля! Привѣтствую васъ, милья, дорогія по воспоминаніямъ мѣста! Какъ давно не видалъ я васъ! Сколько грусти и печали испытала моя душа вдали отъ васъ! Я увидалъ васъ наконецъ! И на душѣ у меня отлегло.

Горожане спали. По улицамъ встрѣчались только разнощники хлѣба, баранокъ и сухарей, жида съ рыбою и говядиной, жидовки съ сыромъ, молокомъ и яйцами, лакеи съ сахаромъ, чаемъ и сигарами да кухарки съ обѣденною провизією, закупленною на Новомъ рынкѣ.

Миновавъ красивыя, чистыя улицы Захарьевскую и Францишканскую, я остановился въ знакомой гостинницѣ Шуревича, на углу Зборовоу улицы и Бульварной площади.

Теперь слѣдовало бы сказать о Минскѣ; но такъ какъ при словѣ Минскъ естественно рождается вопросъ о Минской губерніи, то, прежде, нежели перейду къ описанію самого города, считаю нужнымъ поговорить сначала о его губерніи.

VIII.

МИНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Два слова читателямъ и особенно читателямъ-землякамъ. — Оселіше и языкъ древнихъ кривичей. — Бѣлорусскій край: сохраненіе въ этомъ краю православія. — Возведеніе древне-кривичской земли въ званіе Минской губерніи. — Города, замки и курганы Минской губерніи. — Современныя быт, ея поселенія, шероховатость и обывателей. — Земледѣліе, скотоводство, овцеводство, птицеводство и лѣсоводство въ Минской губерніи. Мѣры и вѣсы, бывшія въ употребленіи въ ней до 1845 года. — Замѣтки о сухопутномъ и водномъ сообщеніи въ Минскомъ краѣ — Рѣки и рыболовство въ немъ.

Читатель (а особенно, если онъ землякъ-минчанинъ), узнавъ изъ предшествовавшихъ главъ моего «Путешествія», что я уроженецъ Минской губерніи, и увидѣвъ заглавіе осьмой главы, естественно будетъ ожидать подробнаго и точнаго описанія этой губерніи. Вполнѣ сознавая справедливость такого ожиданія, я старался, сколько позволяли собранныя мною свѣдѣнія, составить по возможности вѣрныя записки о родномъ своемъ краѣ. Но при этомъ напередъ прошу у читателей снисхожденія къ смѣлой моей попыткѣ быть первымъ изслѣдователемъ краѣ, который почти не тронуть. Не легко сразу и одному окончательно уснѣть въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ общихъ усилій специалистовъ-тружениковъ, — темъ болѣе, что вспомогательные матеріалы для изслѣдованія и описанія Минскаго края слишкомъ бѣдны у насъ. Только несть одно пособие «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ.» Оно издано, въ 1848 году, Временною Минскою Коммиссіею, въ занятіяхъ которой принимали особое участіе: бывший минскій гражданскій губернаторъ А. В. Семеновъ, ученый любитель отечественной старины, заслуженный ректоръ Минской Семинаріи, архимандритъ Геласій, бѣлорусскій археологъ и филологъ графъ Тышкевичъ, бывший директоръ архангельской гимназіи Жуковскій, гг. Малафѣевъ, Масальскій и Гласко. Но такъ какъ это пособие не вполне достаточно для уясненія нѣкоторыхъ частныхъ историческихъ истинъ и особенно предметовъ гражданской археологіи и филологіи, то, за неимѣніемъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о нихъ, естественно я долженъ буду довольствоваться одними намеками русскихихъ или польскихъ лѣтописей, а нерѣдко прибѣгать къ аналогическимъ выводамъ и гадательнымъ заключеніямъ, основаннымъ, впрочемъ, на вѣдомомъ народномъ преданіи и добросовѣстныхъ

разказахъ старожиловъ. Можетъ быть, позднѣйшіе изслѣдователи будутъ счастливые меня и больше моего успѣють сдѣлать для исторіи Минской губерніи. Я сдѣлалъ то, что могъ. При этомъ обращаюсь съ просьбою къ добрымъ землякамъ, прислать мнѣ свои замѣчанія и дополнительныя свѣдѣнія о томъ, что пропущено мною или, можетъ быть, неточно передано. ⁽⁶⁰⁾

Прежде всего я долженъ замѣтить, что Минская губернія составляетъ часть Бѣлорусскаго краѣ, семью котораго составляютъ жители Могилевской и Витебской губерній. Предѣлы цынѣшней Бѣлоруссіи въ древности извѣстны были подъ разными названіями оселіщ славяно-русскихъ племенъ. Этими племенами, населявшими нынѣшнюю Бѣлоруссію и, слѣдовательно, нынѣшнюю Минскую губернію, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго и Пестора ⁽⁶¹⁾, были дреговичи, помочане и самое многочисленное и главное племя славянское кривичи, разбѣянные по рѣкамъ Днѣпру, Западной Двинѣ и Припяти. Такъ какъ обитателями Минской губерніи по преимуществу были кривичи, то, несмотря на то, что нѣкоторую часть Минской губерніи составляетъ *Польсье*, извѣстное въ древности подъ именемъ земли *Вудиновъ* ⁽⁶²⁾ и *Невровъ* ⁽⁶³⁾, буду говорить здѣсь только о кривичахъ, какъ главномъ племени Минскаго краѣ въ древности. Что же касается до Польсья, то о немъ будетъ упомянуто въ замѣткахъ о *Пинскѣ* (См. дальше — Пинскъ).

Изъ лѣтописей извѣстно, что славянскія племена, составившія впоследствии времени Россію, до соединенія въ одно большое цѣлое, жили въ разбѣіи (*спорядѣнн*), отдѣльными шатрами, особыми кочевьями, но всѣ говорили однимъ роднымъ славянскимъ языкомъ. Такъ какъ между славянскими племенами самымъ многочисленнымъ и сильнымъ было племя кривичское, и сосѣдніе литовцы всѣ оселіща славянъ называли *Krewet-zemla*, землю кривичей ⁽⁶⁴⁾, то очень можетъ быть, что и всѣхъ славянъ называли именемъ этой главной отрасли славянства — *кривичскимъ*. Какъ бы то ни было, но кривичи считались господствующимъ племенемъ славянъ и во всемъ дѣйствовали какъ старшіе или сильныя въ родѣ славянскомъ.

⁽⁶⁰⁾ Адресовать на мое имя въ контору «Современника», при книжномъ магазинѣ Базинова, въ Санктпетербургѣ.

⁽⁶¹⁾ Constant. Porphyrog. de Adm. Imp.; и Memoriae populor. II p. 981; Лѣтопись Нестора, стр. 17.

⁽⁶²⁾ См. «Записки Одесск. Географ. Общества», т. I, статья Надеждина: *Геро-дотова Скмія*.

⁽⁶³⁾ «Москвитянинъ» 1853 г., № 5. Статья о *вокалакахъ*.

⁽⁶⁴⁾ Memoriae populorum, T. II, p. 53—54.

Такъ, напримеръ, кривичи первые, вмѣстѣ съ племенскими славянами, пригласили въ славянскія земли вождя, или князя (Рюрика), и первые подали мысль о единоподержави и соединеніи всѣхъ племенъ славянскихъ въ одно цѣлое. Потомъ, когда, по соединеніи всѣхъ семействъ, или племенъ славянскихъ въ одно цѣлое, нѣкоторые роды славянъ отдѣлились и отпали отъ единоподержавнаго своего правителя; стали вести междуусобицы распри и войны, наконецъ вышли изъ своихъ прежнихъ земель и поселились на новыхъ, кривичи тоже первые возстали противъ такой удѣльности своихъ соплеменниковъ, одни одни остались вѣрны своему вождю и не разстались съ родными пещерами. Чуждыя мира и спокойствія, жаждущія войны и постоянныхъ раздоровъ, прочія племена разъединились, утратили свою зависимость, самостоятельность и даже народность, значительно измѣнили и даже повредили свой родной языкъ. Между тѣмъ кривичи сохраняли свой первоначальный образъ жизни, свое правленіе, свои нравы и кривичско-славянскій языкъ. Перешедши на новые оселки, славянскія племена вынесли съ собою общеславянскіе нравы, обычаи, религію, преданія, обряды и языкъ главнаго племени — кривичей; но, вслѣдствіе совершенной изолированности отъ кривичей и слитности съ другими народами, окруженныя новыми семьями и удаленныя отъ главнаго источника своего мѣста, они становились, нѣкоторымъ образомъ, чужими для соплеменнаго рода кривичей и по правамъ, и по вѣрованіямъ, и по языку; мало того: завидуя ихъ мирной и спокойной жизни, они дѣлали набѣги на прежнее свое отечество и производили опустошенія въ земляхъ кривичей, какъ во владѣніяхъ непріятельскихъ. Правда, въ земляхъ кривичей, какъ во владѣніяхъ непріятельскихъ. Правда, эти отдѣлившіяся племена, странствуя по разнымъ землямъ и перекочевывая изъ одного мѣста въ другое, знакомились съ военною дисциплиною нѣкоторыхъ народовъ и сами дѣлались героями своего времени и завоевали немало чужихъ земель, но зато были кочующія, переходныя племена: они нигдѣ не упрочили постоянныхъ своихъ селитбъ, ни въ одной изъ завоеванныхъ земель не оставили слѣдовъ своей осѣлости — они были только странствующими воинами. Очевидно, что во время такой жизни ихъ могъ измѣниться и ихъ прежній славянскій языкъ, а впоследствии породить изъ себя отдѣльныя нарѣчія. Приобрѣтая новыя понятія, они выдумывали новыя слова или присвоивали чужія и чрезъ нѣсколько вѣковъ стали говорить нѣсколько новымъ, пожалуй, отличнымъ отъ общеславянскаго, кривичскаго, языкомъ. Самыя общія, коренныя слова могли измѣниться въ произношеніи, когда они не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ: словомъ, смотря по обстоятельствамъ, они или развѣтвлялись, обогащали и образовывали изъ

общеславянскаго-кривичскаго новыя нарѣчія, напримеръ, великорусское, или же подчинялись вліянію чуждыхъ элементовъ, слаживали, разрушали начала древняго языка и, облекши его въ формы чуждыя, воспроизводили, напримеръ, польское, чешское, кроатское и иллирійское нарѣчія. Между тѣмъ кривичи, сдѣлавшись постоянно осѣлыми по Двѣри, Западной Двинѣ, Сожѣ и Припяти, вели жизнь мирную, домохозяйную и оттого во всей чистотѣ и цѣлости сохранили первоначальный свой славянскій бытъ, свои вѣрованія и наконецъ свой кровный языкъ. На ихъ земляхъ ясно отпечатлѣлись слѣды ихъ осѣлой жизни: живя мирно, они воздѣлывали свои пашнища, строили замки, остроги и города, обносили ихъ валами, пашнями, курганами, капищами; какъ осѣлыя, непроходныя племена, они избирали постоянныя мѣста для исполненія обрядовъ своей религіи, имѣли свои урочища, любимыя дѣса, кущи, рожи, берега рѣкъ и озеръ, и, чтобы выразить свою привязанность къ нимъ, они ставили на этихъ мѣстахъ божницы, истуканы или просто дѣлали навалы изъ камней. Оттого-то и до сихъ поръ въ земляхъ кривичей чаще, чѣмъ въ другихъ земляхъ славяно-русскихъ, находятъ эти слѣды осѣлости и привязанности къ роднымъ, любимымъ жилищамъ: до сихъ поръ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи названія древнихъ кривичскихъ урочищъ, кургановъ и пашней; есть даже села и деревни, которыя называются *Кривичами* (см. дальше — Слуцкъ), а озера и рѣки — кривичскими (см. Борисовъ, Слуцкъ и Пинскъ); оттого-то, наконецъ, въ нынѣшней Бѣлоруссіи такъ много сохранилось древнихъ кривичскихъ обрядныхъ пѣсней, разныхъ пословицъ, поговорокъ, преданій и повѣрій, имѣющихъ отношеніе къ первобытной славяно-русской мифологіи. Но еще болѣе высказали кривичи привязанность къ родному языку. Вслѣдствіе домохозяйства и нелюбви къ знакомству съ иноплеменными соседями, языкъ ихъ не подвергался ни порчѣ, ни измѣненіямъ, ни улучшеніямъ, ни обогащеніямъ: оставался все тѣмъ же общеславянскимъ-кривичскимъ. Правда, немного пользы было бы для общеславянскаго языка, еслибъ всѣ славянскія племена оставили его безъ воздѣлыванія; но, при воздѣлываніи другими племенами, сохраненіе его въ первоначальномъ видѣ у кривичей имѣетъ ту обширную пользу, что дошедшій до насъ кривичскій, или бѣлорусскій языкъ даетъ намъ возможность сравнить настоящій великорусскій съ древнимъ славянскимъ, или съ библейскимъ, на который переведены священныя книги славянъ, а слѣдовательно и кривичей. Введенныя въ земляхъ славянскихъ письма Кирилла и Мефодія послужили для прочихъ племенъ средствомъ для образованія литературы и проявленія народной устной словесности въ письменныхъ памятникахъ.

кахъ. У прочихъ племенъ явились мѣстная письменность и литература, — въ томъ числѣ образовалась письменность великорусская. Кривичамъ же, по принятіи алфавита, суждено было также поступить и съ письменнымъ языкомъ, какъ и съ устнымъ: они не развили и не развѣтвили, а слѣдовательно и не образовали новаго языка. Конечно, тутъ уже небезотчетная привязанность къ родному языку или не вѣжество руководили кривичами, а горькія обстоятельства набѣговъ на ихъ земли перекопскихъ татаръ, подчиненія чуждому народу литовскому и потомъ польскому, а что главнѣе — обстоятельства насильственного введенія въ ихъ землю уни были причиною неразвитія у нихъ письменнаго языка. Но опять нѣтъ худа безъ добра: при развитіи письменнаго языка въ великорусскихъ земляхъ, сохраненіе между кривичами первобытнаго древне-славянскаго, или, по переименованіи земли кривичской въ Бѣлоруссію, Бѣлорусскаго языка въ печатныхъ книгахъ: Остромировомъ Евангеліи, Острожской Библии и древнихъ актахъ, дошедшихъ до насъ, тѣмъ благотвительно, что даетъ возможность ученымъ сравнить настоящую великорусскую письменность образованную съ древнею кривичскою, или Бѣлорусскою. Такимъ образомъ, когда въ новыхъ великорусскихъ владѣніяхъ древній славянскій языкъ постоянно все болѣе и болѣе обновлялся, въ Бѣлоруссіи онъ сохранялся неприкосновенно въ продолженіе 18 вѣковъ и въ настоящее время является почти такимъ же, какимъ былъ прежде, т. е. древне-славянскимъ, или, въ послѣдствіи, Бѣлорусскимъ. Устраненный благовременно отъ вліянія монголизма и доселѣ неиспытанной воздѣйствія великорусскаго нарѣчія, онъ сохранилъ свой старинный видъ и характеръ и болѣе остановился въ своемъ развитіи, чѣмъ претерпѣлъ, какъ думаютъ вѣкторые, отъ польскаго и литовскаго нарѣчій. Онъ былъ официальнымъ языкомъ литовскаго двора и правительства еще во времена язычества. Литовскій Статутъ, памятникъ чрезвычайно важной для исторіи нашего законодательства и для древней Русской филологіи, писанъ на этомъ самомъ языкѣ, который еще въ исходѣ XVII вѣка употреблялся въ документахъ, признаваемыхъ въ Виленскомъ магистратѣ и вообще во всѣхъ актахъ западной и южной Россіи⁽⁶⁵⁾. На Бѣлорусскомъ языкѣ писаны и Литовская Метрика⁽⁶⁶⁾ и Акты Кіевского Суда⁽⁶⁷⁾, которые заключаютъ въ себѣ

⁽⁶⁵⁾ См. «Акты Виленской губерніи», «Акты Минской губерніи», «Бѣлорусскій Архивъ», собраныи І. Григоровичемъ, «Памятники Южной Россіи, Кіевской, Подольской и Волынской губерній».

⁽⁶⁶⁾ Часть ея хранится въ Санктпетербургѣ, при Третьемъ Департаментѣ Сената, а часть въ Варшавѣ, при Главномъ Архивѣ.

⁽⁶⁷⁾ При Главномъ Варшавскомъ Архивѣ.

безцѣпныя сокровища для нашей исторіи и для славяно-русскаго филолога могутъ быть предметомъ чрезвычайно любопытныхъ и полезныхъ изслѣдованій. Наэтомъ же Бѣлорусскомъ языкѣ любили говорить, еще въ концѣ прошлаго вѣка, минскіе, могилевскіе и витебскіе помѣщики; на цемъ до сихъ поръ говорятъ болѣе трехъ миліоновъ людей; даже бывшіе въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ униаты говорили и писали метрическія книги по Бѣлорусски, или по кривичски.

До какой степени, почти безъ всякаго основнаго измѣненія, сохранился Бѣлорусскій языкъ до настоящаго времени въ устахъ нынѣшняго народа Минской губерніи, т. е. древнихъ кривичей, можно заключить изъ совершеннаго сходства съ древне-славянскимъ, на которомъ писаны были договоры, акты и грамоты, языка жителей такъ называемыхъ *Застѣнковъ*, или околци. Застѣнокъ, отъ слова *за стѣною*, за чертою, значитъ селеніе, обведенное стѣною или просто плотнымъ заборомъ, нѣчто въ родѣ древнихъ крѣпостей или остроговъ кривичскихъ. Жители ихъ — бывшіе безпомѣстныя дворяне, изъ которыхъ многіе нынѣ, за немѣнѣемъ древнихъ дворянскихъ документовъ, обращены въ вольныхъ хлѣбонашцевъ. Эти застѣнки и застѣнковые жители напоминаютъ собою древнія родовыя отношенія, или племенную жизнь первобытныхъ русскихъ славянъ, селившихся отдѣльными семьями, подъ разными названіями племенными (дрегоичи, кривичи, дудѣбы и проч.), но въ массѣ составлявшихъ одинъ народъ. И нынѣ въ каждомъ изъ этихъ застѣнковъ живетъ отдѣльное племя, семьи котораго не связаны между собою родствомъ, а между тѣмъ все носятъ одно прозвище, напримѣръ: Гауты, Кисели, Хавтуры, Родевичи, Родыни, Можки, Вильчики, Волотки, Кривички, Круки, Севрюки; этими же именами называются и самые застѣнки, напримѣръ, говорятъ: застѣнокъ Гауты, Волотки, Кривичкій застѣнокъ, и проч. Къ застѣнкамъ можно отнести еще такъ называемые *куты* (углы), т. е. маленькія въ два-три семейства селенія одноворцовъ, разбросанныя гдѣ нибудь въ глуши, въ лѣсахъ и даже непроходимыхъ болотахъ и напоминающія собою древній мелкія селитбы и оселіща кривичей и славянъ вообще. Куты эти называются также *концами*, чѣмъ напоминаютъ названіе предмѣстій (и улицъ) въ селеніяхъ древней Руси⁽⁶⁸⁾. Застѣнковъ въ Минской губерніи (и вообще въ Бѣлоруссіи) очень много. Обитатели ихъ ведутъ жизнь скромную, патриархальную, занимаются скотоводствомъ, садоводствомъ и вообще земледѣліемъ; до 1830 года они имѣли свой судъ, свою расправу, *уряд-*

⁽⁶⁸⁾ См. «Мѣстоположеніе древняго Новгорода», Красова.

или *сборища*, на которыхъ старики рѣшали дѣла, составлявшія предметъ общаго недоумѣнія, и наказывали виновныхъ, нарушавшихъ правила древнихъ преданій. Но что особенно характеризировало *застѣнковцевъ*, или *околичанъ* — они между собою только вели торговлю: то есть одинъ застѣнокъ сбывалъ другому свои мануфактурныя произведенія, и только въ крайности возили ихъ продавать въ сосѣдніе города, — имѣли свой національный костюмъ и держали при домахъ постоянныхъ домашнихъ наставниковъ (шпекторовъ), которые воспитывали ихъ дѣтей и вмѣстѣ помогали имъ работать. Въ этихъ-то застѣнкахъ вы и теперь услышите тотъ славяно-кривичскій языкъ, на которомъ писаны были государственные акты всей Западной Руси и Литвы; на немъ они пишутъ письма и замѣтки о хозяйствѣ; на этомъ языкѣ найдете вы у нихъ писанныя пѣсенки, разныя легенды и сказки.

Когда потеряло право гражданства въ славяно-русской землѣ названіе кривичей и замѣнено именемъ Бѣлоруссін, нельзя определенно сказать. То только извѣстно изъ летописей, что съ XI вѣка земля кривичей перестала именоваться Кривичскою, а по числу городовъ и образовавшихся изъ нихъ княжествъ получила нѣсколько названій. Такъ, въ 985 году въ землѣ кривичей построенъ Владимиръ Великимъ городъ Изъяславъ (нынѣ мѣстечко Минской губерніи, см. дальше — Заславъ) и отданъ имъ сыну Изъяславу⁽⁶⁹⁾: отсюда явилось княжество Изъяславское. Потомъ построенъ Туровъ (мѣстечко Минской губерніи, см. Туровъ) и явилось княжество Туровское⁽⁷⁰⁾. Въ концѣ X вѣка построенъ Минскъ, и въ 1067 образовалось княжество Минское⁽⁷¹⁾; потомъ Слуцкъ и отъ него княжество Слуцкое⁽⁷²⁾. Въ 1275 году упоминается о княжествѣ Пинскомъ⁽⁷³⁾. Нѣкоторые изъ этихъ княжествъ впоследствии присоединены были къ Полоцкому⁽⁷⁴⁾. Потомъ, какъ извѣстно, княжества земли кривичской (въ томъ числѣ нынѣшній Минскій край) подпали подъ власть Кіевского княжества, а наконецъ присоединены были къ Литвѣ и затѣмъ къ Польшѣ.

Польша переименовала княжества въ воеводства, и вотъ явились воеводства: Минское, Новогрудское, Полоцкое и проч. Въ 1500 г. Минское воеводство заключало въ себѣ три уѣзда: Минскій, Рѣчицкій и Мозырскій. Потомъ польское правительство возмечтало загубить въ этихъ воеводствахъ (древней землѣ кривичской) древній славяно-кривичскій, или русскій языкъ, совратить православіе, при посредствѣ уни, въ римское католичество и, главное, жителей воеводства слить въ одну массу съ польскимъ народомъ, такъ, чтобы совсѣмъ изгладить слѣды существованія православныхъ кривичско-русскихъ славянъ. Но такая дикая мечта не осуществилась. Потому кривичей отстаивали свой родной языкъ и удержали за собою названіе бѣлорусцевъ или русскихъ по языку и по вѣрѣ. Сами же польскіе историки свидѣтельствуютъ, что страна, занимаемая, подъ владычествомъ Польши, нынѣшнюю Минскую (землю древнихъ кривичей) и другими западными губерніями, всегда именовалась *Бѣлою Русью* или просто *Русью*⁽⁷⁵⁾, а народъ — *бѣлорусскимъ*⁽⁷⁶⁾ и просто *русскимъ*⁽⁷⁷⁾. Кроме того, Акты Минской губерніи свидѣтельствуютъ, что въ протестаціи, которую въ 1619 году (стр. 130) въ главный трибуналъ подали: «Огинскій, князь Любецкій, Верещака, Ухольскій, Бердей, Ратомскій — сами съ себя и именемъ княжаты, панята и всего рыцарства, шляхты и обывателей короны польской и великаго княжества Литовскаго народу Росейскаго, религіи старожитное Греческое подъ благословенствомъ Патріарха Константинопольскаго будущихъ», народъ вмѣстѣ съ дворянствомъ, отъ имени котораго сдѣлана та протестація, названъ «Русскимъ», а языкъ, которымъ писанытѣ грамоты, тоже названъ «Русскимъ» въ духовной 1635 г. Адама Ваньковича⁽⁷⁸⁾. На основаніи этихъ свидѣтельствъ, можно сказать, что названіе Бѣлоруссін или Руси землѣ кривичской, а нынѣ Минской, принадлежало во время владычества въ ней Польши, то есть въ XV вѣкѣ, если не раньше. Посвидѣтельству Карамзина, названіе Бѣлоруссін явилось при Іоаннѣ Грозномъ. — Еще менѣе успѣла Польша въ дѣлѣ совращенія православія Минскаго края (Кривичской земли), или Бѣлоруссін въ католицизмъ. Несмотря на всѣ гоненія со стороны польско-католическаго фанатизма, потомки кривичей остались вѣрны своему православію, до самыхъ послѣднихъ временъ чужеземнаго ига вели упорную и неутомимую борьбу противъ напора враждебныхъ имъ вліяній и постоянно скорбѣли душою, что они не соединены съ единоплеменною отраслью великорусскаго православнаго народа. И если нѣкоторые изъ слоевъ народонаселенія минскаго сдѣлались семьями польско-католическими, то акты минскіе же ясно обличаютъ ихъ въ томъ, обнаруживая, что они весьма недавно еще были чисто-русскими и по крови и по

бить въ этихъ воеводствахъ (древней землѣ кривичской) древній славяно-кривичскій, или русскій языкъ, совратить православіе, при посредствѣ уни, въ римское католичество и, главное, жителей воеводства слить въ одну массу съ польскимъ народомъ, такъ, чтобы совсѣмъ изгладить слѣды существованія православныхъ кривичско-русскихъ славянъ. Но такая дикая мечта не осуществилась. Потому кривичей отстаивали свой родной языкъ и удержали за собою названіе бѣлорусцевъ или русскихъ по языку и по вѣрѣ. Сами же польскіе историки свидѣтельствуютъ, что страна, занимаемая, подъ владычествомъ Польши, нынѣшнюю Минскую (землю древнихъ кривичей) и другими западными губерніями, всегда именовалась *Бѣлою Русью* или просто *Русью*⁽⁷⁵⁾, а народъ — *бѣлорусскимъ*⁽⁷⁶⁾ и просто *русскимъ*⁽⁷⁷⁾. Кроме того, Акты Минской губерніи свидѣтельствуютъ, что въ протестаціи, которую въ 1619 году (стр. 130) въ главный трибуналъ подали: «Огинскій, князь Любецкій, Верещака, Ухольскій, Бердей, Ратомскій — сами съ себя и именемъ княжаты, панята и всего рыцарства, шляхты и обывателей короны польской и великаго княжества Литовскаго народу Росейскаго, религіи старожитное Греческое подъ благословенствомъ Патріарха Константинопольскаго будущихъ», народъ вмѣстѣ съ дворянствомъ, отъ имени котораго сдѣлана та протестація, названъ «Русскимъ», а языкъ, которымъ писанытѣ грамоты, тоже названъ «Русскимъ» въ духовной 1635 г. Адама Ваньковича⁽⁷⁸⁾. На основаніи этихъ свидѣтельствъ, можно сказать, что названіе Бѣлоруссін или Руси землѣ кривичской, а нынѣ Минской, принадлежало во время владычества въ ней Польши, то есть въ XV вѣкѣ, если не раньше. Посвидѣтельству Карамзина, названіе Бѣлоруссін явилось при Іоаннѣ Грозномъ. — Еще менѣе успѣла Польша въ дѣлѣ совращенія православія Минскаго края (Кривичской земли), или Бѣлоруссін въ католицизмъ. Несмотря на всѣ гоненія со стороны польско-католическаго фанатизма, потомки кривичей остались вѣрны своему православію, до самыхъ послѣднихъ временъ чужеземнаго ига вели упорную и неутомимую борьбу противъ напора враждебныхъ имъ вліяній и постоянно скорбѣли душою, что они не соединены съ единоплеменною отраслью великорусскаго православнаго народа. И если нѣкоторые изъ слоевъ народонаселенія минскаго сдѣлались семьями польско-католическими, то акты минскіе же ясно обличаютъ ихъ въ томъ, обнаруживая, что они весьма недавно еще были чисто-русскими и по крови и по

⁽⁶⁹⁾ Карамз., изд. Эйнерл., ч. I, стр. 126; Narbut. T. III. Str. 265.

⁽⁷⁰⁾ Strykowski — str. 151.

⁽⁷¹⁾ L-topis Danilowicza, str. 117. Карамз., изд. Эйнерл., ч. II, стр. 43.

⁽⁷²⁾ Narbut. T. VII, Прибавл. X, стр. 108.

⁽⁷³⁾ Narbut. T. IV, стр. 179.

⁽⁷⁴⁾ Narbut. T. III, стр. 238.

⁽⁷⁵⁾ «Географическій Словарь Карамзинскаго, стр. 327 и 616.

⁽⁷⁶⁾ Strykowski — letopis 1582, str. 110; Gwagin Cronie Sam. str. 232.

⁽⁷⁷⁾ Starowolski, geograf Polski, str. 35.

⁽⁷⁸⁾ «Акты Минской губерніи», стр. 202.

религии, весьма недавно высказывали непоколебимую преданность свою православию и доказывали привязанность къ нему многочисленными пожертвованіями въ пользу мѣстныхъ церквей и монастырей восточнаго православнаго вѣроисповѣданія.

Къ важнѣйшимъ, свидѣтельствующимъ объ этомъ, Актамъ Минскаго Собранія относятся: 1) *Фундушевая Запись* 1609 года, данная княземъ Адамомъ Корибутомъ—Вишневецкимъ и женой его (урожденной Хоткевичъ) въ пользу основаннаго ими въ *Брагинскомъ* ихъ имѣній православнаго монастыря, съ проклятіемъ на тѣхъ изъ своихъ потомковъ, которые отступятъ отъ греческой вѣры, и лишиемъ ихъ за то правъ ктиторства (Акт., № 43); 2) *Выпись* изъ завѣщанія, составленнаго въ томъ же 1609 году королевскимъ дворяниномъ Дмитріемъ Тышкевичемъ, который заклинаетъ въ этомъ актѣ сына своего, «подъ грозною карою Божіею», чтобъ онъ не допускалъ перемѣны православнаго богослуженія на другое въ церкви *Селецкаго* своего имѣнія (№ 44); 3) *Актъ*, составленный въ 1619 году православнымъ дворянствомъ Минскаго и другихъ воеводствъ на заложеніе въ Минскѣ православнаго Петропавловскаго монастыря, при чемъ дворянство жалуется на отступление части духовенства отъ православной старожитной греческой религіи и отъ повиновенія святѣйшему патріарху константинопольскому и на принятіе уніи и поступленіе подъ зависимость папы, на что оно, дворянство, никогда не соизволяло и чего никогда не захочетъ; этотъ актъ скрѣпленъ 52 печатами и подписями: трехъ Огинскихъ, Ратомскаго, Гладкаго, Тышкевича, Сулятьскаго, двухъ Володковичей, Ваньковича, Горана, Заруцкаго, двухъ Унѣховскихъ, двухъ Тризнъ, двухъ Стецковичей, двухъ Рагозь, Косова, Василевскаго, Гравза-Сновскаго, Зарневскаго, Наборовскаго, Селявы, Полневскаго, Станкевича, Цѣшейка, Есмана, Крупки, двухъ Покоршинскихъ, двухъ Кохановъ, Ходычинскаго, Войничча, Вербилевича, Вериги, Львовича-Кустинскаго, Прибытка, Заволая, Добрыневскаго, Шимковича, Давидовича, Стаховскаго, Столшовицкаго-Станкевича, Лескевича, Кирика, Пашковскаго и Турчина (№ 65); 4) *Выпись* того же года, изъ книгъ Главнаго Литовскаго Трибунала, записаннаго въ нихъ протеста пребывавшихъ вѣрными древнему православию русскихъ князей, дворянъ и обывателей земель Западной Руси, бывшихъ въ то время подъ владычествомъ короны польской и великаго княжества Литовскаго, противъ намѣренія правительства забрать на унію православный Петропавловскій монастырь, основанный въ Минскѣ дворянствомъ, и истребить православіе (№ 73); 5) *Довѣренность*, писанная въ 1620 году отъ православнаго дворянства, основавшаго вышепомянутый Петропавловскій монастырь въ Минскѣ, на искъ про-

тивъ уніатскаго митрополита Юсіа Рутскаго за преслѣдованіе православія и недопущеніе къ окончанію монастыря (№ 75); 6) *Грамота* 1690 года рейнскаго пфальцъ-графини Людовики-Каролины, урожденной княжны Радзивиллъ, данная православнымъ церквямъ въ Слуцкомъ и Конильскомъ княжествахъ на то, что унія въ приходахъ ихъ никогда не будетъ введена (№ 152); 7) *Прошеніе* старосты православнаго Богоявленскаго въ Пинскѣ Братства стражника Шаломицкаго, писанное въ 1700 году къ митрополиту кіевскому объ исходатайствованіи чрезъ посланника у Русскаго Двора защиты отъ уніатовъ (№ 155); 8) *Выпись* изъ протеста, поданнаго въ 1701 году отъ православныхъ дворянъ Пинскаго повѣта, противъ католиковъ и уніатовъ, приступившихъ къ выбору депутатовъ на сеймъ безъ внесенія въ инструкцію имъ поданныхъ православными пунктовъ о неотбираніи у нихъ церквей, неотгиженіи монастырскихъ имѣній и непреслѣдованіи православія; протестъ этотъ подписанъ семидесятью дворянами (№ 156).

Не менѣе свидѣлствуютъ въ пользу привязанности къ православию мѣстныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ многочисленныя дарственныя записи ихъ, данныя православнымъ церквямъ и монастырямъ въ БѢлорусскомъ краѣ. Таковы: 1) *Грамота* 1572 года, данная слуцкимъ княземъ Симеономъ Омельковичемъ церкви св. Варвары въ Слуцкѣ (№ 23); 2) *Грамота* 1583 года, данная слуцкимъ же княземъ Юрьемъ Омельковичемъ прѣичу Успенскаго собора въ Слуцкѣ (№ 30); 3) Подтвердительная *грамота* 1611 года, данная православной Воскресенской церкви въ Слуцкѣ княземъ Радзивилломъ (№ 45); 4) *Выпись* изъ фундушевой Записи, данной въ 1613 году Евдокію Стецкевичевой, изъ рода князей Друцкихъ-Горскихъ, минскому православному Петропавловскому монастырю (№ 69); 5) *Выпись* изъ завѣщанія Анны Тышкевичевой, урожденной княжны Масальской, въ 1620 году, въ пользу православныхъ церквей въ Минскѣ и Омельковичахъ (№ 76); 6) *Фундушевая Запись*, составленная въ 1639 году новгородскимъ помѣщикомъ Григоріемъ Володковичемъ въ пользу основаннаго имъ въ Грозовѣ монастыря и двухъ церквей православныхъ (№ 109); 7) *Фундушевая Запись*, составленная въ 1640 году владѣльцами Пинскаго повѣта: Качановскими, Защинскимъ, Домановскимъ и другими, въ пользу основанной ими въ имѣніи Мостковичахъ, вмѣсто забранной на унію, новой православной церкви Св. Троицы (№ 114); 8) *Запись* витебскаго воеводы Христофора Кишки и жены его, урожденной Екатерины Жылинской, составленная въ 1643 году, о дарованіи ими земель въ пользу минскаго православнаго Петропавловскаго монастыря (№ 918); 9) *Выпись* изъ Фундушевой Записи 1631 года, которою бреславскій ста-

роста Георгіи Дмитріевичъ Скумина-Тышкевичъ и жена его Марша отказываютъ имѣніе Сельцо при Логойскѣ на построение монастыря при православной Воскресенской Селецкой церкви (№ 125); 10) Указъ короля Лиа-Казимира, 1663 года, относительно суммы, завѣщанной Иваномъ Дубенецкимъ въ пользу православныхъ церквей: Пинской, Кушатицкой, Давидгородской и Дубенецкой, и невыплаченной его наследниками (№ 32); 11) Выпись 1664 года изъ грамоты князя Юрія Семеновича Слуцкаго объ отпускѣ ежегодно, изъ имѣній его въ Слуцкомъ и Кошылскомъ повѣтахъ, пзвѣстнаго количества ржи для православнаго Слуцкаго Ильинскаго монастыря (№ 136); 12) Фундушевая Запись 1597 года, составленная гетманомъ Григоріемъ Хоткевичемъ въ пользу основанной имъ въ Заблудовѣ православной церкви (№ 138).

Мѣщане, т. е. городское сословіе, съ своей стороны, также ревностно отстаивали православіе и не жаловали униі, при чемъ особенною твердостью и постоянствомъ въ этомъ дѣлѣ отличались преимущественно жители Минска. Изъ актовъ видно: 1) что въ 1620 году минскіе мѣщане позваы были королевскимъ указомъ къ суду за возстаніе противъ униі, отнятіе у униатовъ соборной церкви Рождества Богородицы, начатіе постройки другой православной церкви на Немигѣ, собраніе складокъ и приношеній въ пользу этой церкви, приглашеніе къ себѣ русскихъ монаховъ изъ Вильно и проч. (№ 74); 2) изъ протеста, поданнаго въ 1635 году минскимъ униатскимъ духовенствомъ, видно, что, во время пребыванія въ Минскѣ митрополита Могилы, возвратившіеся въ православіе изъ униі жители нанесли силою, подъ предводительствомъ также ново-православнаго священника Елисея, на взятый въ унию минскій Вознесенскій монастырь (№ 99); 3) въ томъ же 1635 году король Владиславъ IV вынужденъ былъ приказать войту и городскимъ властямъ въ Минскѣ, чтобы они непременно допустили католиковъ и униатовъ къ засѣданію въ Магистратѣ, грозя въ противномъ случаѣ пеней въ 4,000 копѣй литовскихъ (№ 103); 4) отъ 1665 года опять есть выпись изъ протеста униатскаго духовенства относительно нападенія Магистрата и мѣщанъ минскихъ на униатскіе мужскій и женскій монастыри и поруганія надъ унию вообще (№ 137); 5) въ 1675 году униатскій митрополитъ Кириль Жеховскій протестовалъ противъ войта и мѣщанъ минскихъ, что они, въ противность королевской грамоты, все-таки не допускаютъ католиковъ и униатовъ къ выборамъ въ члены Магистрата, да и самой грамоты королевской не хотятъ слушать.

Сохраненію православія и русскаго языка въ Минской губерніи, во время господства Польши и усилившейся униі, много содѣйстви-

вали такъ называемыя *Православныя Братства* (79), то есть общества гражданъ православно-русскихъ, учрежденныя, съ разрѣшенія восточныхъ патріарховъ и митрополита Петра Могилы, для взаимнаго вспоможенія въ исполненіи гражданскихъ и преимущественно религіозныхъ обязанностей. Онѣ-то, видя успія поляковъ сгладить или *ополчить* родной ихъ языкъ бѣлорусскій, устроили типографіи и училища въ Минскѣ, Пинскѣ и Слуцкѣ (80): куда дѣвались книги, печатанныя въ этихъ типографіяхъ, нетрудно угадать—ихъ истребили іезуиты. Какъ сильно отстаивали эти братства свой языкъ, доказательствомъ служитъ то, что явившіеся впоследствии братства польско-католическія въ Минскѣ, съ цѣлюю противодействовать православнымъ, не могли успѣть въ своихъ намѣреніяхъ и скоро были уничтожены. Слѣды православныхъ братствъ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Минской губерніи: въ Слуцкѣ до сихъ поръ нѣкоторыя фамиліи мѣщанъ извѣстны подъ именемъ *Братчиковъ*.

Наконецъ, изложеніе грамотъ XVI и XVII вѣковъ, напечатанныхъ въ «Минскомъ Собраніи» на бѣлорусскомъ языкѣ (№№ 123, 125), подтверждаетъ мнѣніе о всеобщности языка и постоянномъ употребленіи его въ землѣ древнихъ кривичей до начала XVIII вѣка, т. е. до сверженія ига Польши.

Послѣ тяжкихъ годовъ иноплемннаго ига, потомки кривичей, минскіе бѣлорусцы наконецъ вздохнули свободно и зажили жизнью родною—бѣлорусскою. Власть Литвы и Польши свержена. Униі не стало. Воеводства Минской Бѣлоруссіи вошли въ составъ единоплеменной Русской монархіи и переименованы въ Минскую губернію, въ составъ которой вошли уѣзды: Минскій, Борисовскій, Игуменскій, Бобруйскій, Рѣчицкій, Мозырскій, Слуцкій, Пинскій и Новогрудскій. Одно только напоминало еще жителямъ Минской губерніи до 1831 года о чуждомъ вліяніи на нихъ, именно то, что въ ней, какъ и въ другихъ бѣлорусскихъ и вообще западно-русскихъ губерніяхъ, всѣ сущія и тяжбы дѣла рѣшались по Статуту Литовскому, а присутствія мѣста и служившіе въ нихъ чиновники носили названія литовско-польскія. Но съ 1831 года, какъ законы, такъ и наименованія лицъ и мѣстъ введены тѣ же самыя, какіе су-

(79) Въ одномъ Минскѣ было ихъ семь, именно: *Соборное Госпитальное* — при церкви Пречистенской; *Воскресенское* — тамъ же; *Крестенское*, св. Николая, св. Михаила, св. Юанна Крестителя и св. Анны — при церкви Петра и Павла. За тѣмъ въ Слуцкѣ — при храмѣ Преображенія; въ Бобруйскѣ — при церкви св. Николая; въ Пинскѣ — при Богоявленской церкви (См. Акты Минской губерніи, №№ 83, 78, 120, 127, 148, 151).

(80) См. «Собраніе Актовъ Минской губерніи», стр. 151, 256 и 257.

существуютъ въ великорусскихъ губерніяхъ: Минская губернія, вмѣстѣ съ Виленскою, Гродненскою и Ковенскою, подчинена особому генералъ-губернатору.

Въ настоящее время площадь Минской губерніи простирается на 85,884 квадратныя версты, изъ которыхъ 45,923 квадратныя версты покрыты лѣсами, 19,374 — удобны къ хлѣбопашеству, 5,600 — дуга, а прочее количество земли находится подъ рѣками, озерами, болотами и кустарниками. Границы ея составляютъ: на сѣверъ — губерніи Витебская и часть Курляндской, на востокъ — Могилевская, Витебская и Черниговская, на югъ — Кіевская и Волынская, а на западъ — Ковенская и Гродненская. Число жителей ея доходитъ до миллиона душъ обоюбого пола. Главныя господствующія племена ея — кривичско-русское, или бѣлорусское, и польское, которыя исповѣдуютъ греко-восточную православную вѣру. За тѣмъ слѣдуютъ семейства польскія или сдѣлавшіяся польскими, совратившіяся въ католицизмъ; потомъ — лютеране, евреи, татары и старообрядцы.

Пространство нынѣшней Минской губерніи, какъ искони населенное древне-славянскими племенами, наполнено разными памятниками древне-славянской селитбы, слѣды которой можно встрѣчать почти въ каждомъ уѣздѣ, почти въ каждомъ старинномъ мѣстечкѣ губерніи. Памятники эти суть: урочищныя горы, лѣса, поля, рѣки, озера и болота, съ славянскими названіями, указываемыя преданіями минскаго народа и воспѣваемые въ его пѣсняхъ; также родовыя прозвища или фамиліи такъ называемыхъ *застышковыхъ* фамилій (см. выше), съ незапамятныхъ временъ *сидницихъ* (мѣстное выраженіе) на одномъ и томъ же мѣстѣ въ своихъ *кутахъ* (углахъ, рубежахъ), именами которыхъ (жителей) называются самыя селенія (застычки), поля, лѣса и рѣки, упоминаемыя въ древнихъ церковныхъ записяхъ, старинныхъ привилегіяхъ, инвентаряхъ, документахъ и судныхъ *регистрахъ*. Всѣ эти памятники древне-славянской селитбы можно встрѣчать чуть ли не на каждомъ шагѣ въ предѣлахъ Минской губерніи: такъ, на примѣръ, есть селеніе Вельтичи — отъ древнихъ *Вельтовъ*, и фамиліи: Вельтицкій, Вельтчекъ; есть деревня Кривичи и фамиліи: Кривицкій, Кривичанскій, Кривчекъ; есть озера *Князь*, Славянское, Свѣтценово; есть горы Перунова, Волотова и фамиліи Перунокъ, Перунишекъ, Перунецкій, Волотовскій, Волотко; есть урочища Подгородце, Замчице; есть лѣса Рогвицны, Заславскіе; есть рѣки Кривка, Княгинька, Купалая и т. д. Но что значатъ всѣ эти памятники съ безчисленными

городищами, замками и курганами, разсыянными по обширному логовищу Минскаго края?... о нихъ я буду говорить подробнѣе. И, можетъ быть, найдутся товарищи по любви къ отечественной старинѣ, которые, узнавъ изъ моихъ записокъ о такихъ рѣдкостяхъ въ Минской губерніи, обратятъ вниманіе на нихъ и, имѣя болѣе меня возможности, по слѣдамъ моимъ сдѣлаютъ немало услугъ для археологій славяно-русской.

Городищами обыкновенно называются древнія, самую природою устроенныя или человѣческими руками сдѣланныя, возвышенія болѣею частью при устьяхъ рѣкъ, обнесенныя валами или рвами, но впоследствии заброшенныя, запущенныя и заросшія лѣсами, такъ что о нихъ сохранились только народныя преданія. Нѣкоторые утверждаютъ, что городища не что иное, какъ остатки славянскихъ крѣпостей, предназначенныхъ для защиты во время нападенія непріятелей и постановки на нихъ, впоследствии времени, огнестрѣльнаго оружія, а слѣдовательно — вѣрные указатели мѣстъ, бывшихъ театромъ древнихъ побѣдъ. Но утверждать, что и городища Минскаго края исключительно суть остатки древнихъ славянскихъ крѣпостей, нѣтъ вѣрнаго основанія. 1) Еслибъ эти городища исключительно были памятниками древнихъ побѣдъ, то, вѣроятно, лѣтописцы, говоря объ извѣстныхъ сраженіяхъ или войнахъ въ землѣ Кривичской, упомянулъ бы о какомъ нибудь городищѣ. 2) Городища въ Минской губерніи слишкомъ часты и безчисленны и перѣлко очень маленькія, а потому едва ли всѣ они были мѣстами для крѣпостей. 3) Слишкомъ несимметрично и даже въ безпорядкѣ расположены: какъ же они могли быть надежными пунктами для защиты и обороны? — По разсмотрѣніи мѣстности городищъ и преданій о нихъ народа, должно думать, что они имѣли разныя назначенія, тѣмъ болѣе, что не всѣ они одинаковой формы: есть насыпи одновальныя и многовальныя, или сложныя, изогнутыя на своемъ протяженіи дугою или угловато, въ цѣлый кругъ или въ полу-кругъ. А что главное, не всѣ городища — на мѣстахъ очень возвышенныхъ: нѣкоторыя и съ себя и на себя даютъ открытый, прекрасный видъ, — но сохранилось много лежащихъ на равнинахъ и неокруженныхъ ни водою, ни валами. Доказательство тому — негористое, неводное мѣстоположеніе деревень и даже окрестностей ихъ въ Минской губерніи, которыя носятъ названія: Городокъ, Городецъ, Городище, Городно, Загородье, Подгородье. Очевидно, названія эти сохранились отъ древнихъ селитбъ славянъ-кривичей въ этихъ мѣстахъ или гдѣ нибудь по сосѣдству.

Не отвергаю, что, можетъ быть, вообще славянскія городища были, между прочимъ, крѣпостцами или мѣстами сраженій. Но,

имѣя въ виду то, что кривичи, древніе обитатели нынѣшняго Минскаго края, вели спокойную, осыдающую жизнь и потому болѣе заботились о дѣлахъ общественныхъ, гражданскихъ, нежели воинскихъ, имѣли свои суды, домашнюю расправу и мѣста для отправления религиозныхъ обрядовъ и, какъ дикія племена, все это совершали подъ открытымъ небомъ, — я думаю, что городища Минской губерніи болѣе всего можно назвать памятниками крѣпостей. Это — скорѣе, всего сходокъ и бесѣдъ старшинъ и вообще цѣлаго народа, на которыхъ, въ послѣдствіи, устроились сначала временныя кочевья, а потомъ города. Поселившись на одномъ, постоянномъ мѣстѣ, древніе кривичи, въ случаѣ рѣшенія какого нибудь общественнаго вопроса или обсуждения предпринимаемаго дѣла, за немѣнѣемъ еще устроенныхъ селеній, собирались обыкновенно на избранныхъ мѣстахъ и болѣе на возвышеніяхъ или на берегахъ рѣкъ, гдѣ старшины давали народу совѣты, собиравшись дѣла семейныя, житейскія, назначались примиренія или объявлялись родовая вражда и месть⁽⁸¹⁾. Но такъ какъ, по славянскому обычаю, ни одно собраніе общественное не назначалось безъ испрашивания на то воли боговъ⁽⁸²⁾, то и сходбища кривичей ознаменовывались жертвоприношеніями или истукану, бывшему на возвышеніи, на горѣ, или изображаемому божеству. Тутъ, на возвышеніяхъ мѣстахъ, приносили въ жертву птицъ, звѣрей и даже камни⁽⁸³⁾; тутъ совершались игрища, пляски, народныя пирушки, ворожба, гаданія знахарей-вѣщателей, обряды праздниковъ и общественныхъ событій. У дошвы этихъ возвышеній погребали героевъ, старшинъ, вождей и вообще прославившихся чѣмъ нибудь собратьевъ; на могилахъ ихъ насыпали копы, которые въ послѣдствіи сrostались съ самими возвышеніями и образовывали большую гору. Сначала только по временамъ собирались на эти возвышенія; но потомъ нѣкоторыя мѣста дѣлались любимыми, постоянными: къ нимъ привыкали, имъ давали знаменательныя названія отъ какого нибудь замѣчательнаго обстоятельства или жертвеннаго обряда; за тѣмъ обводили ихъ канатами, рвами и огораживали стѣнами. И вотъ мало по малу являлись остроги (ограды), селеніице, замки и, въ своемъ родѣ, городокъ (огороженное селеніе). Въ послѣдствіи, ищущія распрей племена нападали на эти селитбы, раззоряли осыдающую мирныхъ жителей, и вотъ на мѣстахъ городковъ оставались городища и замчища (т. е. пустыя,

⁽⁸¹⁾ Трактатъ Игоря съ греками въ 145 г., см. «Русскую Правду», изд. Раковецкаго. Т. I, стр. 53.

⁽⁸²⁾ Тамъ же.

⁽⁸³⁾ Въ видѣ жира, славяне бросали камни на берегахъ рѣкъ или озеръ. См. Sat. Gram. Hist. Dan., p. 297.

раззоренныя мѣста древнихъ селитбы), или, что то же, развалины. Нѣкоторыя изъ городищъ сохранились на виду до нашего времени, а нѣкоторыя и слѣды сгладило время, выростивъ на нихъ густые и непроходимые лѣса или смывъ ихъ протоками водъ. Дѣйствительно, замѣчено, что въ минскихъ лѣсахъ вдругъ на какой нибудь горѣ или возвышеніи растутъ огромныя, вѣтвистыя деревья. Но срубкѣ деревь и разрытіи нѣкоторыхъ возвышеній или городищъ, земля на нихъ оказалась до того удобною и плодородною, что, безъ искусственной помощи земледѣльца, она много лѣтъ приносила обильный урожай: очевидно, что земля перемѣшана и, такъ сказать, *унавожена* жертвенными остатками крови и костей животныхъ, а можетъ быть, труновъ погребенныхъ людей. Такъ думать можно потому, что внутри разрытыхъ городищъ находили *каменные молотки и топоры* — орудія славянскаго жертвоприношенія⁽⁸⁴⁾; нѣкоторые молотки разбиты на двѣ части, — можетъ быть, послѣ сильнаго удара, нанесеннаго закалаемой жертвѣ. Тутъ же, рядомъ съ городищами, находили безчисленные курганы съ костями труновъ звѣриныхъ и человѣческихъ. Это прямо наводитъ на ту мысль, что городища Минской губерніи суть слѣды мѣстъ совершенія жертвенныхъ обрядовъ, при которыхъ хоронили нѣкоторыхъ старшинъ и извѣстныхъ героевъ.

Къ городищамъ должнъ отнести замки, или, собственно, *замчища*, т. е. слѣды бывшихъ замковъ, замѣненныхъ городами.

Замкомъ⁽⁸⁵⁾ называется древнее оборонительное укрѣпленіе на возвышеніи, старательно окованное валомъ, окруженное стѣною и обведенное рвомъ. Замки, а особенно замчища, въ Минской губерніи безчисленны: о нѣкоторыхъ я упоминалъ уже выше, объ остальныхъ придется еще говорить въ своемъ мѣстѣ. А теперь скажу, что многіе изъ древнихъ замковъ обращены въ частныя дома и храмы, нѣкоторыя развалины и самыя замчища превращены въ поля, при вснахиваніи которыхъ находятъ часто человѣческія кости и остовы, деревянныя съ фигурными насѣчками колоды, куски желѣза, проволоки, обломки мечей, каменныя пули разной величины и т. п. Но большая часть замчищъ поросли лѣсомъ и только извѣстны народу по преданію, какъ древность XI, XII и XIII вѣковъ, о которыхъ сохранились сказанія въ лѣтописяхъ, хроникахъ и инвентаряхъ. Впрочемъ, и самыя преданія народа о замчищахъ и замкахъ

⁽⁸⁴⁾ Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuk i rzemiosł i t. d. w dawnej Litwie i Rusi litewskiej. — Hrabiego Eust. Tyszkiewiczza, str. 93.

⁽⁸⁵⁾ Названіе *замокъ* произошло отъ бѣлорускаго или кривичскаго слова *замкуть*, замирать: во время нападеній соседнихъ племенъ, въ замкѣ замиравались мирные жители и тамъ острѣльвались.

гораздо отчетливѣе и яснѣе, чѣмъ преданія о городищахъ, потому что городища, какъ мѣста обрядовъ языческой религіи, скоро постоу введенія христіанства въ земляхъ славянскихъ, старались изгладить христіанскіе пастыри въ памяти неофитовъ вмѣстѣ съ обрядами языческими, построениемъ на городищахъ церквей, а замки и по введеніи христіанской вѣры долго служили еще мѣстами военныхъ дѣйствій и разныхъ историческихъ событій, и многіе изъ нихъ существуютъ даже теперь, особенно замки каменные, отличающіеся необыкновенною прочностью. Они были четверугольные; сверху дѣлались отверстія для стрѣльбы, а внутри устраивалась деревянная галлерея для помѣщенія войска. По угламъ замка были башни, съ которыхъ слѣдили за дѣйствіями непріятелей. Позднѣе замки, т. е. резиденціи удѣльныхъ владѣльцевъ и князей, строились изъ крѣпкаго кирпича, такъ что нелегко было взорвать ихъ во время штурма. Лѣтописцы и хронологи съ удивленіемъ говорятъ о такихъ замкахъ и иногда подробно описываютъ затрудненія, какъ стоило взять неприступный замокъ. Кромѣ извѣстій лѣтописей и хронологовъ о замкахъ, мы имѣемъ народныя, бѣлорусскія пѣсни и сказки о походахъ богатырей и владѣльцевъ этихъ замковъ, — о заклатыхъ ихъ князьяхъ и кладахъ, о чудищахъ и великанахъ, въ нихъ обитающихъ и стерегущихъ ихъ. Конечно, въ этихъ преданіяхъ народа много вымысла, много народной поэзіи и фантазіи, но, безъ сомнѣнія, всѣ они ведутъ свое начало отъ какого-нибудь истиннаго происшествія: въ нихъ характеризуются древній бытъ славянскаго язычества, сила богатырей и свойства цѣлаго народа.

Не менѣе замковъ и замчищъ можно встрѣтить въ Минской губерніи и кургановъ.

Курганъ⁽⁸⁷⁾ значитъ искусственная гора, или возвышеніе на холмѣ или на мѣстѣ, ознаменованномъ какимъ-нибудь важнымъ — пожалуй, историческимъ событіемъ.

Курганы минскіе сдѣланы изъ мелкаго камня, хряща, песку или глины и кирпича, и покрыты дерномъ; форма ихъ пирамидальная или стогаобразная. Высота и широта кургановъ не одинаковы: разнятся ихъ, вѣроятно, зависѣтъ отъ числа погребенныхъ тѣлъ или

(87) Некоторые производятъ слово курганъ отъ черкесскаго *kurk* — высокая гора (Wspomnienie Odessy i Budżaku i t. d. S. Kraszewskiego, T. III. Str. 115; даже утверждаютъ, что и курганъ у кизильбашей значитъ возвышеніе, падающая гора (тамъ же). Есть и другія иностранныя производствъ кургана. Но нѣтъ сомнѣнія, что курганъ исконное слово — кругъ, т. е. закругленное что-то; еще вѣрнѣе производствъ кургана отъ бѣлорусскаго *kurta*, грядъ, насыпь, горка.

отъ уваженія соорудившихъ ихъ къ погребеннымъ лицамъ, также отъ важности событій, память которыхъ нужно было увековѣчить. Равно и число кургановъ не вездѣ одинаково. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобъ кривичскіе курганы въ Минской губерніи были становища⁽⁸⁷⁾ проходившихъ полчищъ иноплемennыхъ, напримѣръ, татаръ или славянскихъ народовъ, потому что по разрытіи ихъ нашли остатки урнъ и другихъ принадлежностей могильницъ (см. ниже). А главное — обычай насыпать курганы, какъ памятники надъ могилами, общъ всѣмъ народамъ древнимъ. По свидѣтельству Страбона, могила Патрокла была не что иное, какъ высокой курганъ⁽⁸⁸⁾. Виргилій говоритъ о курганѣ Декерна; Германникъ сдѣлалъ огромный курганъ надъ погребенными воинами Варія⁽⁸⁹⁾. О курганахъ, какъ памятникахъ какихъ-нибудь историческихъ событій, упоминается у Геродота: онъ говоритъ, что Дарій, желая сохранить въ памяти народа мѣсто перехода своего черезъ земли одриссовъ, велѣлъ своимъ воинамъ набросать, надъ рѣкою *Артискосъ*, при дорогѣ, большой курганъ изъ камней, изъ котораго впоследствии образовалась гора⁽⁹⁰⁾. Обычай насыпать курганы изъ камней надъ могилами сохраняется въ минскомъ народѣ до сихъ поръ. Эти курганы дѣлаются надъ могилами самовольно умершихъ, скоропостижно, напримѣръ, самоубійцы, которыхъ хоронятъ на распутьяхъ дорогъ въ лѣсахъ, и замѣняютъ крестъ или вообще христіанскіе памятники; всякій проходящій мимо могилы самоубійцы считаетъ обязанностью бросить на нее камень и, бросивъ, бѣжить дальше безъ оглядки. Оттого-то часто въ лѣсахъ Минской губерніи встрѣчаются курганы новѣйшіе, которые, современемъ, обросши травою, могутъ соблазнить какого-нибудь доверчиваго и незнакомаго съ мѣстнымъ обычаемъ археолога, и онъ сочтетъ ихъ за древніе памятники. Впрочемъ, при этихъ курганахъ нерѣдко ставятся кресты.

Кургановъ въ Минской губерніи можно насчитать три рода: 1) курганы одиночныя, отдѣльныя, въ которыхъ погребались вожди и старшины или которые насыпались для напоминанія о какомъ-нибудь немаловажномъ историческомъ событіи; 2) курганы въ видѣ

(87) Какъ называется г. Всеволожскій курганъ стѣнъ Екатеринославской и Херсонской губерній. См. Путешествіе черезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ въ 1836 и 1837 годахъ. Н. С. Всеволожскаго. Т. I. Стр. 19 — 21.)

(88) *Éditio rerum geographicarum*, cap. 13, § 32, p. 324; Lechevalier, *Voyage de la Troade*, T. II, p. 308; T. III, p. 234.

(89) «Histoire de l'art monumentale par L. Botissier». Paris. 1845.

(90) «Herodot-Melpom, отд. 92, изд. Schweighaeuser». T. 2, p. 1, pag. 285.

віе. Они не носятъ *бѣлыхъ* ⁽⁹²⁾ поярковыхъ круглыхъ шапокъ-*маге-рокъ* или мѣховыхъ высокихъ *ушатовъ* (родъ шапокъ, употребляемыхъ въ Минскомъ, Слуцкомъ и отчасти Мозырскомъ уѣздахъ), а носятъ шапки въ фуражкахъ съ козырьками и соломенныхъ, домашней работы, шляпахъ: шляпы эти такъ красивы, что ихъ носятъ въ деревняхъ помѣщики, а особенно шераки и поссессоры. Вѣето мѣшковыхъ свитокъ носятъ нѣчто въ родѣ сюртуковъ, панталоны не засучиваютъ въ голенища, а спускаютъ до самыхъ пятокъ; на шеѣ носятъ цвѣтные платки; рубахи ихъ изъ тонкаго домашнего полотна.

Но какое различіе въ характерахъ и нравахъ между этими щеголями и прочими поселянами Минской губерніи! Эти заносчивы, своенравны и плутоваты, а прочіе скромны, искренни, покорны и правдивы.

Хозяйственные постройки поселянъ невелики, даже тѣсноваты отчасти, но довольно чистенькія и имѣютъ свою занимательную фантасію. Домки низенькіе, больше длинныя, съ маленькими окошечками и еще меньшими шибамы; тутъ вы немного найдете комнатъ много три, а то двѣ и нѣрѣдко одну съ сѣнями и *клятью* (отдѣльная пристройка при домикѣ); рядомъ съ домикомъ амбаръ (сви-рель), сарай (дорожня) и двѣтъ; въ сторонѣ, за домомъ, гумно, *озероды* (переплеты), овны, *адрины* (сѣновалы); рядомъ съ гумнами огороды, *паспки* (новое, протеребленное поле) и наконецъ скирды, или стоги. А не хотите ли заглянуть во внутренность дома или хаты белорусской?

Вотъ сѣни, у выхъ съ деревяннымъ, а у другихъ съ кирпичнымъ (глинянымъ) поломъ: откормленный боровъ (вепрукъ) — фаворитъ хозяина — переважно расхаживаетъ и хрюкаетъ въ ожиданіи слѣдующаго ему, по заведеному обычаю, корма изъ картофельныхъ и ржаныхъ отрубей; полъ-десятка куръ, любимыхъ хозяйкой, гнѣздятся на балкѣ и кудахчутъ, размахивая крыльями и удерживая балансъ, чтобъ не свалиться наземь. Изъ сѣней въ избу нужно перелѣзть чрезъ высокій порогъ: перелѣзли — вотъ вы въ хатѣ. Первый предметъ, бросающійся вамъ въ глаза — огромная, некрашеная печка, на сподѣ которой дымятся недогорѣвшія березовыя дрова (щепки); возлѣ печки лавка или скамья сосновая; посреди хаты *кросны*, т. е. ткацкій станокъ, за которымъ (собственно зимой) сидитъ красно-румяная дѣвица и, напѣвая какую-то задушевную пѣсню, ловко и проворно перекидываетъ челнокъ съ нитками то

на одну, то на другую сторону; дальше виситъ люлька съ плачущимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, котораго забавляетъ сосулькой старшая его дитя-сестра или братъ; возлѣ креселъ длинный узкій столъ, окруженный еще болѣе узкими скамейками; такія же скамейки разставлены возлѣ стѣнъ. У дверей, на толстой, позеленѣвшей отъ помоевъ колодѣ, стоятъ: *цеберъ* (ушатъ), шайка и ковшъ; надъ цебромъ, на притолкахъ (палицахъ), разставлены глиняные горшки, чугуны, миски, а между ними виднѣются ложки и старая, дырявая жиловская *кварта*. Въ углу подъ иконою занимаетъ почетное мѣсто *дежъ* (квашня), накрытая скатертью; на иконахъ висятъ подотенца, ручки, изъ подъ которыхъ выглядываютъ связки освещенныхъ свѣтовъ и пучки ржаныхъ колосьевъ. Надъ дверьми и окнами рукою дѣльца вырѣзаны; кресты подъ потолкомъ, на средней балкѣ, написанъ мѣломъ годъ и день построения избы. У печки, на лавкѣ, сидитъ старушка съ коротенькою трубкою въ зубахъ и поминутно поглядываетъ на горшки въ печкѣ, чтобъ не ушло изъ нихъ вариво; она смотритъ, а вариво понемножку уходитъ да уходитъ себѣ. Возлѣ дверей, здоровый дѣтина, тоже съ трубкою въ зубахъ, колетъ дрова, а молодица, его жена, убаюкиваетъ грудного полу-годового ребенка, — убаюкиваетъ и вмѣстѣ дремлетъ, но тутъ же что-то и поетъ себѣ подъ носъ.

Изда белорусскаго минскаго мужика скромна, но онъ доволенъ ею и своею судьбою; онъ работаетъ весь день безъ ропота, кушаетъ на славу, спитъ безпробудно, и его не беспокоятъ, не волнуютъ тревожные сны или мучительныя грезы, послѣдствія празднои, роскошной и пустой жизни. Возвратясь съ поля домой, онъ веселъ: его окружаетъ родная семья — жена, сестры, братья, дѣти; всѣ они ласкаются къ нему, рассказываютъ, даютъ отчетъ въ своихъ работахъ, домашнихъ зацѣтахъ, и въ такомъ обществѣ, поселянинъ забываетъ объ усталости, становится бодръ, веселъ, доволенъ, счастливъ. И на другой день съ разсвѣтомъ радостно привѣтствуетъ онъ утреннюю зарю и опять работаетъ, опять трудится и опять домой — къ родной семьѣ!

Но среди радости и счастья поселянина постигаютъ и горькіе, печальные дни: это — дни болѣзней, которыя, кромѣ обыкновенныхъ, бываютъ такъ называемыя *эпидемическія* и *эндемическія*. Изъ первыхъ чаще случается *простудная горючка* (*febris rheumatica*). Причиною ея тѣсные и невѣгодные жилища дома поселянъ, въ которыхъ они живутъ почти вмѣстѣ съ домашними животными, недостатокъ въ теплой одеждѣ и небережливость во время внезапныхъ переменъ въ воздухѣ, осо-

⁽⁹²⁾ Написаны люди, которые провозили стога: белорусенъ, белорусскіи — отъ вѣтъ бѣлыхъ поярковыхъ шапокъ. См. «Энциклопедическій Лексиконъ», изд. П. Юшера. Т. VII, слово Беларусь.

бенно зимой, когда, усталые и перемокшие на работѣ, возвратясь домой, не раздѣвшись, ложатся они спать обыкновенно на горячихъ печкахъ и, потомъ, согрѣвшись, выходятъ опять на морозъ работать, и, что еще хуже, нерѣдко ночью выходятъ босикомъ на снѣгъ. Болѣзнь эта, при небрежности и неосторожности, переходитъ къ цѣлой семьѣ, а полъ часъ нападетъ и на всю деревню. Другая болѣзнь — *поносъ* (*diss. n'eria*), чаще всего посѣщаетъ сельскихъ жителей лѣтомъ, когда они спятъ на сѣновалахъ и вообще на открытомъ воздухѣ. Причиной этой болѣзни — употребленіе въ пищу, при недостаткѣ хлѣба, разной зелени и испитіе въ большомъ количествѣ воды во время цѣлоденной работы среди жару и лѣтняго зною. Весною и осенью распространяются по деревнямъ кожные болѣзни: скарлатина, корь и т. п.

Изъ болѣзней эндемическихъ, частью въ Борисовскомъ, но особенно въ Слуцкомъ и больше всего въ Пинскомъ уѣздѣ, извѣстенъ такъ называемый *колтунъ* (*plica polonica*); онъ чаще встрѣчается между женщинами. Болѣзнь эта проявляется въ разныхъ видахъ: головной боли, ломоты въ костяхъ, разныхъ паростовъ и ранъ на тѣлѣ, а также разныхъ нервическихъ припадковъ, спазмъ, бѣшенія сердца, что все особенно ощутительно при малѣйшей переменѣ погоды. Самымъ характеристическимъ проявленіемъ колтуна бываетъ то, что наконецъ на головѣ вьются и какъ бы склеиваются въ одну массу волосы: образуется огромная шапка и тяжестью своею обременяетъ страдальца. Эта шапка собственно и называется колтуномъ. Причина этой болѣзни достоверно неизвѣдана: обыкновенно думаютъ, что она происходитъ отъ болотистой почвы земли и другихъ испареній озерныхъ водъ, которыми наполнены Пинскій и Слуцкій уѣзды; говорятъ также, что колтунъ вьется отъ сильного потрясенія умственныхъ способностей и мозговыхъ сосудовъ, происходящаго отъ сильного горя и внезапно постигающаго несчастья. Эндемическою болѣзнию минскихъ поселенъ считается періодическая *перемежающаяся лихорадка* (*f.bris intermittens*), являющаяся весною и осенью, особенно во время разлитія рѣкъ, и производящая боль въ вискахъ и во всемъ лицѣ. Къ эндемическимъ же болѣзнямъ относится *золотуха* (*scrofula*), проявляющаяся въ разныхъ формахъ: такъ, напримѣръ, вырастаетъ огромный животъ и, затвердѣвъ, производитъ мученія на всю жизнь. Причиной золотухи въ Минскомъ краѣ — кормленіе дѣтей слишкомъ тяжелой и твердой пищею (свинымъ саломъ), неперевариваемою слабымъ младенцемъ, а главное — неумѣренное употребленіе водки, которая иногда причиняетъ и апоплексію.

Изъ другихъ болѣзней проявляется *чесотка*, или *кароства* (*scabies*), переходящая къ поселенямъ отъ неопрятныхъ и грязныхъ жидовъ, съ которыми они живутъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Въ Минскомъ краѣ случаются также нечаянныя, невольныя *отравы* (*garbania*) отъ такъ называемыхъ *рожковъ* въ колосьяхъ ржи: будучи смолоты вмѣстѣ съ зернами, рожки дѣлаютъ муку ядовитою. Наконецъ, въ Минской губерніи свирѣпствуетъ иногда *карбункулъ* (*carbunculus*), который отъ скота переходитъ къ людямъ, вслѣдствіе того, что изъ кожъ околѣвшей скотины поселене дѣлаютъ ремни (*дзлги*) и носятъ ихъ на обнаженномъ тѣлѣ.

Говоря о поселеняхъ минскихъ, нельзя не сказать объ ихъ владѣльцахъ, которыхъ можно раздѣлить на три класса, и изъ которыхъ первые два класса почти неизвѣстны въ великорусскихъ губерніяхъ.

Къ первому классу отнесу *подпанковъ*: это — мѣстное названіе и довольно вѣрное. Подпанокъ не что иное, какъ бѣдный шляхтичъ вѣлорусскій, который владѣетъ однимъ или двумя крестьянскими дворами и нѣсколькими клочками земли; случаются и такіе подпанки, у которыхъ одинъ мужичокъ только. Живутъ они очень бѣдно, а главное — на старой покрое, какъ жилали ихъ дѣды и прадѣды, ходившіе въ лаптяхъ и сидѣвшіе въ дымныхъ хатахъ. Они не знаютъ ничего, что дѣлается въ городахъ; Петербургъ имъ вовсе неизвѣстенъ. Весь міръ подпанка — собѣднія ярмарки, на которыхъ онъ расхаживаетъ и прицѣпывается къ нѣкоторымъ предметамъ хозяйственныхъ продуктовъ. Домъ подпанка почти не лучше дома его крестьянина; литературу его составляетъ бердичевскій календарь, по которому онъ съѣтъ и гадаетъ о будущемъ урожаѣ. Ходитъ онъ вѣчно въ шерачковомъ (изъ сѣраго сукна) сюртукѣ съ безчисленными сборками у талии и подъ мышками.

Ко второму классу причисляю *поссесоровъ*, т. е. арендаторовъ, которые берутъ у богатыхъ обывателей на аренду цѣлое село, половину, малую ферму и нерѣдко самую только землю. Поссесоры стоятъ нѣсколько выше подпанковъ въ финансовомъ отношеніи, но немного превосходятъ ихъ образованіемъ. Это тѣ же подпанки, только разжившіеся въ имѣніяхъ обывателей, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ экономами, волостными писарями и комиссарами. Живутъ они въ помѣщичьихъ домахъ, но не слишкомъ заботятся объ убранствѣ комнатъ. Домъ поссесора — смѣсь стараго съ новымъ. Въ комнатахъ его найдете вы старинную дѣдовскую мебель и модный письменный столъ, на которомъ, впрочемъ, валяются засаленныя карты, черни-

луда, светы и сигары) минской жидовской фабрики; тамъ же, въ той же комнатѣ, увидите разбитую назу подъ стекляннѣмъ колпакомъ и белорусскій *торбана* (нѣчто въ родѣ гитары). Читаетъ онъ иногда старинные романы и сельскую газету. О современной литературѣ онъ не хочетъ знать, считаетъ ее дѣломъ лишнимъ. Дѣтей учить дома и только старшаго сына отдаетъ въ школу; дочери — такъ себя: онъ для нихъ копилъ деньги. Вообще же онъ порядочный хозяинъ и нерѣдко пускается въ большія спекуляціи.

Третій классъ составляютъ собственно обыватели-помѣщики. Это — люди большею частію образованные, которые слѣдятъ за современными явленіями наукъ и искусствъ. Они любятъ давать балы и приглашаютъ къ себѣ иногда чуть не весь уѣздъ. У нихъ своя музыка, цѣлесельники и домашніе театры. Привстрѣчѣ съ подпанками, они изподтишка посмѣиваются надъ ихъ угловатостью и тутъ же ласкаютъ ихъ, оstrarь и вмѣстѣ принимаютъ тонъ покровителей; услышавъ отъ нихъ дичь, соглашаются съ ними, но незамѣтно подергиваютъ плечами. У нео-хозяина весь домъ новъ: мебель изъ Петербурга, книги отъ Исакова и Базунова, платье изъ Варшавы, — все новое и изящное. Самое хозяйство у него на новый ладъ: машиной косятъ и жнутъ, машиной молотятъ и сѣютъ, машиной пахутъ. И лошади, и экипажи, и борзья, и гончія, и жокеи — все какъ водится. Главнымъ удовольствіемъ ихъ охота, и особливо на медвѣдей, которыми такъ богатъ Минскій край.

Несмотря на такую разнородность владѣтелей, сельское хозяйство въ белорусскомъ Минскомъ краѣ идетъ успѣшно и приноситъ большія выгоды и самимъ обывателямъ и поселянамъ.

Хлѣбопашество по всей Минской губерніи *трехпольное*. То есть поле, назначенное для посѣвовъ, или *польтки*, и у обывателей и у помещиковъ, обыкновенно дѣлится на три равныя части, которыя называются *смынами*. Одна смына засѣвается озимымъ хлѣбомъ: рожью и щевцею (озимкою), другая — яровымъ хлѣбомъ: яровою рожью, ячменемъ, овсомъ, льномъ, гречею, или *татаркою*, и горохомъ. Третья смына, по снятіи ярового хлѣба, осенью и на слѣдующую за тѣмъ весну становится пастбищемъ для скота, овецъ, свиней, потомъ вспахивается и готовится для посѣва озимицы. Кроме этихъ трехъ смынъ поля, каждый хозяинъ часть хорошей, удобной земли назначаетъ для огородовъ и садовъ. Сады особенно въ хорошихъ состояніи находятся у поселянъ слупскихъ, игуменинскихъ и бобруйскихъ. Что же касается до сѣнокосовъ, то лучше игуменинскихъ и бобруйскихъ желать нельзя; не очень завидное сѣно въ Минскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ: тамъ оно больше болотное.

При каждой хозяйской *оборѣ* и на хуторахъ часть земли сѣнокосной отведена для постоянныхъ пастбищъ домашней скотины и лошадей: эти пастбища известны подъ именемъ *ацгоновъ* и находятся большею частью за воротами домовъ; съ нихъ сѣна не собираютъ.

Земледѣльческія орудія, или приборы, употребляемые поселянами Минской губерніи, слѣдующіе:

Соха (паугъ), известная въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подъ двумя названіями: *павлухи* и *дрында*. Первая употребляется на грунтахъ черноземныхъ, песчаныхъ. Форма ея вотъ кака: къ деревянной плахѣ прикрѣплены два желѣзные сошника, или рѣзца; ниже ихъ — *деревянная*, такъ называемая *плица*. Сошники прорѣзываютъ землю, а плица переворачиваетъ прорѣзанную землю и образуетъ борозду, отчего, чрезъ нѣсколько дней, верхній дернъ, обращенный къ сырой землѣ, гниетъ и удабриваетъ почву. Соха эта, или, собственно, плаха, обыкновенно дѣлается изъ березоваго дерева, какъ болѣе легкаго: ее тащатъ два вола, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одна лошадь, управляемая однимъ человекомъ. Она необыкновенно легка, такъ что съ нею можетъ справиться и пятнадцатилѣтній дѣтина. Вторая, т. е. дрында, имѣетъ плаху, устроенную вертикально, къ которой (плахѣ) также прикрѣплены два желѣзные сошника и въ добавокъ плица *железная*. Когда пахарю нужно повернуть дрынду въ другую сторону, онъ прикрѣпляетъ плицу въ обратномъ положеніи, и отъ этого образуются борозды то направо, то налево. Дрында употребляется только на песчаныхъ грунтахъ; она не можетъ хорошо переворачивать дерновыхъ глыбъ, а только растеребливаетъ ихъ плицею; въ дѣйствиіи она постоянно какъ бы вздрагиваетъ, отчего и называется дрындой (скакушкой).

Борона деревянная, состоящая изъ двухъ деревянныхъ дугъ, къ которымъ тонкимъ, молодымъ лознякомъ привязывается до 20 деревянныхъ перекладныхъ; къ перекладнымъ этимъ, по направлению къ землѣ, привязывается столько же дубовыхъ, въ полъ-аршина, острыхъ зубьевъ. Каждую борону тащитъ одна лошадь или одинъ волъ подлѣ управленіемъ мальчика или дѣвочки, которые смотрятъ, чтобъ борона не пошла прямой линіей зубецъ за зубцомъ, а наискось, и такимъ образомъ разбивала бы и растрескивала глыбы дерна. Эта борона употребляется на грунтахъ земля болѣе мягкихъ и некоринистыхъ. На твердыхъ же и нехорошо обработанныхъ употребляется *борона железная*. Она состоитъ изъ осьми крѣпкихъ, дубовыхъ рамъ въ два аршина, раздѣленныхъ на кѣтки: каждую кѣтку составляютъ четыре желѣзные зуба въ четверть аршина длины, при-

крѣпленные къ рамамъ желѣзными обручами. Эта борона очень удобна расстрѣсываетъ самыя твердыя глыбы дерна, разрываетъ корни и взрыхливаетъ всю землю; конечно, она не можетъ этого дѣлать на каменистой почвѣ.

Въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, вмѣсто боронъ, употребляютъ *смыки*. Смыкъ состоитъ изъ нѣсколькихъ толстыхъ, неотесанныхъ сосновыхъ *щанъ* (расчеповъ, бревно, разсѣченное на двѣ половинки) съ сучьями и даже не совсѣмъ обтесанными вѣтвями съ виду. Онъ похожъ нѣсколько на деревянную борону, но не производитъ такого дѣйствія, какъ деревянная борона: онъ скользитъ только по поверхности земли и не можетъ вполне взрыхлить ее.

При огородныхъ работахъ употребляютъ *грацовики*, заступы, грабли и мотыки; при уборкѣ хлѣба — серпы, при косьбѣ травы — косы простые, а при косьбѣ гречи и гороху — косы съ сѣтками.

Обработка земли бываетъ различна, смотря по качеству почвы. На нѣкоторыхъ грунтахъ, *загоны* (рядки или полосы пашни) дѣлаютъ поменьше, а на другихъ — побольше; на высокихъ и *легкихъ* мѣстахъ дѣлаютъ загоны широкіе, на низменныхъ и твердыхъ, задерживающихъ въ себѣ сырость и воду — узкіе и холмистые. Для зимнихъ посѣвовъ обыкновенно орутъ поля передъ зимой, потомъ, весной, боронятъ: это называется *скороженьемъ*. Вывозятъ на поля навозъ (сколько есть его у хозяина), стелютъ его на поверхности вспаханной земли и потомъ опять перепахиваютъ ее сохою: это вторичное паханье называется *мышаньемъ*. Вспаханную такимъ образомъ землю вмѣстѣ съ навозомъ оставляютъ на нѣсколько времени въ покое, чтобъ перегнили дернъ и разная трава, выросшая между первымъ и вторымъ паханьемъ; за тѣмъ опять бороздятъ, или *скородятъ*; наконецъ, за недѣлю или за двѣ до посѣва, третій разъ орутъ: это называется *троеньемъ*. Впрочемъ, троенье производится собственно на грунтахъ твердыхъ и сгущенныхъ; но на легкихъ и мягкихъ оно излишне и даже вредно. Опытъ убѣдилъ, что такіе грунты (мягкіе), отъ частыхъ переворачиваній и вліянія на нихъ воздуха и вѣтровъ, теряютъ сочность и питательность, а потому ихъ орутъ только два раза. На вспаханной такимъ образомъ землѣ сѣютъ озимицу; посѣявъ, бороздятъ, взрыхливаютъ пашню; потомъ дѣлаютъ окончательныя борозды, какъ можно глубже, чтобъ, во время разлитія рѣкъ или сильныхъ дождей, могла стекать въ нихъ вода: это называется *лешеньемъ*. — Вотъ весь процессъ обработки земли для озимыхъ посѣвовъ.

Для ярового хлѣба, который сѣется на смѣнахъ по снятіи ржи, готовится пашня осенью. Послѣ зимы, весной, а въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ даже осенью, эту пашню бороздятъ, а потомъ, глядя по тому, что будутъ сѣять, орутъ другой и третій разъ, и опять бороздятъ. Такъ, напримѣръ, для гороха, ячменя, льну, конопли, для огородныхъ овощей, для гречи три раза орутъ пашню, а для овса — два раза; на худомъ же грунтѣ и для овса иногда три раза орутъ. Яровой хлѣбъ (кромѣ льну и конопли) сѣютъ на взбороненной пашнѣ; посѣявъ, *заариваютъ*: это называется *сплать подь соху*. Потомъ бороздятъ. На грунтахъ твердыхъ засѣваютъ пашни только взоранныя, которыя боронятъ послѣ посѣва.

При сѣяньи поселяне не употребляютъ никакихъ машинъ — такъ называемыхъ, у помѣщиковъ нео-хозяевъ, *спвниковъ*. Сѣютъ попросту. Всякій поселянинъ сѣетъ руками: насыпавъ зеренъ въ коробку (изъ липовыхъ лубьевъ или изъ соломы), вѣшаетъ ее себѣ на шею и, проходя прямо по загонамъ, бросаетъ зерна горстью правой руки то направо, то налево, придерживая лѣвою коробку, — при сѣяньи смотритъ, какъ бы не сдѣлать пробѣла на какомъ нибудь клочкѣ пашни: эти пробѣлы называются *обсѣвами*. У обывателей есть особые люди, употребляемые для сѣянья: ихъ называютъ *сѣвцами*.

Предметы посѣвовъ и растительности на поляхъ и въ огородахъ Минскаго края слѣдующіе:

Пшеница — обыкновенная простая (*triticum vulgare*), *прушка* (*trit. vulg. aestivum*), *озимка* (*trit. vulg. hybernum*), *аглюшка* (англійская, *trit. vulg. turgidum*). Изъ пшеницы приготавливаютъ разныхъ сортовъ муку, варятъ пиво, дѣлаютъ крахмалъ и клей.

Рожь — простая (*secale cereale*), *провал* (*s. s. vegetum*), *кривичка* (*s. s. hybernum*, *multicaule*) и *египетская*, которая отъ несвоевременной уборки чрезвычайно сыплется въ колосьяхъ.

Ячмень — простой (*hordeum vulgare*), котораго колосья состоятъ изъ четырехъ рядовъ зеренъ, *оркишъ*, или *оргишъ* (*h. coeleste*), замѣчательный тѣмъ, что, во время молотбы его, отъ зеренъ отстаетъ плева. Изъ ячменя приготавливаютъ крупы, солодъ и пиво; въ большомъ употребленіи у поселянъ ячменная мука.

Овесъ — простой (*avena sativa*), *черный* (*a. nigra* или *frusca*) съ черноватыми зернами, *казацкій*; онъ же и *венгерскій* (*a. orientalis*), отличается узкими листьями и плоскими стебельками.

Греча — почти вездѣ одинаковая, только гдѣ большая, а гдѣ малорослая. Изъ гречи, между прочимъ, приготавливаютъ такъ называемую *жельзную муку*.

Горохъ — простой, бурчакъ, съ краснымъ цвѣтомъ и пестрыми круглыми зернами, бѣлый, сахарный, *карловый*, съ низенькими

стебельками, круглыми листьями и какъ бы обрѣзанными на кончикахъ зернами.

Картофель — бѣлый, желтый, красный, крупный, болѣе мелкій, продолговатый, золотистаго цвѣта, *горбатый* и *стокротка* — крошечный, но очень вкусный.

Чечевица — мелкая и крупная. *Просо*, съ нѣкоторыми отѣнками въ плевахъ верецъ; плевы эти бываютъ желтыя, бѣлыя, черноватыя и красныя. *Кукуруза* (*zea*), или *кiашка*; она сѣется больше въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она извѣстна подъ именемъ турецкой пшеницы. *Бобы* — крупный и мелкій, съ бѣлыми, красными и черными зернами. *Ленъ* — съ толстыми и тоненькими стебельками, цвѣтистый и безцвѣтный. *Копыль* — крупная и мелкая, зеленая и желтоватая. *Выка* (*vicia*) — трава для домашнихъ животныхъ и даже для птицъ (индѣекъ и утокъ). *Барвена* (*phleum*) — трава, похожая на выку. *Дитлина* (*trifolium*) — трава, собственно называемая помѣщиками.

Секла (*буракъ*) — красная, желтая, бѣлая и зеленоватая, — употребляется на безчисленныхъ въ Минской губерніи сахарныхъ заводахъ. **Морковь** — желтая, бѣлая и красная; ее сѣютъ въ огородахъ и на поляхъ. **Пастернакъ** (*pastinaca*) — крупный и мелкій. **Капусты** — разныхъ сортовъ: *огородника* (*brassica oleracea*), *ярмушъ* (*b. o. sarbellica*), *волошка* (*b. o. bullata*), *головачка* (*b. o. capitata*), замѣчательная большими головками и особеннымъ вкусомъ; *дичка* (*b. o. campestris*). **Рѣпа** — круглая и продолговатая, наподобіе рѣдки; желтая, бѣлая и красноватая. **Чеснокъ** и **лукъ**, въ большомъ количествѣ выращиваемые татарами. **Шпинатъ** — болѣе въ помѣщичьихъ огородахъ. **Хмель** растетъ въ огородахъ и болотистыхъ мѣстахъ, въ лѣсу. **Горчица** — въ огородахъ и на поляхъ. **Тминъ** разводится въ большомъ количествѣ. **Каляндръ** (*calandrum*) употребляется при соленьи и копченіи говядины и свинины. **Дини** и **гарбузы** (*cucurbita melopepo*), изъ сѣмянъ которыхъ дѣлаютъ масло. **Огурцы** особенно родятся въ Слуцкомъ, Игуменскомъ и Пинскомъ уѣздахъ. **Мята** — крупная и мелкая, садовая и дикая. **Рѣпка** — бѣлая, редиса, красная, зеленоватая и черноватая. **Салатъ** — простой, *головястий* (*lectuca capitata*), *журчавый* (*l. c. crispata*), *кривичакъ*, съ красными листьями на верхушкахъ головокъ. **Петрушка** — въ огородахъ и даже на поляхъ. **Макъ** — съ цвѣтомъ бѣлымъ, краснымъ, синимъ и фіолетовымъ, съ сѣменами бѣлыми, желтыми, красноватыми, черными и синеватыми, и макъ *видукъ* — самосѣй. **Спаржа** особенно хорошо растетъ въ Пинскомъ уѣздѣ. **Табакъ**, называемый въ большомъ количествѣ у каждаго поселеннаго. Въ послѣднее время жида обратили вниманіе

на этотъ табакъ и изъ него готовятъ, на домашнихъ фабрикахъ, довольно хорошія сигары; особенно хороша сорть *виржинскій*.

Сѣяніе въ огородахъ начинается съ 25 марта (иногда и раньше и позже, смотря по началу весны). Прежде всего сѣютъ *расаду* (сѣмена капусты и брюквы), въ такъ называемыхъ *расадникахъ*, т. е. наскоро сдѣланныхъ теплицахъ, прикрытыхъ, вмѣсто рамъ со стеклами, соломенными постилками. Въ апрѣлѣ, когда уже совсѣмъ растаетъ снѣгъ, сѣютъ макъ, горохъ и другія стручковые растенія. Насчетъ посѣва гороха существуетъ довольно странный предрасудокъ: при сѣяніи его избѣгаютъ тѣхъ дней, въ названіи которыхъ слышится буква *p* (вторникъ, среда, четвергъ): думаютъ, что посѣянный въ эти дни горохъ бываетъ *червивый*. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этотъ предрасудокъ сохраняется и въ домахъ обывательскихъ. За тѣмъ слѣдуютъ посѣвы салата, свеклы, моркови, петрушки; въ это же время садятъ лукъ, чеснокъ, картофель.

Наконецъ приступаютъ къ сѣвѣ хлеба. Прежде всего сѣютъ ячмень. Ячмень бываетъ ранній и поздній; первый сѣютъ въ апрѣлѣ, на озимцахъ или на мѣстахъ, гдѣ росъ картофель, второй — въ концѣ мая, на новоунавоженныхъ поляхъ; второй лучше родится, чѣмъ первый. По снятіи съ пашни, сушатъ его въ такъ называемыхъ *озеродахъ* (переплетахъ), дѣлаемыхъ изъ жердей въ клѣтки; въ этихъ озеродахъ сушатъ также и прочій хлѣбъ.

Въ концѣ апрѣля на луга не пускаютъ скотины, чтобъ она не потоптала новой травы, предназначенной для кошения. А чтобъ знали объ этомъ пастухи, вколачиваютъ на лугахъ шесты съ пучками соломы на верхушкахъ: это называется *затыканьемъ луга*. Трава не вездѣ одинакова: въ болотистыхъ мѣстахъ растетъ высокая *осока*, но не очень вкусная; въ луговыхъ трава не такъ велика, но чрезвычайно душиста, ароматична: она извѣстна подъ именемъ *мурога*. Косить начинаютъ въ іюнѣ и стараются окончить до времени жатвы, которая начинается, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ началѣ, а въ нѣкоторыхъ въ половинѣ іюля. Чтобъ скорѣе покончить косьбу, собираютъ такъ называемую *талаку* (т. е. даровыхъ косарей, работающихъ изъ за кушанья).

Съ 1-го мая начинается сѣяніе овса и оканчивается 1-го іюня; въ концѣ мая слѣдуетъ сѣвка конопли и льну; гречу начинаютъ сѣять съ послѣднихъ чиселъ мая и оканчиваютъ въ половинѣ іюня.

Вообще нужно замѣтить, что весь апрѣль и май хозяева Минской губернии заняты поспѣвомъ въ огородахъ и на поляхъ. По окончаніи поспѣвовъ благочестивые поселяне вѣдряютъ свои поля и огороды водою Всемогущаго. Они не знаютъ, во время бездождья и засухъ, орошеній полей водою и не употребляютъ, какъ это завелось въ белорусскихъ губерніяхъ, никакихъ искусственныхъ машинъ для поливанія и обливанія огородовъ.

Въ июлѣ приступаютъ къ уборкѣ хлѣба съ полей. Всякій спѣшитъ убрать рожь поскорѣе, чтобъ не стала сыпаться. Дѣлаются *зажинки*; потомъ устроиваются *дожинки* ⁽⁹³⁾. По снятіи ржи, начинаютъ жать поочередно ячмень, пшеницу, овесъ, убирать гречу, горохъ, бобы и наконецъ ленъ. Уборка и укладка льну соединена съ большими хлопотами, потому что онъ предназначается или для домашней выделки изъ него холста, или для продажи волокомъ. Въ послѣднемъ случаѣ рвутъ ленъ еще зеленоватый и, сложивъ въ снопки, обрѣзаютъ сѣмнинныя головки осободѣланными для того ножницами, и тутъ же, чтобъ не дать ему высохнуть на воздухъ, связываютъ его въ большія копны и затапливаютъ въ рѣкахъ, прудахъ и даже болотахъ. Если все это успѣютъ сдѣлать въ одинъ день, ожидаютъ благаго волокна. Черезъ нѣсколько недѣль вынимаютъ и стѣлютъ на лугахъ и въ огородахъ для провѣтриванья, вслѣдствіе чего волокно само отстаетъ отъ былинковъ, или стебельковъ. Тогда складываютъ ленъ опять въ большіе снопы и прячутъ на крышахъ домовъ, гдѣ онъ лежитъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ пора трепки волокна. Такой ленъ называется моченымъ, или *товарнымъ* (продажнымъ). Ленъ же, предназначенный для домашняго употребленія, тотчасъ по уборкѣ съ пашни, развѣшиваютъ на заборахъ или на разставленныхъ жердяхъ, спустя нѣсколько дней, обмолачиваютъ и стѣлютъ на болотистыхъ лугахъ или на берегахъ рѣки, гдѣ онъ отъ росы и сырого воздуха мякнетъ, такъ что волокно отдѣляется отъ костицы: это называется *емлежаньемъ льну*. За тѣмъ складываютъ его въ амбары и въ stodолы. Такой ленъ называется *сланецъ*; онъ немножко чернѣе по виду, но волокно его несравненно мягче волокна товарнаго льна.

Въ августѣ собираютъ сѣмена свеклы, капусты, рѣпы, моркови, брюквы и другихъ огородныхъ овощей. Въ этомъ же мѣсяцѣ вынимаютъ съ грядъ лукъ и чеснокъ, луковицы которыхъ переплетаютъ вѣтками и часть того и другого, предназначенную для сажанья на будущую весну, въ мѣшкахъ развѣшиваютъ въ коптиль-

⁽⁹³⁾ Эти сельскіе обряды недавно описаны мною подробно. См. «Пантеонъ» 1853 г., № 6. Статья о *Белорусскіхъ*.

няхъ, гдѣ, пропитанныя дымомъ, луковицы разрастаются потомъ въ корни и не пускаютъ изъ себя, во время произростанія, пустоцвѣта и жесткихъ, деревянистыхъ стебликовъ. Въ концѣ августа выбираютъ изъ огородовъ огурцы и солятъ ихъ на зиму въ кадкахъ, бочкахъ и боченкахъ; для сохраненія крѣпости и предотвращенія травяного вкуса, кладутъ въ бочки дубовые, вишневыя, хрѣнные и такъ называемые бобковые листья. Засмоливъ бочки, закатываютъ ихъ въ землю, кладутъ въ колодцы, озера и рѣки: такимъ образомъ, весной, до появленія новыхъ, всегда имѣютъ хорошо сохраненные прошлогодніе соленые огурцы.

Въ началѣ сентября начинаютъ выбирать картофель. Уборка картофеля въ Минской губерніи двоякая: или выкапываютъ разсаженный въ грядкахъ заступами женщины, или поспѣанный въ большомъ количествѣ на поляхъ вырываютъ съ корнями *обыкновенною сохою* мужчины. Очевидно, послѣдняя уборка прибыльнѣе, потому что послѣ нея не остается въ землѣ ни одной картофеленки. Часть собраннаго картофеля ссынаютъ въ амбары, для ежедневнаго употребленія; остальное же количество прячутъ въ погребахъ, стогахъ и особенно въ ямахъ на песчаныхъ грунтахъ. Стѣны этихъ ямъ выкладываютъ камнемъ или досками; на днѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, дѣлается полъ изъ бревенъ; на заваленной пескомъ и камнями поверхности устроиваются деревянныя трубки для прохода воздуха во внутренность ямъ и для провѣтриванія картофеля; черезъ картофель воздухъ пробивается на дно ямы и свободно проходитъ полъ полъ къ пласту земли. Конечно, во время морозовъ, трубки закрываются. Въ сентябрѣ же рвутъ коноплю и съ нею поступаютъ такъ же, какъ и со льномъ, т. е. мочатъ ее четыре недѣли въ водѣ, потомъ отдѣляютъ отъ костицы волокно, изъ котораго приготавливаютъ пеньку, составляющую значительный доходъ поселаянъ Минской губерніи. И нужно замѣтить, что минская пенька въ славѣ.

Въ половинѣ сентября заквашиваютъ капусту или цѣльными головками, или рубленную и шаткованную; въ то же время квасятъ и свеклу, цѣликомъ, нерубленную. Ту и другую ставятъ въ кадкахъ, въ такъ называемыхъ *сарынькахъ*, а въ засмоленныхъ бочкахъ — въ землѣ и въ рѣкахъ.

По уборкѣ хлѣба съ полей и овощей съ огородовъ, приступаютъ къ молотбѣ ржи, потомъ пшеницы, овса, ячменю и гороху. Впрочемъ, часто не всю рожь молотятъ сразу; но большую часть ея оставляютъ для зимней молотбы, по *досвѣткамъ* (раннимъ утрамъ). Поселяне молотятъ цѣнами, но у обывателей заведены мо-

пчелы употребляют довольно большіе деревянные ульи, которые болѣею частью ставятъ въ наклонномъ положеніи близъ фруктовыхъ деревьевъ или ягодныхъ кустарниковъ. Что же касается до лѣсныхъ пчелъ, то для нихъ отыскиваютъ дупловатые деревья и въ дуплахъ устроиваютъ ульи, которые извѣстны подл именемъ *бортняк*. Отсюда и досмотрщики лѣсныхъ пчелъ называются *бортниками*. Въ лѣсахъ ульи эти устроиваютъ не подалеку одинъ отъ другаго и по преимуществу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много липы и березы. Новоустроенные ульи лѣсные бортники окропаютъ ароматическою водою, растворенною укусомъ, медомъ и сокомъ изъ разныхъ балзакическихъ травъ: это называется *дать напыркъ ульямъ*. Приманиваемые запахомъ этой воды, рои сами садятся въ окропленные сортахъ; во случается, что рои долго блуждаютъ по лѣсу: тогда бортники *шутъ ихъ* (вѣрнѣе, сбѣгаютъ за ними) и какъ бы насильно садятъ ихъ въ новыхъ ульяхъ. А чтобъ въ лѣсные ульи не прокрадывались любительницы меда, куницы и лисицы, для этого на деревьяхъ, гдѣ ульи, устроиваютъ вокругъ ствола *подкурлы*, т. е. подмости, со вколоченными на нихъ деревянными и даже желѣзными гвоздями. Первый обыскъ пчелъ (и сборъ меда) производится весною въ день Благовѣщенія и называется *веснованьемъ*. Впрочемъ, въ это время небольшой бываетъ сборъ сотовъ: собственно подсматриваютъ, въ какомъ состояніи находятся рои, и, если у которыхъ вовсе нѣтъ меда, кладутъ нѣсколько сотовъ изъ другого улья. Второй, и самый большій сборъ, бываетъ въ октябрѣ: тогда уже подрѣзываютъ соты и складываютъ въ бочки съ воскомъ или очищенный.

Говоря о сельскомъ бытѣ, нельзя не упомянуть о лѣсахъ, какими славится вся Минская губернія. Одинъ только Слуцкій уѣздъ и часть Пинскаго не могутъ похвалиться богатыми лѣсами. Зато въ прочихъ мѣстахъ лѣса составляютъ украшеніе края. Есть такія пущи, въ которыхъ можно найти столѣтніе вѣковые дубы, березы, клены и особенно сосны. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Лошницы, славится богатѣйшая пуща *Колонъ*, частью принадлежащая Лошницкой церкви, частью князю Радзивиллу: въ ней водятся огромнѣйшіе медвѣди и дикіе кабаны, нерѣдко производящіе страшныя опустошенія на поляхъ и даже въ огородахъ поселянъ. Не менѣе богатыя пущи встрѣчаются въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ, Новогрудскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ. Рѣчицкій уѣздъ особенно славится величественными дубовыми рощами, на берегахъ Днѣпра, въ которыхъ, можетъ быть, древніе кривичи имѣли свои урочища, священныя холмы и божницы: такъ думать можно на томъ основаніи, что въ густыхъ рѣчицкихъ лѣсахъ много нахо-

дятся кургановъ со рвами, которые не могли быть явленіемъ природы, а скорѣе — произведеніемъ рукъ человеческихъ. Словомъ сказать, чудные лѣса въ Минскомъ краѣ: тутъ есть и дубы, и береза, и вязъ, и липа, и сосна, и ольха, и кленъ, и тополь, и ясень, и грабъ, и рябина, и бразильское дерево (бразелина, *evonymus verrucosus*), и верба, и лоза, и можжевелникъ, и орѣшникъ, и лещина (*corillus avellana*), и калина, и яблоня, и груша, и вишня. А сколько ягодъ: красной и черной очень крупшой смородины, малины, ажинъ, земляники, черники, клубники, костяницъ, крушеницъ... не перечтешь всѣхъ. Но какъ богата Минская губернія лѣсами, такъ бѣдна въ ней торговля лѣсомъ. Помѣщики не занимаются ею, можетъ быть, потому, что не имѣютъ большихъ капиталовъ для выдѣлки продажнаго дерева, или потому, что слишкомъ заняты своимъ полевымъ хозяйствомъ, которое безъ личнаго надзора ихъ могло бы пострадать отъ наемныхъ экономовъ, полпанковъ и шерарковъ. Одни жидки рискуютъ иногда закупить какую нибудь пущу и сбываютъ дерево по Березинѣ, Днѣпру, Нѣману и Западной Двинѣ въ Ригу и потомъ въ Крелевецъ; но зато они не щадятъ лѣса: бѣдная та пуща, гдѣ жида рубятъ деревья — не оставляютъ ни одного живого пня, — изъ лѣса сбѣгаютъ пашку или чистое поле. Самымъ лучшимъ торговымъ лѣсомъ жида считаютъ сосновый, изъ котораго дѣлаютъ брусья, такъ называемые голландскіе и англійскіе: плацаки, колоды, шпыры, шпырки, мачтовые балки и *коравки* (т. е. суковатые, нехорошо обструганныя колоды). Изъ дубоваго дерева приготавливаютъ кленки, изъ липоваго — лубья, лыки, изъ еловаго гонять смолу, изъ березовой коры — деготь. Дубовая и ольховая кора употребляется на выдѣлку кожъ.

При такомъ обиліи пущъ въ лѣсахъ Минской губерніи, естественно встрѣтишь въ нихъ множество разныхъ звѣрей: тутъ водятся медвѣди (черные, бурые, съ бѣлыми пятнами на шеѣ и муравьѣды), волки, дикіе кабаны и особенно кабаны-одинцы (т. е. тѣ, которые ходятъ одни, а не вмѣстѣ съ другими), серны, лоси, рыси, зайцы, куницы, выдры, выхухолы, барсуки, норки, лисицы, даже *бобры* и проч. Бобры находятся въ небольшомъ количествѣ въ Пинскомъ (см. Пинскъ) и особенно въ Игуменскомъ (см. Игумень, село Омельно) уѣздахъ; изъ лѣсныхъ птицъ: глухари, тетерева, рябчики, кулики, куропатки, бекасы, утки, дикіе голуби, чайки, шпаки, гилы и другія мелкія, въ большомъ количествѣ. Несмотря на частыя охоты и облавы, птицы и звѣри не переводятся и не уменьшаются.

Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ Минской губерніи до 1845 года употребляемы были польскія мѣры (однѣ и тѣ же и для зерно-

вого хлѣба и для жидкостей): была бочка, осьмины, гарицы, кварталы и кватерки.

Вотъ ихъ взаимное отношеніе :

Бочки.	Осьмины.	Гарицы.	Кварты.	Кватерки.
1.	8.	144.	576.	2,304.
	1.	18.	72.	288.
		1.	4.	16.
			1.	4.

Въ 1845 году введены извѣстныя великорусскія мѣры и для хлѣба и для жидкостей, а вмѣсто бывшихъ *безмѣрныхъ* введены вѣсы.

О дорогахъ, или сухопутномъ сообщеніи въ Минской губерніи замѣтимъ, что дороги тамъ большею частью проселочныя. Столбовыя существуютъ только между городами и на главныхъ пунктахъ: изъ Минска въ Борисовъ, Игумень и Бобруйскъ, изъ Минска въ Мозырь и Кобринъ, изъ Носвижа въ Минскъ, Бобруйскъ, Слуцкъ и Пивскъ, изъ Рѣчицы въ мѣстечко Лоевъ. Въ 1851 году открыто шоссе отъ Бреста чрезъ Слуцкъ, Бобруйскъ, въ Могилевъ.

Сообщеніе водное представляетъ много удобствъ. Минская губернія пользуется выгоднымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, сообщеніемъ съ различными частями Имперіи посредствомъ водныхъ путей: *Огинскаго* канала, соединяющаго систему водъ Днѣпра съ системою водъ рѣки Нѣмана, — *Коралевскаго* канала, соединяющаго притоки Днѣпра и Припяти съ притоками Вислы; кромѣ того, Днѣпръ съ Вислою имѣютъ другое сообщеніе — посредствомъ каналовъ *Огинскаго* и *Августовскаго*. Съ Балтійскимъ моремъ сообщеніе производится посредствомъ *Березинскаго* канала, соединяющаго Сергуть (притокъ Березины) съ рѣкою Улою, впадающею въ Западную Двину.

Изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ видно, что Минская губернія вездѣна вначительными рѣками, которыми считаются: Березина, Приять, Днѣпръ, Нѣманъ. (О Березинѣ см. Борисовъ, о Припяти см. Полѣсье и Пинскъ.)

Днѣпръ извѣстенъ былъ еще въ древности грекамъ и римлянамъ; первый — подъ именемъ *Борисея*, (а нѣкоторые думаютъ, что древній Борисея — то же, что нынѣшняя Березина: см. дальше, Борисовъ), а вторымъ — подъ именемъ *Данприс*. Начиная свое теченіе Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ болотахъ близъ

Алаунскихъ горъ, и, протекая 2,000 верстъ, сначала течетъ по южному и юго-западному направленію чрезъ Смоленскую губернію и, миновавъ Дорогобужь, Смоленскъ, проходитъ въ Могилевской губерніи, гдѣ, обогнувъ Оршу, Коньскъ, Могилевъ, Старый Быховъ, дѣлаетъ кругой поворотъ на югъ къ устью Березины: тутъ, близъ мѣст. Горвала, онъ составляетъ границу Минской губерніи съ Могилевскою, потомъ течетъ по гористымъ окрестностямъ и лѣсамъ при мѣст. Лоевъ (Минской губерніи) и, принимая въ своемъ берега рѣки Сожу, проходитъ въ Кіевскую губернію. Днѣпръ необыкновенно быстро течетъ и, какъ извѣстно, наполненъ порогами, отъ которыхъ, говорятъ, скоро освободить его. Быстрота теченія его обыкновенно (кромѣ пороговъ) отъ 500 до 700 сажень въ часъ. Съ 1835 года по немъ ходятъ небольшіе пароходы.

Нѣманъ беретъ свое начало Минской губерніи и уѣзда, въ Коноплянскомъ лѣсу, течетъ по ровнымъ, большею частью неизменнымъ мѣстамъ и западному направленію, но, дѣлая большіе изгибы къ югу и сѣверу чрезъ Узду, Песочно (Игуменскаго уѣзда) и Новый Свержень, вступаетъ нѣсколько ниже въ Виленскую и потомъ Гродненскую губерніи, и, оставивъ на правомъ своемъ берегу Николаевъ, Бѣлицу и Мосты, достигаетъ города Гродно. У Гродно, круто поворачивъ къ сѣверу, Нѣманъ составляетъ границы русскихъ и польскихъ губерній и, протекая крайне извилисто по широкой болотистой долинѣ, между высокими, лѣсистыми берегами, орошаетъ пространство сѣверо-западныхъ предѣловъ между город. Гродно и мѣст. Румишками, гдѣ снова поворачиваетъ къ западу и чрезъ Ковно, далѣе — мимо Сабсежишекъ, Вилокъ, Вѣлоны и Юрбургъ, течетъ въ предѣлы Пруссіи. По вступленіи въ Прусское королевство, Нѣманъ принимаетъ названіе Мемеля и течетъ ровною, широкою полосою мимо Рагнита и Тильзита до селенія Урбанштейна; тутъ онъ раздѣляется на два главные рукава: сѣверный, или *Русскъ*, и южный, или *Гильгеу*. Оба рукава изливаются въ заливъ Куршъ-Гафъ, который у города Мемеля соединяется съ Балтійскимъ моремъ. Рѣка Нѣманъ замѣчательна двумя важными историческими происшествіями: заключеніемъ на ней, въ 1807 г., Тильзитскаго мира и переходомъ чрезъ нее, въ 1812 г., Наполеона для вторженія, на свою погибель, въ Россію.

Кромѣ того, въ Минской губерніи протекаютъ и меньшія рѣки, напр.: Стырь, Горынь, Струмень, Свислочь, Случь, Волма, Стоходъ, Ветлица, Птичь, Ляны, Уша и др. Объ нихъ, равно какъ и замѣчательныхъ озерахъ, болѣе или менѣе говорится въ своемъ мѣстѣ.

При такомъ богатствѣ рѣкъ, Минская губернія славится обиліемъ рыбы: довольно взглянуть на Песвижскую ярмарку, на торги

минскіе, слудкіе, пинскіе, мозырскіе и рѣчицкіе, и несмѣтное количество продаваемой на нихъ, всякихъ сортовъ, свѣжей и копченой рыбы, чтобы получить ясное доказательство хорошаго состоянія рыбачества, или рыболовства, въ древнемъ обиталищѣ кривичей. Рыбамъ рѣкъ и озеръ Минской губерніи нѣтъ счета; однако, пересчитаемъ нѣкоторые сорта: сомы, бѣлуга, осетрина, щука, судакъ, окунь, лавь, карась, язь, угорь, цирта, бѣлорыбица, карпъ, плотъ, вьюнь.... Довольно! довольно!....

Вотъ все, что я могъ сказать о Минской губерніи.

Цара заглянуть въ самый Минскъ.

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

ШИЛЛЕРЪ

И ЕГО ПЕРЕПИСКА СЪ ДРУЗЬЯМИ. (*)

ВВЕДЕНИЕ.

Отмѣтки о жизни Шиллера, приложенныя задушевнымъ другомъ поэта къ собранію его сочиненій, служатъ основаніемъ этихъ листковъ; онѣ большею частью даже слово въ слово перепесены сюда.

Послѣ смерти сестры моея, вдовы Шиллеръ, нашлось много замѣтокъ о его жизни, взятыхъ по большей части изъ разговоровъ съ нимъ, — замѣтокъ, которыя сестра сама намѣревалась собрать въ одно цѣлое, но не рѣшилась, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неприятныхъ слуховъ, разнесшихся въ публикѣ. Эти отголоски любви, воспоминанія изъ молодости Шиллера, сообщенныя его старшей сестрою, свѣдѣнія вѣрнаго друга его и наконецъ мои собственныя живыя воспоминанія семнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ тѣснѣйшей дружбѣ и большею частью неразлучно съ нимъ, многими чертами дополнили описаніе жизни, сдѣлавшейся столь важной для исторіи германской литературы.

(*) Переписка Шиллера (изъ пользующейся въ Германіи большою извѣстностію книги — Schiller's Leben. Verfasst aus Erinnerungen der Familie, seinen eigenen Briefen u. den Nachrichten seines Freundes Körner (Hrsg. von Caroline v. Wolzogen.) до сихъ поръ не была переведена на русскій языкъ. Представляя теперь переводъ ея, мы надѣемся доставить удовольствіе нашимъ читателямъ и познакомить ихъ короче съ личностію великаго германскаго поэта. *Ред.*

Къ сожалѣнію мы должны присовокупить, что осчастливившій Адамъ дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ подтверждалъ истину, что наружность человѣка бываетъ обманчива, что людямъ часто достается счастье именно за такія качества и достоинства, которыхъ они въ сущности не имѣютъ. Не прошло шести недѣль супружеской жизни Адама Буффа, какъ его взяли на поруки по тому обстоятельству, что онъ, безъ всякой побудительной причины, прибилъ двухъ уличныхъ часовыхъ и угольщика. Онъ отказалъ отъ мѣста любимой горничной своей жены за то, что горничная нечаянно брызнула на него нѣсколькими каплями чистой воды, и приказалъ утопить персидскую кошку за то, что та, играя, пропустила свои когти сквозь его шелковый чулокъ — обстоятельство, заставившее Адама немедленно обнажить свою ногу предъ домашнимъ докторомъ. А какую несносную жизнь вела его прачка!... «Я стирала на многихъ, многихъ разборчивыхъ людей — говорила эта бѣдная женщина со слезами на глазахъ — но никогда, никогда, никогда всю мою жизнь не встрѣчала я джентльмена, который былъ бы такъ разборчивъ въ своихъ рубашкахъ, какъ мистеръ Буффъ!»

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПОЛЬСЬЮ И БѢЛОРУССКОМУ КРАЮ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ (*).

IX.

МИНСКЪ БѢЛОРУССКІЙ (94).

Видъ Минска со вѣзда борисовскаго. — Исторія Минска отъ самыхъ древнихъ временъ до настоящихъ поръ. — *Низкій Рынокъ* или старый городъ и его замѣчательности: *Замчище* и *древній замокъ*, *Замковая* и *Немилская* улицы, базарь, *Бернардинская* улица, *Рыбный рынокъ*, *Екатерининская* церковь, *Татарскій Конецъ*, татары и ихъ мечеть, *Воскресенская* церковь, остатки *Францисканскаго костела*, древніе валы и окопы, *Сѣнная площадь*, *Троицкій госпиталь*, докторъ *Спасовичъ*, православная *семинарія*, площадь *Троицкой Горы*, *Переспа*. — *Высокій Рынокъ*: гостинный дворъ, ратушь, театръ, бульваръ, катедра, православный *Петропавловскій соборъ* и зданія при немъ, гимназія, еврейское училище, дѣтскій пріютъ, женскіе пансіоны, лютеранская церковь и ея кладбище. — *Новый Рынокъ* или *Новое Мѣсто*: площадь и бульваръ, контракты, казино, кондитерскія, трактиры, публичная библіотека, архіерейскій дворъ, *Юрьевская* улица, городской садъ. — *Сѣрный ключъ* — Пригородныя окрестности. — *Кривичи*. — *Городище*.

Минскъ принадлежитъ къ числу большихъ и красивыхъ городовъ Западной Россіи и при настоящемъ своемъ благоустройствѣ и обновленномъ видѣ, послѣ пожара въ 1835 году, можетъ быть названъ столицею БѢлоруссіи; онъ обшириѣе и щеголеватѣе Могилева и Витебска. За исключеніемъ Троицкаго предмѣстья, Татарскаго Конца и нѣкоторыхъ глухихъ переулковъ по окраинамъ го-

(*). Первые три статьи «Путешествій» г. Шилевскаго изданы въ «Современникѣ» 1853 года, въ июльской, июльской и августовской книжкахъ.

(94) Выше былъ *Польскій Минскъ*. См. гл. II.

рода, въ Минскѣ всѣ дома каменные и большею частью очень большіе, а улицы довольно гладко вымощены камнемъ и содержатся очень опрятно. Раскинутый на горахъ и крутизнахъ, Минскъ почти со всѣхъ трактовъ или въѣздовъ представляетъ прекрасный видъ; во особенно открытый и картинный видъ отъ въѣзда борисовскаго, важная отъ Комаровки. Предъ вами раскидывается панорама нѣсколькихъ горъ, пригорковъ и крутыхъ обрывовъ, устланныхъ искусственными и натуральными газонами, большими садами, оранжереями, роскошными цвѣтниками, и обмываемыхъ водами вьющейся какъ змѣйка Свислочи, то въ одномъ мѣстѣ льющейся къ бережной и текущей тихо, спокойно, то въ другомъ какъ бы отпридывающей отъ своихъ береговъ, исчезающей въ долину, а потомъ съ шумомъ и каскадомъ выбивающейся наружу и лѣвно переливающейся чрезъ каменное возвышеніе. По горамъ, по пригоркамъ красуются зданія то высокія и широкія, то узкія и продолговатыя, съ черепичными крышами во вкусѣ среднихъ вѣковъ, то, наконецъ, чистенькіе, опрятненькіе, зеленые или желтые домики съ красными кровлями, узорчатыми ставнями и рѣшетчатою оградой. Прежде всего бросаются въ глаза рощи и аллеи огромнаго городского сада, потомъ зданія Новаго Рынка съ его квадратнымъ бульваромъ, архіерейской крестовой церкви, почтовой конторы и лютеранскаго храма; дальше совершенно обнажается предъ вами громадная площадь Высокаго Рынка съ величественными каменными православной соборной церкви, римско-католической катедрой, Бернардинскаго монастыря и гостиняго двора, сквозь которыя выглядываетъ скромная деревянная Воскресенская церковь. Правѣе отъ Высокаго Рынка городъ какъ будто разрывается и печезаетъ въ долину Низкаго Рынка, закрытаго Троицкою Горой и валами древняго замка. Наконецъ, вдали отъ Троицкой Горы, вы видите широко раскинувшуюся Свислочь и опоясывающую собою нѣкоторую часть Татарскаго Конца и православное кладбище Пересну съ его каменною церковью, съ золоченымъ куполомъ чисто русской архитектуры, безъ всякихъ шпицовъ и башенокъ.

Близъ этого-то мѣста, гдѣ теперь устроено кладбище и гдѣ, можетъ быть, лежали кости перваго основателя Минска, между Татарскимъ Концомъ и Переспинскимъ мостикомъ у самой высшей вилевской почтовой дороги, когда-то поселился, говоритъ народное преданіе, знаменитый силачъ-знахарь, по прозванію *Менескъ* или *Мѣнской*, и построилъ на Свислочи каменную большую мельницу *о Бѣли колесать*. Говорятъ, никто никогда не видѣлъ его, а между тѣмъ окрестности свислочской земли наполнены самыми фантастическими рассказами о его силѣ и богатствѣ: говорятъ, что въ

его мельницѣ мука молотась не изъ хлѣбныхъ зеренъ, а изъ камней; что ночью слышались тамъ какіе-то странные крики, гики, пѣсни, музыка и пляска; что въ полночь развѣзжалъ онъ на своей мельницѣ по дорогамъ и набиралъ дружину изъ сильныхъ людей, изъ которыхъ впоследствии составилъ цѣлый народъ и сталъ селиться рядомъ съ мельницею знахаря, и проч. Конечно, это преданіе отзывается бѣлорусскою сказкою; но почему знать, не имѣетъ ли оно отношенія къ какому нибудь доисторическому событію, занесенному въ лѣтописяхъ? Не смѣшанное ли это сказаніе о какомъ нибудь удѣльномъ кривичскомъ князѣ *Менескѣ*, собиравшемъ сильныхъ людей для увеличенія своего войска и для заселенія ими новостроеннаго своего городка на берегахъ Свислочи? Отчего же не допустить до крайней мѣры существованія этого Менеска, когда о немъ до сихъ поръ сохранилась поговорка въ минскомъ уѣздѣ: *не найду я да Менска адъ шляху Виленска; а (если же) найду на шляху Виленскомъ, спаткаюся (встрѣчусь) съ Менескомъ*. Къ этой поговоркѣ я прибавлю замѣчаніе, что простонародье Минской губерніи до сихъ поръ называетъ Минскъ Менескомъ. Конечно, это не доказательство. Но отчего же то же простонародье не называетъ Минска (городъ Минской губерніи) Пенескомъ? Вѣдь Пинскъ и Минскъ созвучны. Напротивъ, если объяснять слово Менскъ народнымъ выговоромъ, такъ скорѣе можно сказать, что простонародье минское передѣлало бы изъ Менска Минскъ, потому что въ произношеніи бѣлорусскаго народа буква *и* никогда не превращается въ *е*; тогда какъ *е* очень часто переходитъ въ *и*... Мнѣ кажется, можно допустить, что высшій Минскъ получилъ свое названіе отъ имени Менеска или Менского (этого ли знахаря или, пожалуй, другого какого нибудь героя-основателя), потому что въ древнихъ грамотахъ, актахъ, записяхъ и инвентаряхъ, вмѣсто Минскъ, вездѣ говорится: *Менскъ* или *Менской* ⁽⁹⁵⁾, и кромѣ того Гвагиниъ, въ описаніи древней Руси, Минскъ называетъ *Менскимъ* ⁽⁹⁶⁾. Во всякомъ случаѣ, преданіе о Менескѣ замѣняетъ первоначальную исторію древняго Минска, построеніе котораго и возведеніе на степень города не указано ни однимъ изъ древнихъ лѣтописцевъ или

⁽⁹⁵⁾ См. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи и проч., 1848 г. Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, 1824 г., стр. 78, А² 49. Грамота Сигизмунда III минскому старостѣ Андрию Станковичу.

⁽⁹⁶⁾ Gwagin Chron. Sarmat, pag. 316, 317, 323. Равно и въ древнихъ лѣтописяхъ высшій Минскъ именуется Менескомъ и Менскимъ. Такъ, въ духовной Мономаха читается: «на ту осень влохомъ съ Черниговомъ и съ Половничемъ Чинисичи къ *Менску*» (стр. 36, 37, 42, 43). Въ Псковскій лѣтописецъ (1519 года) сказано: «и воеводы наши воевали по Вильну, Логоскѣ, *Менескѣ*, Молодечу, Брезвечи, Радошковичи, Борисово.» Сравн. Никои. лѣтоп. 223.

историковъ. Вѣроятно, до появленія, на мѣстѣ нынѣшняго Минска, города, по обыкновенію славянъ, сначала былъ построенъ только замокъ или острогъ, и именно на берегахъ Свислочи, можетъ быть близъ мельницы знахаря, потому что сохранившіеся до настоящаго времени замоковые валы или окопы Замчища находятся дѣйствительно близъ того мѣста, гдѣ преданіе назначаетъ оселнице знахаря Менеска. Начало же Минска, какъ сформированнаго и устроеннаго селенія должно относить по крайней мѣрѣ къ X вѣку, потому что въ самомъ началѣ XI уже упоминается о немъ, какъ владѣльскомъ городѣ Полоцкаго княжества, которымъ до 1067 года⁽⁹⁷⁾ управлялъ князь Всеславъ, внукъ Изяслава Владиміровича, сына Рогіѣлы, получившаго отъ отца Изяславль (нынѣ Заславль, деревня Минской губерніи, см. гл. X). Въ концѣ XI вѣка, именно въ 1067 году, Минскъ, сдѣлавшись достояніемъ сыновей Ярослава Великаго Изяслава и Всеволода, убившихъ Всеслава, а дѣтей и женъ его забравшихъ въ плѣнъ, отпадаетъ отъ Полоцкаго княжества и къ началу XII вѣка является столичнымъ городомъ отдѣльнаго Минскаго княжества⁽⁹⁸⁾. Тутъ уже говорится въ лѣтописяхъ о самостоятельныхъ минскихъ князьяхъ, въ 1102 году о князѣ Борисѣ Всеволодовичѣ, а отъ 1113 до 1123 года о князѣ Глѣбѣ Всеславичѣ⁽⁹⁹⁾. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что вслѣдствіи отстаивалъ права своего минскаго удѣла и не хотѣлъ подчиниться Владиміру Мономаху, который, какъ извѣстно, предпринявъ возстановить введенную Ярославомъ Первымъ систему господства въ одномъ родѣ, съ правомъ старшему быть главою, и на этомъ основаніи утвердить великокняжескую власть надъ Русью за своимъ родомъ, какъ старшимъ, пользуясь смутами и раздорами родственныхъ князей, старался присоединять ихъ княжества къ своему и въ томъ числѣ хотѣлъ подчинить себѣ и Минское княжество. Такъ какъ Глѣбъ Всеславичъ не согласился подчиниться Мономаху и рѣшился воевать съ нимъ, то Мономахъ поступилъ съ нимъ, какъ съ мятежнымъ княземъ, осадилъ и взялъ приступомъ Минскъ, а Глѣба объявилъ своимъ плѣнникомъ; такимъ образомъ Минскъ опять потерялъ значеніе самостоятельнаго города и вошелъ въ составъ мономаховой монархіи. Впрочемъ, со смертію Юрья Долгорукаго, послѣдняго исполнителя воли Мономаха, поддерживавшаго установленную Мономахомъ систему соединенія русскихъ княжествъ въ одно цѣлое

властью великаго князя, вслѣдствіе разрыва общаго союза княжествъ, Минскъ опять является столицей отдѣльнаго, независимаго Минскаго княжества, изъ князей котораго прославился войнами съ литовскими князьями въ 1158 и 1159 годахъ Володаръ Глѣбовичъ, изъ рода Всеслава Полоцкаго⁽¹⁰⁰⁾. По смерти его, литовскіе князья, пользуясь ослабленіемъ Восточной Руси по случаю нашествія монголовъ, завладѣли нѣкоторыми княжествами Западной Руси, въ томъ числѣ Минскимъ княжествомъ, и вотъ въ 1180 году Минскъ становится достояніемъ Литвы. Въ литовское правленіе онъ не разъ былъ грабимъ и опустошаемъ татарами, особенно вторгшимися въ Западную Россію подъ предводительствомъ Койдана II, который, ожесточенный страшнымъ пораженіемъ брата своего Койдана I Миндовгома въ 1149 году подъ Крутогорьемъ (нынѣшнимъ Койдановымъ, см. выше это мѣстечко, гл. VII), ворвался въ 1184 году въ окрестности Минска и выместилъ вражду свою къ литовскимъ князьямъ на невинномъ русскомъ городѣ самымъ нечеловѣческимъ образомъ, изрубивъ нѣсколько тысячъ жителей на части и въ томъ числѣ утопивъ въ Свислочи дѣтей ихъ⁽¹⁰¹⁾. Въ 1320 году, въ новгородской лѣтописи упоминается о минскомъ князѣ Федорѣ Святославичѣ, котораго Карамзинъ считаетъ потомкомъ Владиміра Великаго изъ дому Изяслава, сына Рогіѣды⁽¹⁰²⁾. Этотъ князь пользовался расположеніемъ Гедимина и, кажется, былъ послѣдній изъ русскихъ въ Минскѣ князей. Въ 1408 году упоминается о минскомъ князѣ литовскаго племени Урустаѣ, который, впрочемъ, въ томъ же году былъ вытѣсненъ изъ Минска Наримунтомъ, княземъ минскимъ, мозырскимъ и вольнскимъ и потомъ, преслѣдуемый родственникомъ своимъ Свидригайломъ, бѣжалъ въ Москву⁽¹⁰³⁾. Между тѣмъ, въ 1431 году, Свидригайло, враждуя съ Ягелломъ за то, что онъ внушилъ мысль литовцамъ избрать вмѣсто его (Свидригайла) Сигизмунда, брата витовтова, подкрѣпленный помощью русскихъ князей, тверскаго Бориса Александровича и брата его Ярослава, нагрянулъ въ литовскія владѣнія, измѣнившія ему въ присягѣ, и потомъ, проходя черезъ Заславль и Минскъ, потребовалъ отъ этихъ городовъ вѣрноподанической присяги; но такъ какъ ни тотъ, ни другой не признали его своимъ княземъ, то онъ разорилъ ихъ, а жителей замучилъ насильственною смертію. Въ концѣ XVI вѣка Минскъ сильно пострадалъ отъ моровой язвы и набѣговъ переконскихъ татаръ. Въ 1505 году они

⁽⁹⁷⁾ Печата. Песторж, стр. 61; Карамз., И. Р. Г. изд. Эйнера. Т. I, гл. IV, стр. 42; Narbut, т. III, Str. 328; Letopis Daniłowicza, Str. 117.

⁽⁹⁸⁾ Narbut, т. III, Str. 328.

⁽⁹⁹⁾ Карамз., т. II, стр. 92; Narbut, т. III, Str. 271, 276; Letopis Daniłowicza, Str. 122.

⁽¹⁰⁰⁾ Карам. Т. II, стр. 171; Narbut, Т. III, стр. 295.

⁽¹⁰¹⁾ Pomniki do dziejow Litwy, str. 6, § 9.

⁽¹⁰²⁾ Карамз., Т. IV, стр. 132, прим. 280.

⁽¹⁰³⁾ Narbut, Т. VI, стр. 110.

исполнили Свислочь кровью минчанъ, за что, впрочемъ, достойно наказаны были въ 1506 году страшнымъ пораженіемъ подъ Клецкомъ близъ Темнаго озера⁽¹⁰⁴⁾. Слѣдующіе годы XVI вѣка принесли Минску печальную вѣсть о польскомъ владычествѣ и окончательномъ введеніи униатскаго раскола, начало которому положили иезуиты въ минскомъ краѣ еще въ концѣ XV вѣка (1460 и слѣд. годахъ).

Находясь подъ игомъ польской власти, Минскъ мало по малу терялъ права и значеніе древне-русскаго города, такъ-что въ началѣ XVII вѣка онъ уже является *ополяченнымъ* и *униатскимъ* городомъ. Фанатизмъ иезуитовъ дѣйствовалъ враждебно противъ всего, что только могло напомнить въ Минскѣ о древнемъ кривичскомъ, русскомъ началѣ. По внушенію этихъ фанатиковъ, въ 1619 году права русское и литовско-русское замѣнены *магдебургскимъ*⁽¹⁰⁵⁾. Въ Минскѣ явились чуждые духу древне-русскаго правленія и гражданской судебной организаціи — разные воеводы, старосты, наместники, войты, бурмистры и лентвойты⁽¹⁰⁶⁾. Они завели какіе-то суды и уряды *каденціальные*, *экстракаденціальные*, суды *на-рочкажъ*, городскіе сеймы и сеймики, на которые собирались не столько для дѣла, сколько для поддержанія польскаго *гонору*. А иезуиты радовались и изъ всякаго дѣйствія судей и урядниковъ извлекали для себя самую существенную пользу — деньги, и тѣмъ содѣйствовали возвышенію своего ордена. Не вслѣдствіе ли такого *возвышенія* поселились они въ 1657 году на *Высокомъ* Рынкѣ въ богатомъ монастырѣ, въ которомъ, при содѣйствіи совратившагося въ римское католичество смоленскаго епископа Иеронима Сангушки, въ 1682 году устроили *пропаганду* для водворенія католицизма и уничтоженія православія въ Минскѣ посредствомъ уни⁽¹⁰⁷⁾?... Чтобъ совершенно изгладить въ Минскѣ элементъ русскій, они задумали было ввести между православными минчанами новыи (грегоріанскіи) календарь. Къ счастью православныхъ минчанъ, обратившихся съ жалобой къ Сигизмунду III на такія притѣсненія иезуитовъ, сиравадлинскій король грамотою запретилъ «принуждать людей города Минска русскимъ закону греческаго» къ принятію новаго календаря⁽¹⁰⁸⁾. До какой степени опасно и гибельно было поселеніе иезуи-

товъ въ Минскѣ, это доказывается тѣмъ, что въ теченіе полвѣка они усѣли самыя древнія кривичско-русскія фамиліи — Санѣгъ, Тышкевичей, Горватовъ, Слушекъ, Черторижскихъ, Волловичей, Хребтовичей, Тукальскихъ, Семявъ, Сангушекъ, Огнискіихъ, Полубенскихъ, Зубокъ, Щербаковъ, Шинекъ, Артемовичей и др., сначала совратить въ униатскій расколъ, а потомъ въ панское католичество, и при вліяніи этихъ совратенныхъ уничтожили древне-русскія церкви или по крайней мѣрѣ превратили ихъ въ польско-католическія или же униатскія. И вотъ въ началѣ XVII вѣка, вмѣсто многочисленныхъ древне-русскихъ православныхъ храмовъ, разныхъ богоугодныхъ заведеній и училищъ, въ Минскѣ стали являться одинъ за другимъ храмы польско-католическіе. Въ 1615 году, на отпущенную стольникомъ великаго княжества литовскаго, рѣчицкимъ старостой, Петромъ Тышкевичемъ сумму, построенъ богатый каменный доминиканскій костелъ и монастырь, отъ которыхъ получила названіе нынѣшня Доминиканская улица. Въ 1628 построенъ монастырь и костелъ Бернардиновъ: отсюда явилась Бернардинская улица. Въ 1633 году виленскій капопикъ Войцѣхъ Селыва основалъ монастырь Бенедиктинскъ. Вслѣдствіи явились еще костелы и монастыри Кармелитовъ, Рохитовъ, Маріавитокъ и др. А между тѣмъ до XVII вѣка въ Минскѣ былъ только одинъ римско-католическій костелъ *катедра* (соборъ), построенный въ 1390 году Владиславомъ Ягелломъ; всѣ же прочіе храмы были *старожитное греческое вѣры и закону*, какъ видно изъ древнихъ актовъ и грамотъ Минской губерніи. Въ нихъ упоминается о тринадцати православныхъ церквяхъ: 1) о *Рождествобогородичной* близъ рѣки Немиги, у городского зѣмка, построенной Янушемъ Радзивилломъ на собственной его землѣ; при этой церкви были монастырь и училище для малолѣтнихъ⁽¹⁰⁹⁾; 2) *Пречистенской*, при которой существовалъ госпиталь⁽¹¹⁰⁾; 3) *Козьмодемьяновской*, построенной неподалеку Рождествобогородичной, на нынѣшнемъ Низкомъ Рынкѣ; при ней было училище⁽¹¹¹⁾; 4) *Петропавловской* и при ней монастырь того же имени, построенныхъ усердіемъ знатныхъ дворянъ и мѣщанъ минскихъ; при монастырѣ были: школа, госпиталь, богадѣльня и типографія⁽¹¹²⁾; 5) *Воскресенской*, которой принадлежалъ хуторъ съ землями и сѣнокосами близъ Минска между рѣками Свислочью и Слѣшиною, пожерт-

⁽¹⁰⁴⁾ См. выше выноску 27.

⁽¹⁰⁵⁾ «Сборникъ» Музейн., стр. 95; Виленск. Грам., Ч. I, стр. 5; Акты Минск. губ., № 67, 83.

⁽¹⁰⁶⁾ Соб. др. гр. и акт. Мин. губ., №№ 40, 58, 59, 66, 67, 76, 83, 85 и 87.

⁽¹⁰⁷⁾ Historia et origo residentiae Minscensis Societatis Iesu. 1757 an.

⁽¹⁰⁸⁾ Собр. др. грам. и акт. Мин. губ., № 61.

⁽¹⁰⁹⁾ Собрание древ. грам. и акт. Мин. губ., №№ 48, 72, 74, 75 и 123.

⁽¹¹⁰⁾ Тамъ же, №№ 123, 116.

⁽¹¹¹⁾ Тамъ же, №№ 48, 62 и 102. Въ актѣ подъ № 63 упоминается также о Козьмодемьяновской горѣ.

⁽¹¹²⁾ Тамъ же, №№ 51, 62, 65, 69, 83, 106, 118, 121 и 123.

зованный Варушей Едуковною ⁽¹¹³⁾; 6) Троицкой и при ней госпиталь того же имени ⁽¹¹⁴⁾; 7) Новорождествобогородичной в Немизской улицѣ, построенной вмѣсто сгорѣвшей старой Рождествобогородичной ⁽¹¹⁵⁾; 8) о церкви и монастырѣ Никольскихъ на Татарскомъ Концѣ, при которыхъ былъ митрополичій дворъ ⁽¹¹⁶⁾; 9) Преображенской, построенной княгиней Соломерецкою, урожденною Корсакъ, и того же имени богадѣльнѣ со школою для дѣвицъ, учрежденной ея дочерью ⁽¹¹⁷⁾; 10) Пятницкой, находившейся близъ Никольской, на Татарскомъ Концѣ, отъ которой получила названіе Пятницкая улица ⁽¹¹⁸⁾; 11) Святодуховской и при ней: того же имени монастырѣ, госпиталѣ, богадѣльнѣ и семинаріи ⁽¹¹⁹⁾; 12) Вознесенской церкви и при ней большемъ монастырѣ, въ пользу котораго пожертвовано было королевою Еленою, супругою Александра Ягеллончика, двѣ Тростенецъ ⁽¹²⁰⁾ и 13) церкви во имя Св. Евфросиніи ⁽¹²¹⁾.

Со введеніемъ униі, всѣ эти церкви превращены въ униатскія — базилианскія: не униатскимъ оставался одинъ только Петропавловскій монастырь и при немъ церковь того же имени. Но и общество одной этой церкви умѣло сохранить свою родную вѣру невредимо среди униатскаго раскола: въ грамотѣ 1635 года, данной православнымъ кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою на имя мнискаго Петропавловскаго монастыря, настоярь этотъ изъясляетъ особенную свою радость по поводу лично замѣченной имъ въ Минскѣ великой ревности къ старому восточному благочестію со стороны обывателей какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія ⁽¹²²⁾. Промыслу угодно было сохранить въ Минскѣ православіе. Выше (см. гл. VIII, описаніе Минской губерніи) я замѣтилъ, что Братства усердно заботились о поддержаніи въ Минскѣ старожитной греческой вѣры: это же самое повторяю и здѣсь; и кромѣ того, замѣчу, что и униаты (т. е. бывшіе православные), хотя нѣкоторымъ образомъ отдѣлились отъ православной церкви, но все-таки чуждались папскаго католичества и старались поддерживать униатство и униатскія церкви, но не папизмъ и не римскокатолическіе храмы, а при первыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ тотчасъ обратились къ

⁽¹¹³⁾ Тамъ же, М. М. 83 и 93.
⁽¹¹⁴⁾ Тамъ же, М. М. 83 и 95.
⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, М. М. 53, 74 и 83.
⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, М. М. 90, 101 и 128.
⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, М. М. 143.
⁽¹¹⁸⁾ Тамъ же, М. М. 28 и 128.
⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, М. М. 58, 101, 103 и 143.
⁽¹²⁰⁾ Тамъ же, М. М. 8, 9, 28, 49, 58, 85 и 99.
⁽¹²¹⁾ Тамъ же, М. М. 163.
⁽¹²²⁾ Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., М. 98.

прежней родной своей греческой вѣрѣ и отказались отъ всего чуждаго, зашедшаго къ нимъ вслѣдствіе насилій іезуито-католическаго фанатизма. Эти же самые униаты готовы были бы и раньше оставить униатство, еслибы нашли какую нибудь опору въ правительствѣ; но правительствомъ ихъ въ то время была польская рѣчь — посполитая, заботившаяся о распространеніи папскаго католичества въ захваченныхъ у Россіи земляхъ. Что минскіе униаты готовы были во всякое время, при первомъ удобномъ случаѣ, отказаться отъ униі, доказательствомъ того служатъ послѣдствія пребыванія въ Минскѣ въ 1635 году митрополита Петра Могилы. Лишь только онъ обратился съ рѣчью къ минскимъ униатамъ и напомнилъ о ихъ заблужденіи, многіе изъ нихъ въ тотъ же день возвратились въ православіе и потомъ съ ожесточеніемъ преслѣдовали тѣхъ, которые не хотѣли послѣдовать ихъ примѣру ⁽¹²³⁾.

Но въ то время, какъ жители Минска испытывали неприятели отъ польскаго религіознаго фанатизма, самый Минскъ-городъ значительно расширился, обновлялся и украшался новыми зданіями: вообще значительно улучшился послѣ татарскихъ грабежей и опустошеній. Правительство польское обратило вниманіе на очищеніе площадей, устройство общественныхъ заведеній и занялось выдачею купеческихъ привилегій и приведеніемъ въ надлежащую точность городскихъ податей и сборовъ. Ко времени польскаго владычества относятся зданія Новаго Рынка, мостовыя Высокаго Рынка и нѣсколько мостовъ и мельницъ на Свислочи. Только, къ несчастію Минска, эти улучшенія и постройки подвергались новымъ опустошеніямъ и грабежамъ. Въ 1655 году въ Минскѣ прикочевали дикія племена калмыковъ и, вслѣдствіе нападенія на нихъ городского гарнизона, съ ожесточеніемъ грабили храмы, дома и вырѣзали нѣсколько тысячъ жителей. Въ 1701 году, чрезъ Минскъ, проходили саксонскія войска и значительно опустошили Троицкое, Татарское и Лиховское предмѣстья; то же сдѣлали бы они и въ 1706 году, но въ это время подошли въ Минскъ русскія войска и, пробивъ тамъ съ марта до сентября, не допустили саксонцевъ къ вторичнымъ опустошеніямъ. Въ этомъ же году Минскъ оочастивленъ былъ пребываніемъ въ немъ Петра Великаго, который прожилъ здѣсь нѣсколько дней и дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ на площади Высокаго Рынка. По просьбѣ Мазепы, Петръ Великій посѣтилъ монастырь іезуитовъ, которые, благовременно расположивъ въ свою пользу гетмана, осмѣлились просить себѣ позволенія у Великаго Монарха поселиться въ новой русской столицѣ, но въ от-

⁽¹²³⁾ Тамъ же, М. М. 99.

вѣтъ получили отказъ ⁽¹¹¹⁾. По выходѣ русскихъ, пришли въ Минскъ шведы и Карлъ XII наложилъ страшную контрибуцію на городъ: войска безпощадно грабили и жгли храмы и дома, убивали и давили жителей, такъ-что послѣ перехода шведскаго Минскъ превратился въ развалины. Уже по окончаніи шведской войны, Минскъ нѣсколько оправился и, наконецъ, войдя въ составъ родной русской монархіи, въ царствованіе Екатерины Великой принялъ видъ благоустроеннаго города.

Тутъ слѣдовало бы упомянуть о событіяхъ 1812 года, свидѣлемъ которыхъ былъ Минскъ. Но такъ какъ объ этихъ же событіяхъ придется говорить при описаніи Борисова, то, для избѣжанія повтореній, рассказъ о нихъ отнесу къ статьѣ о Борисовѣ.

Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ городомъ Минской губерніи и имѣетъ 23,560 жителей. Теперь можно полюбоваться этимъ городомъ: такъ красивъ онъ сдѣлался въ послѣдніе годы. Въ немъ протекаетъ рѣка Свислочь, принимающая въ свои устья нѣсколько маленькихъ рѣчекъ (Червицу, Сѣвню, Крупку, Янушку), притоковъ и озеръ. Свислочь рѣка небольшая и не очень широкая, но мѣстами довольно глубокая и извилиста до безконечности. Начало свое она беретъ близъ деревни Шановалы и на пространствѣ 220 верстъ протекаетъ чрезъ уѣзды минскій, игуменскій и частью обруйскій; а при мѣстечкѣ Свислочи впадаетъ, съ правой стороны, въ Березину. Въ самомъ Минскѣ Свислочь довольно медка, особенно близъ такъ называемой Плебанской мельницы у Новаго моста, ведущаго къ саду съ Троицкой Горы; несмотря на то, на ней въ городѣ устроено пять мельницъ. Въ минскомъ и игуменскомъ уѣздахъ, на ней много переправъ посредствомъ паромовъ: въ этихъ мѣстахъ она очень глубока и течетъ быстро, такъ-что нерѣдко несомъ мосты. При имени Свислочи невольно припоминаю себѣ несчастный случай, постигшій на этой рѣкѣ бывшего минскаго губернскаго предводителя дворянства, командора Мальтійскаго ордена г. Ошторпа: во время проѣзда его съ дочерью, въ замужствѣ госпожею Сѣножентскою, чрезъ мостъ безъ перилъ близъ Дукоры (мѣстечко игуменскаго уѣзда), лошади чего-то испугались и съ разгономъ бросились съ экипажемъ въ рѣку. Дочь спаслась, но бѣдный командоръ захлебнулся водою и тутъ же скончался... Свислочь богата рыбою, особенно сомами, осетрами и бѣлугою; въ ней водятся также бобры, особенно въ игуменскомъ уѣздѣ (см. дальше, село Омельно). Въ-прежнія времена, говорятъ, много водилось бобровъ въ Свислочи, такъ-что промыслъ ими давалъ значительный доходъ

⁽¹¹¹⁾ Historia et origo residentiae Minscensis Societatis Iesu, 1757 an.

минскимъ мѣщанамъ: въ грамотѣ королевы Елены упоминается о *бобровыхъ гонгахъ* ⁽¹¹²⁾ въ Свислочи близъ Тростенца, нынѣ деревни г. Чекотовскаго, лежащей между Ляховскимъ предмѣстьемъ и хуторомъ Кистера; кой-гдѣ и теперь встрѣчаются тамъ бобры. Кромѣ Свислочи, Минскъ или его предмѣстья орошаютъ рѣчки: Крупка, на которой построена большая мельница, и которая (рѣчка) славится довольно крупными выюнами и сѣро-нестрыми змѣями; Сѣвня, рядомъ съ Крупкою текущая по направленію къ виленской почтовой дорогѣ; и такъ называемое *Плебанское озеро*: о двухъ послѣднихъ упоминается въ древнихъ грамотахъ Минской губерніи, какъ принадлежностейъ монастырскихъ имѣній ⁽¹¹³⁾. Есть еще озеро близъ хутора Кистера.

Заглянемъ теперь въ самый городъ.

Для соблюденія порядка въ описаніи мѣстностей города, я дѣлю свой обзоръ Минска на три части по числу главныхъ пунктовъ города: Низкаго-Рынка или Старога-Города, Высокаго-Рынка и Новаго-Рынка или Новаго-Мѣста.

Начну съ Низкаго-Рынка, какъ первоначальнаго оселища древняго Минска, изъ котораго впоследствии образовался новый, болѣе изящный городъ, а древній, по обыкновенію, оставленъ безъ возобновленія, безъ измѣненія плана улицъ, какъ бы для того, чтобъ доставить потомству возможность сравнить Новый-Городъ съ древнимъ. Извѣстно, что всѣ древніе города имѣли такую судьбу, т. е. съ увеличеніемъ числа жителей; рядомъ съ древнимъ, болѣею частью деревяннымъ, строился каменный городъ; о старомъ забывали, обращали его въ предмѣстье и даже иногда совѣмъ уничтожали, оставляли только окопы, валы и замчица, а все вниманіе обращали на новый. Проходили годы, цѣлые вѣка, новый городъ расширялся, украшался; о старомъ сохранялось только воспоминаніе или народное преданіе, на основаніи какихъ нибудь археологическихъ памятниковъ. Точно также случилось и съ Минскомъ. Старый Минскъ остался безъ расширенія и улучшенія и сохранилъ только воспоминаніе и преданіе о своихъ древностяхъ. Что Низкій-

⁽¹¹²⁾ Собр. др. грам. и акт. Мин. губ., № 4.

⁽¹¹³⁾ Тамъ же, №№ 66, 68, 69 и 83. Въ этомъ же «Собраніи грамотъ» упоминается о какомъ-то озерѣ *Глуцецкѣ* близъ *Ужвинскаго моста* «подъ местомъ Менскомъ при дорогѣ Старой Виленской». (№ 90).

Рынокъ действительно составляетъ пунктъ древняго и при томъ очень древняго города, это доказывается тѣмъ, что еще въ началѣ XVII вѣка, именно въ 1620 и 1626 году, онъ назывался *Старымъ-Рынкомъ*, какъ это видно изъ актовъ Минской губерніи, въ которыхъ определяется даже его мѣстность указаніемъ зданій и сосѣдней рѣчки Славни (¹¹⁷). А кромѣ того, народъ до сихъ поръ называетъ Низкій-Рынокъ, съ причисленіемъ къ нему Троицкой Горы, Татарскаго Конца и Раковского предмѣстья, *Старымъ Мѣстомъ*, т. е. старымъ городомъ и имѣетъ несомнѣнныя данныя для такого названія и подтвержденія преданій о немъ. Самымъ лучшимъ даннымъ служатъ старинныя окопы или остатки валовъ въ центрѣ нынѣшняго Низкаго-Рынка, надъ рѣкою Свислочью между Татарскимъ Концомъ и Троицкою Горой. Остатки этихъ валовъ до сихъ поръ известны въ устахъ народа минскаго подъ именемъ *Замчища*, по преданію, что на этомъ мѣстѣ, именно гдѣ теперь находится большой каменный домъ, или такъ называемая *Каменица* княгини Любомирской и потомъ Чоголокова, стоялъ замокъ, укрѣпленный шанцами, валами и каналомъ, соединявшимъ нѣкогда Свислочь съ *Немигою*, нынѣ уже не существующею. Когда, кѣмъ и изъ какого матеріала построенъ былъ этотъ замокъ, древнѣйшія лѣтописи не говорятъ; известно только, что въ Минскѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по сю пору сохранилось замчище, былъ замокъ. Уже историкъ XVI вѣка Гвагницъ говоритъ, что въ его время въ Минскѣ существовалъ очень древній, деревянный замокъ, укрѣпленный при устьѣ рѣки Немиги и окруженный болотомъ (¹¹⁸). Безъ сомнѣнія, если не этотъ самый, такъ, можетъ быть, другой, до него былъ замокъ на нынѣшнемъ Замчищѣ; но во всякомъ случаѣ начало минскаго замка, положимъ даже того, о которомъ свидѣтельствуетъ Гвагницъ, нужно относить къ XV или XIV, а можетъ быть и XIII, потому что самъ же Гвагницъ называетъ его древнимъ по отношенію къ XVI вѣку; равно и акты Минской губерніи 1513 года упоминаютъ о замкѣ, какъ существовавшемъ уже въ то время въ Минскѣ съ древнихъ временъ, имѣвшемъ свою особую церковь (во имя Рождества Пресв. Богородицы) съ чудотворнымъ образомъ Богоматери, свое Правленіе, Урядный дворъ, и пользовавшимся *митомъ*

(¹¹⁷) Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., № 83, стр. 151, и № 163, стр. 380.

(¹¹⁸) Gwagn. Chron. Sarmatiae. Въ развалинахъ минскаго замка найдена фигура пастыря Фаузага, оглозанная отъ главной группы, изображающей Римскую солдату, коринѣцу основателя Рима — Ромула и Рема, которая отыскана въ Вильнѣ, на *Замковой-горѣ*, въ старинномъ погребѣ, подъ развалинами католической церкви во имя св. Маргариты, построенной во время Владислава Ягеллы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло прежде древнее языческое капище. (Съв. Пчела, 1854 г. № 50, фельетонъ).

или сборами съ городскихъ земель и окрестныхъ усадебъ, известными подъ именами: серебрящины, ординщины, военщины, коляды, волочебнаго, кашцины и куничнаго (¹¹⁹). Судя потому, что это мѣсто называлось *Государственнымъ доходомъ* (¹²⁰), нельзя думать, чтобы оно было пороженіемъ введеннаго въ то время въ Минскъ магдебургскаго права или польской администраціи; безъ сомнѣнія, это памятникъ русскаго права, сохранявшійся въ минскомъ краѣ, какъ древно-кривичской землѣ, со временъ русскихъ князей, именуемыхъ въ грамотахъ государями или осударями-князьями. Впрочемъ, народное преданіе не ограничивается свидѣтельствомъ объ одномъ замкѣ; оно говоритъ, что въ Минскѣ было два замка, и что одинъ изъ нихъ былъ каменный, но гдѣ именно, не указываетъ мѣста. О существованіи въ Минскѣ другого замка свидѣлствуютъ польскіе ученые Балинскій и Линицкій (¹²¹), говоря, что въ Минскѣ съ давнихъ временъ былъ красивый замокъ при устьѣ рѣки Песники (т. е. Немиги), котораго валы и окопы сохранились до настоящаго времени; а возлѣ него былъ когда-то другой малый, но о немъ сохранилось только воспоминаніе въ устахъ народа *Хлѣбодовъ* его нѣтъ. Который изъ этихъ двухъ замковъ цитируется у Гвагницна, для насъ все равно, — очевидно однако, тотъ, который, по словамъ Балинскаго и Лининскаго, былъ при устьѣ рѣки Немиги, потому что и Гвагницъ полагаетъ его въ этомъ мѣстѣ; для насъ довольно знать, что онъ существовалъ въ Минскѣ съ очень древнихъ поръ и вѣроятно построенъ какимъ нибудь древнимъ русскимъ княземъ и сохранялъ въ себѣ слѣды русскаго права во время польскаго господствованія въ Западной Руси, до водворенія въ Минскѣ разныхъ старостъ, воеводъ и намѣстниковъ... Съ поселеніемъ этихъ властей въ Минскѣ и помѣщеніемъ въ минскомъ замкѣ Судебнаго трибунала, въ которомъ стали производиться и рѣшаться дѣла по магдебургскому праву, замокъ былъ свидѣтелемъ новаго судопроизводства, вслѣдствіе котораго родились разныя привилегіи и акты въ духѣ польскомъ (¹²²): одно только, что еще давало право замку называться русскимъ — это то, что привилегіи и акты, конфирмованные въ трибуналѣ минскаго замка, писаны были на древне-русскомъ или бѣлорусскомъ языкѣ (см. выше, гл. VIII). Впрочемъ, недолго замокъ былъ мѣстомъ судовъ польскихъ: въ концѣ XVII вѣка онъ сталъ приходить въ ветхость, а пожаръ въ 1778 году совершенно прекратилъ его существованіе, такъ-что съ тѣхъ поръ онъ уже не

(¹¹⁹) Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., №№ 3, 10, 38, 102, 142 и 150.

(¹²⁰) Тамъ же, № 40, стр. 66, и № 12, стр. 12.

(¹²¹) Starożytna Polska, т. III, Str. 813—814.

(¹²²) Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., №№ 62, 67, 85 и 154.

быть возобновляемъ и на валахъ его долго оставались развалины древняго зданія, безъ всякаго сожалѣнія о нихъ жителей города, пока, наконецъ, жида растаскали полусторѣвшія бревна, почернѣвшіе камни и кирпичъ. Въ послѣдствіи, какъ бы въ воспоминаніе существованія древняго замка, близъ его Замчица построена большая *каменица*, которая существуетъ и до сихъ поръ. Прямо противъ Замчица, за Свислочью, между татарскими сѣнокосами и Пересною красуется довольно щегольской хуторъ *Людимонтъ*, принадлежашій г. Треберту. Въ память замка сохранилось названіе улицы *Замковой*: она идетъ отъ Свислочи мимо Низкаго-Рынка и, перерѣзывая улицу Раковскую у еврейской школы, упирается въ подношю горы Высокаго-Рынка и тѣмъ какъ бы указываетъ границы стараго города. Улица эта довольно грязная и населена большею частью цеховыми мѣщанами, какъ бы въ воспоминаніе правъ древняго Минска, изданныхъ въ замкѣ; есть здѣсь и жида мелкіе торгаша; они имѣютъ кой-какія лавочки, наполненныя горшками, деревянною посудой, козьимъ сыромъ, масломъ, молокомъ и дегтемъ: не удивляйтесь — въ нѣкоторыхъ лавочкахъ все это вмѣстѣ продается. Близъ Замковой улицы есть такъ называемый *Смачный-Кутокъ* (Вкусный уголь), нѣчто въ родѣ *обжорнаго рѣда*, гдѣ за пять копѣекъ серебромъ угощаютъ *крупникомъ* (супомъ изъ крупъ) и кускомъ говядины, также *колдунами* (пирменями) и воловьею пшенкою.

Къ памятникамъ старины Низкаго-Рынка, т. е. древняго Минска, относится *Немизская* улица, получившая свое названіе отъ ибь когда существовавшей въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ рѣки Немиги, о которой упоминается въ послѣдній разъ въ актахъ XVII вѣка (122). По какимъ-то тайнамъ природы, русло этой рѣки высохло и въ настоящее время напоминаетъ о себѣ иногда весною, во время тайнаго снѣгу и большихъ дождей. Я помню, какъ не разъ мнѣ сагттому приходилось видѣть Немигу, появляющуюся въ Немизской улицѣ на нѣсколько дней и потомъ опять исчезающую: начинала отъ Фелиціанской и Романовской улицъ, вдоль Рыбнаго-рынка образуется быстрый протокъ и уносить свои воды въ Свислочь близъ

(122) Собр. др. гр. и акт. Мин. губ., Л. М. 74, 75 и 83. Кроме того въ древнихъ грамотахъ упоминается о самой рѣкѣ Немигѣ: въ лѣто 6574 заратисилъ Всеславъ, сынъ Брячиславичъ, Полоцкѣ и зая Новгородѣ; Ярославичи же триѣ, Милславъ, Самтославъ, Всеволодъ, совокупише вои, млоша на Всеслава, зинѣ сущи велицѣ. И придоша ко Минску и Мѣниче затворишася въ градъ; си же братья взята Мѣнескъ и сѣвоша мужъ, а жены и дѣти влаша на шаты и поибрѣта въ Немизю, и Всеславъ поиде прогнву. И совокупишася обои на Немизю, лѣта марта въ 3-й день и бысть сѣча вла. (Лавр. лѣт. стр. 72, изд. Археогр. Комиссія).

Замчица. Такъ какъ протокъ этотъ бываетъ иногда довольно большой, то для переправы чрезъ него устраиваются мостки: впрочемъ, быстрая вода сноситъ мостки въ тотъ же день, какъ ихъ устроить, и тогда приходится переѣзжать въ наемныхъ извозчиковъ тележкахъ (въ родѣ вѣнскихъ *Zeiselwagen*) такъ называемыхъ *герцумероликовъ-жидовъ*, налетающихъ къ берегамъ *Новой Немиги* въ безчисленномъ количествѣ и собирающихъ съ сѣдоковъ копѣйки за перевозъ.

Что же такое Низкій-Рынокъ въ старомъ Минскѣ? Подъ именемъ Низкаго-Рынка разумѣется собственно небольшая квадратная, грязная, никогда не высыхающая (потому что здѣсь прежде были болота, и теперь они просачиваются на поверхность площади, несмотря на то, что площадь вымощена камнемъ) площадь, обрамленная безчисленными шканиками, т. е. лавочками, составляющими четыре сплошныя стѣнки съ нѣсколькими входами; шканики эти, на нѣкоторомъ разстояніи отъ своего основанія, покрыты жестяною крышею, прикрѣпленною къ столбикамъ и периламъ. Это минскій базаръ. На шканикахъ возсѣдаютъ разныя торговки и торговцы съ съѣстными припасами: на первомъ планѣ, прямо противъ Бернадинской улицы увидите нѣсколько жидовокъ, торгующихъ сбитнемъ, но сбитнемъ бѢлорусскимъ, минскимъ, приготовляемымъ изъ березовыхъ листьевъ, аеру, липоваго цвѣта и патоки; сбитень кипятится въ огромныхъ, не очень красивыхъ самоварахъ и разливается въ чашки съ блюдечками. Рядомъ со сбитенницами располагаются булочницы, или правильнѣе *пекарки*, съ баранками постными и масляными (на яйцахъ), *ситницами* (кислосладкій хлѣбъ), кренделями, булками, сухарями и *куханами* (особаго сорта бѣлый хлѣбъ на подобіе блиновъ), всѣхъ возможныхъ сортовъ: съ коровьимъ масломъ, тминомъ, чериушкою, постнымъ масломъ и даже съ лукомъ. На второмъ планѣ, противъ моста, найдете разныя крупы и соль, дальше — копченое свиное сало, *здоръ* (свиная плева съ жиромъ, употребляемымъ между простонародьемъ вмѣсто коровьяго масла), ветчину, колбасы (очень вкусныя, замѣчу мимоходомъ), *салъцесоны* и битую дичь. Третья стѣнка базара, что противъ жидовскихъ трактировъ, вся завалена коробками и мѣшками съ разною мукою, солью и чернымъ хлѣбомъ. Наконецъ, съ четвертой стороны, шканики базара заставлены боченками съ селедками и селедочною ухоею (оселедцовая юшка — жидовское лакомство); большая часть селедокъ изрѣзана на мелкіе кусочки, которые пролаются по грошамъ; возлѣ селедокъ, на деревянныхъ кружкахъ валяются ломти сыра и жареной рыбы; по сосѣдству съ ними въ коробочкахъ прикрыты горячіе пирожки съ вареньемъ, ватрушки,

товкачки (гречневья булочки) и *картофляшки* (пирожки изъ картофеля съ макомъ). Но сказанное мною доселѣ относится только къ шкапикамъ или стѣнкамъ базара; внутренность же базара имѣетъ свою физиономію. Вся внутренняя площадка наполнена безчисленными, разнородными скамейками, скамеечками, стульями, столами, корзинками и клѣтками, которыми завѣдываютъ исключительно жидовки (но не жида). Прежде всего бросаются въ глаза ряды скамеекъ съ *ночками* (деревянные желобы), наполненными яйцами, орѣхами и лукомъ; дальше—клѣтки и корзинки съ курами и цыплятами, гусями и индюшками. Наконецъ слѣдуютъ ряды съ холстомъ, рубахами и вообще готовымъ бѣльемъ... Все это на площадкѣ базара—достойніе жидовокъ! Замѣтите, жидовокъ: онѣ сидятъ здѣсь съ утра до вечера, тутъ онѣ и кушаютъ, и шьютъ свои платья, и вяжутъ чулки, и штопаютъ разную ветошь оборванной—дѣтей своихъ, которыя нерѣдко спятъ тутъ же на мостовой на колѣнахъ матерей; при каждой изъ нихъ и лѣтомъ и зимой у ногъ стоитъ глиняный горшокъ съ горячими угольями. На этой *площадкѣ жидовокъ*, когда вы ни придете (кромѣ шабаса, субботы), всегда услышите крикъ, шумъ и перебранку торговокъ, всегда увидите грязь, всегда замѣтите много народа. То же самое услышите и увидите вокругъ всего базара, гдѣ также производится мелкая жидовская торговля крупами, горохомъ, бобами, сѣменами, листовымъ табакомъ и *минскими сигарами*, канатами, нитками, известкою, мѣломъ, гвоздями, горшками, желѣзомъ и разными сухими бальзамическими травами.

Вообще, нужно замѣтить, что Низкій Рынокъ, или, какъ недавно назвали его, базаръ, составляетъ особенность стараго Минска; и въ коммерческомъ отношеніи имѣетъ такое же значеніе, какъ петербургскій толкучій рынокъ. Мнѣ очень хорошо знакомъ этотъ базаръ. Еще будучи школьникомъ, я часто, проходя въ училище, любилъ останавливаться предъ нимъ и глядѣть на безчисленныхъ его торговецкѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ физиономій такъ вѣзались въ моей памяти, что я не могъ забыть ихъ и по выѣздѣ изъ Минска. Приѣхавъ въ Минскъ, я тотчасъ поспѣшилъ на Низкій Рынокъ, чтобъ взглянуть на эти физиономіи и, по какому-то особенному стеченію обстоятельствъ, дѣйствительно, увидѣлъ двѣ-три изъ нихъ. Мнѣ попался старый знакомецъ, инвалидъ на деревянкѣ, съ безчисленнымъ лохмотьемъ на плечахъ и разными бронзовыми бездѣлушками въ лѣвой рукѣ; но что особенно удивило меня, подъ мышкой правой руки у него было испорченное ружье, то самое ружье и непочиненное, которымъ онъ стращала меня—мальчика, когда я подходилъ къ нему и торговалъ мѣдные часики. Тутъ же возлѣ инвалида, у будки, сидѣла на *зедликѣ* (стульчикѣ) старушка съ корзин-

кою слоеныхъ пирожковъ, которыми я запасался, идучи въ школу. Неподалеку стоялъ жидъ Абрамъ съ маковниками и масляными баранками... все старые знакомые. Между Зыбицкою улицей и главною стѣнкою базара, на протяженіи всей улицы, ведущей отъ моста до улицы Замковой, торговцевъ столько, что они образуютъ сплошную массу и по головамъ ихъ можно смѣло пройти, словно по ровной мостовой. Тутъ вы увидите и салонницъ, и башмачницъ, и лохмотниковъ, и разносчиковъ стараго платья, и продавецъ новаго, и шлюющихся портныхъ, запрашивающихся къ каждому въ домъ шить поденно, и сапожниковъ съ готовыми сапогами, и шапочниковъ по преимуществу. У самаго базара на васъ нападутъ жида и жидовки со всѣхъ сторонъ, и горе вамъ, если вы проговорите къ нимъ хоть одно слово; не слушая, что вы сказали, а подумавъ, что вы спрашиваете какихъ нибудь продажныхъ вещей, они потащатъ васъ въ Бернардинскую улицу, а оттуда и не думайте о пути обратномъ: это значить, пробиваться чрезъ каменную стѣну. Единственный выходъ—на Высокій Рынокъ; но все-таки долго-долго придется вамъ пронутешествовать, пока вы ступите на первый камень гостинодворской площади. Васъ окружитъ новая ватага жидовскихъ бородъ и пейсѣ, владѣтели которыхъ схватятъ васъ, одни за рукава, другіе за руки, а нѣкоторые такъ прямо, безъ великихъ церемоній, обвинятъ васъ и почти на рукахъ внесутъ въ свои *кромки* (лавки). Не успѣете вырваться изъ ихъ объятій, какъ васъ встрѣтятъ новыя партіи жидовъ, которые начнутъ расхваливать свой товаръ, закрывая одной рукой рты своимъ женамъ, чтобъ не перекричали ихъ и тутъ же успѣютъ подраться межъ собою; наконецъ на васъ нападутъ, точно голодные волчицы, жидовки: ихъ визгъ, пискъ и крикъ оглушатъ васъ на цѣлый день. Но еще больше надоѣдятъ вамъ жида, если вамъ случится проходить отъ Высокаго къ Низкому Рынку на базаръ съ какимъ нибудь узломъ: при самомъ спускѣ съ горы, близъ того мѣста, гдѣ прежде былъ Бонифратерскій монастырь, на углу Зыбицкой улицы васъ атакуютъ такъ-называемые *тандытники*, т. е. продавцы и покупатели всякаго платья, и не пустятъ васъ безъ того, чтобъ не посмотрѣть, что вы несете. Они подумаютъ, что вы пришли продавать какую нибудь вещь,—и тогда бѣда вамъ. Они начнутъ оспаривать и вырывать васъ другъ у друга, какъ добычу. Не менѣе нападеній встрѣтите, если будете проѣзжать чрезъ Низкій Рынокъ въ дорожномъ экипажѣ: тѣ же жида остановятъ васъ, уцѣнятся за колеса вашего экипажа, и атакуютъ васъ различными предложеніями.

По лѣвую сторону Низкаго Рынка, по направленію къ Раковской улицѣ тянутся сжатые каменные зданія, въ подвалахъ которыхъ

помѣщаются мелкія лавки съ дегтемъ, смолой и дратвой; между этими зданіями особенно замѣчательны *муры* (каменные дома) еврейской *школы* или синагоги. Далѣе слѣдуетъ Рыбный рынокъ, на углу Немисской улицы, названный такъ потому, что на немъ устроены лавки и погреба для складки всякой рыбы. Торговль на немъ особыхъ не бываетъ: онъ наполняется народомъ, больше жидами, по пятницамъ, когда все лавки бываютъ открыты и жиды закупаютъ для предстоящаго праздника субботы (шабаса) рыбу, безъ которой, какъ извѣстно, и шабась не въ шабась.

У Рыбнаго рынка, въ низменной долинь, находится каменная Екатерининская церковь, съ большимъ погостомъ, украшеннымъ акаціями и вѣковыми березами и обнесеннымъ рѣшетчатою оградой. Начало этой церкви относится къ XVI вѣку; въ XVII она принадлежала уніатамъ—Базиліанамъ; въ концѣ XVIII возвращена въ православіе. Внутренность ея украшена громадными квадратными подъ ираморъ колоннами и большаго размѣра иконами, съ серебряными и золотыми ризами. Особенно замѣчательенъ въ Екатерининской церкви главный (всехъ три) алтарь, устроенный въ древне-греческомъ вкусѣ, съ особымъ куполомъ надъ престоломъ; противъ главнаго алтаря, у входа, большіе хоры, на которыхъ можетъ помѣститься до 200 человекъ. На погостѣ, противъ наперти небольшая терраса съ цвѣтникомъ, за оградой котораго на значительномъ холмѣ раскинутъ довольно большой садъ, окаймляющій съ двухъ сторонъ каменное зданіе, принадлежащее церковному причту. Въ этомъ зданіи нѣкогда помѣщался Базиліанскій монастырь, а не такъ давно православное духовное училище. У подошвы зданія стелется обширный огородъ, славящійся необыкновенно удобною почвою земли, на которой, какъ говорить преданіе, было нѣкогда кладбище.

За Екатерининскою церковью начинается *Татарскій Конецъ*, или, что то же, Татарское предмѣстье, на которомъ живутъ исчислятельно татары, потомки древнихъ черкочевъ и крымцевъ, нѣкогда въ XVI вѣкѣ опустошавшихъ минскій край, но вслѣдствіе страшнаго пораженія въ 1506 году подъ Клецкомъ, разбѣжавшихъ по всемъ окраинамъ Минской губерніи и между прочимъ поселившихся въ самомъ Минскѣ. Название *конецъ* заставляетъ думать, что эта часть города, до поселенія въ ней татаръ, переименовавшихъ ее въ Татарскій Конецъ, называлась какимъ нибудь другимъ концемъ славянскаго или древне-русскаго происхожденія, и именно, какъ свидѣльствуютъ старожилы, концемъ *Пятницкимъ*, получившимъ название отъ *Пятницкой* церкви, существовавшей въ этомъ мѣстѣ (см. выше) и положившей начало Пятницкой улицѣ (нынѣ переулокъ

Пятницкій); а можетъ быть Пятницкая церковь получила название отъ Пятницкаго конца, въ свою очередь такъ названнаго отъ древнихъ торговъ по пятницамъ. Какъ бы то ни было, по слову *конецъ* доказываешь, что нынѣшнее Татарское предмѣстье составляло часть древняго Минска, какъ оселище древне-славянскаго (напримѣръ, кривичскаго) племени, потому что название *конецъ* нѣкогда принадлежало древне-славянскимъ городамъ; концами у древнихъ славянъ вообще и славянъ русскихъ назывались предмѣстья или болѣе отдаленныя части города отъ самого центра или отъ замка: такіе концы существовали въ древнемъ Псковѣ и Новгородѣ⁽¹³¹⁾. Новое доказательство, что начало Минска, собственно стараго Минска можно отнести къ самой отдаленной славяно-русской эпохѣ, т. е. ко времени появленія Пскова и Новгорода. Число минскихъ татаръ доходитъ до 400 душъ. Они ведутъ довольно трудолюбивую жизнь подобно соплеменникамъ своимъ, клецкимъ татарамъ: все, что сказано о послѣднихъ, относится и къ минскимъ. То только различіе, что минскіе не въ примѣръ богаче клецкихъ. Главный предметъ ихъ промышленности—огородныя овощи, которыя они собираютъ и выращиваютъ въ большомъ количествѣ въ огородахъ и на поляхъ близъ раковской дороги. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ занимаются коннозаводствомъ и потому для приготовленія сѣна имѣютъ огромныя луга на берегахъ Свислочи; часть этихъ луговъ принадлежала нѣкогда Святодуховскому монастырю, но впоследствии откуплена татарскимъ старшиной Солиманомъ. По просьбѣ этого Солимана, въ 1617 году, на грунтѣ Воскресенской церкви построена татарская молемя или мечеть⁽¹³²⁾; въ замѣнь вѣятаго грунта, воскресенскому причту отведенъ такой же участокъ въ другомъ мѣстѣ. Мечеть сохранилась до настоящаго времени: она деревянная, небольшая, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, мужскаго и женскаго, раздѣленныхъ между собою рѣшеткою. Внутри нѣтъ никакихъ украшеній, кромѣ балдахина для муллы въ мужскомъ отдѣленіи, въ которомъ полъ устланъ зеленымъ сукномъ, а возлѣ одной стѣны поставлены скамейки для посѣтителей. Кромѣ этихъ двухъ отдѣленій или комнатъ, есть еще нѣчто въ родѣ прихожей, въ которой татары оставляютъ обувь: извѣстно, что, по закону мусульманскому, они не могутъ входить въ молемя въ сапогахъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мечети, на Татарскомъ же Концѣ, на небольшомъ возвышеніи стоитъ деревянная Воскресенская церковь, не такъ давно бывшая уніатскою и только въ 1839 году возсоединенная съ православіемъ, въ память чего ежегодно 7 іюня совер-

⁽¹³¹⁾ См. сочиненіе Красова «О мѣстоположеніи древняго Новгорода».

⁽¹³²⁾ Собр. др. грам. и акт. Минск. губ., № 93.

щается крестный ходъ изъ этой церкви въ Екатерининскую и по томъ въ Петропавловскій соборъ. Объ этой церкви, какъ довольно древней въ то время, упоминается въ минскихъ актахъ 1617 и 1626 годовъ ⁽¹³⁶⁾. Близъ Воскресенской церкви, на углу Раковской улицы, сохранилось довольно древнее каменное зданіе бывшаго Францисканскаго костела: нынѣ по ветхости зданіе это превращено въ складочный фуражный магазинъ; наружныя стѣны его не крашены, со всѣхъ сторонъ обнажены красной кирпичью.

Говоря о Татарскомъ Концѣ, нельзя не упомянуть объ одной особенноти его, которая не менѣ самаго названія (конецъ) служитъ доказательствомъ того, что въ составъ древняго Минска, кромѣ Низкаго Рынка, входило и нынѣшнее Татарское предместье. Особенноти эту составляютъ окопы или валы по лѣвую сторону Свислочи, въ виду хутора Людимова, которые составляли укрѣпленіе древняго Минска. Окопы эти тянутся вокругъ Татарскаго Конца отъ Свислочи до Раковской улицы; здѣсь они прерываются и потомъ опять встрѣчаются по частямъ кой-гдѣ по направленію къ Койдановской дорогѣ. Окопы возлѣ Татарскаго Конца такъ обросли травой, кустарниками и даже большими деревьями, что жители Минска считаютъ ихъ обыкновенными горами. А между тѣмъ это не простыя, натуральныя горы, а искусственныя насыпи древняго города, замѣнявшія обыкновенно у славянъ крѣпости и оборонныя стѣны. Объ этихъ насыпяхъ или окопахъ минскихъ сохранились свѣдѣнія Гвагнинъ; онъ говоритъ, что въ его время Минскъ былъ городъ большой, укрѣпленный, окруженный высокими окопными ⁽¹³⁷⁾. Слѣды этихъ окоповъ можно видѣть также и за Троицкой горой, между Комаровкой и Переспой; но здѣсь они всего менѣ сохранились; большая часть валовъ скрыта и сравнена съ гладкою поверхностью земли.

По правую сторону Низкаго Рынка, за мостомъ, слѣдуетъ Сѣнная площадь — такъ названная потому, что здѣсь обыкновенно производится торгъ сѣномъ, привозимымъ сюда изъ деревень въ большомъ количествѣ по преимуществу по воскресеньямъ, понедѣльникамъ и пятницамъ. Отъ Сѣнной площади, по направленію къ Троицкой горѣ, идетъ Госпитальная улица, главное украшеніе которой составляетъ Троицкій городскій госпиталь — очень красивое и большое зданіе, имѣющее форму овальнаго полукруга или греческаго пантеона, возобновленное и перестроенное изъ древняго госпиталя, существовавшаго съ начала XVII вѣка и составлявшаго некогда часть древняго православнаго монастыря, совращеннаго въ унию,

⁽¹³⁶⁾ Собр. др. грам. и акт. Мин. губ., №№ 83 и 93.

⁽¹³⁷⁾ Gwaŋin Chron. Sarmatiae.

при которомъ была церковь и школа. По соседству съ госпиталемъ былъ некогда монастырь Маріавитокъ, построенный къ 1771 году Кунегундою Рущицъ. Троицкій госпиталь содержится въ необыкновенной чистотѣ и заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя удобства для больныхъ, чѣмъ обязанъ знаменитому доктору, инспектору минской врачебной управы, Осипу Даниловичу Спасовичу, пользующемуся уваженіемъ и любовью всего минскаго края. Кто помнитъ тридцатые и сороковые годы текущаго столѣтія, кто слѣдилъ за благотѣтельными дѣйствіями и распоряженіями минской врачебной управы во времена холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней, тотъ знаетъ, чѣмъ обязаны жители Минска и всей губерніи Минской этому рѣдкому челоѣку, истинному другу большого челоѣчества и безкорыстному помощнику бѣдныхъ людей. Минскъ всегда благословляетъ этого добраго врача: не одна мать, не одинъ сынъ и не одно семейство съ чувствомъ признательности произносятъ имя г. Спасовича. Я также принадлежу къ числу признательныхъ его пациентовъ. Будучи теперь въ Минскѣ, я счелъ долгомъ явиться къ Осипу Даниловичу и съ искреннимъ сознаніемъ его благотѣльности высказать передъ нимъ свою благодарность за его вниманіе къ моимъ роднымъ и ко мнѣ самому въ годы дѣтства... При госпиталѣ устроена домовая церковь и аптека. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, берутъ лекарства для госпиталя изъ городскихъ аптекъ, въ которыхъ, замѣчу, не терпятъ недостатка Минскъ; ихъ четыре въ городѣ: Швембергера, на углу Доминиканской и Волошешкой улицъ, Домбровскаго, на углу Высокаго Рынка и Койдановской улицы, Ганделбурга, въ Юрьевской улицѣ, и Кушебеккера на Высокомъ Рынкѣ противъ бульвара и ратуши.

За госпиталемъ начинается Троицкая Гора, получившая свое начало отъ некогда бывшей на ней Троицкой церкви. Тутъ встрѣчается нѣсколько красивыхъ домовъ, между которыми, по направленію къ Свислочи, занимаетъ первое мѣсто довольно громадное зданіе православной духовной семинаріи, передѣланное изъ незаконченнаго стариннаго униатскаго монастырскаго дома. Внутренность семинаріи довольно хорошо отдѣлана и вмѣщаетъ въ себѣ около 200 воспитанниковъ: въ самомъ зданіи живутъ ректоръ и инспекторъ; тамъ же помѣщается домовая церковь и низшее четырехклассное училище. Зданіе обнесено частью каменною, частью досчатую оградю, внутри которой расположенъ, почти у самой Свислочи, небольшой садъ. Въ виду семинаріи открывается площадь Троицкой Горы, на которой, во время стоянки войскъ въ Минскѣ, раскидываются палатки временной подвижной церкви. Площадь окаймлена со всѣхъ четырехъ сторонъ разными деревянными домками,

садками и огородами. За семинарским домом начинается Виленская улица, при повороте с которой на виленскую почтовую дорожку открывается вид православнаго кладбища, освященнаго въковыми березами, въѣздаго под именемъ *Пересны*, потому что расположена у самой рѣчки Пересны. Пересниское кладбище имѣетъ форму овальнаго круга, обнесено съ трехъ сторонъ рвомъ, а съ четвертой — рѣшетчатою оградою, возлѣ которой находится красивая, каменная церковь, съ большими позолоченными куполами, построенная, вмѣсто сгорѣвшей въ 1850 году, на казенную сумму, г. Шульцомъ, подъ присмотромъ минскаго соборнаго священника Петра Елишовскаго.

Погостивъ два дня у старыхъ знакомыхъ на Троицкой Горѣ, единственно для того, чтобы лучше повѣрить прежнія свои замѣтки о Старомъ Минскѣ, я возвратился на Высокій Рынокъ и занялся описаніемъ новаго города.

Высокій Рынокъ получилъ это названіе отъ того, что лежитъ на самомъ главномъ изъ возвышеній города. Онъ имѣетъ форму огромнаго квадрата, посреди котораго расположенъ громадный трехъ-этажный гостинный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, на некоторомъ разстояніи, красивыми каменными домами и храмами. Подъ Высокимъ Рынкомъ собственно и разумеется этотъ гостинный дворъ, да примыкающія къ нему безчисленныя лавки и магазины, во къ нему можно причислить всѣ улицы, лежащія между Низкимъ Рынкомъ и Новымъ Мѣстомъ, именно: Доминиканскую, Волошскую, Бернардинскую, Койдановскую, Феліціанскую, Романовскую, Францисканскую, Зыблицкую и часть Захарьевской.

Гостинный дворъ наполненъ лучшимъ магазинами, лавками и погребами христіанскихъ и еврейскихъ купцовъ. Въ подвальномъ этажѣ устроены галантерейныя, мускотильныя и особенно фруктовыя лавки; предъ фруктовыми въ прямой линіи разставлены квадратныя зеленые столы, на которыхъ во всякое время года, особенно лѣтомъ и осенью, найдете лимоны, апельсины, сливы и разныхъ сортовъ яблоки и груши; изъ послѣднихъ особенно замѣтельны своимъ вкусомъ и величиною *санъжанки* — такъ названныя именемъ Казимира Санъжи, вывезшаго этотъ сортъ грушъ въ 1865 году изъ Венгріи и разведшаго ихъ въ родовомъ своемъ имѣніи — мѣстечкѣ Березицѣ (Мин. губ. нгум. уѣз.), незадолго до своей смерти (1888). Во второмъ этажѣ помѣщаются довольно богатые магазины чайныя, шелковыя, суконныя и вообще съ краснымъ товаромъ; особенно замѣтельны: чайный русскаго купца Ракова,

шелковыя и суконныя еврейскія — Гурвича, Дурія и Шайкевича, и галантерейный Дельнеца. Въ третьемъ этажѣ помѣщаются жильныя комнаты. Противъ гостиннаго двора, въ виду собора, тянется длинная линія табачныхъ, мускотильныхъ, ситцевыхъ и разныхъ мелкихъ лавокъ, предъ которыми на некоторомъ разстояніи, стоятъ маленькіе зеленые такъ называемыя *милляныя столы* для мѣны денегъ. Позади этихъ лавокъ устроены полукругомъ другой гостинный дворъ съ чайными магазинами большею частью русскихъ купцовъ; къ нимъ примыкаетъ нѣсколько маленькихъ лавочекъ съ молокомъ, масломъ, сыромъ и яйцами. По правую сторону главнаго гостиннаго двора возвышается ратуша, въ зданіяхъ которой, между прочимъ, помѣщается театръ, состоящій въ настоящее время подъ покровительствомъ мѣстнаго губернатора. Прежде минскій театръ былъ въ рукахъ частнаго содержателя и находился въ стѣнахъ большаго каменнаго дома Ляховскаго. Въ мое время содержателемъ былъ драматическій артистъ Хелмиковскій: труппа его составлена была довольно старательно; изъ актеровъ особенно замѣчательными считались: комикъ Дроздовскій, трагикъ Сарквичъ, и госпожи: Жуковская, Войцѣховская, Грабская, сестры Ашнергеръ, и болѣе всѣхъ отличалась г-жа Хелмиковская, жена самаго антрепренера. Нынѣ г. Хелмиковскій находится съ своею труппою въ Ковно. Вмѣсто него назначенъ смотрителемъ или управляющимъ театра штатный чиновникъ, а театръ переведенъ въ ратушу. Ратушный театръ невеликъ, но довольно красиво и изящно отдѣланъ, чѣмъ обязанъ бывшему минскому губернатору А. В. Семенову: по ходатайству его, назначенъ штатъ для театра, съ производствомъ актерамъ опредѣленнаго жалованья. Во время настоящаго моего проѣзда чрезъ Минскъ, болѣе другихъ славились гг. Новиковъ и Пирожковъ, и г-жа Микуцкая; послѣдняя, говорятъ, очень недавно вышла замужъ не за актера. Между старымъ театромъ и ратушею расположенъ небольшой круглый бульваръ, окаймленный въ два ряда въковыми пирамидальными тополями, образующими изъ себя довольно тѣсную аллею; въ срединѣ бульвара разведенъ маленькій паркъ или, правильнѣе, цвѣтникъ. Бульваръ посѣщается минчанами больше лѣтомъ, когда возлѣ ратуши играетъ городская музыка: въ это время по вечерамъ обѣ аллеи, круглая и поперечная, наполняются самымъ лучшимъ обществомъ горожанъ и горожанокъ, разодѣтыхъ не хуже петербургскихъ красавицъ; жидовъ на этотъ разъ не пускаютъ, они блуждаютъ внѣ ограды бульвара. Зато по субботамъ весь бульваръ наполняется смуглыми, черноокими жидовками, большая часть изъ нихъ одѣта чисто, но случаются и растрепанныя *балабосты* (женщины, жены)

в латаныхъ пантофляхъ; рядомъ съ балабостами, чинно, заложивъ обѣ руки въ задніе карманы сюртука, расхаживаютъ *э-насыхъ* (такъ называютъ себя жида), жидки-франты. Въ это время не подходите къ бульвару: носъ вашъ не выдержитъ *шабасоваго* запаха, вы измучите себя чиханьемъ. Въ торжественные царскіе дни бульваръ иллюминируется, а на балконѣ ратуши, возлѣ гаубтвахты, освѣщаются площадками вензель и транспарантъ. Противъ бульвара и ратуши квартира мѣстнаго губернатора и его канцелярія. Рядомъ съ квартирою губернатора возвышается каменный римско-католическій костелъ, носящій названіе катедры (собора), ради постоянного пребыванія въ Минскѣ польскаго епископа. Въ Минскѣ есть также римско-католическая семинарія, въ Доминиканской улицѣ въ зданіи бывшаго Доминиканскаго монастыря.

Въ виду ратуши и гостинаго дѣра, по направленію къ Бернардинской площади, стоитъ изящной архитектуры каменный православный Петропавловскій соборъ, вновь построенный въ 1850 году, вмѣсто сгорѣвшаго въ 1835. Сгорѣвшій соборъ былъ очень древній; начало его построенія относится къ концу XVI вѣка; въ началѣ XVII при немъ былъ монастырь, къ которому принадлежали разныя земли и вотчины, пожалованныя минскимъ дворянствомъ (139). Въ половинѣ XVII вѣка и соборъ, и монастырь обращены были въ унию, а въ концѣ XVIII возвращены въ нѣдра православія... Зданіе древняго монастыря уцѣлѣло, и нынѣ въ немъ помѣщается православная духовная консисторія и соборное духовенство. Новое зданіе собора украшено готическимъ стилемъ и отличается изящною простотою. Живопись иконъ отзывается духомъ италянтійской школы и замѣчательна точнымъ выполнениемъ художника, кажется, съ умѣниемъ взявшагося за дѣло. Соборъ вмѣщаетъ въ себѣ безцѣнную для всего западно-русскаго края святыню, древнѣйшую чудотворную икону Богоматери. Икона эта имѣетъ тѣсную связь съ исторіею Минска. По свидѣтельству Стебельскаго, она та самая, которая помѣщена была нѣкогда великимъ княземъ земли русской, равноапостольнымъ Владиміромъ, въ киевской Десятинной церкви, и хранилась тамъ болѣе 500 лѣтъ. Въ началѣ XVI вѣка, именно, въ 1500 году, когда заволжскій ханъ Шахматъ Гирей велъ войну съ переконскимъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ, въ то же время при разграбленіи Кіева татарами, икона эта, по святіи съ нея украшеній, брошена однимъ изъ татаръ въ Двѣрпъ и чрезъ нѣкоторое время явилась въ Минскѣ за рѣкою Свислочью противъ Замка, гдѣ, по необыкновенному сіянію будучи при-

(139) Собр. др. грам. и акт. Мин. губ. № 65 и 90.

мѣчена жителями города, взята и поставлена въ такъ называемой *Замковой* Рождества Богородицы церкви 13 августа 1500 года; тамъ находилась она 116 лѣтъ. Отсюда, по распоряженію униатскаго митрополита Рутскаго, въ 1616 году перенесена въ Святодуховскую церковь, гдѣ надъ многими изъ прибывшихъ къ помощи Небесной Заступницы совершались чудеса Божіей благодати (140). По уничтоженіи же въ Минскѣ унии, икона эта сдѣлалась достояніемъ православнаго собора, сначала стараго, а теперь новаго. Такимъ образомъ святыня эта около четырехъ вѣковъ сохранялась въ Минскѣ и была свидѣтельницею сперва народнаго благогостіи и утвержденія православія въ минскомъ краѣ, потомъ бѣдствій отъ гошеній со стороны польскаго католичества, старавшагося уничтожить православіе въ Минскѣ, а наконецъ и торжества, съ которымъ оно снова возродилось и укрѣпилось подъ скипетромъ единодержавія. Но этотъ образъ Богоматери, бывъ долгое время собственностью отторгнутыхъ отъ православной церкви и снова возвращенныхъ въ нѣдра ея униатовъ, не имѣлъ до 1852 года достойныхъ древней святыни украшеній. Супруга нынѣшняго г. начальника Минской губерніи, Е. П. Шкларевичъ, при участіи и содѣйствіи нѣкоторыхъ благотворительныхъ особъ въ Минскѣ и въ Петербургѣ, пожертвовала новую, драгоценную, украшенную камнями, серебряную ризу, которая освящена была 1852 года наканунѣ праздника Рождества Христова преосвященнымъ Михаиломъ, епископомъ минскимъ и бобруйскимъ. Рядомъ съ соборомъ расположено большое каменное зданіе, вмѣщающее въ себѣ губернскаго присутственнаго мѣста: оно построено на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1835 году дома гимназій, которая помѣщается теперь въ новомъ казенномъ большомъ зданіи на углу Францисканской улицы; въ зданіи гимназій, кромѣ воспитанниковъ, пансіонеровъ, живутъ директоръ и инспекторъ. Разными улучшеніями и благотворительными для воспитанниковъ западно-русскаго края нововведеніями гимназія много обязана нынѣшнему своему директору М. Е. Десницкому. Кромѣ гимназій есть еще дворянское училище, состоящее изъ пяти классовъ.

На Высокомъ Рынкѣ помѣщаются и другія учебныя заведенія. Такъ, близъ собора, на углу Бернардинскаго и Соборнаго переулковъ, въ домѣ Зимницкаго (прежде палацъ Ключницкихъ) помѣщается еврейское училище, до 1845 года существовавшее подъ названіемъ Таалмудъ-Гора и не имѣвшее никакихъ правъ. При вліяніи мѣстнаго гражданскаго и учебнаго начальства и при усердномъ

(140) Stebelski, Żywoty ŚŚ. Ewfrozyjny i Parascewii, t. I, str. 112.

софистику самих мнских евреевъ, въ особенности купцовъ: Гурича, Дурія, Шайкевича, раввина Галера и учителя Левина, училище это преобразовано соотвѣтственно издавнымъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія правиламъ со введеніемъ преподаванія русскаго языка и ариѳметики. Торжественное обновленіе Талмудъ-Торы происходило въ маѣ 1845 года, въ присутствіи г. бывшаго виленаго военнаго, гродненскаго, мнскаго и ковенскаго генералъ-губернатора О. А. Мирковича. При этомъ случаѣ два еврея, Левинъ и Левада, назначенные начальствомъ въ учителя, произнесли, одинъ на русскомъ, а другой на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчи, въ которыхъ изобразили свое прежнее отчужденіе отъ другихъ племенъ, населяющихъ Россію и радость объ уничтоженіи этой преграды между ними и прочими согражданами благодію Монарха.

Есть также дѣтскій пріютъ, основанный при бывшемъ мнскомъ гражданскомъ губернаторѣ А. В. Семеновѣ. Пріютъ помѣщается на углу Койдановской и Фелацианской улицъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще не такъ давно, именно въ 1833 году, существовалъ костель Рохитовъ, построенный нѣкогда въ 1752 году обратившимся въ польское католичество бывшимъ бѣлорусскимъ помѣщикомъ Шишко. Въ пріютѣ воспитываются и дѣвочки, и мальчики; содержаніе его обезпечено пожертвованіями. Смотрѣніе за дѣтми вѣрено начальницѣ и ея помощницамъ, которыя состоятъ также и учительницами; всѣ онѣ живутъ въ зданіи пріюта. Въ пріютѣ воспитываются исключительно бѣдныя дѣти, особенно дѣвочки. Дочери же состоятельныхъ родителей получаютъ воспитаніе въ благородныхъ пансіонахъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ пансіонъ госпожи *Паррикель*, начальницы всесторонне образованной, и въ добавокъ очень хорошо владѣющей русскимъ языкомъ, что одно ставитъ ее выше прочихъ содержательницъ мнскихъ пансіоновъ, болѣею частью не знающихъ русскаго языка, а между тѣмъ состоящихъ воспитательницами дѣвицъ въ русскомъ краѣ. Но кромѣ этого достоинства есть и другія въ г-жѣ Паррикель: она очень внимательна къ своему заведенію, безпристрастна къ воспитанницамъ и снисходительна къ болѣе бѣднымъ родителямъ, желающимъ доставить пансіонское воспитаніе своимъ дочерямъ, но не имѣющимъ возможности платить назначенной для всѣхъ (prix fixe) цѣны; такимъ родителямъ она дѣлаетъ уступки и перѣдко значительныя. Пансіонъ ея находится на углу Бернардискаго переулка и Зыбицкой улицы, въ домѣ Бенедиктиновъ. Послѣ заведенія г-жи Паррикель слѣдуетъ пансіонъ подъ фирмою *Монтигранди*, въ улицѣ Францишканской. Въ свое время этотъ пансіонъ славились на всю Мнскую губернію; даже дочери помѣщиковъ Могилевской и Гродненской губерній поступали въ пансіонъ Монтигранди; особенно пользовался онъ извѣстностью при нѣкогда бывшемъ мнскомъ губернаторѣ Долгоруковѣ; но съ выѣздомъ его изъ Мнска онъ уналь и нынѣ стоитъ въ числѣ второстепенныхъ. Затѣмъ слѣдуютъ пансіоны: г-жи Шрейдеръ, въ Захарьевской улицѣ; панси Бѣлевичъ, на Лиховскомъ предмѣстьѣ, и наконецъ менѣе всѣхъ извѣстный пансіонъ г. Стефановича, въ Францишканской улицѣ.

Къ числу замѣчательныхъ зданій Высокаго Рынка должно отнести лютеранскую церковь, въ Захарьевской улицѣ, построенную въ 1846 году частью пособіемъ правительства, частью сборами городского протестанскаго общества. Зданіе церкви очень красиво и совершенно похоже на зданія православныхъ храмовъ: вокругъ церкви — погостъ и ограда; говорятъ, на погостѣ будетъ кладбище въ замѣнъ настоящаго лютеранскаго кладбища, лежащаго близъ хутора *Медвѣжана*, между койдановскою и старою такъ называемою *Воспкою* или калварскою дорогами, и отстоящаго отъ церкви чуть ли не на три версты. Зато оно очень хорошо устроено и скорѣе похоже на густой садъ или лѣсъ, чѣмъ на кладбище: обнесено окономъ и рвомъ и засажено фруктовыми деревьями. Многіе изъ горожанъ ходятъ сюда гулять и собирать грибы.

Лютеранская церковь замыкаетъ собою предѣлы Высокаго Рынка, граничащаго съ Новымъ Мѣстомъ улицами Доминиканскою и частью Захарьевской, которая, образовавъ уголъ съ Доминиканскою, идетъ мимо архіерейскаго двора и потомъ въ виду городского сада соединяется съ борисовскою почтовою дорогою.

Подъ Новымъ Мѣстомъ, или Новымъ Рынкомъ, разумеется часть города, занимающая пространства, во первыхъ, отъ почтамта до Лиховки, во вторыхъ, отъ Плебанскаго моста до конца Кошарской улицы и Игуменской заставы. Названіе такое оно получило отъ новоустроенной между архіерейскимъ дворомъ и почтовою улицею площади, на которой по воскресеньямъ производились городскіе торги. Бывало, сюда собирались поселяне и однодворцы со всѣхъ окрестныхъ селъ, деревень и застѣнковъ съ разными товарами. Съ самаго ранняго утра площадь наполнялась безчисленными телегами, колымагами, возами и *колесами* (бѣлорусская особаго устройства телега, въ родѣ петербургскихъ ломовыхъ) съ зерновымъ хлѣбомъ, овсомъ, гречей, просомъ, мукой, картофелемъ, свеклою, лукомъ, чеснокомъ и разными крупами, съ яйцами, курами, индюками, утками и дичью, съ масломъ, сметаной и молокомъ. Болѣе зажиточные сельскіе хозяева привозили съ живыми кабанями, теленками, коровами и даже лошадьми. Тутъ же помѣщались и возы

съ дровами, лыками, пенькою, драпью, лучиною и веревками. Хаосъ страшный! Воскресные торги съ площади Нового Мѣста переведены за городъ на бывшій Конный рынокъ; а Конный рынокъ перенесенъ къ еврейскому кладбищу, вслѣдствіе чего и еврейское кладбище переведено къ койдановской дорогѣ, за версту отъ прежняго. Такое благодѣтельное распоряженіе дало возможность Новому Мѣсту или Рынку получить другое, болѣе приличное назначеніе. Площади уравнили, насыпали щебнемъ и оградили барьерами; у барьеровъ всѣхъ четырехъ сторонъ площади насадили въ два ряда кленовыхъ деревьевъ, и такимъ образомъ явился очень недурный бульваръ. Во время такъ называемыхъ *контрактовъ* или дворянскихъ выборовъ, начинающихся съ 19 марта, а еще правильнѣе, во время ярмарки іюньской, на новой площади устраиваются магазины для помѣщенія привозимыхъ изъ Кіева, Кролевецъ, Вильно, Одессы, Москвы, Варшавы и даже изъ Пруссіи товаровъ: шелковыхъ, хрустальныхъ, фарфоровыхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, золотыхъ и брилліантовыхъ. Но между привозными товарами помѣщаются въ некоторыхъ магазинахъ предметы туземныхъ минскихъ фабрикъ, напримѣръ: сукна фабрикъ графа Потоцкаго, Кампинскаго и Скирмунта, и бумажныя матеріи логойской фабрики графа Тышкевича. Кромѣ того въ контрактныхъ магазинахъ найдете мужскую и женскую обувь минской работы, славящуюся въ цѣлой Бѣлоруссіи, и въ большемъ количествѣ вывозимую въ Кіевъ во время зимнихъ контрактовъ: говорятъ, одинъ Богоревичъ нѣсколько сотъ готовыхъ сапоговъ сбываетъ на кіевской ярмаркѣ. Московскіе книгопродавцы привозятъ русскія книги и тѣмъ восполняютъ недостатокъ минскихъ книжныхъ магазиновъ, наполненныхъ больше польскими, французскими и отчасти нѣмецкими, но не имѣющихъ новыхъ, современныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. А вѣдь нельзя упрекнуть минчанъ, что они не читаютъ русскихъ книгъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ при мнѣ получали съ почты сочиненія русскихъ классиковъ смирдинскаго изданія и журналы: «Современникъ», «Отечественныя Записки» и «Москвитяинъ». Не говорю уже о русскихъ газетахъ: ихъ можно встрѣчать въ каждомъ зажиточномъ домѣ. Въ подтвержденіе охоты минчанъ къ чтенію русскихъ книгъ можно привести то обстоятельство, что въ Минскѣ, по просьбѣ самихъ жителей, вслѣдствіе ходатайства бывшаго минскаго губернатора А. В. Семенова, учреждена публичная бібліотека, которая выписываетъ всѣ русскіе журналы, газеты и разныя отдѣльныя сочиненія для доставленія небогатымъ людямъ возможности слѣдить за ходомъ отечественной литературы. Бібліотека устроена при губернаторской канторѣ и состоитъ въ вѣдѣніи правительства.

Судя по такому количеству товаровъ въ контрактныхъ магазинахъ, естественно пужно ожидать и большого числа покупателей. Покупателями этими бываютъ пріѣзжіе помѣщики и вообще дворянство, для котораго устраиваются на Высокомъ Рынкѣ въ домѣ Гейдукевича, *кассини* (отъ итальянскаго *cassina*, увеселительный домикъ), то есть танцевальныя собранія, которыя, впрочемъ, бываютъ въ Минскѣ и въ другое время, особенно зимой — въ карнавалъ; распорядителемъ ихъ г. *Дельневъ*, бывшій городскій голова. Кромѣ того для пріѣзжихъ открыты театръ, разныя акробатическія и гимнастическія представленія. Кофейни, трактиры и кондитерскія довольно порядочны; изъ трактировъ извѣстнѣе прочихъ ресторация Фогеля и особенно Цыбульского, на Высокомъ Рынкѣ въ одномъ зданіи съ старымъ театромъ. Во время контрактовъ въ трактирахъ и кондитерскихъ играетъ музыка.

На углу поворынковскаго бульвара, на значительномъ возвышеніи, по направленію къ городскому саду, расположенъ архіерейскій дворъ, вмѣщающій обширное каменное зданіе епископскихъ комнатъ, соединенное со стѣнами домовой теплой церкви и окаймленное съ одной стороны цвѣтникомъ, заслоненнымъ отъ бульварной площади старинными липами и рѣшетчатою оградой, съ другою — большимъ садомъ, съ третьей — уютнымъ флигелемъ для помѣщенія домашней канцеляріи и секретаря, съ четвертой — монашескими кельями и пѣвческимъ домомъ. Архіерейская церковь небольшая, но очень хорошо устроена и замѣчательна греко-византійскою живописью иконъ. Преданіе говоритъ, что гора, на которой раскинутъ архіерейскій дворъ, была мѣстомъ кладбища какой-то очень древней церкви, но какой именно неизвѣстно достоверно, потому что объ ней не упоминается ни въ древнихъ актахъ Минской губерніи, ни въ метрическихъ записяхъ, ни въ городскомъ инвентарѣ⁽¹¹⁾. Можно думать, что гора эта составляла нѣкогда одноцѣлое съ горою, лежащею противъ архіерейскаго двора и примыкающею къ Юрьевской улицѣ, но послѣдствіемъ разрѣзана для проведенія Захарьевской улицы отъ нынѣшняго бульвара до городского сада. Въ Минскѣ есть старожилы, которые помнятъ, что Захарьев-

(11) Говоритъ только, что возлѣ этой горы была *Оцедовская* улица; а объ ней упоминается въ актѣ 1620 года (Соб. ар. грам. и акт. Минск. губ., № 74, стр. 133).

ская улица доходила только до этой горы. Будучи однимъ цѣлымъ, не составляла ли эта гора погоста и кладбища при церкви Георгіевской или Юрьевской, отъ которой получила названіе Юрьевская улица? Въ подтвержденіе предположенія, что эта гора, или по крайней мѣрѣ часть ея близъ Юрьевской улицы, была кладбищемъ, можно привести то обстоятельство, что и теперь еще у подошвы возвышеній, отъ Юрьевской улицы, на которыхъ расположены домъ и садъ г. М., когда отпадаютъ глыбы земли, находятъ въ этихъ глыбахъ человѣческія кости и черепа, также желѣзные гвозди, которыми, вѣроятно, сколочены были гробы. Отчего жъ не допустить, что при кладбищѣ была церковь и церкви именно Георгіевская, если улица, при границѣ которой сохранились остатки древнихъ могилъ, до сихъ поръ называется Юрьевскою, то есть Георгіевскою же? Но если допустить существованіе этой церкви, то начало ея нужно отнести къ самой глубокой древности, то есть ко времени древняго православія въ Минскѣ. Догадка эта разрѣшится временемъ или какимъ нибудь случайнымъ, счастливымъ обстоятельствомъ.

Въ дополненіе къ описанію Новаго Мѣста считаю нужнымъ поговорить о городскомъ, или, какъ нѣкоторые минчане называютъ его, губернаторскомъ садѣ. Началомъ своимъ этотъ садъ обязанъ нѣкогда бывшему, именно въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ настоящаго, минскому гражданскому губернатору Карнѣеву, въ честь котораго и воспоминаніе его заслужъ въ томъ мѣстѣ сада, гдѣ, говорятъ, онъ самъ посадилъ первое дерево, поставленъ памятникъ — конусообразная колонна съ (латинскою) надписью: «садъ этотъ насаженъ и разведенъ усердіемъ и стараніемъ минскаго губернатора Карнѣева». Мѣсто для сада избрано самое видное, на берегу рѣки Свислочи, на горѣ. Начиная съ мая садъ наполняется ежегодно чуть ли не цѣлымъ городомъ: по вечерамъ въ немъ играетъ музыка, по высокаторжественнымъ днямъ бываетъ иллюминація и кой-когда фейерверки. Передъ садомъ березовая роща, отъ центра Свислочи, опоясывающей собою остальное пространство сада, и, при соединеніи съ небольшимъ протокомъ съ лѣвѣй стороны, образующая довольно красивый полуостровъ. Березовая роща до того густа, что сквозь чащу своей зелени почти никогда не пропускаетъ солнечныхъ лучей. Она вся изпещрена тропинками, дорожками и аллеями, примыкающими къ Свислочи, на берегахъ которой съ правой стороны стоятъ домикъ, построенный А. В. Семеновымъ, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ: возлѣ этого домика небольшая искусственная горка, называемая неизвѣстно почему Усѣтнью, соединенная посредствомъ небольшого мостика на малень-

кой канавкѣ съ курганомъ, изрѣзаннымъ спиральными дорожками, окаймленными цвѣтами. Нагнѣво отъ канавки бьетъ небольшой ключъ (криница), съ желѣзными водами, обнесенный круглымъ колодезѣмъ. За мостикомъ нѣсколько маленькихъ полисадниковъ, за которыми уже перекинуть черезъ Свислочъ довольно красивый понтонный мостъ со скамейками. За мостомъ глазамъ вашимъ представляется рядъ нѣсколькихъ дорожекъ и аллей, ведущихъ по разнымъ направленіямъ черезъ мостики то въ орѣховую, то въ липовую, то въ тополевою, то въ словую или каштановую аллею. Самый лучший видъ аллей и рощъ открывается прямо съ моста и особенно по правую сторону его. Прямо идетъ очень широкая аллея, обнесенная съ обѣихъ сторонъ тѣплыми визами, липами, кленами, каштанами, и упирается въ заднюю ограду сада: на углу аллей устроены деревянныя подмостки для музыкантовъ. Направо отъ нея полукругомъ тянется тѣпистая, темная большая аллея изъ вѣчно зеленыхъ елей — аллея, омываемая водами Свислочи и обхватывающая садъ по теченію рѣки чуть ли не до самаго конца его. Лѣвѣе отъ словой аллей роскошная молодая, тополевая рощица, въ глубинѣ которой находится деревянный навильонъ. Близъ навильона течетъ небольшой протокъ Свислочи, посреди котораго изъ-подъ корня ольховаго дерева пробивается чистый, какъ хрусталь, источникъ съ сѣрыми водами, доставившимъ не одному золотушному значительное облегченіе. Многие изъ мѣстныхъ жителей и даже пріѣзжихъ ходятъ сюда по утрамъ и паче всего пьютъ по нѣскольку стакановъ воды: вода эта имѣетъ свойство слабительное, но не расслабляющее; сырая отдаетъ сильнымъ запахомъ сѣры, а кипяченая очень пригодна для чая. Жаль только, что источникъ не имѣетъ приличной ограды.

Изъ окрестностей Минска замѣчательны: *Комароска* своими горами, густымъ сосновымъ лѣсомъ и швейцарскими домиками и маслобойнями; *Золотая Горка* (*Złotogórka*), славящаяся игодными полями и гуляньями на нихъ въ извѣстныя эпохи года; возлѣ Горки кладбище съ часовнею во имя св. Роха. *Пустыня*, красивый хуторъ, окруженный соснякомъ и березовыми лѣсами, славящийся своимъ чистенькимъ прудикомъ, садомъ и домиками изъ мягкой глины съ примѣсю вереса, построенными по плану самого владѣтеля хутора, архіепископа Антонія, бывшаго минскаго преосвященнаго, извѣстнаго любителя агрономіи и естественныхъ наукъ, который и живетъ въ Пустынѣ. При Пустынѣ основана тѣмъ же архіепископомъ церковь во имя св. Антонія. *Морховская Долина* и ферма близъ Чересны на берегу озера. *Кальварія*, собственно римско-католическое кладбище съ каменнымъ костеломъ; вокругъ нея орѣхо-

вый лѣсъ, богатый грибами и разными ягодами. *Медвѣзницю* — хуторъ, красующійся гористыми полями, межъ которыхъ замѣчательны двѣ глубокия долины, раздѣленные чистыми ручьями и испещренныя цвѣтистыми травами, доставляющими хорошее луговое сѣно. *Ляхмановка*, извѣстная гостиницею, которую обыкновенно посѣщаютъ ради свѣжаго молока и сливокъ, получаемыхъ изъ сосѣднихъ деревень. *Кистеровка* (или просто Кистеръ) и *Серебринскія Мельницы*, особенно посѣщаемыя среднимъ классомъ минскаго на-родонаселенія. Наконецъ *Неморшанская* и особенно огромная *Лозовская* рощи, славящіяся своими *майками* (майскими гуляньями).

Говоря объ окрестностяхъ, нельзя не замѣтить о двухъ древнихъ мѣстечкахъ (а вѣрнѣе селахъ) близъ Минска: *Кривичахъ*, такъ ясно напоминающихъ однимъ уже своимъ названіемъ землю кривичей, предковъ минчанъ, и особенно *Городищу*, свидѣтельствующемъ о бывшемъ нѣкогда на этомъ мѣстѣ *городкѣ*, или по крайней мѣрѣ древнемъ *замкѣ*. Что Городище это было когда нибудь городомъ или замкомъ, доказательствомъ служатъ древнія монеты и желѣзные орудія, находимыя часто въ этомъ мѣстечкѣ внутри такъ называемаго *копища*, каменистой горы въ видѣ огромнаго кургана или окопа, а можетъ быть остатковъ городскихъ укрѣпленій или *кривичской могилы*. Замѣчательно также названіе холма, лежащаго рядомъ съ копищемъ, извѣстнаго подъ именемъ *Подгородца*. Очевидно, что всѣ эти названія даютъ право считать Городище древнею селитьбою предковъ минскаго народа — кривичей. Городище — имѣніе г. Пищаллы, того самого, которому принадлежитъ зданіе минской тюрьмы или острога, бывшее нѣкогда жилымъ палацомъ и даже теперь еще извѣстное подъ именемъ замка Пищалловскаго.

X

X.

Заславъ въ древности. Замѣчательности его въ настоящее время: валы, окопы, замчище. — Заславская церковь. Смолевичи. — Замѣтки о бѣлорусскихъ мѣстечкахъ, предметы торговли Смоленичи, Николаевская церковь, *Спатыканые кумы*. — Лошнина: преданіе о походѣ Витовта, лошницкіе лѣса, грибы. — Наполеонъ въ Лошницѣ, преданіе о Массаланѣ, Лошницкіе поселеніе, церковь во имя св. Михаила. — Ратутичи. — Холопеничи. — Лукомль и Лукомльское княжество. — Возвышеніе и паденіе Холопеничъ. — Логойскъ. — Слѣды древностей въ немъ: замчище и замокъ, церкви. — Торги, бумажная фабрика, литейна, кредитный банкъ, бібліотека Тышкевичей, минеральныя воды. — Велятичи. — Намекъ о древностяхъ велятичскихъ, монастырскіе. — Огъездъ въ Борисовъ.

Не бывавъ никогда въ Заславѣ, я всегда воображалъ его почему-то хорошею мѣстечкомъ, съ старинными зданіями — и разочаровался. Предо мной открылась небольшая деревушка на гористомъ и отчасти каменистомъ грунтѣ земли, опоясанная рѣками Свислочью и Черницею (142). А кажется, можно было бы ожидать отъ Заславя хоть какихъ нибудь остатковъ старины. Вѣдь нынѣшній Заславъ тотъ самый Изяславъ, городъ, о которомъ упоминается въ своей лѣтописи Несторъ (143). Извѣстно, что Владиміръ Великій, принявъ христіанство и вступивъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, отпустилъ всѣхъ прежнихъ своихъ женъ, въ томъ числѣ и любимѣйшую изъ нихъ княжну полоцкую Рогнѣду. Рогнѣда, болѣе прочихъ женъ привязанная къ Владиміру, поселившись близъ Кіева, на берегу рѣки Лыбелы, изъ ревности и досады искала случая отмстить бывшему своему супругу и однажды, когда онъ посѣтилъ ея жилище, хотѣла его умертвить; Владиміръ, чтобы отдалить такое соседство Рогнѣды, построилъ въ землѣ кривичской городъ (или, вѣрнѣе, замокъ) и поселилъ тамъ Рогнѣду и сына ея Изяслава, назвавъ городъ именемъ Изяслава — Изяславемъ (144). Въ Изяславѣ Рогнѣда приняла христіанскую религію, основала монастырь и постриглась въ немъ подъ именемъ Анастасіи (145). Какъ долго жила Рогнѣда въ этомъ монастырѣ и каковъ былъ самый монастырь, лѣтописи ничего не говорятъ. Подобно думать, что монастырь, равно какъ и самый городъ были деревянные и потому не

(142) Говорятъ, эта рѣка была очень велика и имѣла нѣсколько устьевъ.

(143) Печат. лѣт. Нестора, стр. 185.

(144) См. тамъ же. Никои. лѣтописи прибавляетъ, что Ярополкъ далъ Изяславу Дроичевъ (Дроичинъ).

(145) Тамъ же.

мой, но, проходя чрезъ лѣсъ, испугалась какого-то привидѣнія и съ испугу бросилась въ рѣку. Сестра похоронила ее близъ замка и насыпала курганъ. Заславскіе поселеніе вѣрятъ этому преданію и всякій разъ, проходя мимо кургана, крестятся.

Единственное украшеніе Заславля въ настоящее время составляетъ деревянная церковь во имя Преображенія Господня, построенная, какъ видно изъ метрики, въ XV вѣкѣ. Стиль ея довольно отличный отъ древнихъ церквей: она имѣетъ форму стариннаго замка съ башенками и шпицами; въ башенкахъ устроены какія-то комнатики, или, какъ называютъ народъ, *горенки*; одна изъ нихъ сохранила слѣды некогда раскрашенныхъ стѣнъ и какой-то надписи на балкѣ, но ея никакъ нельзя разобрать.

Говоря о Заславлѣ, можно упомянуть о конномъ заводѣ при помѣщицѣмъ дворѣ.

Изъ Заславля, по проселочной дорогѣ, я пробрался въ борисовскій уѣздъ, гдѣ первую станцію или отдыхомъ для меня было мѣстечко Смоленичи.

Смоленичи принадлежатъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ мѣстечекъ въ Бѣлорусскомъ краѣ, которые породились вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ польскаго самовластія въ земляхъ Западной Россіи. Изъ исторіи извѣстно, что короли польскіе, чувствуя шаткость своего положенія по случаю развившаго между магнатами и панамъ, расселившимися въ западно-русскомъ краѣ, безначалія и своевольства, и опасаясь перевѣса ихъ голосовъ на сеймахъ, стали искать опоры въ такъ называемомъ классѣ *выбранцевъ*, т. е. такихъ бездомныхъ людей, которые за деньги готовы были служить всякому, и изъ этого класса избирали себѣ приверженцевъ и партизановъ, которые обязывались присутствовать на сеймахъ и подавать голоса въ пользу королей: чѣмъ многочисленнѣе были на сеймахъ эти *клакеры* и, слѣдовательно, больше было голосовъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали короли и успѣвали въ своихъ намѣреніяхъ. А чтобы болѣе расположить къ себѣ *выбранцевъ* и сдѣлать ихъ постоянными своими партизанами, короли предлагали имъ селитьбы въ *избранныхъ деревняхъ* западно-русскихъ, которымъ давались *привилегіи вольности*. Такъ какъ, во времена усилившагося безначалія, въ Западной Руси немало расселилось *выбранцевъ*, то на зовъ королей явились многіе охотники и, возведенные въ мѣщанъ, поселенцы въ привилегированныхъ деревняхъ, гдѣ имъ дали земли, пошли въ привилегированныхъ деревень, гдѣ устраивать фабрики. Отсюда, такъ сказать, двойственность привилегированныхъ деревень, т. е. одну

часть жителей ихъ составляли осѣдлые поселенцы, истые русскіе по языку и религіи, а другую — новопоселенцы иноплеменные, бѣльшею частью поляки. Въ времена же смуты въ Западной Россіи, по случаю уиш, нѣкоторые изъ нихъ приобрѣтали себѣ права дворянства (шляхетства) и дѣлались старостами и войтами своихъ поселеній: вслѣдствіе этого мало по малу и поселенія или деревни ихъ, для большаго значенія, переименовались въ мѣстечки, а нѣрѣдко потомъ изъ этихъ мѣстечекъ образовывались города. Вслѣдствіе, усилившихся въ новыхъ своихъ званіяхъ, *выбранцы* задумали сравнять свои права съ магнатскими, образовали свои партіи и уже не хотѣли повиноваться королямъ: вотъ такимъ образомъ явилась мелкая шляхта⁽¹⁴⁰⁾. Короли возстали противъ такой непокорности *облагодѣльствованныхъ* ими *выбранцевъ* и лишили ихъ права *сеймиковать*, т. е. присутствовать на сеймахъ, и съ тѣхъ поръ перестали заботиться о поддержаніи благосостоянія мѣстечекъ. Пользуясь такими обстоятельствами, старинные магнаты стали тѣснить мелкую шляхту, не допуская ее къ засѣданіямъ на частныхъ сеймахъ и все усиленно употребляли, чтобы подчинить ихъ себѣ, какъ вассаловъ. Отсюда начинается паденіе новопорожденныхъ мѣстечекъ: правомъ конституціи запрещено новопоселенцамъ мѣстечекъ — *выбранцамъ*, приобретать новыя земли, а тѣмъ болѣе имѣнія; мало того, въ 1613 году силою *legis sumptuariae* воспрещено мелкой шляхтѣ носить одежду магнатовъ, т. е. шелковые кунтуши и сафьянные цвѣтные сапоги и дорогія шубы, подъ угрозою строгаго взысканія за нарушеніе такого постановленія⁽¹⁴¹⁾. Окончательное пораженіе мѣстечкамъ и жившимъ въ нихъ *выбранцамъ* нанесла конституція подъ названіемъ: *Pretia rerum*⁽¹⁴²⁾, подчинивъ ихъ старостамъ-магнатамъ. Эти-то старосты-магнаты окончательно уничтожили права новыхъ мѣстечекъ, а новую мелкую шляхту низвели на ступень мѣщанства. Нѣкоторые изъ мелкихъ шляхтичей-*выбранцевъ* отстояли права своего дворянства силою данныхъ имъ королевскихъ грамотъ, но большая часть изъ нихъ, потерявъ акты дворянства, должна была покориться своей судьбѣ и вошла въ составъ мѣщанъ; многіе же изъ нихъ, во времена смуты уиш, попали въ число помѣщичьихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, новопородившіяся мѣстечки потеряли свое значеніе и, по сверженіи ига польскаго самовластія, сохранили свои названія только по имени, но въ сущности остались деревнями, съ тѣмъ различіемъ отъ обыкновенныхъ деревень, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ для формы живетъ нѣсколько мѣщанъ,

⁽¹⁴⁰⁾ Vol. leg. T. II, p. 139, № 1.

⁽¹⁴¹⁾ Vol. Leg. T. III, p. 183.

⁽¹⁴²⁾ Тамъ же, p. 371.

Тутъ старушка объяснила мнѣ, что въ борисовскомъ уѣздѣ между поселянами существуетъ слѣдующее обыкновение: если у кого не ведутся дѣти, такъ просятъ въ воспріемщики новорожденнаго перваго встрѣчнаго и первую понавшуюся дѣвцу, какого бы слова они ни были, и никто не можетъ отказать просителю въ томъ, что освящено вѣками.

«Чтожь? — подумалъ я, выслушавъ старушку — дѣло доброе, почему не услужить людямъ?», и согласился быть *спатыканнымъ* *кумомъ*. Исполнивъ желаніе поселянъ, я возвратился въ Смоленщи на нѣсколько часовъ.

Черезъ пять часовъ послѣ этого я уже былъ въ Лошницѣ.

Лошница лежитъ на срединномъ пунктѣ бѣлорусской почтовой дороги, ведущей съ одной стороны въ Борисовъ, Минскъ и Игумень, а съ другой — въ Оршу, Могилевъ и Витебскъ, межъ необыкновенно дѣвственныхъ и гористыхъ окрестностей, полныхъ историческихъ воспоминаній, что вмѣстѣ даетъ ей немалое значеніе въ топографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что и сама она печужда историческихъ событій и лишена остатковъ старины. Самое древнее событіе, совпадающее съ исторіею появленія Лошницы, мѣстное преданіе возводитъ къ концу XIV или къ началу XV вѣка, именно ко времени княженія Витовта. Говорятъ, будто какой-то древній князь Витъ (а по другимъ Витокъ) проходилъ съ многочисленнымъ войскомъ черезъ лѣса нынѣшней Лошницы и, будучи застигнутъ во время ночи сильною бурей, велѣлъ воинамъ расчистить лѣсъ и устроить ночлегъ на высокой горѣ близъ ручья, и будто воины вырыли на верхушкѣ горы яму, обложили ее кожами и такимъ образомъ устроили для Вита *ложу* (постель), въ память чего гору назвали *Ложницею*, а ручей или рѣчку *Ложой*. Лошницкіе старожилы указываютъ мѣсто ночлега или *ложу* близъ р. Лоши, на горѣ, лежащей за кладбищемъ, которая до сихъ поръ называется *Витогорьемъ*. Что подъ именемъ Вита здѣсь разумѣется Витовтъ, это доказывается сходствомъ преданія съ историческимъ фактомъ. И дѣйствительно, преданіе о походѣ Вита черезъ лѣса нынѣшней Лошницы ни чуть не противорѣчитъ исторіи о походѣ Витовта, потому что Витовтъ, предпринявъ въ 1395 году походъ изъ Вильно въ Оршу противъ Свидригайлы, не инымъ путемъ могъ совершить его, какъ черезъ земли борисовскаго уѣзда. Но нельзя согласиться, будто отъ *ложы* получила свое названіе Лошница и рѣка Лоша, потому, во первыхъ, что для зашитаго такого преданія слѣдовало бы переименовать Лошницу въ Ложницу;

во вторыхъ, предположить, что до времени Витовта Лошница не существовала, и что она получила свое существованіе отъ его ночлега; и въ третьихъ, если до времени похода Витовта не было никакого оселища въ нынѣшней Лошницѣ, и она получила свое названіе только по случаю похода въ этихъ мѣстахъ Витовта, то кто же могъ передать этотъ фактъ отдаленному потомству? Развѣ поселившіеся на мѣстѣ ночлега Вита литовскія семейства изъ его дружины? Но въ такомъ случаѣ осѣдлость ихъ въ Лошницѣ, какъ литовскаго племени, безъ сомнѣнія, должна была рѣзко отразиться въ образѣ жизни, правахъ и въ особенности въ языкѣ и религіи потомковъ ихъ, т. е. нынѣшнихъ жителей Лошницы. Но, во первыхъ, нѣтъ необходимости предполагать, что Лошница называлась прежде *Ложницею* и что это названіе уже впоследствии измѣнилось въ устахъ народа, любящаго обыкновенно переименовывать на свой ладъ историческія названія городовъ, урочищъ и т. п., потому что въ сохранившихся до насъ письменныхъ документахъ она не называется Ложницею, а Лошницею, или же *Лосницею*, *Лосницею* и даже *Лошницемъ*, какія названія по корню, какъ увидимъ ниже, тожественны съ именемъ Лошницы, а не Ложницы. Такъ въ письмѣ (1574 года) оршанскаго старосты Филона Кмиты Черныбыльскаго къ Николаю Радзивиллу, вилненскому воеводѣ, Лошница названа Лошницемъ⁽¹⁵⁶⁾. Въ актахъ Минской губерніи говорится, что приказъ минскаго старосты Горностая въ 1576 году 16 августа писанъ у Лошницы (если только здѣсь Лошницею названа нынѣшняя Лошница)⁽¹⁵⁷⁾. Въ ивентарѣ (1618 года) администраціи князя Льва Радзивилла, которому принадлежитъ нынѣ Лошница, она называется, согласно польскому произношенію, Лосницею и Лошаницею. Въ грамотѣ польскаго короля Сигизмунда, изданной 22 февраля 1627 года, вслѣдъ называется Лосницею (см. дальше). Наконецъ, въ самыхъ старинныхъ и даже древнихъ церковныхъ метрикахъ Лошница называется *Лошиною*, *Лосницею* и *Лошицею*. Во вторыхъ, если же допустить происхожденіе названія Ложницы отъ *ложы*, или ночлега Витовта, и потому производить его отъ языка литовцевъ или, положимъ, поляковъ, поселившихся на мѣстѣ этого ночлега, то это значитъ противорѣчить корнеслову литовскаго или польскаго (если предположить, что, можетъ быть, кто нибудь изъ поляковъ, бывшихъ въ числѣ воиновъ Витовта, далъ такое названіе мѣсту ночлега литовскаго князя) языковъ, потому что корнесловъ Ложницы (отъ *ложы*) ясно отзывается элементомъ русскаго или древне-славянскаго языковъ, и ни чуть не польскаго и тѣмъ болѣе

⁽¹⁵⁶⁾ Źródła de dziejow Polskich, т. II, str. 278, 279.

⁽¹⁵⁷⁾ Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Минской губерніи, № 24.

литовскаго. Въ третьихъ, если, до похода Витовта въ этихъ мѣстахъ, нынѣшняя Лошница не существовала, а во время похода явилась *Ложица* и преданіе о ней сохранено поселившимися въ ней литовцами, или, пожалуй, поляками изъ свиты литовскаго князя, то спрашивается, отчего же нынѣшніе поселенцы Лошницы не сохранили въ себѣ ни малѣйшаго элемента литовскаго или польскаго происхожденія? Отчего ни языкъ ихъ, ни образъ жизни, ни религія, ни нравы, ни повѣрья наконецъ, которыя всего болѣе характеризуютъ древній элементъ современнаго народа, не имѣютъ ничего общаго съ Литвою и Польшею? Напротивъ того, нравы и образъ жизни лошничанъ отзываются чисто-русскимъ или славяно-кривичскимъ началомъ, а повѣрья ихъ по преимуществу славянскія; доказательствомъ служатъ ихъ сказки и особенно пѣсни, въ которыхъ вполне отражается дума древняго русскаго народа, воспѣваются герои бѣлорусскіе, упоминаются названія урочищъ, лѣсовъ, озеръ и горъ, чисто кривичскія и въ которыхъ, наконецъ, такъ сказать, свѣтится, какъ алмазь, древній славяно-русскаго языка и слышатся звуки бѣлорусскаго нарѣчія. Но еще болѣе уничтожаетъ и слышатся звуки бѣлорусскаго нарѣчія. Но еще болѣе уничтожаетъ и слышатся звуки бѣлорусскаго нарѣчія. Но еще болѣе уничтожаетъ и слышатся звуки бѣлорусскаго нарѣчія. Но еще болѣе уничтожаетъ и слышатся звуки бѣлорусскаго нарѣчія.

миѣніе о населеніи Лошницы какимъ нибудь литовскимъ или польскимъ племенемъ религія нынѣшнихъ или даже прежнихъ лошничанъ: религією этою всегда была православная, по отношенію не римско-католическая или другая какая нибудь, чуждая русскому началу, а сродная литовскому или польскому, и если была и когда введена въ Лошницѣ унія, то эта унія была порожденіемъ сокращеннаго православія; но отношенію не родною вѣрою; впрочемъ Лошница, равно какъ и нѣкоторыя другія деревни и мѣстечки борисовскаго уѣзда, раньше другихъ уніатскихъ земель свергла съ себя иго уніи и была православною въ то время, когда прочія земли бѣлорусскаго или кривичскаго края уніатствовали. Если бы Лошница была заселена литовцами или поляками, то, безъ сомнѣнія, она сдѣлалась бы когда нибудь, хоть на нѣкоторое время, достояніемъ польскаго католицизма, и усердные іезуиты сохранили бы объ этомъ, хоть дополненныя и украшенныя неправдою какія нибудь свѣдѣнія; но этихъ свѣдѣній о существованіи въ Лошницѣхъ католицизма не имѣется, тогда какъ о древнемъ православіи лошничкомъ до сихъ поръ сохранились преданія. Говорятъ, что по лѣвую сторону моста надъ рѣкою Лошою были двѣ церкви, остатки каменныхъ основаній которыхъ хранятся до сихъ поръ въ землѣ; а по дорогѣ въ деревню *Пегуновичи*, на высокой горѣ, указываютъ мѣста, гдѣ были три церкви.

Всего вѣроятнѣе, что, во время похода Витовта и похода его въ нынѣшнихъ лошничкихъ мѣстахъ, по сосѣдству существовало

уже какое нибудь оселище чисто славяно-русское или кривичское: судя по славяно-кривичскимъ названіямъ селъ и деревень (*Велитичи*, *Логойскъ*, *Пача* и др.), можно думать, что борисовскій край, слѣдовательно и лошницкій округъ, издавна были населены разными семьями кривичскаго племени. Что же касается до преданія о *Ложи* и *Ложицѣ*, то въ немъ, кажется, перенутаны обстоятельства похода Витовта съ временемъ появленія Лошницы; потому что названіе ли Лошница или Ложица чисто русскаго или собственно бѣлорусскаго, древне-кривичскаго происхожденія. Но крайней мѣрѣ это можно сказать о названіи Лошница, которое потому допускаю и и считаю древнимъ и никогда не измѣнившимся въ устахъ народа, что о немъ сохранилось извѣстіе въ люстраціонной записи города Борисова отъ 1749 года (запись находится при магистратскомъ архивѣ); вотъ что тамъ сказано: «потому и Лошница, што тежъ тамъ лоши въ пуцахъ темныхъ маюць во многомъ числѣ пребывати и кривичской воды пити, которая вода весьма свѣтлая и смаковита лошамъ.» Послѣ этого очень ясно, что Лошница получила свое названіе отъ обилия *лошигъ*, т. е. лосей, водившихся въ темныхъ лѣсахъ ея. Названіе очевидно бѣлорусское, потому что *лоша*, лось, слово бѣлорусское; названіе очень мѣткое и вѣрное, потому что лѣса или пуши лошницкія до сихъ поръ славятся множествомъ лосей, которые лѣтомъ страшно пестреляютъ на лѣсныхъ поляхъ просо, на сѣваемое здѣсь въ больномъ количествѣ, и потому что безчисленные ключи рѣки Лоши, «изъ которыхъ, какъ говорится въ записи, или воду лоси», дѣйствительно извѣстны своею кристаловидною и очень вкусною водою, оттого что эта рѣка протекаетъ черезъ известковые и глиняные слои земли; таковъ между прочимъ ключъ (кривичка) близъ мельницы у подошвы каменистой горки. О лѣсахъ или пуцахъ лошничкихъ нечего и говорить: они, безъ всякаго сомнѣнія, сохранились такими же, какими были и прежде — огромные, мрачные и непроходимые. Кромѣ лосей, въ нихъ водится множество дикихъ кабановъ, медвѣдей и необыкновенно рослыхъ темнобурыхъ волковъ. Такъ какъ многіе лѣса состоятъ изъ липовыхъ, кленовыхъ и грабовыхъ деревьевъ, то въ нихъ очень удобно поддерживается пчеловодство, составляющее одно изъ главныхъ промысловъ и доходовъ лошничкихъ поселенцевъ: у каждаго изъ нихъ по нѣскольку улей, и они ежегодно собираютъ медъ, особенно липовый (липового меда) въ огромномъ количествѣ и сбываютъ въ города. За то лошничкіе лѣса бѣдны хорошею травою и вообще не могутъ похвалиться сѣнокосами, точно такъ же, какъ и поля не славятся урожаями.

Но къъ же дано названіе Лошницы и къ какому именно вѣку

довольно благолепно устроенной, особенно въ послѣднее время, въ алтарѣ противъ Царскихъ Вратъ, на стѣнѣ помѣщается Образъ Божіей Матери. Преданіе говоритъ, что этотъ образъ явился когда-то очень давно на горѣ и усмотрѣнъ былъ двумя старцами иноками, пришедшими въ Велитичи изъ Кіева, которые поселились на горѣ въ подземной пещерѣ и построили сначала часовню, а потомъ небольшую церковь. Но она не сохранилась до нашего времени; нынѣшняя церковь построена въ началѣ текущаго столѣтія. Говорятъ, что подъ церковнымъ поломъ съ лѣвой стороны отъ входа, близъ клироса, хранятся безъ всякаго поврежденія гробы основателей церкви въ пещерѣ, отъ которой гора, гдѣ они поселились, названа *Монастыркомъ*. Есть преданіе, что въ пещерѣ были когда-то зданія монастырскихъ келій. Замѣчательна дорога, ведущая къ Монастырку: она вся завалена разными деревянными досками съ изображеніями человѣческихъ головъ, рукъ, ногъ и копытъ домашнихъ животныхъ; всѣ эти доски нанесены богомольцами, которые привозятъ ихъ съ собою изъ отдаленныхъ мѣстъ: у кого болитъ голова, рука, тотъ везетъ доску съ изображеніемъ головы, руки и т. д.; у кого падаетъ скоть, тотъ бросаетъ на дорогу доску съ изображеніемъ какого-нибудь члена скотины... Изъ этихъ досокъ образуется ежегодно новая плотина для прохода, но не проѣзда (ѣздить нельзя) богомольцевъ. На концѣ плотины, близъ велитичской дороги, устроена маленькая часовня, въ которой хранится копія Чудотворнаго Образа Божіей Матери; при часовнѣ небольшой колодезь, въ которомъ вода освящается ежегодно, въ день Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября), когда на преимуществу собирается множество народа.

Помолившись въ монастырской велитичской церкви, я уѣхалъ изъ Велитичъ и чрезъ Сморки возвратился въ Лошницу, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, продолжилъ свое путешествіе по Бѣлорусскому краю, окольнымъ путемъ.

Изъ Лошницы, чрезъ Жодинь, я проѣхалъ въ Борисовъ...

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

ПѢСНИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *Перевелъ П. Бергъ.* Москва. 1854.

Говорятъ, будто бы человекъ не бываетъ ничѣмъ доволенъ. Дѣйствительно, такъ иногда случается, и нельзя не сказать, что въ избитой фразѣ о ненасытности человека, о безграничности его требованій есть своя доля правды, какъ есть своя доля правды во всемъ, что когда-нибудь было или будетъ сказано. Но гораздо болѣе справедливости въ противоположной мысли, которая слышится не столь часто: человекъ вообще чрезвычайно склоненъ къ самодовольству и, вслѣдствіе того, къ довольству всѣмъ, что считается своимъ. Посмотрите, какъ неумѣренно каждый народъ превозноситъ свое участіе въ исторіи, какъ ставитъ онъ себя первымъ въ мірѣ народовъ! Для насъ, наиримѣръ, постороннихъ, и потому до высокой степени безпристрастныхъ зрителей, забавно видѣть, какъ французы почитаютъ первою съ мірѣ литературою свою литературу, англичане свою, иѣмцы свою; мало этого, даже итальянцы до сихъ поръ продолжаютъ считать себя стоящими въ челѣ всемірнаго движенія, воображаютъ, будто бы ихъ поэты и ученые — не Данте или Аріосто, не Джордано Бруно или Галилей, нѣтъ, современные, неважные ни для кого, кромѣ самихъ итальянцевъ, поэты и ученые — первые двигатели умственнаго и нравственнаго міра. Послѣ этого легко будетъ оцѣнить и степень основательности притязаній каждаго новаго поколѣнія на безусловную справедливость стремленій своего вѣка. Безпрестанно повторяется старая исторія присужденія греками награды тому человеку, который наиболѣе содѣйствовалъ побѣдѣ надъ Ксерксомъ: когда началась баллотировка, каждый изъ присутствовавшихъ клалъ въ урну свое собственное имя. Мы не говоримъ, чтобы всѣ притязанія настоящаго поколѣнія на славу были несправедливы; мы даже не хотимъ рѣшать и того, справедливы ли притязанія нашего времени на первенство надъ

Т. XLVIII. Отд. III.

бѣдная дѣвочка, ни больше, ни меньше, какъ дочь комедіанта, и Джемсъ Гартгаузъ ни больше, ни меньше, какъ величайшая пирамида неудачи.

Величайшая пирамида напомнила ему о берегахъ рѣки Нила. Онъ взялъ перо и приличными іероглифами начерталъ къ своему брату слѣдующее посланіе:

«Любезный Джекъ. Я кончилъ съ Кокстоуномъ. Мѣсто то чертовски надоѣло мнѣ, и я отправляюсь покататься на верблюдахъ. Душевно преданный тебѣ.

«Джемъ.»

Окончивъ письмо, онъ позвонилъ.

— Пошли ко мнѣ моего лакея.

— Онъ легъ уже спать, сэръ.

— Скажи ему, чтобы всталъ и уложилъ мои вещи.

Онъ написалъ еще двѣ записки. Одну къ мистеру Бондери, въ которой увѣдомлялъ о своемъ отъѣздѣ, и сообщилъ адресъ, гдѣ его найти черезъ двѣ недѣли. Другую, подобнаго содержанія, къ мистеру Градгрэинду. Чернила не успѣли еще высохнуть на адресахъ этихъ двухъ записокъ, какъ уже мистеръ Джемсъ Гартгаузъ далеко находился отъ высокихъ трубъ Кокстоуна, и мчался по желѣзной дорогѣ, пролегавшей надъ мрачнымъ ландшафтомъ.

Иные подумаютъ, что для мистера Гартгауза эта импровизированная ретирода послужила, впрочемъ, поводомъ къ размышленіямъ и пріятнымъ размышленіямъ, что онъ долженъ считать ее за одно изъ своихъ дѣяній, искупавшихъ его отъ другихъ, за признакъ того, что онъ избѣгнулъ крайняго предѣла самаго дурнаго поступка. Но ничего этого не бывало. Тайное чувство, говорившее ему о его неудачѣ и его настоящемъ положеніи, — опасенія, что скажутъ бывавшіе въ подобныхъ обстоятельствахъ его товарищи, когда узнаютъ объ этомъ, до такой степени тревожили его, что онъ стыдился лучшаго изъ всѣхъ поступковъ въ своей жизни.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ПОЛЬСЬЮ И БѢЛОРУССКОМУ БРАЮ.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ. (*)

XI.

БОРИСОВЪ.

Физиономія Борисова при въѣздѣ въ него съ Минской заставы. — Историческія вѣстия объ основаніи его. — Походы черезъ Борисовъ и борисовскій уѣздъ: — Витовта, Свидригайлы, Александра; — Сигизмунда I, Стефана Баторія, Яна-Казимира, Карла XII и Наполеона. — Березинское пораженіе и бѣгство французовъ изъ Россіи. — Судьба французскаго войска и его семейства послѣ отступленія Наполеона отъ Студенки. — Преданія о французскихъ кладахъ. — Разныя формы администрацій въ Борисовѣ. — Борисовъ въ настоящее время. — Рынокъ и площадь. — Церкви и костелъ. — Улицы — Березинскій мостъ. — Дача Енгельфельта и остатки древняго замка. — Батарей. — Рѣка Березина и судоходство по ней. — Пристань или слобода. — Общественная жизнь горожанъ: ярмарки, казино. — Поселеніе Борисовскаго уѣзда. — Въѣздъ изъ Борисова. — Застѣнокъ одноподворцевъ Новицкихъ: Губернскій; преданія о застѣнкѣ; лекарка. — Города и его древности. — Раваичи и его замѣчательности. — Витовдута. — Домовитскіе.

Отъ Жодина до Борисова лежитъ необыкновенно-песчаная дорога и потому всякая болѣе или менѣе скорая ѣзда по ней не-

(*) Первые три статьи «Путешествій» г. Шинклевскаго напечатаны въ «Современникѣ» 1853 года, въ июльской, польской и августовской книжкахъ, четвертая — въ ноябрской книжкѣ 1854 года.

возможна: очевидно неприятно, да и скучно тянуться шагомъ по глубокимъ пескамъ. За то неприятность эта выкупается прекрасными видами, встречающимися по сторонамъ живописныхъ окрестностей жодинскаго яма, и особенно при самомъ въѣздѣ въ Борисовъ съ минскаго тракта. Густые сосновые лѣса не оставляютъ васъ до извѣстныхъ гливинскихъ крутыхъ возвышеній или горъ, которыя закрываютъ Борисовъ съ минскаго и вугменскаго вѣздовъ и дѣлаютъ его невидимымъ у самой заставы, находящейся почти у подошвы этихъ горъ. Но лишь только взлѣдете на эти горы, какъ передъ глазами вашими точно на ладони открывается весь городъ, расположенный въ видѣ полуострова на отлогой равнинѣ, опоясанной съ трехъ сторонъ рѣками Березиною и тутъ же впадающею въ нее Схою. Вы видите передъ собою, какъ бы плавающія въ водахъ этихъ рѣкъ, небольшія, прильнувшія другъ къ другу деревянныя зданія, между низенькими почернѣвшими кровлями и бѣлыми трубами которыхъ ясно обозначаются куполы церкви и башни костела. Слѣжая по крутизнѣ возвышеній, вы невольно обратите вниманіе на портовую пристань, застроенную красивенькими домиками и амбарами струговщиковъ или *байдачниковъ* на значительномъ пространствѣ правой стороны Березины, наполненной судами съ распущенными парусами. На пристани вѣчное движеніе, постоянный шумъ и толкотня, — признакъ оживленной торговли.... Множество всякаго народа, особенно жидовскаго, махнатаго племени, безчисленные ряды телегъ и одноколокъ для выгрузки товаровъ, говоръ, крикъ и перебранка зѣвакъ и покушниковъ собою придаютъ пристани особенную, типическую физиономію и составляютъ характеристику ея, образуя изъ нее маленькое мѣстечко или подгородную колонію. Пристань соединена съ городомъ посредствомъ деревяннаго разводнаго моста. Въ виду пристани, гордо поднимаютъ свои хребты остатки валовъ или батарей двѣнадцатаго года, напоминающіе собой о славѣ русскихъ въ страшномъ пораженіи французовъ въ Борисовѣ въ отечественную войну, доказавшую, что Наполеонъ, слишкомъ надѣявшійся на силу своей арміи, до тѣхъ поръ могъ быть счастливымъ героемъ, пока не рискнулъ вступить въ борьбу съ оружіемъ русскихъ. — Между валами, тюрьмою и Березиною, налѣво отъ моста, красуется очень миленькій хуторокъ нѣкогда извѣстной фамиліи Энгельфельтъ. — По другую сторону города, видѣются грады остроконечныхъ холмовъ и горъ съ необыкновенно-бѣлымъ пескомъ, на отрогахъ которыхъ, налѣво, раскинуто еврейское кладбище, заросшее густымъ сосновымъ лѣсомъ, а направо — кладбище хри-

станское, вдоль и вокругъ котораго стелется обширная полоса луговъ и пастбищъ, изрѣзанныхъ двумя разливными желобовидными Березинами.... И все эти холмы, все эти горы окаймлены густою бахрамою вѣчно-зеленаго сосноваго лѣса, которымъ такъ богаты окрестности Борисова и вообще Борисовскій уѣздъ.

Борисовъ считается уѣзднымъ городомъ Минской губерніи и лежитъ отъ Минска въ 74 верстахъ; границы его: помѣстья князя Радзивилла, — Люботовицзна, деревня Корибскаго, — Кобыльщина — бывшее имѣніе Борисовской православной церкви, и Гливинскіе лѣса.

Начало Борисова нужно относить къ весьма отдаленной древности. По предположенію Стрыйковскаго, Борисовъ явился во второй половинѣ XII вѣка. Стрыйковскій говоритъ, что въ 1172 г. полоцкій князь Борисъ Гливилловичъ, желая обозначить границы своихъ владѣній, смежныхъ съ литовскими, положилъ на *одномъ* рубежѣ своего княжества, именно близъ рѣки Двины, камень съ надписью: *вспомага Господи раба своего Бориса, сына Гливиллова*, — а на *другомъ*, именно близъ рѣки Березины, построилъ замокъ и городъ, который назвалъ въ честь своего имени — Борисовомъ. (170) А чтобъ придать болѣе значенія своему предположенію, Стрыйковскій увѣрять, что онъ самъ видѣлъ этотъ пограничный камень съ вышеприведенною надписью. — Стрыйковскому на-слово повѣрилъ Коваловичъ и тоже свидѣтельствуешь, что Борисовъ построенъ въ 1172 году, прибавляя, что въ его еще время находился въ Двинѣ огромный камень, на которомъ высѣченъ былъ иптеричный крестъ съ тою же надписью (171). Еще болѣе Коваловича ошибается составитель литовской хроники, означая временемъ построенія Борисова 1799-й годъ (172).

Борисовскій камень до сихъ поръ лежитъ въ рѣкѣ Двинѣ въ семи верстахъ отъ города Дисны, по направленію къ Дрисѣ, и дѣйствительно съ надписью, упомянутой Стрыйковскимъ; только въ этой надписи нѣтъ словъ: *Гливиллова*, да и слѣдовъ его не видно. Очевидно, это прибавленіе историка-поэта, о которомъ весьма справедливо замѣчено однимъ ученымъ, что онъ (Стрыйковскій), желая во что бы то ни стало доказать построеніе Борисова Борисомъ *Гливилловичемъ*, сочинилъ Борису отечество — Гливилловичъ, въ полной надеждѣ, что по смерти ему не при-

(170) Strykowski, стр. 274.

(171) Kojalowitz, — листъ 74; см. Święckiego — opis starożytniej Polski, стр. 279.

(172) Kron. Lit., wyd. przez Narbutta, 1846 г. Str. 11.

сдѣланъ (доспелъ) въ 1171 (6679) году, мѣсяца мая 7-го дня: Господи помози рабу своему Василию въ крещеніи, именемъ Рохволоду, сыну Бориса. Разница между надписью Ришардо и этою та, что Ришардо вмѣсто: доспелъ крестъ сей, прочелъ: успе, на основаніи чего и назвалъ камень надгробнымъ памятникомъ. Не говорю о томъ, что этотъ камень не можетъ быть названъ надгробнымъ памятникомъ, потому уже, что въ надписи ясно сказано: доспелъ—построенъ, но и форма надписи такого рода, что она напоминаетъ древнее обыкновеніе русскихъ пещерскихъ угодниковъ и вообще благочестивыхъ людей давать знать потомству подобными надписями о своемъ существованіи или построеніи ими храма. Такъ подобныя надписи встрѣчаются до сихъ поръ въ пещерахъ: не дальше, какъ въ 1853 году, въ новооткрытой пещерѣ пнкоа Теофила, близъ Дибра, между Новымъ Цѣпнымъ мостомъ и Кіевопечерскою Лаврою, найдена надпись въ нишѣ на образѣ: *Господи! помози рабу своему Теодосію, во мноцѣхъ Теофилу на многи лѣта.* (176). Слова: «на многи лѣта» очевидно показываютъ, что надпись вырѣзана при жизни Теофила. — Что же касается до упоминаемаго въ надписи Борисовскаго камня имени Рохволода, то, вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ о второмъ сынѣ Бориса изъ рода князей Полоцкихъ — потомства св. Владымира по Рогнедѣ, который (Рохволодъ) въ 1144 г. женился на дочери Изяслава Мстиславича и управлялъ Полоцкимъ княжествомъ до 1151 г. Въ (1851) году Полочане, удаливъ его отъ княжескаго престола, приняли мнскаго князя Ростислава Глѣбовича. Рохволодъ получилъ отъ Святослава Черниговскаго пособіе и въ 1158 году жители Друцкіе, удаливъ своего князя Глѣба Ростиславовича, сына Ростислава Полоцкаго, приняли его къ себѣ княземъ; вскорѣ же потомъ полочане призвали его опять для управленія ими. Сынъ его назывался Глѣбомъ, и о немъ упоминается въ 1181 году, когда онъ былъ союзникомъ Давыда Смоленскаго противъ Святослава и носилъ титулъ князя Друцкаго. Мѣстечко же Друцкъ на рѣкѣ Друцѣ, гдѣ сохранился до сихъ поръ, такъ-называемый *Земляной городокъ* (т. е., окопы, валы), лежитъ отъ камня Рохволодова въ 45 верстахъ. На основаніи этого можно заключать, что камень лежитъ во владѣніяхъ древняго княжества Друцкаго, и что храмъ или вырѣзанный на камнѣ крестъ, о которомъ свидѣтельствуетъ надпись, посвященъ былъ Борису и Глѣбу именно потому, что отецъ Рохволода назывался Борисомъ, а сынъ — Глѣбомъ. Последнее заключеніе подтверждается и тѣмъ, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ

въ день этихъ угодниковъ ежегодно отправлялось на камнѣ молебствіе, и что камень этотъ до сихъ поръ въ устахъ народа извѣстенъ богѣ подъ именемъ Борисоглѣбскаго, чѣмъ Борисовскаго.

Но ни на основаніи надписи на камнѣ Борисовскомъ или Борисоглѣбскомъ, ни на основаніи надписи на камнѣ двинскомъ нельзя опредѣлить начала появленія Борисова, во-первыхъ, потому что ни въ той ни въ другой надписи не говорится о построеніи города, а только упоминается объ именахъ какихъ-то Борисовъ: здѣсь возможно только предполагать, но и самое предположеніе въ этомъ случаѣ опровергается генеалогическими и хронологическими изслѣдованіями о княжествѣ и князьяхъ Полоцкихъ; во-вторыхъ, потому что та и другая надписи подлежатъ сомнѣнію: не подложны ли онѣ? Въ-третьихъ, наконецъ, потому (а это-то особенно и важно), что предположеніе о времени построенія Борисова, принятое Стрыйковскимъ, Кояловичемъ и составителемъ литовской хроники на основаніи надписи на двинскомъ камнѣ, противорѣчитъ лѣтописному сказанію Нестора. По мнѣнію Стрыйковскаго и Кояловича Борисовъ построенъ въ 1172 году, а по мнѣнію составителя литовской хроники въ 1199 г.; между тѣмъ, у Нестора о Борисовѣ упоминается подъ 1127 годомъ по случаю войны Мстислава, сына Мономахова, съ князьями полоцкими на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами. Изъ лѣтописи извѣстно, что Мстиславъ, сынъ Мономаха, сдѣлавшись княземъ всей Руси (1125 г.), по случаю войны съ Половцами, обратился за помощію къ соседнимъ княжествамъ и въ особенности, какъ къ болѣе сильному племени, къ кривичамъ, но кривичи отказали ему въ помощи. Это оскорбило Мстислава. Окончивъ удачно войну съ Половцами (1127 г.), Мстиславъ рѣшился завоевать землю кривичей и тѣмъ положить конецъ могуществу этой отрасли русскихъ славянъ, не хотѣвшей подчиниться власти князя всея Руси. Соединившись съ союзными князьями, онъ двинулъ войско въ числѣ нѣсколькихъ отрядовъ въ столицу кривичей Изяславъ: «въ 6635 (1127 г.) лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ четырьмя пути и повелѣлъ имъ идти къ Изяславу (177)»; но такъ какъ на пути встрѣтилъ сильное препятствіе для входа въ Изяславъ со стороны сильноукрѣпленнаго города Борисова, то послалъ одного изъ князей именно Всеволода Ольговича (брата своего) осадить Борисовъ и взять его приступомъ. Отстранивъ препятствіе, Мстиславъ двинулся дальше и соединился съ новымъ войскомъ,

спѣшившимъ къ нему изъ Логойска, послѣ чего овладѣлъ Изяславемъ (178).

Имѣя въ виду такое сказаніе лѣтописца, изъ котораго видно, что Борисовъ былъ укрѣпленнымъ городомъ въ 1127 году, мы безъ сомнѣнія должны возводить начало его не къ 1172 или 1199 годамъ, но раньше 1127 г. Въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться съ Нарбутомъ и Татищевымъ, которые говорятъ, что Борисовъ построенъ въ 1102 году (179). Трудно только допустить то, что Нарбутъ называетъ основателемъ Борисова поминскаго князя Бориса Всеволодовича, или же Татищевъ — половецкаго князя Бориса Всеславича на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами: потому что ни о существованіи Бориса Всеволодовича и Бориса Всеславича, ни о построеніи ими Борисова, равно ни о войнѣ послѣдняго съ ятвягами нигдѣ не упоминается. Напротивъ, изъ лѣтописей извѣстно, что Всеславъ Брянславичъ, половецкій князь, имѣлъ только одного сына Глѣба, замѣчательнаго по несчастной борьбѣ своей съ Владимиромъ Мономахомъ, которая прекратилась бѣдственною кончиною Глѣба, умершаго безъ потомства въ Кіевѣ въ 1115 году.

На основаніи лѣтописнаго сказанія, по соображеніи отношеній между русскими князьями X и XI вѣковъ, нужно полагать, что Борисовъ обязанъ своимъ существованіемъ Ярославу I-му, который, послѣ раздѣла Русь (1026) съ побѣдителемъ и братомъ своимъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, получивъ во владѣніе земли по правую сторону Днѣпра, необходимо долженъ былъ, на случай новой распри съ братомъ, заботиться объ укрѣпленіи границъ своихъ; поэтому построеніе Борисова можно отнести ко времени между ихъ раздѣломъ и смертію Мстислава (1032 г.), послѣ которой Ярославъ сдѣлался единовластителемъ всея Руси. Названіе же Борисова Ярославъ далъ изъ уваженія къ памяти брата своего Бориса-мученика.

Почти два вѣка Борисовъ былъ собственностью Русскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка, вслѣдствіе ослабленія Руси борьбою Улѣловъ, Борисовъ вмѣстѣ съ прочими княжествами кривичскими перешелъ во власть литовцевъ, а потомъ поляковъ, и съ тѣхъ поръ, какъ городъ пограничный, лежащій на рубежахъ владѣній Россіи, Литвы и Польши, былъ свидѣтелемъ военныхъ движеній этихъ трехъ государствъ, а также временнымъ мѣстомъ пребыванія ихъ государей, королей и князей.

(178) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. 1848 г., Т. II, стр. 11; — Narbutt Т. III, стр. 273.

(179) Narbutt. Dzieje Nar. Lit. Т. III, str. 276.

Такъ, походы литовскаго князя Витовта въ 1395 году въ Оршу и Витебскъ противъ Свидригайлы, а въ 1401-мъ г. въ Смоленскъ противъ Юрѣя Святославича, потомъ въ 1405 и 1425-хъ годахъ въ Псковъ не иначе могли быть совершаемы какъ чрезъ Борисовъ и борисовскій уѣздъ. Слѣды хотя и заросшихъ, но еще сохранившихся отчасти возлѣ самаго Борисова и въ его окрестностяхъ дорогъ, которыя нѣкогда Витовтъ прочищалъ и насыпалъ въ болотистыхъ мѣстахъ мелкимъ камнемъ и щебнемъ, и которыя до сихъ поръ извѣстны въ устахъ народа подъ именемъ дорогъ *Витовыхъ*, ясно свидѣлствуютъ о дѣйствительности этихъ походовъ. Первые слѣды Витовтовой дороги можно встрѣтить на границѣ мгуменскаго и борисовскаго уѣздовъ, близъ дер. *Калужица*, имѣнія К. Вацьковича, гдѣ поле и дорога называется общимъ именемъ *Витовки*. На востокъ отъ этого поля, въ лѣсахъ, по долинамъ, сѣнокосамъ и *логинамъ* (бродамъ) попадаются слѣды узкой, но хорошо выгѣженной витовтовой дороги съ довольно частыми прерываніями на всаханыхъ поляхъ. — Съ правой стороны р. Березины, на границахъ деревень: Жуковки и Полемюнецъ, опять замѣтна дорога, которая прерывается у самой р. Березины въ селѣ Муромѣ и извѣстна подъ именемъ *Витовой*. По лѣвую сторону Березины, слѣды этой дороги исчезаютъ и являются опять по прямому направленію къ границѣ Копыскаго уѣзда (Могил. губ.), смежнаго съ Борисовскимъ. — Объ этихъ дорогахъ въ народѣ хранится преданіе, что здѣсь когда-то проходилъ какой-то воинъ-князь по имени *Витъ* (180) съ большимъ войскомъ, которое пролагало новую дорогу, теребило лѣса, запруживало болота камнями, строило на рѣкахъ мосты и по теченію солнца пробиралось впередъ.

Послѣ смерти Витовта, въ 1430-мъ году, Ягелло, возведши на престолъ литовскаго княжества брата своего Свидригайла, удержавъ за собою подольскую область не смотря на то, что она принадлежала Литвѣ, Свидригайло настаивалъ, чтобъ Ягелло отдалъ ему эту область, но Ягелло не согласился. Вслѣдствіе этого, Свидригайло, пригласивъ однажды Ягелла къ себѣ въ Литву на охоту, заключилъ его въ темницу. Но такъ какъ со вѣтъ и дворянство литовское вступились за Ягелла, то Свидригайло долженъ былъ выпустить брата, который въ свою очередь рѣшился отомстить Свидригайлѣ, какъ неблагодарному брату. Пользуясь расположеніемъ литовскаго народа, Ягелло воору-

(180) Такъ называется народъ Витовта: сравн. вышеску въ статьѣ о Лешвицѣ, — выше глав. X.

жизль противъ Свидригайла литовцевъ и предложилъ имъ въ князя родного брата Витовтова Сигизмунда. Это было поводомъ къ войнѣ между братьями. Свидригайло послѣдшилъ въ Полоцкъ въ Смоленскъ, и, получивъ тамъ 40,000 вспомогательнаго войска, да еще столько же отъ тверскаго князя Бориса Александровича подъ предводительствомъ брата его Ярослава, двинулся къ Вильно; но на пути подъ Ошмянами разбитъ былъ на голову Сигизмундомъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу изъ Вильно. Не смотря на такое поражение, раздраженный Свидригайло въ 1431-мъ году зимой собралъ новое войско и опять вторгнулся въ Литву и наполнилъ земли ея страшными опустошеніями. Наконецъ, лѣтомъ, подкрѣпленный помощью ливонскаго гермейстера и великаго князя тверскаго, прошелъ Вильно, потомъ Троки, Эйшишки, Крево и очутился подъ Молодечною съ успѣхомъ побѣдителя. Но тутъ-то встрѣтилъ онъ сильное сопротивленіе громадныхъ силъ литовскаго и русскаго войска подъ предводительствомъ Петра Монгирдовича, и послѣ страшнаго пораженія долженъ былъ отступить въ Минскъ, откуда послѣдшилъ въ Борисовъ и опустошивъ его пошелъ въ Витебскъ. (181).

Въ 1500-мъ году, великій князь литовскій Александръ, по случаю отпаденія отъ него, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ православными, русскихъ городовъ (Чернигова, Старолуба, Гомля, Новотрудка, Сѣверской и Ирильской областей) и присоединенія ихъ къ московскому княжеству, сталъ требовать отъ тестя своего московскаго князя Іоанна III-го возвращенія ихъ, но получивъ отказъ затѣялъ нападенія на соседнія области русскаго государства. Іоаннъ послалъ въ Брянскъ войско подъ начальствомъ Якова Захарыничча, который сжегъ городъ, а жителей заставилъ присягнуть въ подданствѣ своему царю. Эта вѣсть поразила Александра и онъ, выславъ князя Острожскаго съ большимъ войскомъ въ Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ соединился съ отрядомъ смоленскаго воеводы Станислава Кишки, самъ послѣдшилъ черезъ Минскъ въ Борисовъ и тамъ пробылъ не малое время, дѣлая приготовления къ дальнѣйшей войнѣ. Черезъ нѣсколько дней Александръ тронулся изъ Борисова съ войскомъ и расположился обозомъ при р. Бобрѣ (борис. уѣзд. близъ Борисова) для удобнаго сношенія съ дѣйствующею арміею Острожскаго. Но тутъ-то онъ получилъ неприяную вѣсть о пораженіи своей арміи близъ дер. Лопатиной при р. Ведрошѣ и взятіи русскими въ плѣнъ самого военачальника князя Константина Острожскаго и потому долженъ былъ отступить въ Борисовъ,

(181) Kronik. Lit. wyd. Narbutta, str. 46, 47.

откуда, послѣ жаркихъ переговоровъ съ московскимъ посланникомъ, обязанъ былъ возвратиться въ Литву съ посрамленіемъ (182).

Въ 1514-мъ году возгорѣлась война между московскимъ в. княземъ Василіемъ Іоанновичемъ и Литовскимъ — Сигизмундомъ 1-мъ. Сигизмундъ собралъ все литовскія войска, присоединилъ къ нимъ поляковъ, созвалъ даже орду перекопскихъ татаръ, — словомъ дѣлалъ большія приготовления къ войнѣ. Между тѣмъ, во время этихъ приготовленій Сигизмунда, Василій Іоанновичъ, подкрѣпленный помощью нѣмецкаго императора Максимилиана, успѣлъ подойти къ Смоленску съ тремястами пушекъ и, послѣ шестинедѣльной осады, взялъ его приступомъ. Потомъ изъ Смоленска послано 80,000 войска въ Вильно въ полной надеждѣ на несомнѣнную побѣду, такъ что вслѣдъ за войскомъ послалъ подводы съ желѣзными цѣпами для плѣнныхъ. Узнавъ о взятіи русскими Смоленска и приближеніи ихъ къ Минску, Сигизмундъ со всемъ войскомъ своимъ и наемнымъ, польскимъ и татарскимъ, отправился усиленнымъ маршемъ въ Минскъ, а оттуда въ Борисовъ, гдѣ назначилъ сборъ и смотръ всемъ своимъ войскамъ, которыхъ оказалось 30,000 конницы и 3,000 пѣхоты. Послѣ смотра Сигизмундъ хотѣлъ было тотчасъ двинуться къ Москвѣ, но, по свидѣтельству лѣтописца Бѣльскаго (183), его удержалъ въ Борисовѣ посолъ папы Леона X-го Джіовани Пизо, который якобы пріѣхалъ по ходатайству нѣмецкаго императора Максимилиана съ тѣмъ, чтобы отклонить Сигизмунда отъ войны съ московскимъ государемъ. Выслушавъ посла, Сигизмундъ просилъ его передать папѣ, что онъ весьма благодаренъ Леону X-му за совѣтъ, но не можетъ воспользоваться имъ, потому что московскій князь человекъ надменный, гордый, съ которымъ не иначе долженъ упрочить спокойствіе Литвы, какъ войною. Затѣмъ, отслушавъ обѣдно въ Борисовскомъ костелѣ послѣдшилъ къ Москвѣ. Хроника польская передаетъ выступленіе Сигизмунда изъ Борисова слѣд. словами: «войска шли съ необыкновенною радостью и пѣли пѣсни, заблаговременно надѣясь на побѣду, потому что надъ головами ихъ летѣла стая воронъ съ веселымъ карканьемъ; суевѣрные воины считали это предзнаменованіемъ несомнѣнной побѣды (184).» Не смотря однако на такое обольстительное предвѣщаніе птицъ, на половинѣ дороги, папы и военачальники стали совѣтовать Сигизмунду не идти въ самую

(182) Kron. Lit. wyd. Narbutta, str. 67—70.

(183) Kron. Bielskiego, str. 427.

(184) Kron. Bielskiego, str. 427.

Москву и онъ возвратился опять въ Борисовъ, гдѣ рѣшился пробыть все время войны съ московскимъ государемъ. Узнавъ о такомъ распоряженіи Сигизмунда, Василій Іоанновичъ велѣлъ боярамъ своимъ явиться съ войсками подъ Борисовомъ и расположился обозомъ надъ р. Березиной, откуда, послѣ двукратной неудачной стычки, сталъ отступать къ Дибѣру, думая заманить туда Сигизмунда и разгромить его при переправѣ. Сигизмундъ не зналъ на что рѣшиться: въ это время явился къ нему мѣщаникъ московскаго князя Михаилъ Глинскій и, обнаруживъ всѣ планы и силы Василя Іоанновича, успѣлъ поселить въ Сигизмундѣ самонадѣянность и смѣлость, вълѣдствіе которыхъ онъ рѣшительно выступилъ изъ Борисова и пошелъ къ Дибѣру, ододряемый вдобавокъ и тѣмъ еще, что къ нему присоединился — коронный гетманъ Янъ-Труба — Сверчовскій и освобожденный изъ плѣна князь Острожскій. Такія обстоятельства мѣщаничества были причиною неудачной войны великаго князя московскаго съ Сигизмундомъ, который окончательно одержалъ побѣду надъ первымъ при р. Кропивнѣ въ четырехъ миляхъ отъ Орши. Битва эта, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Оршанской, стоила большихъ потерь Василю Іоанновичу. Торжествующій Сигизмундъ собралъ все свое войско въ соседнее мѣстечко Гайну и, отслушавъ тамъ въ костелѣ молебствіе, присутствовалъ при погребеніи въ этомъ мѣстечкѣ перевезенныхъ тѣлъ знаменитыхъ своихъ полководцевъ: въ память чего награждалъ жителей Гайны *присилемъ вольности* (184). Затѣмъ возвратился въ Вильно. (185).

Царствованіе Стефана Баторія или лучше — періодъ войны (1580—1586), которая онъ велъ съ Іоанномъ Грознымъ и по поводу которыхъ онъ долженъ былъ проходить изъ Вильно въ землю Московскаго государства чрезъ Чашники и Великіе-Луки (186), а потому и чрезъ Борисовъ, — не могъ не оставить слѣдовъ прохода его въ Борисовъ и борисовскомъ уѣздѣ: въ народѣ борисовскомъ до сихъ поръ хранятся преданія о походахъ Баторія. Вотъ напр. преданіе о томъ, какъ образовались дѣль деревни близъ Борисова, извѣстныя нынѣ подъ именемъ: *Стань-Круль* (имѣніе Трацевскаго) и *Мильмъ* (им. гр. Тышкевичей), по случаю перехода Баторія чрезъ эти мѣста.

Баторій, желая пробраться чрезъ густыя борисовскія пуши, велѣлъ рубить лѣса, а болота и овраги заваливать плотинами, бревнами и камнями: эти плотины (гребли) въ болотахъ и ко-

лодцы въ непроходимыхъ лѣсахъ до сихъ поръ указываютъ старожилы и называютъ ихъ *баторовскими*. — Однажды войска Баторія вышли на большую дорогу и расположились обозомъ близъ хутора какого-то бѣднаго шляхтича на поляхъ и покосахъ его; разгулявшіеся, а можетъ быть и проголодавшіеся воины, не смотря ни на какія мольбы и даже слезы бѣднаго влѣдльца, перерѣзали всѣхъ его коровъ и барановъ, обобрали всѣ амбары и растащили хозяйственные припасы, такъ что несчастному пану оставалось бросить пустой домъ и поступить солдатомъ подъ знамена Баторія. Взявъ жену и маленькихъ дѣтей, отправился онъ на дорогу, по которой долженъ былъ проходить король, и завидѣвъ Баторія остановилъ его лошадь и сказалъ ему: *Стань, крулю!* (*Stan, król!* остановись, король!) Удивленный король спросилъ, что ему нужно?... Шляхтичъ, окруженный плачущимъ семействомъ, рассказалъ королю про обиду, нанесенную ему солдатами и просилъ вознагражденія...

— Чѣмъ же мнѣ тебя наградить? спросилъ Баторій.

Шляхтичъ сначала призадумался, а потомъ смѣло сказалъ:

— Король! земля, на которой ты стоишь, принадлежитъ тебѣ; полари ее мнѣ...

— Бери и молчи! (*biecz i milcz!*) отвѣтилъ король, проводя рукою по воздуху, какъ бы обозначая границы новаго владѣнія шляхтича.

На этой землѣ шляхтичъ построилъ два хутора: одинъ называлъ *Королевскимъ Станомъ* или *Стань-Крулемъ*, а другой *Мильчемъ*, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались деревни (187).

Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ Станькрульскаго помещичьяго двора, на полѣ при отрогѣ горы, въ небольшой вымощенной камнемъ долигѣ, стоитъ крестъ изъ твердаго сѣраго камня — длиной въ аршинъ и девять вершковъ, а шириной (въ поперечникѣ) въ аршинъ и восемь вершковъ: его зовутъ *королевскимъ камнемъ*. Посреди креста высѣчено изображеніе рыцаря (воина) съ мечемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ; на двухъ поперечныхъ оконечностяхъ креста вырѣзаны два небольшіе креста; надъ головой рыцаря высѣчена корона, а подъ ногами буквы: R. S. B.; ниже буквъ выдолблены два круга, точно будто миски. Цародное преданіе говоритъ, что Баторій, расположившись здѣсь обозомъ, обидѣлъ на этомъ камнѣ; въ память чего воины вытесали изъ него крестъ и означили буквами: R. S. B., которыя, вѣроятно, значать: rex Stefanus Bato-

(185) Взято изъ бумагъ архива гаенскаго костела.

(186) Państwo St. Batorego, Żegota-Onaciewiczza, T. 1, str. 243.

(187) Obrazy Litewskie przez Jgn. Chodzkę, seria 2, T. 3, str. 32, 33.

geus (король Стефанъ Баторій); два круга, безъ сомнѣнія замѣняли тарелку или миску во время обѣда.

Не менѣе интересны преданія борисовскаго народа о Шкуратахъ, Батуричѣ и Бѣлой-Лужѣ. Вотъ онѣ. Проходя съ войскомъ дальше за хуторомъ вышеозначеннаго шляхтича, Баторій долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку, называемую нынѣ *Понюю*; такъ какъ на ней небыло моста, то король велѣлъ наскоро сдѣлать мостъ изъ сырыхъ лошадиныхъ шкуръ, отчего будто получила свое названіе ферма или корчма *Шкураты*. Потомъ король переправился чрезъ Березину, гдѣ сдѣланъ былъ первый деревянный мостъ; въ память этой переправы построены хуторъ и названъ *Батуринолѣ*. Въ пяти верстахъ отъ Батурича, король долженъ былъ перейти чрезъ большое, тонкое озеро, раскинутое на полуверстѣ, вслѣдствіе чего солдатамъ велѣно было запрудить его бѣлымъ пескомъ и сдѣлать греблю. Не смотря на давность времени, гребля и теперь довольно крѣпка и среди болотистаго чернозема бѣлѣетъ отъ близости песковъ: отсюда, говорятъ, гребля получила названіе *Бѣлой-Лужи*.

Послѣ Баторія чрезъ борисовскія земли проходилъ, въ 1604 году, Сигизмундъ III въ Смоленскъ и потомъ въ Москву. По свидѣтельству Жолкѣвскаго, Сигизмундъ III, получивъ въ Минскѣ извѣстіе отъ великаго старосты Гонсѣвскаго, что Смоленскъ неукрѣпленъ и неимѣетъ достаточнаго количества для защиты, а польскія войска должны какъ можно скорѣе спѣшить туда, — на другой же день оставилъ Минскъ и отправился въ Борисовъ, а оттуда въ Оршу (188).

Въ 1654 году, вслѣдствіе присяги Богдана Хмельницкаго со всемъ Запорожьемъ въ вѣрнопопданничество Россіи, возникла война между королемъ Яномъ-Казиміромъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Русскія войска, предводительствуемая самимъ государемъ, разбили на голову коронаго гетмана Радзивилла подъ Шкловомъ и безъ боя заняли Ковно, Гродно, Вильно, Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и только одинъ Борисовъ, въ то время довольно укрѣпленный, нѣсколько часовъ защищаемъ былъ свидѣвшими въ немъ поляками, но все-таки подвергся общей участи побѣды русскихъ (189). Спустя шесть лѣтъ, именно въ 1660 году, поляки, пользуясь раздорами русскихъ воеводъ, спорившихъ изъ-за мѣстничества, ворвались въ Бѣлорусскую землю и Стефанъ Чарнецкій осадилъ Борисовскую крѣпость, какъ болѣе важный пунктъ въ стратегическомъ отноше-

ніи; впрочемъ, послѣ двухмѣсячной осады, долженъ былъ отступить безъ успѣха и направилъ военныя дѣйствія противъ Могилева (190).

Въ началѣ XVIII вѣка, Борисовъ былъ свидѣтелемъ извѣстнаго похода въ Россію шведскаго короля Карла XII, защитника Станислава Лещинскаго, котораго онъ хотѣлъ возвести на польскій престолъ вмѣсто покровительствуемаго Петромъ Великимъ законнаго короля польскаго Августа II. Пройдя Познанское княжество и Мазовію, преданныя болѣе Августу II, чѣмъ Станиславу Лещинскому, и опустошивъ всѣ эти земли, Карлъ XII въ 1708 году вторгся наконецъ во владѣнія русскія и 21 января остановился подъ Гродномъ въ сопровожденіи Станислава Лещинскаго. Въ это время въ Гроднѣ лично присутствовалъ при войскахъ русскихъ Петръ Великій и, выдержавъ шведовъ подъ городомъ шесть дней, отиранился въ Вильно, уничтожая вслѣдъ за собою всѣ магазинныя запасы. Карлъ вошелъ въ Гродно и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, нарочно распускалъ слухъ, будто двинется въ Псковъ, думая тѣмъ обмануть Петра Великаго, тогда какъ постоянной его мыслью было — обратиться въ Москву, — онъ только затруднился, какими путемъ пройти туда. Въ виду были три пути: чрезъ Новгородъ и Тверь, или чрезъ Смоленскъ, наконецъ чрезъ Оршу и Тулу. Первый былъ очень затруднителенъ, потому что нужно было проходить чрезъ большіе болота и густые лѣса; второй невыгоденъ, потому что Смоленскъ былъ сильно укрѣпленъ и могъ послужить помѣхой. Оставалось избрать послѣдній — чрезъ Оршу и Тулу, конечно довольно длинный, но зато надежный и выгодный во многихъ отношеніяхъ. Тутъ онъ могъ проходить чрезъ хлѣбородную Малороссію и безъ затрудненія прокормить войско, между прочимъ, запасами, приготовленными Петромъ въ магазинахъ, а между тѣмъ лишить русскихъ продовольствія. Притомъ Карлъ XII могъ рассчитывать на этомъ пути на увеличеніе силъ своихъ чрезъ присоединеніе къ нему измѣнника Россіи Мазены съ запорожскимъ войскомъ, который, увѣривъ его въ это время письменно, что возмутитъ противъ Петра всю Малороссію, ожидалъ его личныхъ приказаній въ Горы-Горкахъ (Могил. губер.). Вслѣдствіе этого Карлъ XII изъ Гродна пошелъ въ Сморгони, чѣмъ ясно обнаружилъ предъ Петромъ, что онъ приближается къ Березинѣ, — и Петръ Великій, поручивъ часть войска Шереметеву, съ остальнымъ самъ двинулся изъ Вильно въ Чашники,

(188) Рукопись Жолкѣвскаго, изд. П. Мухомовымъ, стр. 44 — 45.

(189) Opisanie Starożytnoey Polski, str. 277.

(190) Pamięt. Jana Chrisost. Paska, str. 100.

двинулся къ Дрисѣ и потомъ въ Витебскъ, гдѣ думалъ встрѣтиться съ русскими войсками подъ предводительствомъ самаго императора, — но не встрѣтивъ никакого сопротивленія, овладѣлъ в Бѣлорусскомъ краѣ, въ томъ числѣ маршалъ Даву взялъ Минскъ, Борисовъ и Смоленскъ: съ этимъ краемъ точно также поступилъ Наполеонъ, какъ съ литовскимъ. Польскій генералъ Брониковскій назначенъ былъ управляющимъ Минскою провинціею, а генералъ Барбанегръ правителемъ борисовскаго департамента. Подъ предсѣдательствомъ Барбанегра, изъ польскихъ обывателей Борисовскаго уѣзда устроенъ былъ комитетъ Борисовской подпрефектуры, который открылъ свои засѣданія 19 іюля тѣмъ, что раздѣлилъ уѣздъ на 12 кантоновъ, назначилъ новыхъ чиновниковъ, перемѣнилъ названія денегъ, мѣръ и вѣсовъ; въ самомъ городѣ учредилъ почту, полицію, организовалъ новое судопроизводство, назначилъ новую штемпельную бумагу для этого и предписалъ сборъ пошлинъ съ проезжающихъ; наконецъ завелъ консумцію и конскрипцію по сосѣднимъ мѣстечкамъ и деревнямъ. Не смотря на то, что Наполеонъ двинулся изъ Борисова дальше къ Москвѣ, правленіе Борисовской подпрефектуры не прекращало своихъ стѣснительныхъ и жестокихъ распоряженій, особенно касательно доставленія разныхъ припасовъ для французской арміи. Печальна была участь жителей Борисова и его окрестностей. Запасные магазины въ Борисовѣ, недавно наполненные мукою, крупою, овсомъ, сѣномъ, водкою и говядиною для продовольствія русскихъ войскъ, по случаю вступленія въ этотъ городъ непріятелей, были сожжены русскими саперами. Между тѣмъ вошедшіе корпусы Даву и Богарне, составлявшіе 150,000 человекъ, наводнили Борисовскій уѣздъ новыми войсками и новыми требованіями — требованіями самыми жестокими и неудобносполнимыми. Устройство двухъ госпиталей: въ Борисовѣ на 2,000 и въ Докшичахъ на 150 кроватей, снабженіе ихъ всѣми нужными принадлежностями, лекарствами, продуктами, уплата фельдшерамъ и прислугѣ, доставленіе продовольствія и сѣстныхъ припасовъ для дѣйствующей арміи французской — все это свалили, по приказанію Наполеона, на Борисовъ, несмотря на то, что не было никакой возможности исполнять такіе распоряженія. До какой степени жестоки были требованія Наполеона, это можно видѣть изъ того, что комитетъ борисовской подпрефектуры, ничуть не жалѣвшій бѣдныхъ жителей, при всемъ усиліи не могъ въ точности выполнить волю опустошителя Бѣлорусскаго края. Такъ, напр. въ журналѣ подпрефектуры хранится, между прочими рапортами, донесеніе отъ

2 іюля, въ которомъ сказано, что Борисовскій уѣздъ, по доставленіи фуража на армію князя Экмюля (Eckmühl) 50,000 раціоновъ, на армію генерала Груши (Grouchy) 7,000, на восьмой корпусъ 16,000, на большой паркъ артиллеріи 3,000 лошадей, на гарнизонъ ежедневно около 1,000 порцій, да кромѣ того на заготовленіе на ожидаемый корпусъ 40,000 раціоновъ, — никакимъ способомъ не можетъ уже представить, согласно приказанію, въ теченіи пяти дней: въ Денель 6,600 центеровъ и въ Чашники 200,000 порцій муки (194). Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ Наполеонъ не любилъ возраженій, то въ случаѣ строжайшаго приказанія, комитетъ, не смотря на жалобы и слезы жителей, вырывалъ изъ рукъ ихъ послѣднюю кроху, послѣднее зерно. Такъ, въ теченіе неполныхъ трехъ мѣсяцовъ онъ наполнилъ сѣбѣстными припасами три постоянные магазина въ Борисовѣ, Докшичахъ и Смоленичахъ: количество этихъ припасовъ состояло изъ 2,300 бочекъ ржи, 410 крутъ, 4,600 овса, 51,750 пудовъ сѣна и столько же соломы, 57,500 *квартъ* (штофовъ) водки, 34,500 фунтовъ соли и 1,725 штукъ воловъ (195); кромѣ того, въ теченіе семи дней на два этапа въ Смоленичахъ и Пачѣ заготовилъ 400 бочекъ овса, 6,600 пудовъ сѣна и столько же соломы, 18,570 штофовъ водки, — и на одинъ этапъ въ Борисовѣ — 30,000 пудовъ муки ржаной, 200 бочекъ овса, 3,000 пудовъ сѣна и столько же соломы, 14,285 штофовъ водки и 400 штукъ воловъ (196); и наконецъ отдѣльно въ Дубровну выслалъ 400 бочекъ ржи, 370 воловъ, 4132 бутылки водки и 20 бочекъ овса (197). Можно себѣ представить, чего стоило собрать столько припасовъ изъ одного уѣзда!... А сколько страдали жители отъ консумціи и конскрипціи?... Между тѣмъ, во время такихъ жестокихъ распоряженій комитета, французскія войска подвигались все ближе и ближе къ Москвѣ. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона сообщаемы были въ этотъ комитетъ печальные бюллетени: присылали радостныя извѣстія объ успѣхахъ великой арміи и эти извѣстія тотчасъ обнародываемы были для расподоженія взволнованныхъ умовъ жителей въ пользу новаго властелина. Потомъ бюллетени являлись рѣже въ Борисовѣ; наконецъ совсѣмъ прекратились и... настала гробовая тишь по всей бори-

(194) Подлинный журналъ съ протоколомъ засѣданій борисовской подпрефектуры хранится въ Логойской помѣщичьей библиотекѣ, откуда и заимствованы эти свѣдѣнія.

(195) Тамъ же, протоколъ засѣданія комитета отъ 1 августа.

(196) Тамъ же протоколъ отъ 23 сентября.

(197) Тамъ же протоколъ отъ 10 августа.

совщинѣ. Почтовая дорога долго не приносила никакихъ вѣстей жителямъ Борисова.... Наконецъ, въ началѣ октября, стороною, окольными путями стали долетать до Борисова печальныя вѣсти о неудачахъ французскихъ войскъ; но эти вѣсти начальство подпрефектуры старалось по возможности скрывать отъ народа или выдавать ихъ за ложныя. И дѣйствительно, многіе не вѣрили такимъ вѣстямъ: можно ли было думать, по видимому, чтобы дѣйствія столь громаднаго войска, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ стремившагося въ глубь Россіи, не увѣнчались успѣхомъ?... Но... вѣсти эти точно не были ложныя: въ это время Наполеонъ съ позоромъ отступалъ уже отъ Москвы. Преслѣдуемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими войсками, онъ спѣшилъ назадъ въ Смоленскъ и наконецъ въ Борисовъ, вполнѣ надѣясь на помощь поляковъ въ этомъ сильно укрѣпленномъ и снабженномъ всѣми нужными припасами для войска городѣ.

Второго ноября, переднія французскія войска вступали уже въ Вязьму, когда Наполеонъ получалъ извѣстіе, что князь Шварценбергъ отступалъ къ Кобрину предъ армією Чичагова, шедшаго изъ Волынской губерніи и тѣмъ очистилъ русскимъ путь въ Минскъ, гдѣ было заготовлено припасовъ болѣе чѣмъ на 100,000 человекъ, а слѣдовательно открылъ столь важную ему дорогу чрезъ Борисовъ и Березину. Извѣстіе это поразило Наполеона: ему нужно было во что бы то ни стало удержать за собой Борисовъ. 19 ноября еще непріятнѣйшія извѣстія получалъ Наполеонъ въ Дубровнѣ: первое о томъ, что Витебскъ занятъ Витгенштейномъ, другое о томъ, что Чичаговъ уже близъ Минска. Соединеніе этихъ двухъ силъ грозило гибелью французамъ, потому что онѣ отрѣзывали имъ путь въ Борисовъ. «Минскъ хотятъ взять? нужно воспрепятствовать!...» горло сказалъ Наполеонъ, выслушавъ эти извѣстія и въ ту же минуту послалъ изъ Дубровны два приказа: одинъ князю Беллюно (маршалу Виктору) вытѣснить Витгенштейна, другой — князю Реджіо (маршалу Удиню) вступить вмѣстѣ съ вторымъ корпусомъ, каваспрами генерала Леригье и съ сотнею пушекъ въ Борисовъ, а потомъ занять Минскъ. Между тѣмъ, самъ Наполеонъ подвигался къ Березинѣ. Князь Беллюно встрѣтилъ Витгенштейна подъ Смоленскомъ и хотя не вытѣснилъ, но все-таки успѣлъ удержать его отъ дальнѣйшаго шествія. Но князь Реджіо не могъ занять Борисова. Генералъ Ожаровскій, посланный съ корпусомъ на встрѣчу ему фельдмаршаломъ Кутузовымъ, съ корпусомъ на встрѣчу ему фельдмаршаломъ Кутузовымъ, остановилъ его на дорогѣ. Такимъ образомъ, Минскъ, Борисовъ и Березина давно были бы въ рукахъ русскихъ, еслибъ

вслѣдствіе новыхъ приказаній Наполеона, не послѣдовалъ на помощь къ Реджіо съ 15,000 войска и 30 пушками полякъ Домбровскій — изъ Бобруйска, который онъ во все время компаніи держалъ въ осадѣ. Мало того, Домбровскій по пути захватилъ Минскъ и самъ лично уведомилъ Брониковскаго о дѣйствіяхъ Чичагова. Поэтому, когда Чичаговъ сталъ приближаться отъ Свержья къ Минску, Брониковскій, собравъ часть гарнизона, только что поднявшихся на ноги госпитальныхъ больныхъ солдатъ и новосформированный полкъ Чапскаго подъ предводительствомъ Генерала Косецкаго, послалъ противъ Чичагова. Но что могли сдѣлать эти полубольные и необученные рекруты при встрѣчѣ съ свѣжимъ и хорошо устроеннымъ войскомъ русскимъ? Встрѣтившись съ Косецкимъ подъ Кайдановымъ, Чичаговъ первую пулю разогналъ непривыкшихъ къ ружейному огню солдатъ, такъ что они разсыпались въ безпорядкѣ, и вслѣдъ за этимъ безъ сопротивленія занялъ Минскъ. Брониковскій, оставивъ въ Минскѣ въ рукахъ русскихъ огромное количество съѣстныхъ запасовъ, только что привезенныхъ изъ Франціи и сложенныхъ въ костелахъ доминиканскомъ, бенедиктинскомъ, бернардинскомъ и францисканскомъ, — бѣжалъ съ остатками рекрутъ чрезъ Борисовъ въ станъ великой арміи. Тогда Домбровскій, не видя никакой возможности оттереть Чичагова отъ Минска, оставилъ Бобруйскъ и пройдя усиленнымъ маршемъ чрезъ Яшпыцы, Логи, Князевку, Забашевичи, Гливинъ, обошелъ Минскъ и 21 ноября вечеромъ занялъ полуразрушенные русскими окопы борисовскіе. Между тѣмъ, по распоряженію Чичагова, въ ту же ночь явился туда изъ Минска графъ Ламбертъ съ небольшимъ войскомъ и 22 ноября въ семь часовъ утра произошла упорная битва, продолжавшаяся до трехъ часовъ пополудни. Польскіе мятежники, составлявшие отрядъ Домбровскаго, не выдержали и дали тѣгу. Русскіе погнали ихъ чрезъ Борисовъ и приперли къ самой Лошницѣ. Въ это время Наполеонъ былъ между Кохановымъ и Толочиномъ. Выгнанный изъ Борисова въ Лошницу, Домбровскій встрѣтился тамъ ночью съ 22 на 23 ноября съ отрядомъ Сентъ-Сира, составлявшимъ переднюю колонну корпуса Реджіо. Соединившись съ нимъ, Домбровскій возвратился въ Борисовъ 23 ноября и, навѣвъ въ располхъ на русскихъ, заставилъ Чичагова отступить за р. Березину къ окопамъ: отступая, русскіе сожгли мостъ.

«Въ тотъ же день, замѣчаетъ французскій историкъ (198), Реджіо получилъ приказаніе осмотрѣть Березину ниже и выше

(198) Narvin, Histoire de Napoleon, p. 432.

Борисова и найти выгодное мѣсто для построения моста. Но его предупредилъ генералъ *Корбино* (Corbineau), оттертый отъ корпуса *Реджіо* подъ Полоцкомъ и сверхъ всякаго ожиданія здѣсь очутившійся: онъ указалъ мѣсто противъ дер. Студенки. Вслѣдствіе этого, Наполеонъ тотчасъ приказалъ генераламъ *Шаслю* (Chasseloup) и *Эбле* (Eblé) отправиться къ тому мѣсту съ понтомерами, саперами и всеми нужными для построения моста снарядами, которые были наготовѣ въ Оршѣ. А между тѣмъ велѣлъ князю *Беллюно* безъ отлагательства идти противъ *Витгенштейна* и, воспрепятствовавъ ему напасть на *Реджіо*, раньше его прйти къ р. Березинѣ: потому что соединеніе *Витгенштейна* съ *Чичаговымъ* на берегахъ этой рѣки могло грозить французамъ большою опасностью. Согласно съ такимъ приказаніемъ *Реджіо* употребилъ всю стратегическую хитрость, чтобъ обмануть непріятели насчетъ мѣста переправы въ Студенкѣ и отвлечь его отъ этого пункта, гдѣ все уже было приготовлено для переправы: предполагалось 24 ноября перейти чрезъ рѣку. Но предположеніе не исполнилось. Въ полночь, 25 ноября, курьеръ привелъ къ *Наполеону* съ вѣстью, что французскія войска еще находятся въ *Борисовѣ*, что непріятель подкрѣпленъ большими силами на берегахъ рѣки, что князь *Реджіо* проситъ помощи... *Наполеонъ* приказалъ князю *Беллюно* пресѣчь путь въ *Лепель* и *Бараны*, чтобъ непріятель не могъ застигнуть *Удино* въ затруднительномъ положеніи. Итакъ, заключаетъ историкъ, тотъ, который долженъ былъ закрывать наше отступленіе чрезъ *Бараны*, — опасаясь, чтобъ не встрѣтиться съ *Витгенштейномъ* на *Березинѣ* особенно въ *Студенкѣ*, спѣшилъ присоединиться къ главной квартирѣ *Наполеона* въ *Лошицѣ*. Къ счастью, русскій генералъ не успѣлъ соединиться съ адмираломъ (?), а *Кутузовъ* былъ на нѣсколько миль за нами; *Чичаговъ* же съ своимъ войскомъ стоялъ предъ нами. Еслибъ *Березина* замерзла, мы переправились бы безъ затрудненія; но двухдневная оттепель растворила ледъ, а потому нужно было раскинуть мостъ на широкой рѣкѣ, на которой скопившіяся льдины грозили ломкою и уничтоженіемъ всѣхъ работъ.»

25 ноября, переночевавъ въ *Лошицѣ*, *Наполеонъ* отправился въ *Борисовъ* и туда перевелъ главную свою квартиру. Утромъ объѣзжалъ всѣ мѣстности надъ рѣкой и за рѣкой, потомъ остановился предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ валялись обгорѣлыя бревна сожженного моста и — долго стоялъ въ задумчивости.... И было отъ чего задуматься.... Въ это время положеніе *Наполеона* было самое незавидное.... Припертый тремя сильными корпусами *Ку-*

тузова, *Витгенштейна* и *Чичагова* къ берегамъ *Березины*, какъ на бѣду непреступной въ такую пору года, — что могъ сдѣлать для своего спасенія этотъ человекъ, который всю надежду полагалъ на свои силы? *Наполеону* вздумалось во чтобы то ни стало отвлечь куда нибудь въ противоположную сторону отъ *Борисова* *Чичагова*, который, расположившись на правомъ берегу *Березины*, особенно мѣшалъ его послѣднимъ отчаяннымъ планамъ, и такимъ образомъ выиграть время для переправы. И вотъ онъ приказываетъ двинуться небольшой горсти войска вдоль *Березины* на пятнадцать верстъ впередъ отъ *Борисова* и въ деревнѣ *Ухолодѣ* дѣлать мнимыя приготовленія для переправы. Между тѣмъ король иезуитскій, переодѣвшись въ фантастическое платье, въ сопровожденіи одиннадцати бродягъ подъ предводительствомъ переметчика-поляка *Михаила Коркозевича*, назвавшего себя жандармскимъ капитаномъ, который хорошо былъ знакомъ съ мѣстностями *Борисовскаго* уѣзда, отправляется въ *Студенку*. Остановившись въ деревнѣ, велитъ одному изъ своихъ адъютантовъ переодѣться въ крестьянское платье, сѣсть на мужицкую лошади, въ его присутствіи, переплыть рѣку въ бродъ туда и назадъ. Затѣмъ галопомъ помчался съ свитой въ *Радзивилово*, куда неожиданно переведена была изъ *Борисова* главная квартира *Наполеона*, проведенная уже здѣсь ночь.

26 ноября, *Чичаговъ*, обманутый мнимыми движеніями французскаго войска, оставилъ на стражѣ въ *Борисовѣ* генерала *Палена*, а самъ, рассчитывая, что *Наполеонъ* мнимыми приготовлениями въ *Студенкѣ* и *Ухолодахъ* хочетъ его туда привлечь, устремилъ все вниманіе на мѣстечко, гдѣ, по его предположенію, *Наполеонъ* долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку: оставшись самъ въ *Забашевичахъ*, послалъ въ это мѣстечко генерала *Орурка*. — Между тѣмъ *Наполеонъ*, одѣтый въ зеленый бархатный сюртукъ на собольемъ мѣху и въ такой же шапкѣ, съ разсвѣтомъ дня прохаживался въ *Студенкѣ*, на берегу р. *Березины*, при пылающемъ кострѣ дровъ, — прехладнокровно раздавалъ приказанія стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ войскамъ и присутствіемъ своимъ ускорялъ работу на мосту. Въ это время, въ первый разъ по выходѣ изъ *Минска*, явился къ *Наполеону* *Брониковскій*. *Наполеонъ* принялъ его дурно съ бранью и тутъ же велѣлъ ѣхать ему съ жандармами подъ *Зембинь* для осмотра непріятельскихъ силъ. Но лишь только *Брониковскій*, имѣвшій всего на все пятьдесятъ человекъ, показался на *Зембинской* плотинѣ, какъ его опрокинула горсть казаковъ. А въ свою очередь генералъ *Чаплицъ*, посланный *Чича-*

говымъ для осмотра Березины, занявъ позицію по правую сторону ея противъ Студенки и пальбою изъ шести пушекъ затрудняя окончаніе работъ на мосту. Наполеонъ, разставивъ орудія на студенковскихъ горахъ (199) съ противоположной стороны, возбъщенный такимъ дѣйствіемъ Чаплица, скомандовалъ: *coup de canon!* И всѣ пушки наведены были на русскихъ: послѣ небольшой пальбы русскіе отступили: тогда работа на мосту пошла успѣшно и скоро было окончено нѣсколько паромовъ. Домбровскийъ первый переправилъ свою дивизию на трехъ паромехъ и совершенно вытѣснилъ Чаплица изъ занятой имъ позиціи. Обладанный переправою Домбровскаго, Наполеонъ сталъ торопить работниковъ поскорѣе окончить мостъ, чтобъ можно было послать на помощь Домбровскому побольше войска, опасаясь, чтобъ Чаплицъ не успѣлъ нагнать въ эту сторону со всѣмъ своимъ войскомъ. Въ часъ пополудни мостъ былъ готовъ, — и первый Реджіо перешелъ чрезъ него со всѣмъ своимъ корпусомъ и направилъ маршъ къ дер. Стахову по дорогѣ къ Борисову, и тѣмъ отрѣзалъ доступъ въ Студенку Чаплицу, который дѣйствительно, узнавъ о движеніи Реджіо, стрѣлой несся къ студенковскому мосту. Въ четвертомъ часу наведенъ былъ другой мостъ и вдругъ 250 пушекъ вмѣстѣ съ цѣлымъ паркомъ аммуниціи переправлено за рѣку. Такой тяжести не вынесъ мостъ и во многихъ мѣстахъ поломался: но его тотчасъ исправили и черезъ него перешла вся артиллерія и гвардія Наполеона подъ прикрытіемъ арьергарда князя Беллюно, спѣшавшаго въ Борисовъ. Несмотря однакожь на то, что Реджіо вытѣснилъ Чаплица на правомъ берегу, — русскія войска все-таки старались удержаться близъ этого берега и когда явилась артиллерія, вступили въ прежнюю позицію. Наполеонъ, видя опасность Реджіо, велѣлъ присоединиться къ нему Нэю и Мортъе.... Между тѣмъ наступила ночь, а битва не начиналась. Наполеонъ провелъ всю ночь подъ открытымъ небомъ вмѣстѣ съ войскомъ, несмыкая глазъ ни на одну минуту. — 27 ноября съ разсвѣтомъ дня Наполеонъ вмѣстѣ съ старой своей гвардіей переправился на правый берегъ Березины и присоединился къ передовому отряду Реджіо; велѣлъ за старой гвардіей въ продолженіе цѣлаго дня успѣли переправиться Богарне и Даву. — Беллюно, оставивъ подъ Борисовомъ дивизию Партуно, для прикрытія дороги въ Студенку, замкнулъ шестіе великой арміи и подвинулся ближе къ Студенкѣ.

(199) Студенка — большая деревня, раскинутая на высокой горѣ, оканчивающейся равниной; отъ подошвы этой горы до самой рѣки идутъ обширныя топкія болота; такія же болота и за рѣкой, гдѣ нѣтъ возвышенія пригорья, а направо отлогая равнина: на этихъ-то пригоркахъ стояли русскіе.

Ночь прошла спокойно. Но 28 ноября утромъ, генералъ Витгенштейнъ, соединившись съ переднимъ отрядомъ Кутузова, занялъ Борисовъ и заставилъ отступить отъ него маршала Виктора. Богарне и князь Эмяль, по приказанію Наполеона, отправились въ Зембинъ для очищенія передоваго пути.... Необыкновенный гулъ пушекъ, звукъ оружія по обѣимъ сторонамъ Березины и крикъ сражающихся привѣтствовали наступившій день. Съ одной стороны, Чичаговъ совокупленными силами наступалъ на князя Реджіо: Реджіо равенъ, — его мѣсто, по приказанію Наполеона, заступилъ Нэй, подкрѣпленный силами Мортъе. Съ другой стороны, князь Беллюно велъ упорный и кровавый бой съ Витгенштейномъ, который старался вогнать отрядъ князя въ Березину. Бѣшеное упорство и храброе сопротивленіе защищающихся, быстрое и яростное стремленіе наступающихъ произвели страшное замѣшательство и волненіе между народомъ на мостахъ. Толпы народа, неучаствующаго въ битвѣ, съ отчаяніемъ и крикомъ бѣжали по мостамъ въ безпорядкѣ; отъ скопленія бѣгущихъ, козлы, на которыхъ держался мостъ, пошатнулись и мостъ сильно повредился. Тутъ народъ суетится, шумитъ, — а здѣсь понтонеры почиютъ мостъ и безъ пощады толкаютъ людей и обозы съ багажемъ французскихъ семействъ въ Березину. И неудивительно: дѣло спѣшное и горячее; мостъ необходимъ былъ для сообщенія наполеоновыхъ приказаній, на обѣ стороны, войскамъ, плававшимъ въ крови и нуждавшимся въ его ободреніи.... Но съ вступленіемъ Нэя въ управленіе отрядомъ Реджіо, битва приняла другой оборотъ: вмѣсто оборонительныхъ Нэй началъ дѣйствія наступательныя; битва сдѣлалась упорнѣе; въ ней приняли участіе еще два корпуса (5-й и 3-й), разставленные самимъ Наполеономъ.... Бой страшный и ожесточенный съ обѣихъ сторонъ — продолжался цѣлый день.... Наконецъ въ десять часовъ вечера, Чичаговъ отступилъ къ Борисову съ большимъ урономъ. Тогда Наполеонъ послѣднимъ къ лѣвому берегу Березины на помощь къ Виктору противъ Витгенштейна. Прижатый лѣвымъ крыломъ къ рѣкѣ, Викторъ, отбиваясь, сколько ставало силъ, отъ напора Витгенштейна, безъ всякаго плана и порядка отступалъ къ Студенкѣ и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Уступивъ самовольно позицію, назначенную ему Наполеономъ подъ Борисовымъ, онъ не только открылъ дорогу со стороны Борисова для переправы, но и далъ возможность русской арміи окружить его со всѣхъ сторонъ и преслѣдовать даже во время отступленія. Витгенштейнъ, держа его, такъ сказать, въ заперти, имѣя

очевидно болѣе войска, хотѣлъ остатки корпуса маршала вогнать въ рѣку и тамъ утопить. Словомъ, корпусъ Виктора повесъ въ этотъ день страшное пораженіе, и безъ сомнѣнія окончательно пострадалъ бы, да и самъ Викторъ могъ бы погибнуть, еслибы не прибѣгъ къ нему на помощь Наполеонъ. Новыя массы войска, подоспѣвшія съ Наполеономъ, подкрѣпили силы Виктора и дали ему возможность выбиться изъ круга русскихъ войскъ, послѣ долгой упорной битвы съ русскою артилеріею, успѣлъ по крайней мѣрѣ кой-какъ добраться до моста и скрыться за рѣкой. Въ этотъ страшный для французовъ день, кромѣ безчисленнаго множества убитыхъ и раненыхъ солдатъ, ранено нѣсколько генераловъ: Реажю, Домбровскій, Альбертъ, Клянцфельдъ, Лосиковскій, Фуриѣ, Жираръ, Дамъ, Легранъ и полякъ Заѣчекъ. Одинъ Беллюво въ теченіи цѣлаго дня храбро отражалъ наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ и вечеромъ, когда Наполеонъ отозвалъ его изъ Студенки, неустранимо всю ночь стоялъ предъ деревнею въ виду русскихъ войскъ и прикрывалъ собою раненыхъ, отставшихъ и заблудшихъ, также людей съ багажемъ и обозами, — словомъ всѣхъ, которые хотѣли уйти и спастись отъ окончательной гибели посредствомъ переправы чрезъ рѣку. Наконецъ, 29 ноября еще до разсвѣта, князь перешелъ чрезъ Березину и поручилъ генералу Эбле сжечь мосты, чѣмъ спасъ небольшіе остатки своего войска отъ совершеннаго истребленія, но за то окончательно погубилъ дивизію Партуно. Отступая отъ Борисова къ Студенкѣ, Партуно спѣшилъ къ мостамъ и, не найдя ни одного, долженъ былъ сдать русскимъ: 6,000 французовъ съ примѣсю поляковъ взяты были въ плѣнъ подъ Борисовомъ.

Что же дѣлалъ въ это время великій виновникъ гибели великой арміи, заведшій ее въ Россію единственно для удовлетворенія непомернаго своего властолюбія?... Какъ наемникъ, растерявшій стадо чужихъ овецъ, онъ заботился только о себѣ; думалъ, какъ бы самому спастись живому изъ предѣловъ Россіи. Не видя послѣ пораженія Виктора никакой надежды на малѣйшій успѣхъ и пришедши въ отчаяніе, онъ бросилъ все и всѣхъ и помчался чрезъ Хотасевичи, Нестановичи, Молодечно, Сморгонь и Вильно, а оттуда чрезъ Польшу во Францію передать народу печальную вѣсть о неслыханномъ пораженіи и дать отчетъ о безконечныхъ потеряхъ, понесенныхъ французами въ Березинскую компанію. Велѣдъ за нимъ въ величайшемъ безпорядкѣ тянулся Викторъ съ горстью своего войска....

Два властолюбца, въ сто лѣтъ одинъ послѣ другаго, шли по одной и той же дорогѣ. Въ 1708 году, шведскій король Карлъ XII, чрезъ Вильно, Сморгонь, Молодечно и Березино шолъ въ Россію съ полной надеждою на завосаніе русской имперіи, съ совершеннѣйшею увѣренностью въ побѣдѣ надъ Великимъ Петромъ; грозилъ царю русскому, что онъ уничтожитъ его, что Россія падетъ предъ могуществомъ Швеціи и пр. и пр. А кончилось тѣмъ, что чуть было не попалъ въ плѣнъ на берегахъ Буга и возвратился въ Швецію безъ ноги и безъ славы. Въ 1812 году, чрезъ тѣже — Молодечно, Сморгонь и Вильно бѣжалъ Наполеонъ и за нимъ остатки его грозной арміи.

Страшную, поразительно-ужасную картину представляла собою Студенка послѣ Березинской битвы. Вся деревня превращена была въ дымящіяся головни и раскаленный цинель: жители разбѣжались по полямъ, поля были обгажены кровью и завалены горами труповъ. Между трупами раздавались болѣзненные крики и тяжкіе стоны полуживыхъ или вѣрнѣе полумертвыхъ, которые напрасно просили помощи, напрасно умоляли о состраданіи: голодъ ихъ замиралъ въ воздухѣ, какъ эхо въ пустынѣ, некому было услышать страдальцевъ. Жестокій морозъ леденилъ ихъ тѣла и захватывалъ дыханіе: и гибли бѣдныя жертвы властолюбія Наполеона, которымъ, можетъ быть, довелось бы еще пожить долго и съ пользою, еслибы кто нибудь могъ спасти ихъ отъ смерти. Растаявшія воды Березины высоко поднялись и выступили изъ береговъ отъ накопленія въ нихъ людей, лошадей, экипажей, орудій и оружія.... Сколько разлучила эта гибельная для французовъ война женъ съ мужьями, дочерей съ матерями, сестеръ съ братьями! Счастливы, кто могъ уйти отъ такой страшной смерти! а можетъ быть счастливыѣ тотъ, кто умеръ въ этотъ день, потому что окончивъ разомъ все страданіе не видѣлъ и не слышалъ, что было послѣ.... А что было — ужасно! Маленькія дѣти, потерявши родителей, блуждали по лѣсамъ и полямъ и не встрѣтивъ души живой многія окоченѣвали отъ нестерпимаго холода и голода. Рѣдкія изъ нихъ попадали въ жилой домъ и могли отогрѣть свои полузамерзшія члены или утолить голодъ кускомъ чернаго хлѣба. Очень и очень не многія изъ нихъ были приведены или принесены сострадательными крестьянами въ дѣмы помѣщиковъ и тамъ нашли пріютъ, а впоследствии получили кой-какое воспитаніе. Не малое число этихъ дѣтей найдено было на большихъ дорогахъ борисовскими мѣщанами, которые накормивъ и напоивъ, обратили ихъ въ предметъ своей торговли: семилѣтнихъ и шестилѣтнихъ дѣвочекъ продавали

по два рубля, а меньших отдавали и дешевле. Между несчастными покинутыми и осиротевшими детьми было не мало, какъ послѣ оказалось, дѣтей непростаго званія, и даже знаменитаго происхожденія, которыхъ впоследствии искали. По крайней мѣрѣ известны два случая подобныхъ поисковъ. — На другой день послѣ выхода Наполеона изъ Борисова, борисовскій судья А. Сутовичъ привезъ въ д. Плещеничи перезабшую и голодную двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, которую нашелъ на студенковскихъ поляхъ. Тронутая жалкимъ положеніемъ дѣвочки, графиня Софія Тышкевичъ взяла ее подъ свое покровительство. Изъ словъ дѣвочки оказалось, что она называлась Марією Colau, что она потеряла на берегахъ рѣки (Березины) мать, отца и двухъ малыхъ братьевъ. Графиня воспитала ее вмѣстѣ съ своими дочерьми и чрезъ нѣсколько лѣтъ маленькая дѣвочка превратилась въ образованную дѣвушку. Въ 1817 году графиня по дѣламъ перѣехала въ Вильно вмѣстѣ съ дочерьми и Марією. По какому-то особенному случаю, графиня узнала въ Вильно, что у г. Шостовицкаго воспитывались два пріемыша того же имени (Colau), которые оказались братьями Маріи. Г. Шостовицкій объяснилъ графинѣ, что, будучи главнымъ начальникомъ военныхъ госпиталей во время войны 1812 года, онъ зналъ ихъ отца, бывшаго главнымъ интендантомъ антекъ французской арміи, который, потерявъ жену и дочь, вмѣстѣ съ двумя сыновьями заболѣлъ въ Вильно тифусомъ и умеръ, оставивъ малолѣтнихъ сыновей безъ всякаго обезпеченія. Сыновья взяты были въ домъ Шостовицкаго: что потомъ случилось съ мальчиками — неизвестно. Дѣвушка же Марія поступила гувернанткой въ домъ помѣщика Коверскаго, а потомъ борисовскаго предводителя дворянства Зеновича. Между тѣмъ графиня Тышкевичъ уѣхала въ Италію и, проѣзжая чрезъ Францію, во всѣхъ главныхъ городахъ объявляла въ газетахъ о существованіи Маріи. Вслѣдствіе этихъ объявленій, въ 1824 году изъ Франціи прислано было письмо къ Зеновичу, въ которомъ назначенъ былъ Кролевѣцъ мѣстомъ свиданія съ Марією. Въ означенный день госпожа Зеновичъ явилась въ Кролевѣцъ, гдѣ ее встрѣтила какая-то французская дама и, поблагодаривъ за участіе къ бѣдной сиротѣ, уѣхала назадъ вмѣстѣ съ Марією. Впоследствии, говорятъ, кто-то изъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ встрѣтилъ ее во Франціи и былъ свидѣтелемъ ея блестящаго положенія въ свѣтѣ, на которое она имѣла право по своему происхожденію. Марія съ чувствомъ благодарности рассказывала о первыхъ годахъ молодости, проведенныхъ ею въ Бѣлоруссіи.

Другой случай вотъ какой. — Послѣ переправы Наполеона чрезъ Березину, 29 ноября, какой-то молодой офицеръ, изъ арміи Чичагова, нашелъ на трупѣ женщины годовую дѣвочку, которая хватала губами холодныя груди матери. Видъ несчастнаго дитяти тронулъ сердце русскаго офицера, онъ взялъ его съ собою. Но когда прошелъ первый порывъ чувства состраданія, офицеръ призадумался, куда ему дѣвать это бѣдное дитя среди постоянныхъ передвижекъ полковъ, когда онъ не могъ ручаться и за свою будущность. Наконецъ, во время отдыха его отряда въ дер. Метлячахъ, онъ отнесъ дитя къ помѣщицѣ Жижемской и упросилъ ее взять бѣдную сиротку, окрестить, назвать Катериною и воспитать, для чего на первый случай оставилъ сто рублей сер. — Желаніе офицера не въ точности было выполнено. Г-жа Жижемская обратила дѣвочку въ горничную. Въ 1822 году какой-то офицеръ явился въ Метлячи и предъявилъ свои права на дѣвицу Катерину, взявъ ее оттуда и уѣхавъ — куда, неизвестно. Уже въ 1846 году, настоятель околоскаго костела получилъ изъ Петербурга прошеніе о высылкѣ метрическаго свидѣтельства дѣвочки (Катерины), найденной на студенковскомъ побоищѣ. На прошеніи подписался — полковникъ Гирсе. — А сколько дѣтей, можетъ быть, благородныхъ родителей выросло въ семьяхъ простолудиновъ Борисовскаго уѣзда? Многія дѣвочки попали въ число прислуги помѣщицъ и лакеевъ. Онѣ не помнятъ своего отечества, не знаютъ обстоятельствъ, доведшихъ ихъ до такого положенія, не понимаютъ своего языка и только изъ рассказовъ другихъ догадываются, что онѣ нѣкогда были французенками, пришли въ Россію съ родными, лишившись которыхъ лишились и того званія, къ которому принадлежали по своему рожденію.

Не менѣе жалкую картину представлялъ собою и Борисовъ послѣ побоища Наполеонова. Весь городъ былъ опустошенъ, а во многихъ мѣстахъ сожженъ; улицы были завалены полуобгорѣвшими трупами, дома — наполнены ранеными, большими и малыми. Крикъ, шумъ, плачъ и проклятія слышались вездѣ. Ожесточенные жители сгоняли французевъ и полковъ какъ животныхъ въ хлѣва и морили ихъ голодомъ въ отмщеніе за поруганіе этихъ мародеровъ надъ храмами и образами русскихъ, цѣломудрѣемъ женъ и дочерей ихъ. Загнанные въ хлѣва, они съ отчаянія сами себя поджигали и такъ гибли. Впрочемъ, многіе спаслись отъ преслѣдованія черни и, по выздоровленіи отъ ранъ, расселились по западнымъ губерніямъ. Нѣкоторымъ даже посчастливилось въ Россіи: поступивъ гувернерами и учителями въ дома помѣщиковъ и оказавшись добросовѣтными, они впослед-

ствѣ попали наставниками въ разные училища. Многие были опыты въ медицину и разнымъ ремесленничествѣ, назвали себя докторами, слесарями, столярами, скорняками, дистиллаторами и пристроились въ Россіи.

Вслѣдъ за выходомъ Кутузова въ Минскъ и потомъ въ Вильно, занялись очищеніемъ Борисова и Студенковского побойща. Собрать былъ народъ со всего уѣзда и стали вытаскивать изъ Березины трупы людей и лошадей, оружія, ящики съ аммуницией, фургоны и разные экипажи; изъ экипажей вынимали мертвыхъ матерей съ дѣтьми, кормилицъ съ дѣтьми, и тутъ же хоронили тѣла ихъ вмѣстѣ съ убитыми въ общей могилѣ. Все, что только вынута было цѣннаго изъ воды или найдено на полѣ битвы, становилось невозбранною собственностью тѣхъ, которые находили; дорогіе камни, коляска, разные драгоценныя вещи, солдатская аммуниція, всякаго рода оружія, мундиры, сѣдла и т. п. — все это поступало въ дома частныхъ владѣльцевъ, обывателей, шерakówъ и крестьянъ. — Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 12-го года можно было видѣть въ разныхъ домахъ куски сукна отъ мундировъ, разныхъ цвѣтовъ шерсть съ солдатскихъ эпозетъ и кордоповъ, множество красныхъ султановъ и кирасъ, шпагъ и сабель, крестовъ, книгъ, бомбъ, пуль и пр. Дорогие часы, столовая посуда — стеклянная и фарфоровая, серебряныя приборы, золотыя кольца и перстни, пистолеты въ богатой оправѣ за безцѣнокъ продавали крестьяне. А всякаго желѣза — шпиль, колесныхъ обручей, осей и разной формы оковъ столько собрано было нѣкоторыми обывателями, что они не покупали его лѣтъ десять. — Много вещей сохранилось и до настоящихъ дней. Вышедшіе изъ употребленія безмѣны (вѣсы) и ручныя мельницы встрѣчаются и теперь въ нѣкоторыхъ обывательскихъ домахъ: — Безъ сомнѣнія, много вещей и погибло въ Березинѣ, воды которой унесли ихъ вмѣстѣ съ пескомъ, но и эти вещи по временамъ находятъ еще въ рѣкѣ. Не такъ давно студенковскій поселеникъ, купался въ Березинѣ, нашелъ крестъ съ цѣпью, который, какъ оказалось, былъ украшеніемъ какой-нибудь духовной особы; что онъ былъ золотой, это подтверждается тѣмъ, что жидъ, корчемный арендарь, самый опытный ювелиръ въ деревнѣ, давъ за него поселенику восемь рублей, не считая водки, которою угостилъ онъ продавца не въ счетъ платы. — Не менѣе дорогихъ вещей и особенно денегъ осталось внутри земли. Отступая отъ Москвы, французы предвидѣли страшную свою будущность и потому, начиная отъ Смоленска до Вильно и дальше, въ разныхъ мѣстахъ, замѣтныхъ

по своему положенію, закапывали серебро и золото въ надеждѣ возвратиться когда нибудь за ними. Объ этихъ зарытыхъ сокровищахъ въ Борисовскомъ уѣздѣ сохранилось много преданій и рассказовъ: особенно говорятъ о кладахъ подъ Кохановымъ, Веселовымъ, Зембинѣ и Плещевичахъ. А послѣ Березинскаго пораженія, въ то время, какъ разстроенныя войска опроретью безъ всякаго порядка бѣжали къ Вильно и лошади падали съ голоду, а потому не имѣли времени зарывать въ землѣ, бросали бочки съ золотомъ по дорогамъ: — въ Вильнѣ, они валялись на улицахъ. — Но какъ и всякія преданія, такъ и преданія о французскихъ кладахъ, въ устахъ народа, постоянно преувеличиваемы были и въ настоящее время возрасли въ баснословныя легенды, — особенно о безчисленныхъ сокровищахъ близъ Студенки и Борисова. И находились люди легковѣрные, которые пробовали счастья — найти въ землѣ то, чего не положили, — перекопали нѣсколько холмиковъ, перенесли множество могильныхъ кургановъ и хотя возвратились ни съ чѣмъ, но все таки сами же поддерживали эти сказки о кладахъ. А въ 1843 году пріѣзжало какое-то иностранное общество и, съ дозволенія начальства, отыскивало въ Борисовскомъ уѣздѣ, по картѣ, зарытыя деньги, но тридцать лѣтъ времени значительно измѣнили и мѣстность и самыя окрестности, а потому, не могли повѣрить ихъ ни съ картою, ни даже съ самыми преданіями, общество предоставило открытіе этихъ денегъ какому нибудь счастливцу.

Вотъ рядъ событій историческихъ, происходившихъ въ Борисовѣ и его уѣздѣ отъ самыхъ древнихъ временъ до настоящихъ. Переходя, какъ мы видѣли выше, отъ минскихъ или вообще отъ древне-русскихъ князей къ литовскимъ, отъ литовскихъ князей къ польскимъ королямъ и, наконецъ, возвратившись къ родной семьѣ Руси, — Борисовъ испытывалъ разные перевороты въ отношеніи административномъ; смотря по тому, къ кому переходилъ, принималъ такую или другую форму правленія въ духѣ той націи, которая имѣла власть надъ этимъ городомъ.

Находясь во власти русскихъ князей, Борисовъ пользовался правами свободнаго города и подчиненъ былъ князю минскому или кривичскому. Какими особенными правами пользовался въ то время Борисовъ — неизвѣстно: административныхъ актовъ

не сохранилось; по всей вѣроятности, какъ городъ укрѣпленный, по словамъ летописи (см. дальше), пользовался значеніемъ не послѣднимъ въ системѣ мнѣскаго удѣла. — Не больше извѣстій сохранилось и отъ того времени, когда Борисовъ былъ въ составѣ великаго княжества Литовскаго. По крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣ эпохи соединенія Литвы съ Польшею, Борисовъ сталъ входить въ составъ воеводства, староствъ и повѣтовъ на основаніи литовско-польскихъ постановленій. Въ архивѣ князя Радзивилла хранится копія *привилей* (литовскаго князя) Александра-Ягеллончика, въ которомъ упоминается о Борисовѣ какъ о старостѣ. Съ начала XVI вѣка, Борисовъ кромѣ общей участи обращенія въ унію бѣлорусскихъ городовъ, сталъ испытывать обременительные налоги такъ называемыхъ *аттеницій* и *опацій* (т. е. дарственныхъ владѣній) своевольной шляхты польской. Въ архивѣ же князя Радзивилла находится формальная выпись изъ литовскихъ метричь отъ 1542 года, мая 20, индикта 15, свидѣтельствующая, что такъ называемый замокъ Борисовскій съ *принадлежностями* подаренъ Сигизмундомъ Августомъ Яну Юрьевичу Габбоничу, виленскому воеводѣ, вслѣдствіе чего Борисовъ причисленъ былъ къ виленскому воеводству. Затѣмъ, съ 1563 по 1798 годъ Борисовъ считался староствомъ то Казановскихъ, то Слушскъ, то Огнискскихъ, а наконецъ князей Радзивилловъ, и принадлежалъ къ воеводствамъ виленскому и витебскому, и къ разнымъ повѣтамъ: ошмянскому, оршанскому и докшинскому, какъ доказываютъ это древніе акты (1660 — 1775, и 1775 — 1795 г.) борисовскіе (200). Для предохраненія Борисова отъ притѣсненій старостъ въ продолженіе ихъ управленія этимъ городомъ, послѣдовало нѣсколько польско-королевскихъ грамотъ въ пользу жителей города, ихъ вольности и неприкосновенности прежнихъ правъ. Такъ, въ 1563 году (августа 10) издава была грамота Сигизмунда-Августа; въ 1577 г. — *привилей* Стефана Баторія; — въ 1595 г. грамота Сигизмунда III; въ 1640 — привилей Владислава IV. Наконецъ, въ 1792 г. (14 іюня) Станиславъ-Августъ, по просьбѣ борисовскихъ мѣщанъ, издалъ такъ называемый *привилей renovationis* (201), въ которомъ Борисовъ объявленъ вольнымъ конституціоннымъ городомъ. — Но всѣ эти привилегіи и грамоты не могли обузывать магнатовъ — старостъ, особенно во время рѣчи — посполитой. Каждый староста, смотря по своимъ нуждамъ, а чаще прихотямъ, стѣснѣлъ права жителей Борисова или даже вовсе уклонялъ ихъ изъ виду, если приходилось

(200) Акты хранятся въ архивѣ борисовскаго земскаго суда.

(201) Привилей хранится въ архивѣ борисовской думы.

ему извлекать изъ того выгоду, и не обращать вниманія на жалобы города. До какой степени доходили притѣсненія старостъ, это видно изъ того, что въ 1781 году (октября 4) правительство польское, по неотступнымъ просьбамъ мѣщанъ, вынуждено было назначить комиссію и подробно опредѣлить, сколько чего именно обязаны они выдавать старостамъ натурой или деньгами. Впрочемъ и подобная мѣра не смирила старостъ: нужна была власть самодержавная. И вотъ съ присоединеніемъ бѣлорусскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Борисова, къ родной семьѣ Русской Имперіи, Борисовъ свободно вдохнулъ послѣ своеволия польскаго. Въ 1798 г. (января 19), Императоръ Павелъ, утвердивъ грамотою право владѣнія землями Борисовскихъ старостъ (съ 8,000 душъ) за послѣдними старостами борисовскими Радзивилами, исключилъ изъ этого права самый городъ Борисовъ (202). Съ этого времени Борисовъ сдѣлался государственнымъ городомъ и переименованъ въ уѣздный городъ мнѣской губерніи. Борисовскіе мѣщане стали пользоваться городскими грунтами безъ всякой затолаты. Губернаторъ Каріевъ, о которомъ мнѣчане сохранили столько отрывчатыхъ воспоминаній, желая предотвратить могущіе произойти по этому случаю споры, предложилъ правительству указать опредѣленные границы между грунтами борисовскихъ мѣщанъ и грунтами Радзивилловъ. Для этой цѣли, въ 1798 году (15 ноября) командированъ былъ изъ Мнѣска губернской землемѣръ Соина для размежеванія означенныхъ земель. Такъ какъ впоследствии мѣщане стали жаловаться на отнятіе у нихъ земель радзивилловскою администраціею, то въ 1829 году, по повелѣнію Великаго князя Цесаревича Константина, назначенъ былъ комитетъ для новаго размежеванія и въ 1830 г. размежеваніе исполнено было землемѣромъ Сомкевичемъ, вслѣдствіе котораго городъ получилъ въ свое распоряженіе 2,645 десятинъ и 227 сажень земли пахатной, сѣнокосной, въ томъ числѣ выгоновъ и зарослей. Въ 1833 году мѣщане борисовскіе, на основаніи какого-то стариннаго акта, вздумали домогаться нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ искони городу и только недавно захваченныхъ Радзивилловскою управою, вслѣдствіе чего поручено было борисовскому землемѣру Совинскому повѣрить прежнія размежеванія согласно съ жалобою мѣщанъ. Г. Совинскій донесъ, что означенная управа дѣйствительно забрала у города много окрестныхъ земель. На основаніи такого донесенія, городу Борисову дозволено завести по этому случаю тяжбу: судя по требованіямъ города, Радзивиллъ

(202) Грамота, данная на имя виленскаго воеводы князя Михаила Мартиноича Радзивилла, хранится въ радзивилловскомъ архивѣ.

долженъ потерять нѣсколько сосѣднихъ съ Борисовомъ деревень и фольварковъ. Тяжба пока не кончена.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что въ 1830 году Высочайше утвержденъ планъ о построеніи новаго города Борисова, копія съ котораго хранится въ архивѣ городской думы.

Каковъ же Борисовъ въ настоящее время и что въ немъ сохранилось изъ древнихъ памятниковъ?

Въ настоящее время Борисовъ можно назвать небольшимъ городомъ, занимающимъ довольно красивое мѣстоположеніе. Жителей въ немъ считается 6,000. Пространство всего города составляетъ 10,500 сажень, изъ которыхъ 2,352 занимаетъ базаръ или рынокъ, раскинутый посреди города близъ церкви. Рынокъ этотъ существуетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ съ XVII вѣка. Въ инвентарѣ 1680 года сказано, что рынокъ былъ большой, вокругъ котораго находились казенныя здація, а посрединѣ церковь (203) св. Спаса; въ этомъ же инвентарѣ упоминается объ улицахъ: Соской, Замковой, Мостовой, Полоцкой, Польньской или Березинской, Ониськовой, Млыновой, Оршанской и Заболоцкой, а домовъ насчитывается 382 (204). Нынѣ въ Борисовѣ 610 домовъ: всѣ они деревянные, болѣею частью принадлежатъ частнымъ людямъ, казенъ принадлежатъ только три. Въ составъ домовъ входятъ двѣ еврейскія божницы и двѣ пригородныя мельницы. Большая часть жителей — евреи, въ рукахъ которыхъ заключается почти вся торговля борисовская. Главная торговля ихъ — лавочная. Лавки ихъ расположены вокругъ площади; нѣкоторыя изъ нихъ довольно порядочны, особенно галантерейныя и бакалейныя; кондитерская одна, да и та очень похожа на харчевню.

Главное украшеніе площади — соборная православная Воскресенская церковь — деревянная, въ новомъ русско-византійскомъ вкусѣ, построенная въ 1830 году вмѣсто старой и обнесенная рѣшетчатою деревянною оградой, съ четырьмя входами. До извѣстнаго опредѣленія о церковныхъ штатахъ, борисовскому причту принадлежала деревня Кобыльщина; кромѣ того, въ его же владѣніи было шесть грунтовъ возлѣ Борисова, пожалованныхъ

(203) Старожилы говорятъ, что кромѣ Спаской были еще двѣ.

(204) Инвентаръ хранится въ радзивиловскомъ архивѣ.

въ 1770 году борисовскимъ старостой Огинскимъ на имя священника Клементовича. Въ настоящее время, въ замѣнъ этихъ помѣстій и угодій, назначено причту жалованье и указная пропорція пахатной и сѣнокосной земли. Кромѣ соборной, въ Борисовѣ есть приписная, небольшая деревянная Николаевская церковь, построенная на крутомъ возвышеніи въ виду рѣки Березины. Есть еще и польско-католическая церковь или костелъ — каменный, построенный въ 1806 году близъ знаменитаго Борисовскаго, или, правильнѣе Березинскаго моста. Въ этомъ костелѣ всякую пятницу совершается поминованіе по королѣ Владиславѣ IV-мъ и строителѣ храма Адамѣ Казановскомъ.

Не смотря на свое древнее происхожденіе, Борисовъ можетъ похвалиться довольно широкими и прямолинейными улицами, которыя почти всѣ сходятся у главнаго центра города — рыночной площади. Замѣчательныя изъ нихъ: *Минская*, получившая названіе отъ столбовой дороги изъ Минска въ Борисовъ; *Московская*, начинающаяся отъ дороги московской и петербургской; *Лепельская* — отъ лепельскаго тракта; *Полоцкая*, потому такъ названная, что она вела къ дорогѣ въ Полоцкъ; нынѣ вѣтъ этой дороги, сохранились только слѣды какого-то глухого проселка; *Польньская* отъ того, что на этомъ мѣстѣ, говорятъ, былъ глубокий прудъ съ польнью; *Виленская*, потому что въ ней остаются виленскіе извозчики; *Хоругвя* — отъ существовавшего въ этомъ мѣстѣ казеннаго дома съ выставленною хоругвью, принадлежавшею замку; *Шведская*, получившая свое названіе, вѣроятно, оттого, что въ 1708 году въ ней располагались обозомъ шведы; *Юридическая*: говорятъ, здѣсь былъ іезуитскій коллегіумъ; *Савина* — отъ фамиліи *Савта*, поселившейся здѣсь съ незапамятныхъ временъ; *Млынарская*, ведущая къ городскимъ мельницамъ; *Слободская* или *Солдатская*, заселенная отставными солдатами-инвалидами. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ и именно — *Минская*, *Московская* и *Лепельская* вымощены камнемъ; остальные во время дождя бываютъ грязны. По принятому мѣстному обыкновению, мѣтомъ подъ вечеръ горожане, за неимѣніемъ публичнаго сада, гуляютъ по болѣе чистымъ и широкимъ улицамъ.

Впрочемъ, этими мѣстами неограничивается гулянья горожанъ: многіе пробираются за Московскую улицу къ кальваріи (польское кладбище) или по преимуществу на *Мостъ*, на мостъ, который перекинутъ чрезъ Березину въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ борисовскихъ старожиловъ, въ 1812 году *французы омылись отъ своихъ грѣховъ*. Мостъ довольно

красивъ и великъ, поднимается и разводится на цѣпяхъ; вмѣстѣ съ плотинами занимаетъ 260 сажень въ длину; постройка его обошлась въ 15,000 рублей серебромъ. Надзоръ за мостомъ и переправами черезъ Березину порученъ инженерному офицеру. Всякій разъ, проживая въ Борисовѣ, я встрѣчалъ на этомъ мосту множество гуляющихъ, которые, увлекаясь воспоминаніями о событіяхъ отечественной войны, во время гуляній заводили рѣчь объ этомъ ужасномъ для французовъ времени и рассказывали множество анекдотовъ изъ событій 12-го года. И какъ въ самомъ дѣлѣ не увлеченъ здѣсь воспоминаніями о блистательной побѣдѣ русскихъ надъ тѣмъ, кто считалъ себя непобѣдимымъ и передъ которымъ преклонилась было почти вся Европа.

Но мнѣ кажется, что самое лучшее и живописное мѣсто для лѣтнихъ гуляній — небольшой красивый островокъ по правую руку за мостомъ: часть этого островка занята щегольской дачею г. Энгельфельта, которая по своей внѣшней красотѣ и внутреннему убранству комнатъ могла бы поспорить съ любой дачею петербургскихъ окрестностей. Когда-то эта дача была оживлена и славилась богатыми пирами: про нее столько носилось слуховъ и рассказовъ самыхъ фантастическихъ, что въ уѣздѣ ее прозвали волшебнымъ замкомъ, а владѣтельницу замка борисовскою Семирамидою. По смерти этой любительницы увеселеній, дача приняла болѣе скромный видъ и въ настоящее время славится большимъ цвѣтникомъ. Впрочемъ, дача эта всегда имѣетъ свое значеніе, потому что занимаетъ часть той земли, на которой некогда стоялъ древній борисовскій замокъ. Другую часть земли занимаетъ тюрьма. Слѣды замка сохранились только въ небольшихъ окнахъ и обводномъ каналѣ. Преданія же о существованіи этого замка самыя сбивчивыя и неопредѣленныя. Мы приведемъ ихъ въ связи съ рассказами объ немъ историковъ. Гвагницъ (205) говоритъ, что въ XVII вѣкѣ замокъ борисовскій имѣлъ форму округленную и былъ довольно сильно укрѣпленъ бастіонами и стѣною, вокругъ которой проведенъ былъ каналъ, соединившійся съ рѣкою Березицею. Нарушевичъ прибавляетъ, что возлѣ замка находилась церковь съ глубокими подземельями, которыя имѣли тайное сообщеніе съ подземельями замка (206).... Впоследствии, во время борисовскаго староства, замокъ обращенъ былъ въ зданіе старостовской администраціи. Перестроенный борисовскимъ старостой Огинскимъ, онъ существовалъ въ такомъ видѣ до начала XIX вѣка; по свидѣтельству

(205) Guagnin, pag. 302.

(206) Naruszew. Т. II, str. 234.

старожилонъ, этотъ перестроенный замокъ, со всѣми принадлежностями къ нему зданіями, былъ деревянный на каменномъ основаніи, съ одними воротами: отъ замка до Хоругвѣеи улицы проведенъ былъ черезъ каналъ небольшой мостикъ для пѣшеходовъ. Въ началѣ XIX вѣка, замокъ предназначенъ былъ для помѣщенія въ немъ развилковской администраціи. Послѣ перемѣщенія ея въ другое селеніе, замокъ нѣкоторое время служилъ мѣстомъ собранія дворянъ во время выборовъ, потомъ, не будучи ни къ кому поддерживаемъ, мало по малу приходилъ въ совершенный упадокъ и почти развалился. Наконецъ, по распоряженію правительства, на уцѣлѣвшемъ каменномъ основаніи замка построена тюрьма; прочія зданія частью обращены въ казармы инвалидной команды, а нѣкоторыя, въ острова, проданы борисовскому еврею, который построилъ на нихъ мѣсто постоялый дворъ.

Какъ бы оспаривая первенство предъ этимъ мѣстомъ древняго замка, немного подалеже отъ острова, гордо возвышаются свои хребты батареи или укрѣпленія 12-го года, такъ живо сохранившія въ устахъ народа память о знаменитыхъ подвигахъ русской артиллеріи. И эти батареи также нередко становятся мѣстомъ прогулокъ горожанъ. Батареи эти, вмѣстѣ съ подземными казармами, такъ старательно устроенными въ 1811 году, существовали во всей своей цѣлости до 1815 года. Еще въ 1814 году, подземныя деревянныя казармы наполнены были всякаго рода французской амуницией, ружьями и саблями, собранными близъ Студенки, а равно съѣстными припасами для прокормленія возвращавшихся русскихъ войскъ и французскихъ пѣхотныхъ. Въ началѣ 1815 года, Борисовъ очищенъ былъ отъ войскъ и батарей вмѣстѣ съ казармами оставлены были на произволъ жителей города. Борисовскіе мѣщане стали вытаскивать изъ стѣнъ казармъ бревно и желѣзо, и тѣмъ ускорили разрушеніе нѣкоторыхъ частей батарей: впоследствии многія возвышенія совершенно провалились и заросли даже соснами до того, что теперь нельзя назвать ихъ батареями. Въ настоящее время, впрочемъ, сохранились еще нѣкоторыя передовыя батареи и онѣ-то составляютъ мѣсто гуляній и даже осмотровъ проезжающихъ. А дѣйствительно, передовыя батареи составляютъ прекрасное мѣсто для обозрѣнія города въ полномъ его составѣ. Чудный видъ съ нихъ на городъ!... Особенно весною, когда Березина разливается чуть ли не по всему Борисову. Этотъ видъ имѣетъ что-то фантастическое вечеромъ, среди безчисленныхъ огней, отражающихся въ водахъ.

Кстати о Березинѣ. Березина получаетъ свое начало въ Борисовскомъ уѣздѣ, при мѣстечкѣ Докшичахъ, отъ небольшого болота и течетъ сначала отъ юга на сѣверо-западъ, потомъ отъ сѣвера на югъ; за тѣмъ проходитъ по мокрымъ лугамъ, покрытымъ кустарниками, и низменнымъ мѣстамъ, заросшимъ лѣсомъ, чрезъ уѣзды: Борисовскій, Игуменскій и Бобруйскій, наконецъ, захвативъ четыре версты въ Могилевской губерніи, впадаетъ въ рѣку Дибирь въ Рѣчицкомъ уѣздѣ (Минской губерніи) ниже мѣстечка Горвала. Вообще Березина протекаетъ отъ начала своего источника до впаденія 600 верстъ. Въ теченіи своемъ она принимаетъ въ себя рѣки: Свислочь въ 10 верстахъ отъ Борисова, Суху въ самомъ Борисовѣ, Бобръ въ 25 верстахъ отъ Борисова, Бресяту въ 30 верстахъ, Раву въ 35, и многія другія болѣе мелкія: всѣхъ принимаетъ одиннадцать. Ширина Березины отъ начала до того мѣста, гдѣ начинается березинскій каналъ, отъ 2 до 15 сажень, ниже до устья отъ 15 до 100 сажень; подъ Борисовомъ она раздѣляется на два рукава, каждый въ 5 или въ 6 сажень ширины. Березина и лѣтомъ имѣетъ столько глубины, что ниже Борисова по ней могутъ уже ходить суда. Иногда весною въ Березинѣ бываетъ сильная прибыль воды на 18 и 24 фута. Эта-то прибыль воды, по причинѣ низменности береговъ Березины, превращается тогда въ наводненіе и бываетъ причиною долгихъ холодовъ и поздней сѣяльбы—особенно въ самомъ Борисовѣ. Разлившаяся Березина медленно опадаетъ и едва въ концѣ мая вступаетъ въ берега: оттого въ апрѣлѣ и даже май бываютъ сильныя вѣтры, дѣлающіе климатъ въ Борисовѣ непріятнымъ, который и безъ того тамъ суровъ. Березина становится судоходною при впаденіи въ нее Сергуны. Судоходство по ней бываетъ двоякое: одно — въ Борисовѣ, противъ теченія воды, а изъ Борисова до ея устья по теченію; другое только въ Борисовѣ противъ теченія воды. Въ Борисовѣ противъ теченія воды, приходятъ байдаки съ солью, хлѣбомъ, водкою, пенькою, бочарнымъ лѣсомъ и клепками; съ мачтами, товарнымъ деревомъ, брусьями: аглицкими, клейшедскими и голландскими, также съ бѣлыми колодами. Всѣ эти товары привозятся изъ южныхъ губерній, также Могилевской и Смоленской, а изъ Минской изъ уѣздовъ: Игуменскаго, Бобруйскаго, Рѣчицкаго и Борисовскаго. Изъ Борисова, съ теченіемъ воды, байдаки отправляются съ легкимъ грузомъ лыкъ, рогожь, мочулы и камней. Кромѣ того, изъ Борисова перевозятъ на плотахъ дерево низшаго сорта, известное подъ именемъ *каравокъ*, и смолу въ бочкахъ: все это идетъ къ Николаевскому порту, а оттуда въ губерніи: Кіевскую,

Полтавскую, Черниговскую и Херсонскую. Изъ Борисова противъ теченія воды большого судоходства до сихъ поръ еще не существуетъ; по крайней мѣрѣ изъ Борисова не ходятъ суда: причиною тому необыкновенная мелкость Березины во многихъ мѣстахъ русла и особенно болотистость озеръ Маньца и Плавья, при помощи которыхъ Березина можетъ имѣть только сообщеніе съ рѣкою Уллою и черезъ нее съ Западною Двиною, а слѣдовательно и съ Рогою. Впрочемъ, чтобы сколько нибудь облегчить эту невыгоду для торговли, правительство назначило въ 1842 году провести каналъ отъ рѣки Сергучы и такимъ образомъ, миновавъ озера Манецъ и Плавье, соединить Березину съ Западною Двиною; вследствие этого изъ Борисова противъ воды сплавляютъ въ Ригу товарное дерево, разныя брусья, кленки и мачты. Успѣху березинской торговли не мало содѣйствуютъ каналы Сергученскій и Березинскій. Первый, получивъ названіе отъ рѣки Сергучи, выкопанъ, по распоряженію правительства, въ 1803 году; имѣетъ 12 шлюзовъ и начинается въ западной половѣ Борисовскаго уѣзда въ 82 верстахъ отъ города. Второй — отъ рѣки Березины проведенъ къ Западной Двинѣ въ 1806 году и извѣстенъ подъ именемъ березинской системы. Вся торговля Березины простирается до 600,000 руб. сер.

Начало березинской торговли нужно относить къ отдаленнымъ временамъ. Въ XV вѣкѣ литовское правительство, начиная съ Ольгерда, а вслѣдъ за литовскимъ и польское, владѣя западно-русскимъ краемъ, усиленно заботились о поддержаніи черноморской торговли — для сбыта мѣстныхъ товаровъ. Но такъ какъ для утвержденія черноморской торговли необходимо было соединеніе Дибра съ Чернымъ моремъ, а Дибирь представляетъ много препятствій для большого судоходства (можно было только перетаскивать на маленькихъ баркахъ дерево и смолу) по причинѣ безчисленныхъ и большихъ пороговъ, которые учрежденная къ свое время комиссія нашла невозможнымъ уничтожить (207), то рѣшено было приступить къ соединенію Чернаго моря съ Балтійскимъ чрезъ соединеніе рѣки Березины съ Виліею (которая, какъ извѣстно, впадаетъ въ Западную Двину, а Двина чрезъ Рижскій заливъ въ Балтійское море) при посредствѣ новопроведеннаго канала и шлюзовъ. Въ 1631 году на варшавскомъ сеймѣ, по повелѣнію Владислава, составленъ былъ проектъ о проведеніи канала съ низу Березины до Виліи (208). Но неизвѣстно почему проектъ этотъ неосуществился. Известно только,

(207) Czacki, o handlu Polskim z portą Ottomańską, T. III, str. 327.

(208) Vol. leg. T. III. 684, 683.

что составленъ былъ новый проектъ для соединенія рѣки Березины съ Западною Двиною, который найденъ былъ впоследствии между бумагами борисовскаго земскаго суда и уже въ 1799 году, по возвращеніи Минской губерніи въ составъ Россіи, приступлено было къ проведенію канала, который оконченъ въ 1806 году и получилъ названіе березинской системы.

Такимъ образомъ, при учрежденіи березинской системы, торговля черноморская оживилась. Соединенная съ рѣками: Сною, Гайною, Усяжою и Броднянкою, Березина сообщаетъ лѣснымъ произведенія: дерево, смолу и проч., чрезъ руки евреевъ и христіанскихъ купцовъ, въ Кременчугъ и потомъ въ Черное море; а изъ Кременчуга доставляетъ обратно противъ воды на байдакахъ соль, также пшеницу и разную крупу. А при помощи шлюзовъ чрезъ озера Пеликъ, Лепельское и рѣку Улянку, Березина перелагаетъ товары въ Балтійское море.

Исторія древняго березинскаго судоходства до насъ не дошла: вѣроятно исчезла въ архивахъ. А потому приведемъ здѣсь по крайней мѣрѣ сравнительныя числа привознаго товару по березинской системѣ и дохода съ него въ одинъ изъ недавнихъ неурожайныхъ годовъ и въ обыкновенный урожайный годъ.

Въ обыкновенный урожайный годъ среднимъ числомъ приходятъ изъ Малороссіи къ борисовской пристани до 70 байдаковъ (плоскостонное судно съ парусами) съ хлѣбомъ на 20,000 руб. сер. и преимущественно съ солью на 230,000 руб. Разница бываетъ единичная, рѣдко десятичная.

Въ неурожайные же годы сумма привозныхъ товаровъ превышаетъ 300,000 руб. сер. Такъ въ 1845 году, въ одинъ изъ самыхъ неурожайныхъ годовъ пришло въ Борисовъ байдаковъ 288. На нихъ было: ржи 493,135 пуд. на 127,518 руб. сер.; ржаной муки 94,518 пуд. на 26,818 руб. сер.; пшеницы 149,503 пуд. на 45,602 руб. сер.; муки пшеничной — ситной 7,383 пуд. на 4,802 руб. сер.; проса 14,017 пуд. на 5,784 руб. сер.; гречи 27,134 пуд. на 6,350 руб. сер.; гречневой крупы 20,233 пуд. на 8,021 руб. сер.; ячменю 4,700 пуд. на 930 руб. сер.; ячменной крупы 2,200 пуд. на 570 руб. сер.; гороху 3,444 пуд. на 90,12 руб. сер.; соли (209) 171,142 пуд. на 78,117 руб. сер.; хлѣбнаго вина (тогда не было еще откупа въ Борисовѣ) 34,828 ведеръ на 17,286 руб. сер. Итого на 329,810 руб. сер.

Не менѣе хлѣба и соли, сплавляютъ и лѣсу по Березинѣ. Количество сплаваго лѣса зависитъ отъ качества зимняго пути, по

(209) Соль въ Борисовѣ продается въ самое дешевое время по 50 коп. сер., а въ самое дорогое — по рублю, рѣдко выше рубля.

которому свозятъ его въ Борисовъ изъ сосѣднихъ пуць и потомъ весною сплавляютъ въ Ригу. Изъ сплаваго лѣса замѣчательны голландскіе брусья, которыхъ высылаютъ на 75,000 руб. сер., мемельскіе — на 40,000 руб., англійскіе — на 51,000 руб. дубовыя кленки — на 13,500 руб., колоды и балки на 15,000 руб. Кроме того, по Березинѣ въ Кременчугъ сплавляютъ ежегодно борисовскаго лѣсу — *каравокъ* (необтесанные брусья) около 30,000 штукъ на 20,000 руб. сер., и смолы около ста кубъ большихъ бочекъ въ 40 ведръ) на 1,500 руб. сер. Торговля лѣсомъ производится большею частью евреями борисовскимъ, минскими, чашниковскимъ, березинскимъ и вивецкимъ, изъ которыхъ многіе не живутъ въ Борисовѣ, а имѣютъ тамъ только своихъ повѣренныхъ. Этотъ родъ торговли доставляетъ сосѣднимъ борисовскимъ крестьянамъ возможность извлекать изъ нее пользу: они занимаютъ для срубки и перевозки лѣса, для сливки смолы и закупориванія бочекъ; въ самомъ Борисовѣ занимаютъ мѣщане городскіе, изъ которыхъ большая часть занимается хлѣбопашествомъ. Больше оборотливые и состоятельные изъ нихъ участвуютъ въ паяхъ съ купцами и нерѣдко закупаютъ смолу по частямъ для доставки въ большомъ количествѣ на борисовскую пристань.

Что же касается до соли, то главные торговцы ея — великорусскіе купцы, которые, вслѣдствіе разширенія борисовской коммерціи, вздумали выстроить на правомъ берегу Березины противъ города на землѣ князя Радзивилла — нѣчто въ родѣ слободы или предмѣстья. Мало по малу на пустынномъ берегу рѣки явилось цѣлое селеніе: въ двѣ параллельныя линіи, съ одной стороны, образовались красивенькіе деревянныя домики съ садиками, съ другой — около 50 большихъ амбаровъ, по преимуществу наполненныхъ солью, отчасти хлѣбомъ, особенно пшеницею; въ послѣднее время и евреи рѣшились примкнуть къ этой слободѣ съ своими амбарами. Но имъ не позволено здѣсь жить: въ красивыхъ домикахъ живутъ исключительно христіанскіе промышленники. Порядокъ, чистота въ слободѣ, и главное, архитектура зданій ея, рѣзко отличающаяся отъ зданій города, придаетъ ей какую-то особенную, характеристическую физиономію. Прибавьте къ этому массу судовъ, пристающихъ весною у слободы, съ разнообразными развѣвающимися флагами, безпрестанное движеніе и шумъ народа, нерѣдко даже горожанъ, гуляющихъ здѣсь въ большомъ количествѣ, да кроме того, толпу разныхъ подрядчиковъ, помѣщиковъ, экономовъ, писарей и шеряковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Минской губерніи для своевре-

нежели лѣснине, у которыхъ, кромѣ земледѣлія, есть другія средства для продовольствія.

Изъ Борисова я долженъ былъ отправиться въ г. Слуцкъ по прямому почтовому пути чрезъ Минскъ. Но такъ какъ мнѣ хотѣлось заглянуть въ Игумень, то я рѣшился свернуть на проселочную дорогу — мимо Минска. Впрочемъ эта проселочная дорога такъ широка и такъ хорошо устроена среди густыхъ, большихъ лѣсовъ, что ничуть не уступитъ столбовой. Да и говорятъ, что она вѣкогда была почтовою; но когда именно — не передаютъ; вѣроятно, очень давно.... Въ преданіи народа сохранилось только воспоминаніе о походахъ въ Игуменскомъ уѣздѣ Витовта и Карла XII-го. Мы увидимъ дальше, что по пути изъ Борисова въ Игумень встрѣчаются названія: Городище, Городно, Кривишки, Кривическое озеро, Домовитскъ, — названія, какъ можно думать, древнихъ оселищъ какого нибудь славяно-русскаго племени.

Выѣхавъ изъ Борисова подъ вечеръ, я думалъ было попасть къ ночи въ Городно, срединный пунктъ между Борисовомъ и Игуменемъ; но судьба иначе распорядилась. Довѣрившись своему возницѣ, я преспокойно уснулъ въ надеждѣ пробудиться въ Городнѣ. Но не тутъ-то было. Возница, соблазненный моимъ отдыхомъ, неустоялъ противъ обаяній прохладнаго вечерняго вѣтерка и также началъ дремать, давъ полную свободу лошадямъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога загорожена была деревомъ, и лошади, при этомъ препятствіи, свернули въ сторону въ лѣсъ и преспокойно прогуливались по кустарникамъ папоротника; пока лѣсъ былъ прочищенный, лошади еще кое-какъ шли, но когда добрались до густыхъ почти-непроходимыхъ чащъ, то остановились, пооборвавъ всѣ ремни у экипажа и вдобавокъ запутавшись въ вѣтвяхъ деревьевъ. Трескъ сучьевъ и экипажа пробудили меня и я увидѣлъ свое критическое положеніе. Возница спалъ. Разбудивъ его, я велѣлъ ему искать дорогу, но какъ онъ могъ найти ее — сонный?... Къ счастью, послышались вдали переклички ночныхъ пастуховъ, и я сталъ звать ихъ на помощь. Отъ нихъ я узналъ, что мы далеко отъ Городни, близъ застѣнка *Новицкихъ*. Нечего дѣлать, нужно было обратиться въ застѣнокъ. Сонный кучеръ, при помощи пастуховъ, кой-какъ дотащилъ экипажъ до застѣнка, но и тутъ было много хлопотъ: едва нашли тамъ пріютъ. Въ одномъ домѣ отказали, потому что вѣгдѣ было помѣститься, въ другомъ, — потому что

были больныя дѣти, — въ третьемъ, потому что не было дома хозяина; наконецъ, въ четвертомъ сжалились добрые люди и я очутился въ какой-то законченной комнатѣ. Располагая немного отдохнуть, я рассчитывалъ съ разсвѣтомъ дня отправиться дальше, но мнѣ объявилъ кучеръ, что нужно исправить экипажъ, — а для этого требовалось полдня.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Оставшись въ застѣнкѣ, я познакомился съ застѣнковымъ *губернеромъ* или *инспекторомъ*, т. е. гувернеромъ, тоторый сообщилъ мнѣ довольно интересныя свѣдѣнія объ окрестностяхъ застѣнка, а я въ свою очередь сообщая ихъ читателямъ.

Но прежде нѣсколько словъ о самомъ губернере. Проснувшись утромъ, я былъ пораженъ звуками, раздававшимися за стѣною моей комнаты: буки-азь-ба, вѣди-азь-ва, глаголь-азь-га, — буки-онь-бо... и проч. Я спросилъ кучера, что это значитъ? Кучеръ отвѣчалъ: «губернеръ учитъ дѣтей». Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на этого губернатора, и потому я собрался было пойти въ сосѣднюю комнату. Но губернере предупредилъ меня и самъ явился ко мнѣ. Это былъ одинъ изъ нѣкѣмъ неописанныхъ бѢлорусскихъ типовъ, который поразилъ бы васъ съ перваго знакомства съ нимъ. Губернеръ былъ довольно пожилой человекъ, высокаго роста, тонкій какъ спичка, съ длинными волосами на головѣ и небритою съ мѣсяцъ бородою; на немъ былъ какой-то сюртукъ или венгерка, едва обхватывавшая его тщедушное тѣло, — съ тальею чуть ли не на плечахъ, узенькими и коротенькими рукавами. Въмѣсто саногъ на ногахъ его были башмаки, привязанные къ ногамъ веревочками. Онъ отрекомендовался мнѣ. Изъ словъ его я узналъ, что онъ занимается съ своими питомцами въ извѣстные часы; въ остальное время дня помогаетъ ихъ отцамъ косить, пахать, рубить дрова и т. п. Жалованье получаетъ съ каждой семьи застѣнка по одному, а много по два рубля въ годъ, съ прибавкою кой-какого бѣлья. Подобный губернере иногда проводитъ въ застѣнкѣ всю свою жизнь, а иногда переходитъ изъ одного застѣнка въ другой: это зависитъ отъ его характера, а частью отъ несостоятельности застѣнковцевъ, неплатящихъ по условію. Губернеръ, живущій долго въ одномъ застѣнкѣ становится почетнымъ лицомъ: къ нему какъ къ ученому человеку обращаются за совѣтами; ему поручаютъ говорить рѣчи во время именинъ, при похоровахъ и т. п.; его принимаютъ въ общества стариковъ и нерѣдко женятъ на дочери какого нибудь бѣднаго шляхтича.... Но и женившись губернере остается губернере до самой смерти.

Съ такимъ-то господиномъ познакомился я и онъ, какъ умѣлъ, рассказалъ мнѣ про свой застѣнокъ. Застѣнокъ Повицкихъ когда-то назывался *Кривкою* и въ немъ жили богатые шляхтичи по прозванію *Кривички*. Но послѣ пожара, истребившаго весь застѣнокъ, *Кривички* оставили свое пепелище и поселились близъ Городни. Намѣстѣ же *Кривокъ* построены новыи застѣнокъ и заселены перекрещенными евреями, которые въ христіанствѣ названы *Повицкими* (210). Услужливый губернверъ объяснилъ мнѣ, что большая часть изъ поселившихся здѣсь *Повицкихъ* переѣхала въ отдаленные города, между прочимъ въ Бердичевъ, Кіевъ и Варшаву, гдѣ занимаются факторствомъ. Слѣды еврейскаго происхожденія *Повицкихъ* запечатлѣны на ихъ смуглой физіономіи, черныхъ волосахъ и бородѣ. Кромѣ того, панъ губернверъ открылъ мнѣ по секрету, что онъ занимается древностями и собираетъ разные преданія и повѣрья. Между прочими повѣрьями онъ рассказалъ мнѣ повѣрье и преданіе о *Кривичскомъ* озерѣ, находящемся близъ застѣнка *Повицкихъ*, на сѣверо-западъ отъ г. Игумена. Озеро это довольно глубоко и почти неприступно по причинѣ окружающихъ его топкихъ болотъ. По словамъ его, озеро это не даромъ называется *Кривичскимъ*: оно хранитъ въ глубинѣ своей остатки какихъ-то древнихъ зданій: рыбаки часто вытаскиваютъ въ неводахъ какіе-то тесаные камни, израсцы и желѣзные гвозди:

Что касается до самаго застѣнка, то онъ очень не великъ: жители его — шляхтуны *Повицкіе* ведутъ жизнь самую простую и почти бѣдную; причина кажется та, что они мало занимаются земледѣіемъ, которое очень прибыльно въ тѣхъ мѣстахъ. Они больше ведутъ жизнь ярмарочную и предпочитаютъ самую дичайшую торговлю обработкѣ земли и цѣсѣву ржи или пшеницы. Такъ, напр., въ одномъ домѣ я дашель цѣлое семейство, которое исключительно занимается сборомъ и продажей грибовъ (которые богаты борисовскій край), да идобаюкъ *лекарствомъ* г. е. леченіемъ больныхъ травами и другими произрастеніями. Проживъ полдня въ застѣнкѣ, я отправился наконецъ отсюда въ Городню.

Городня — довольно красивое селеніе, раскинутое по обѣимъ сторонамъ р. Березины на крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ: оно

(210) Фамилія *Повицкихъ* произошла отъ слова *Noviciati*: известно, что у польскихъ католиковъ новообращенные христіане изъ язычниковъ или ересей называются *новиціатами* или *повиціушами* и въ замѣнъ прежней фамиліи нехристіанской получаютъ фамилію *Повицкихъ*: отсюда понятно, почему такъ много фамилій *Повицкихъ* встрѣчается между поляками и бывшими *Уніатами*.

имѣеть свои древнія преданія. По правую сторону Березины, въ чащѣ лѣсовъ на значительномъ возвышеніи, окруженномъ капавою, лежитъ огромный камень; въ капаиъ находятъ обломки жженого кирпича. Возлѣ этого камня, въ день Ивана купаль, собирается народъ и проводитъ вечернее время въ пляскахъ съ пѣснями. Старые люди говорятъ, будто здѣсь, на этомъ мѣстѣ нѣкогда совершалось служеніе *паянскимъ болванамъ* (т. е. языческимъ божествамъ), а не такъ давно разрыто и уничтожено самое городище и вокругъ него валъ. Примиѣ одинъ господинъ утверждалъ даже, что *Несторъ*, упоминая въ лѣтописи подъ 1127 годомъ о *Городнѣ*, разумѣеть именно это самое *Городно* (211). Впрочемъ, это только предположеніе *одного* господина.

За этимъ селеніемъ начинаются величественные лѣса, почти не тронутые. Вдоль широкой, чистой дороги по обѣимъ ея сторонамъ высятся исполины — дубы, вязы, клены. Воздухъ пропитанъ благоуханіемъ, которое еще болѣе увеличивается отъ ароматическихъ травъ и цвѣточныхъ растений, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ этихъ чистыхъ, лѣвственныхыхъ лѣсахъ. Между этими громадными лѣсами по правую сторону дороги утесисто поднимаются крутые берега Березины, едва видящейся сквозь сѣти переплетенныхъ между собою густыхъ кустарниковъ ежевики, малины и черной смородины: пробѣжій только по шуму и всплескиванію волнъ догадывается о близкомъ теченіи широкой и бурной рѣки; за рѣкой глазамъ представляются роскошные сѣнокосы и пастбища, кой-гдѣ прорѣзанная притоками Березины. Особенно привлекательно мѣстоположеніе при вѣздѣ въ *Рованицкую-Слободу*, имѣніе г. *Словинскаго*, славящееся сухою фабрикою и особеннаго свойства известкою, въ видѣ отвердѣвшаго песчаника (камня), съ красными и зелеными крапинками, которая, будучи растворена въ водѣ, принимаетъ темнозеленый цвѣтъ. Здѣсь Березина разливается во всемъ величійи и, какъ бы на прощаніе съ *Борисовскимъ* уѣздомъ, шумитъ и брызжетъ водопадами и затѣмъ переходитъ въ границы *Игуменскаго* уѣзда самымъ широкимъ и глубокимъ бассейномъ. Отъ *Рованичской* слободы начинаютъ появляться слѣды прерванной близъ дер. *Калужицъ* (*Борис. уѣз.*) такъ называемой *Витовой* дороги, которые наводятъ на мысль, что и въ этихъ мѣстахъ нѣкогда проходилъ *Витовтъ* съ своими войсками. Эта мысль еще болѣе подтверждается названіемъ деревни *Витовдутьи* или *Волдутьи*, лежащей между *Рованичскою*

(211) *Лаврент. лѣтоп.* изд. *Археогр. Коммис.* стр. 130.
Т. III. Отд. II.

слободою и Домовитскомъ. Отчего именно получила такое название эта деревня, преданіе ничего не говоритъ; во всякомъ случаѣ нельзя не предполагать, чтобъ названіе это не имѣло связи съ походами Витовта. А можетъ быть и другая причина была этому названію. Какъ бы то ни было, но всё эти имена деревень — отъ Борисова до Игуменя: Гайна, Кривишки, Городно, Рованичская слобода, Витолдута и наконецъ Домовитскъ (отъ слова домовитый, *домова* — значить мѣстопробываніе, жилище помѣщика) вызываютъ на раздумье о древнемъ историческомъ происхожденіи ихъ. И кто знаетъ, не оселища ли это древне-кривичскихъ славянъ? Близъ Волдуть есть небольшая дикая поляна съ оконами и насыпями въ родѣ могильныхъ кургановъ: народъ называетъ ее *шаедовымъ-полемъ*; вѣроятно, это слѣды прохода Карла XII въ 1708 году, когда онъ, желая обмануть Петра Великаго, неожиданно диверсією своихъ войскъ, поспѣшно пробирался изъ Борисова въ Игумень.

Но пора, наконецъ, сказать и о самомъ Игуменѣ.

Я пріѣхалъ въ Игумень въ послѣднихъ числахъ іюля.

ХІІ.

Игумень.

Церковь, лавки и прочія городскія зданія. — Гулянья горожанъ. — Ярмарка. — Начало Игуменя и нѣкоторыя историческія событія его. — Глухое озеро. — Ланкастерское училище. — Фабрики и заводы въ уѣздѣ: медовареніе особеннаго рода.

Вотъ онъ — Игумень, этотъ маленькій, деревянный, почти тонущій въ грязи городокъ! Вотъ онъ весь на лицѣ съ своими немногочисленными, почернѣвшими отъ времени домами, крошечными площадками и какими нибудь полтора-тысячами жителей. При вѣздѣ въ Игумень меня привѣтствовалъ звукъ колокола съ колокольни того самаго храма, гдѣ я впервые, ребенкомъ еще, молился. Этотъ звукъ глубоко отозвался въ душѣ моей. Вотъ миновалъ я церковь; вотъ промчался по Площадной улицѣ, вотъ мелькнули предо мною черномазые домики Школьной улицы и самая еврейская школа — одно изъ лучшихъ зданій этой улицы. Предо мною открылась панорама зелени и разцвѣтшихъ кустарниковъ розъ и сирени, маленькихъ тополей, липъ и рябины и уютный въ зелени домикъ, гдѣ я провелъ мое дѣтство.

Пробывъ нѣсколько дней въ кругу родныхъ, я поспѣшилъ взглянуть на забытый Игумень и познакомиться съ его новостями... Мало переѣхался онъ!... Нѣкоторыхъ зданій не стало; нѣкоторые перекрашены и очень-очень немного явилось новыхъ, между которыми первыя мѣста заняли дома почтамта, полиціи, Колпаковского и сирей Шмуилы... Одинъ только домъ остался безъ всякой перемѣны; — это — единственное каменное зданіе, занимаемое казначействомъ... А все прочее по прежнему!... По прежнему та же деревянная соборная церковь, построенная въ 1833 году, на мѣстѣ древней, возсоединенной отъ Унии. Тѣ же — всего на-усега — 40 лавокъ, — но какихъ?... Одна изъ нихъ нѣсколько замѣтна и пользуется извѣстностью: это — лавка *Марьиси*, старухи-купчихи еврейки, которая помнитъ чуть ли не всѣхъ чиновниковъ городскихъ съ самаго дѣтства и называетъ ихъ своею *Годовлею*, т. е. своими питомцами. А между тѣмъ, горожане довольствуются товарами и этихъ лавокъ; немногіе только выписываютъ кой-что изъ Минска. Тѣ же двѣ *корчмы* или заѣздные дома, въ томъ числѣ пользующаяся репутаціею такъ называемая *Зеленая* или *Абрамова корчма*: предъ нею даже улица устлана мостовою, которой не имѣется въ прочихъ улицахъ. Кстати объ улицахъ Игуменя... Ихъ всѣхъ не наберется и десяти, но за то и всѣ онѣ неслыханно грязны. Загородныя гулянья непривлекательны (по дорогѣ Мнцкой и Бобруйской), нѣсколько лучше прогулка за Борисовскую заставу. Тамъ побольше зелени, и мѣстоположеніе разнообразнѣе.

Между 2 и 8 мая бываетъ въ Игуменѣ ярмарка. Историческими воспоминаніями *Игумень* очень бѣденъ... Все, что можно сказать объ немъ съ точки исторической, заключается въ немногихъ словахъ... *Старожилы* сосѣднихъ деревень говорятъ, что Игумень получилъ начало отъ женскаго монастыря, построеннаго греческою игуменьею изъ Афонской горы; въ какомъ мѣстѣ былъ этотъ монастырь — не сказываютъ определенно; одни думаютъ, что тамъ, гдѣ нынѣ церковь, вслѣдствіе чего говорятъ, будто до сихъ поръ подъ церковью сохранилось подземелье съ каменными стѣнами, въ которомъ спрятаны мѣдныя изображенія двѣнадцати апостоловъ; другіе замѣчаютъ, что монастырь этотъ построенъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго глухаго озера, что въ трехъ верстахъ отъ города по бобруйской дорогѣ: тутъ ужъ является цѣлая легенда; говорятъ, будто на этомъ мѣстѣ нѣкогда существовало какое-то паганское *болваннище* (т. е. идолъ), къ которому собиралось много народа; чтобъ отвлечь народъ отъ этого языческаго служенія, странствующая игуменья внушила сосѣднимъ христіанамъ построить монастырь, въ коемъ

незадолго явился чудотворный образ Пресвятыя Богородицы; вполдствіи, за нечестіе жителей, вздумавшихъ возобновить близъ монастыря идолопоклонство, монастырь провалился сквозь землю и на мѣстѣ его въ ту же ночь образовалось озеро необыкновенно глубокое, окруженное почти непроходимымъ болотомъ; а чудотворный образъ будто перенесли въ Лядскій монастырь, что въ шестнадцати верстахъ отъ Игумена по минской дорогѣ. Чтобы болѣе придать значенія этой легендѣ, придумали рассказы о самомъ озерѣ. Такъ говорятъ, будто въ глухую полночь, слышится въ томъ озерѣ печальный гулъ колоколовъ, погребальное пѣніе и пронзительные стоны. Предоставивъ эти легенды и преданія времени или какому нибудь счастливому изслѣдователю подобныхъ вѣрованій, я съ своей стороны замѣчу только, что основаніе Игумена относится къ древнѣйшимъ временамъ, потому что близъ него именно въ десяти верстахъ, по теченію рѣчки Игуменки, есть селеніе Городище, которое своими окопами, курганами и находимымъ въ нихъ жженымъ кирпичемъ, а главное сохранившимся между жителями преданіемъ, что здѣсь прежде былъ городъ Игумень, ясно говорятъ въ пользу древняго его происхожденія. Къ этому прибавимъ, что вокругъ Игумена разбросаны деревни и села съ такими названіями, которыя, безъ сомнѣнія, относятся къ глубокой древности, и притомъ чисто славяно-русскіе; напр. Городище, Дыя, Домовитскъ, Лысая Гора, Ивановичи, Волма, Турецъ, Волюки, Рудня и пр.... Потеряли же всѣ эти селенія, равно какъ и самъ Игумень, элементъ славяно-русскій во время Уніи, когда духъ лжеученія ея началъ распространяться въ западно-русскомъ краѣ. Съ этого-то времени Игумень дѣлается болѣе извѣстнымъ, объ немъ сохранились сказанія въ бумагахъ римско-католической минской епископіи; въ этихъ бумагахъ (а въ подобныхъ бумагахъ обыкновенно умалчивается о судьбахъ православія въ потрясенномъ уніею краѣ) сказано, что Игумень возведенъ въ званіе города изъ *столовыхъ* имѣній виленскаго епископа при учрежденіи Минской губерніи (212). Послѣ этого объ Игумени ничего не говоритъ исторія до самаго похода Карла XII. Шведская война вводитъ Игумень въ область исторіи, которая такъ гласитъ о мѣстопребываніи въ ней этого короля. «Въ 1708 году фельдмаршалъ Шереметевъ, желая остановить или замедлить переправу шведовъ черезъ Березану, послалъ генерала Гольца съ осмидесячнымъ отрядомъ въ Борисовъ; но Карлъ, узнавъ объ этомъ по прибытіи въ Минскъ, 7 іюля отрядилъ къ Борисову генерала

Спарре съ 4-мя полками, чтобы держать русскихъ въ недоумѣніи, а самъ повернулъ въ Игумень, гдѣ едва не утонулъ въ озерѣ (вѣроятно въ томъ, которое теперь почти высохло, но ужъ конечно не въ Глухомъ озерѣ; его спасъ мѣщанинъ, внукъ котораго передалъ мнѣ это обстоятельство.) Изъ Игумена Карлъ пробрался въ мѣстечко Березино (213).»

Къ числу замѣчательностей Игумена должно отнести лавкастерское училище, основанное, если не ошибаюсь, въ 1834 году. Я называю это училище замѣчательнымъ, потому что оно много значитъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ люди бѣдные, а особенно мѣщане и окрестные однодворцы, безъ этого благотѣльнаго учрежденія правительства, не имѣли бы возможности дать какое нибудь воспитаніе своимъ дѣтямъ. Не всѣ же имѣютъ возможность воспитывать на свой счетъ дѣтей въ губернскихъ, а тѣмъ болѣе столичныхъ городахъ. А здѣсь въ этомъ училищѣ допускаются приходящіе ученики безъ всякой платы. Зданіе, въ которомъ помѣщается училище, содержится очень чисто и прилично, чѣмъ много обязано бывшему своему смотрителю и вмѣстѣ учителю г. Пидіѣскому. Какъ ни скромно это училище, а можетъ похвалиться многими воспитанниками, съ успѣхомъ перешедшими въ гимназію и разные корпуса, и даже окончившими курсъ наукъ въ университетахъ и Военной Академіи.

Говоря о замѣчательностяхъ Игумена, кстаті упомяну ужъ и объ особенностяхъ уѣзда Игуменскаго. Этими особенностями можно назвать суконныя и ситцевыя фабрики, также желѣзныя, поташенныя, стеклянныя и медоваренныя заводы. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, напр. г. Каминскаго или Слотвинскаго сукна такъ хороши, что они находятъ сбытъ въ цѣлой губерніи. А фабрика ситцевъ г-жи Свентаржецкой въ Богусевичахъ производитъ ситцы, славящіеся прочными красками и узорами. Но особенно замѣчательно въ этомъ уѣздѣ медовареніе. Меда игуменскіе такъ хороши, что ихъ можно сравнить съ извѣстными старинными литовскими и польскими. Особенность ихъ та, что ихъ готовятъ изъ рябины точно такъ же, какъ въ Псковской губерніи въ Великихъ Лукахъ и въ Торонцѣ.

(213) «Военный Энциклоп. Лексик. 1838 г. Ч. 2, стр. 280.

(212) Бумаги эти хранятся въ Минской Римско-Католической Консигторіи.

XIII.

Рудня. — Волма. — Туринъ. — Клинокъ. — Новоселки и его замѣчательности. — Марьица гора. — Кресты: жидовскія корчмы. — Омельно. — Хотляны. — Пырашевъ. — Старица. — Пуковъ. — Грозовъ и его древній монастырь. — Грескъ.

Первая деревня отъ Игуменя по слудской дорогѣ называется: Островитая-Рудня, имѣніе Впкентія Булгака. Это одно изъ родовыхъ владѣній г. Машлыклина: оно славится желѣзною рудою, отличнымъ качествомъ пахатной земли, стариннымъ строевымъ лѣсомъ и богатыми лугами. Въ Руднѣ есть небольшое озеро, которое соединяется съ р. Волмою. Надъ озеромъ построены помѣщичій хуторъ, окаймленный садомъ, цвѣтникомъ и хмѣльными кустарниками. Нѣкогда въ этомъ хуторѣ славились винокурня и пивоварня: пиво рудницкое продавалось въ Игуменѣ и окрестныхъ постоянныхъ дворахъ.

Отъ Рудни идутъ вѣковыя, гигантскіе лѣса, кой-гдѣ перестѣкаемые небольшими прозрачными ручьями и протоками, впадающими въ р. Волму, которая становится замѣтною близъ деревни Волмы, состоящей въ вѣденіи Палаты Государственныхъ Имуществъ. Деревня Волма сама по себѣ не велика и не интересна, но она много выиграла отъ рѣки того же названія, которая широкою полоскою раскидывается и извиивается въ деревнѣ; волмскіе луга чуть ли не лучшіе въ цѣломъ уѣздѣ Игуменскомъ. Крестьяне волмскіе живутъ довольно достаточно и даже богато: главный промыселъ ихъ рыболовство; они ловятъ въ Волмѣ довольно крупную рыбу, напр.: сомовъ, бѣлугу, угрей и пр. Всѣ эти рыбы большею частію солятъ, коптятъ и сбываютъ въ городѣ. Рѣка Волма довольно длинна; она впадаетъ въ Свислочь близъ деревни Турина, имѣнія г. Фрибеса.

Туринъ — довольно старинное мѣстечко; оно очень живописно раскинуто на берегахъ рѣки Свислочи, которая вмѣстѣ съ своими притоками образуетъ изъ Турина красивый полуостровъ. Въ Туринѣ есть древняя православная церковь и помѣщичій дворъ. При дворѣ устроенъ садъ, который доставляетъ разные фрукты въ минскій гостиный дворъ: особенно славятся туринскія груши, вишневки и смолянки (насквозь розовыя).

За Туриномъ слѣдуютъ болѣе пустынные мѣста и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Клинку, тѣмъ лѣсъ становится рѣже и рѣже, и наконецъ возлѣ самаго Клинка лѣса исчезаютъ: являются степи или лучше сказать плодоносныя поля. Оттого-то Клинокъ не можетъ похвалиться своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ: онъ какъ-то однообразенъ. За то пользуется извѣстностью въ другомъ отношеніи. Здѣсь устроено сельское училище, которое со времени завѣдыванія имъ А. М — емъ, приноситъ большую пользу поселянамъ. Училище содержится очень опрятно, въ немъ бываетъ учениковъ отъ 30 до 60; ученики — дѣти клинскихъ крестьянъ, состоящихъ въ вѣденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ училищѣ преподается, кромѣ русской грамоты, ариметика и потное пѣніе: занятія больше бывають зимой; лѣтомъ же, когда дѣти крестьянъ должны помогать отцамъ въ хозяйственной работѣ, они освобождаются отъ занятій учебныхъ и становятся агрономами. Преподаватель наукъ въ училищѣ — священникъ, онъ же и настоятель клинковой православной церкви.

Изъ Турина я проѣхалъ въ село или, какъ тамъ его называютъ, мѣстечко Новоселки, принадлежащее, по праву родового наслѣдства, г. Ратынскому. Новоселки очень красивое мѣстечко, лежитъ на довольно возвышенномъ берегу р. Цитовки, омывающей село во всю длину его. Здѣсь есть госпиталь для бѣдныхъ, учрежденный предками Ратынскаго и содержится пособіями помѣщиковъ: при госпиталѣ, кажется, есть какая-то школа для дѣтей. Кромѣ того въ Новоселкахъ встрѣчаются жида — вѣстники торговли, которые здѣсь проживаютъ въ качествѣ свободныхъ мѣщанъ; къ числу ихъ нужно отнести и другихъ вольныхъ людей, проживающихъ въ Новоселкахъ.

Что же касается до самаго названія «Новоселки», то оно напоминаетъ о старомъ селѣ или селѣ, которое, говорятъ старожилы, было нѣкогда по ту сторону р. Цитовки, близъ такъ называемой гора Марьиной горки, отстоящей отъ Новоселокъ въ 2 верстахъ. Эта Марьиная Горка имѣетъ свои старинныя преданія, относящіяся къ XVI столѣтію. Названіе Марьиной произошло отъ того, что на этой горѣ построена приписная новоселковская церковь, по случаю явленія на этомъ мѣстѣ чудотворнаго образа Пресвятыя Маріи Дѣвы Богородицы. Въ честь этого явленія и самая церковь на горкѣ называется Марьиногорскою. Первоначальное преданіе о Марьиной горкѣ восходитъ къ самому отдаленному времени. Когда именно, не говорятъ, но очень давно, замѣчаютъ старожилы, на этой горкѣ было языче-

ское кладбище и тамъ совершались тризны и какъ сказано въ письмѣ одного старца Грозовскаго монастыря (копія письма хранится у слудскаго обывателя г. А. С*), плоски на большомъ камнѣ, который стоялъ посреди горы.... «Въ послѣдствіи, сказано въ томъ же письмѣ, проѣзжалъ черезъ этотъ край одинъ христіанскій священникъ и, замѣтивъ такое скверненіе людское, возжелалъ уничтожить оное, и освятилъ святою водою: отчего гора распалась и камень провалился.... Испуганные язычники обратились къ священнику и считая его сильнѣе своего бога, просили у него креститься....» Гора дѣйствительно какъ бы раздвояна въ настоящее время—не знаю, хранится ли внутри горы камень; но это еще не можетъ служить ручательствомъ за вѣрность приведеннаго преданія. Другое преданіе о Марьиной Горкѣ, служащее продолженіемъ или дополненіемъ къ первому, сообщено мнѣ новоселковскимъ священникомъ Ал. Мацкевичемъ (214), которому приношу искреннюю благодарность. Вотъ оно: «Дѣтъ 300 назадъ тому, въ деревушкѣ Ладцѣ, многіе годы страдалъ какою-то хроническою болѣзнію поселянинъ Сидоръ. Не получая никакой помощи отъ людей, онъ нахрипѣлъ единственное утѣшеніе въ молитвѣ; и вотъ однажды за, искреннюю молитву свою, онъ удостоился видѣнія во снѣ Маріи Богоматери. Богоматерь обѣщала ему совершенное исцѣленіе отъ многолѣтнаго его недуга, если онъ поставитъ крестъ и домъ молитвы на горѣ, на которую собирается народъ для суевѣрныхъ служей, въ память бывшаго тамъ язычества. Поселянинъ исполнилъ волю Небесной Заступницы и получилъ исцѣленіе; послѣ чего, говорятъ, онъ всю остальную жизнь провелъ въ этомъ домѣ, гдѣ устроилъ родъ часовни и помѣстилъ образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи: многіе приходили къ нему, и слушали отъ него рассказы о чудесномъ свойствѣ образа; многіе и сами получали исцѣленіе отъ этого образа. Молва о марьино-горской часовнѣ, разнеслась по всемъ окрестностямъ и вскорѣ нашлись люди недоувѣрчивые: это были враги православія, которые вздумали сжечь часовню.... Но каково же было ихъ удивленіе, когда въ пещѣ нашли цѣлую и невредимую икону Богоматери. Такое обстоятельство образумило ихъ и они позволили православнымъ

(214) Описаніе этого преданія хранится при новоселковской церкви. При письмѣ г. Мацкевича присланъ чертежъ горы и церкви Марьиногорской, сдѣланный г. Русецкимъ, но, такъ какъ при изданіи моего путешествія не приложено никакихъ чертежей, то и этотъ не войдетъ въ составъ его; вполнѣнствіи онъ будетъ напечатанъ. Во всякомъ случаѣ искренняя благодарность г. Русецкому.

построить новую часовню. Но и ново-построенная подверглась той же участи. Въ 1812 году отрядъ наполеоновской арміи, именно вестфальцевъ (какъ говорятъ старожилы), проникъ сюда (вѣроятно по пути изъ Бобруйска въ Минскъ) и наругавшись надъ храмомъ Христовымъ зажгли часовню, за что и наказаны были слѣбною: многіе изъ нихъ, говорятъ, ослѣпли въ тотъ же день. Но образъ опять сохранился невредимымъ. Видя такую чудодѣйственную силу образа, крестьяне обратились къ помѣщику Борженскому и стали просить его построить церковь на мѣстѣ сожженной часовни. Борженскій согласился на просьбу крестьянъ и въ 1814 году построилъ довольно красивую деревянную церковь во имя Пресвятыя Маріи и перенесъ туда образъ Ея.... Съ этихъ поръ марьиногорская церковь сдѣлалась извѣстною почти во всемъ уездѣ Игуменскомъ и даже всей Минской губерніи; народъ сталъ собираться со всехъ концовъ сосѣдственныхъ округовъ и все болѣе и болѣе убѣждался въ животворной помощи Богоматери. Такъ какъ въ это время Минская губернія страдала подъ гнетомъ Уніи, то и Марьиная гора сдѣлалась достояніемъ униатскаго духовенства, у котораго всячески старалось отнять ее духовенство польско-католическое. Особенно блонскіе ксендзы употребляли все усилія, чтобъ присвоить себѣ эту издревле православную церковь. Но съ воссоединенія Уніи, домогательства блонскаго польскаго католичества прекратились. Марьиногорская церковь возвращена вмѣстѣ съ Новоселковскою въ нѣдра православія.— Съ этого времени марьиногорская церковь обращаетъ вниманіе всехъ сосѣдей; въ ней совершается богослуженіе во всякое новомѣсячье (въ молодиковое воскресеніе). Она состоитъ въ вѣденіи новоселковскаго причта, начальникъ котораго священникъ Мацкевичъ усиленно заботится о славѣ и благолѣвіи Чудотворнаго Образа Пресвятыя Маріи.... При марьиногорской церкви хранится копія (отрывокъ) съ грамоты, пожалованной новоселковской церкви въ 1760 году, мая 28 дня, въ городѣ Минскѣ на право владѣнія ею Марьиной горкой.

Марьиная горка обѣнена довольно большими вѣтвистыми деревьями и безчисленными кустарниками лиственницы и можжевельника, между которыми виднѣются разной величины кресты—надгробные памятники почившихъ: здѣсь устроено деревенское кладбище.

Отъ Новоселокъ идутъ опять большіе лѣса и по дорогѣ постоянно встрѣчаются озера и маленькія рѣчки, которыя впадаютъ въ рѣку *Птичь*. По такой дорогѣ пробрался я въ деревню *Кре-*

сты, гдѣ пришлось ночевать... въ корчмѣ. Здѣсь кстати сказать о бѣлорусской корчмѣ.

Первое, что поражаетъ васъ при подъѣздѣ къ бѣлорусской корчмѣ, — это полуразвалившіеся заборы, переломанныя ворота и перебитыя стекла въ самой корчмѣ. Если это бываетъ лѣтомъ, то въ огородахъ преспокойно разгуливаютъ козы, какъ извѣстно, самыя любимыя домашнія животныя евреевъ; зимою эти же козы грызутъ кору на валяющихся жердяхъ или подбираютъ на снѣгу клочки сѣна, оставленныя какимъ-нибудь проезжающимъ. У вѣзда — необходимая принадлежность каждой корчмы — навѣсъ, поддерживаемый столбами и составляющій какъ бы балконъ передъ фасадомъ дома. Проехавъ подъ этимъ навѣсомъ, вы попадаете въ стодолу — темную претемную, или же слишкомъ свѣтлую — безъ кровли съ ажурными стѣнами, — стодолу, въ которой нерѣдко грязь плаваетъ въ водѣ съ примѣсью всякой гни-ли и дряни.... Въ сторонѣ устроено нѣсколько яслей, которыя обыкновенно на половину ни куда не годны; тутъ же валяются испорченныя колеса, обломки телѣгъ, куски желѣза, разныя бревна, дрова, охапки сѣна, куль-другой соломы. Несмотря на то, что стодола назначена исключительно для экипажей и лошадей, — тамъ встрѣтите вы — куръ, шмыгающихъ межъ вашими ногами, телятъ, мычащихъ неистово, коровъ, — и все это не безъ причины.... Оборотливый арендаторъ нарочно выпускаетъ въ стодолу свою *товарину*, чтобъ она поживилась даровымъ сѣнцомъ и овсомъ.... Но вотъ вы вѣхали въ стодолу, оставили тамъ своихъ лошадей и кой-какъ помѣстили въ единственномъ сухомъ мѣстѣ экипажъ; вы входите въ самую корчму. Огромная, мрачная съ потускнѣвшими оконными *шибами* комната лишена всякаго пола. И^и сказалъ лишена, потому что она когда-то имѣла полъ; но впоследствии онъ частью сгнилъ, а частью до того покрылся грязью въ нѣсколько дюймовъ, что вмѣсто пола, вы ступаете по какой-то жирной массѣ, мѣстами превратившейся въ кочки и бугры: посреди комнаты стоитъ длинный узкій столъ, весь изрѣзанный и тоже порядочно унавоженный; еще болѣе навозу вы найдете на сплошныхъ скамейкахъ, прикрѣпленныхъ вокругъ стѣнъ комнаты. Стѣны и потолокъ обыкновенно не штукатурены, а покрыты копотью и дымомъ отъ печки и безпрестаннаго куренія поселянами табаку. Къ потолку прикрѣплены какія-то жерди, на которыхъ обыкновенно висятъ жидовскіе бебехи и всякая старь, а ночью гнѣздятся домашнія птицы — куры и пр. Въ углу огромная печка съ нѣсколькими припечками: въ печкѣ вѣчно горитъ

огонь, у котораго всегда увидите охотниковъ погрѣться даже лѣтомъ.... На печкѣ валяются жиденки съ котами и жуютъ лукъ.... Въ этой-то комнатѣ нерѣдко приходится проезжему провести дватри часа. Впрочемъ подобныя корчмы съ одною комнатою встрѣчаются въ отдаленной только глуши, обыкновенно бываетъ другая еще комната для *пановъ* (господъ).... Но и эта комната немного уступаетъ первой. Здѣсь по крайней мѣрѣ бываетъ какой-нибудь полъ и, одинъ или два стула, чистый сосновый столъ, и чего никогда не бываетъ въ общей комнатѣ, кровать — но извините — безъ всего, какъ есть; не спрашивайте ни тюфяка, ни бѣлья.... Не говорю о хозяйской комнатѣ — здѣсь грязь, беспорядокъ и нечистота непообразимая.

Изъ Крестовъ меня повезли въ *Пивки* — имѣніе Ратышскаго: поссессию Полу-Яновскаго.

Въ Пивкахъ протекаетъ болотистая рѣчка того же имени, въ которой ловится *выюны*, — рѣдкость въ этомъ краю, составляющая исключительную принадлежность польскихъ болотъ, напр. въ Пинскѣ и др. мѣстахъ.

За Пивками начинается видѣться между дубовыми деревьями рѣка Птичь, которая по мѣрѣ приближенія къ Омельно становится шире. Омельно, такъ же, какъ и Пивки, составляетъ родовую собственность гг. Ратышскихъ. Здѣсь Птичь соединена съ каналомъ, по которому ходитъ довольно большія суда. Каналъ этотъ не великъ — отъ Птичи до Омельно; но отецъ нынешняго Ратышскаго хотѣлъ провести его дальше къ Порѣчью, что было бы весьма благотвѣльно какъ для омельскихъ крестьянъ, такъ и для сосѣднихъ: они могли бы сплавлять въ Слуцкъ ленъ и неньку, которыхъ очень много готовится здѣсь. Кромѣ того этотъ же Ратышскій хотѣлъ провести прямую дорогу черезъ Порѣчье прямо въ Слуцкъ. Пробывъ два два въ Омельно, я имѣлъ случай отвѣдать свѣжихъ выюновъ, которые очень похожи вкусомъ на форелей, и кромѣ того видѣлъ *бобровъ*, которые водятся на берегу Птичи. Не мѣшало бы гг. естествоиспытателямъ обратить вниманіе на это явленіе. Говорятъ, что прежде ихъ было здѣсь очень много, но впоследствии времени перевелись: вѣроятно никто не бережетъ ихъ. Вдоль набережной Птичи встрѣчаете богатые дубовыя, кленовыя и грабовыя лѣса. Вообще Омельно, несмотря на свое незавидное положеніе въ географическомъ отношеніи, можетъ похвалиться кой-чѣмъ такимъ, чего нѣтъ въ мѣстахъ, болѣе живописныхъ и даже историче-

скихъ. Въ Омельно есть деревянная церковь и при ней полный духовный причтъ.

Изъ Омельно въ Хотляны идетъ дорога черезъ болота и рѣчки, на которыхъ вѣтъ ни мостовъ, ни плотинъ. Проѣхавъ деревушку Горѣлецъ, я чуть было не утонулъ въ ямѣ, посреди болота, промываемого какимъ-то свирѣлымъ ручьемъ. И никто не подумаетъ объ устройствѣ гребли или плотины на нихъ. А всему причиною *possesim*. Покупавшись въ Горѣлецкомъ болотѣ, я долженъ былъ, къ моему горю заѣхать въ самый Горѣлецъ — въ жалкую корчемку къ жиду и потомъ къ *possесору*. Въ Хотлянахъ я нѣсколько отдохнулъ и имѣлъ случай побывать въ тамошней церкви, стоящей на высокой крутизнѣ, опущенной со всѣхъ сторонъ густымъ орѣшникомъ, черемухой и липой. Хотляны принадлежатъ г. *Коркозевичу*.

За Хотлянами слѣдуетъ очень каменистая дорога, которая извивается, по пригоркамъ и утесамъ, вдоль до половины пути, ведущаго къ Пырашеву. Вторая половина становится гораздо глаже и шире и тянется необыкновенно прямой линіей межъ высокихъ боровыхъ лѣсовъ, въ чащѣ которыхъ попадаются дикіе кабаны и медвѣди. Наконецъ у опушки бора открывается небольшая поляна и передъ вашими глазами является слѣва помѣщичій хуторъ, а справа раскинутое въ одну прямую линію селеніе, окаймленное совсѣхъ сторонъ роскошными сѣнокосами в тучны-полями, которое и есть Пырашевъ или Пырашевская слобода. Говорятъ, что это селеніе очень древнее и нѣкогда предназначено было для города.... До какой степени это вѣроятно, не можемъ судить; можно только сказать, что Пырашевъ очень порядочное селеніе и вѣроятно когда нибудь имѣло особое значеніе, потому что не безъ причины сохранило названіе слободы.... Въ немъ очень хороша церковь и особенно благолѣпна внутри.

Пырашевъ составляетъ границу между Игуменскимъ и Слуцкимъ уѣздами, отчего въ немъ стекается нѣсколько большихъ дорогъ, похожихъ на столбовыя, ведущихъ во Слуцкъ, Минскъ и Игумень. Одна изъ этихъ дорогъ, именно Слуцкая такъ хороша и такъ ровна, что ее можно принять за шоссе. По этому-то однообразному шоссе я отправился изъ Пырашева дальше и чѣмъ ближе подвигался черезъ Старицу въ Пуковъ, тѣмъ дорога становилась глаже и шире, хотя все-таки была довольно пустынна; по обѣимъ сторонамъ ея видѣлись поляны, кой-гдѣ высокія горы и только изрѣдка попадались кустарники мелкаго

дубняка или березняка.... Тутъ уже и климатъ другой и платье крестьянъ не похоже на платье Игуменскихъ поселянъ. Наконецъ, въ самомъ Пуковѣ вполнѣ отзывается Случизною: крестьяне съ длинными волосами, бритыми бородами, въ темнобурыхъ свитахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ; лошади и скотъ гораздо крупнѣе, чѣмъ въ Игуменскомъ уѣздѣ; поля больше засеяны гречею и просомъ, а пшеница растетъ такая, какую трудно найти въ прочихъ уѣздахъ Минской губерніи; наконецъ и самыя телѣги совсѣмъ не такія, какъ въ прочихъ уѣздахъ.

Пуковъ небольшая деревня, съ церковью; онъ окруженъ болотами и безчисленными протоками, изъ коихъ многіе впадаютъ въ рѣку Случь. Близъ Пукова не мало застѣнковъ съ самыми характеристическими названіями, носящими слѣды древности; между застѣнками попадаются такъ называемыя *куты* (см. выше Минская губернія глава VIII), въ которыхъ живутъ по два и по одному семейству бѣдныхъ шляхтичей — они же и хлѣбопашцы: у всѣхъ ихъ сохранилось преданіе о какомъ-то древнемъ значеніи ихъ рода.

Почти въ виду Пукова, на довольно высокомъ мѣстѣ, живописно раскинуто мѣстечко Грозовъ — и въ немъ монастырь. Уже самое слово Грозовъ показываетъ, что мѣстечко это чисто-русское по началу, а изъ грамотъ Минской губерніи видно, что оно довольно древнее. Такъ въ числѣ актовъ Минской губерніи упоминается завѣщаніе Подстолины Горватовой отъ 1748-го года, въ которомъ упоминается о двухъ православныхъ церквахъ въ Грозовѣ: Николаевской и Іоанновской, какъ уже давно существовавшихъ, равно и о монастырѣ (215), при которомъ погребено тѣло означенной Горватовой (216). Обѣ эти церкви и монастырь существуютъ до сихъ поръ и безъ сомнѣнія существовали за нѣсколько десятковъ лѣтъ до завѣщанія Горватовой: это доказывается церковными актами, въ которыхъ упоминается о пожертвованіяхъ сдѣланныхъ въ пользу грозовскихъ церквей въ началѣ XVII столѣтія (217). Кромѣ того въ грозовскомъ монастырѣ есть иконы чисто-византійской живописи, которыя безъ всякаго сомнѣнія, могли быть произведеніями по крайней мѣрѣ XVII-же вѣка. Монастырь не великъ, но зданія его отличаются необыкновенною простотою, соединенною съ изяществомъ и вкусомъ.

(215) См. Собраніе Минскихъ грамотъ, № 160.

(216) Кромѣ того о Грозовскомъ монастырѣ, какъ уже существовавшемъ въ то время, упоминается еще въ 1639 году. См. Собр. Минск. Грам. № 109.

(217) См. тамъ же.

Въ оградѣ монастырской церкви покоятся остатки древнихъ православныхъ помѣщиковъ болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ благолѣпію ея. Прежде грозовскій монастырь подчиненъ былъ ректору Слуцкой семинаріи; съ переводомъ же семинаріи въ Минскъ, онъ сдѣлался самостоятельнымъ и поставленъ въ непосредственную зависимость отъ Минской консисторіи.

Грозовъ, довольно опрятенъ: въ немъ есть нѣсколько небольшихъ лавокъ, очень порядочныхъ зданій и заѣздныхъ дворовъ.... Какъ и всякое бѣлорусское мѣстечко, Грозовъ наполненъ жидами, которые впрочемъ живутъ въ особой улицѣ и не имѣютъ права селиться близъ монастыря.

Изъ Грозова я проѣхалъ въ Грескъ. Грескъ — довольно большое село съ церковію, — составляетъ собственность князя Льва Радзивилла и принадлежитъ къ числу посессионныхъ или арендаторскихъ имѣній князя....

II. ШНИЛЕВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимка съ его почерка и его рисунковъ и проч. Изданіе П. В. Анненкова. Тома I, II, III и V. Спб. 1855.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Изданіе твореній нашего великаго поэта, встрѣченное нетерпѣливымъ ожиданіемъ публики, быстро приближается къ окончанію. Черезъ три мѣсяца по выходѣ двухъ первыхъ томовъ явились еще два — третій, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія 1831—1836 годовъ, поэмы и повѣсти, писанныя стихами, простонародныя сказки, нѣсни западныхъ славянъ, и пятый, содержащій 1, Записки Пушкина (отрывки автобіографіи, мысли, замѣчанія, анекдоты и «Путешествіе въ Арзерумъ»); 2, романы и повѣсти, писанныя прозою; 3, журнальныя статьи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ первыхъ числахъ іюля, выйдутъ и остальные два тома новаго изданія — четвертый (содержащій «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и другія драматическія произведенія) и шестой («Исторія Пугачевского бунта» съ примѣчаніями и «возраженіями» Пушкина на критику Броневскаго). Такимъ образомъ скоро русскіе читатели будутъ имѣть въ рукахъ полное изданіе «Сочиненій Пушкина», оконченное менѣе, нежели въ теченіе полугода со времени появленія первыхъ томовъ — быстрота, за которую нельзя не благодарить издателя оказавшаго тѣмъ великую услугу русской публикѣ.

